

КН. ОЛЬГА БЕБУТОВА
БОРЬБА
ДВУХЪ МИРОВЪ
РОМАНЪ

первая
КНИГА ВТОРАЯ



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУТСЪ“
РИГА • ЛАТВІЯ • ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛ. 37.
1 9 3 1

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ CVI

КН. О. БЕБУТОВА

БОРЬБА ДВУХЪ МІРОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ
ВРЕМЕНЪ ИМП. АЛЕКСАНДРА I
ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37

1 9 3 1

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петродерковная площ. 25-27.

ПРОЛОГЪ

I

ПРОЩАНИЕ

„Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи“...

Знаменательная фраза Императора Александра I прозвучала торжественно, какъ клятвенное обѣщаніе Господу и цѣлому міру, и волной разнеслась по обширной Россіи во всѣ самые отдаленные ея уголки, и каждый истинно-русскій съ одушевленіемъ повторялъ слова Императора, готовый на защиту отечества, отдать послѣднюю каплю своей крови, послѣднюю соломинку своего имущества.

Одушевленіе охватило Россію, всякій чувствовалъ, что борьба съ гигантомъ Наполеономъ должна быть роковою для одной изъ сторонъ, всякій понималъ важность историческаго момента, пожалуй ставившаго ребромъ „бытіе“ могучей цѣльности Россіи...

И русскіе люди: мужи, юноши и старцы, какъ корабль, подхваченный одной могучей волной, стремились къ полю битвы, навстрѣчу сильному, гениальному врагу.

И русскія женщины, дѣвушки и матери, стыдливо утирая невольныя слезы, провожали дорогихъ сердцу, одного за другимъ, навстрѣчу славной смерти.

Богатый, роскошный домъ, почти дворецъ, князя Радомскаго былъ погруженъ въ тишину, словно въ глубокой трауръ.

Тускло мерцали фонари у подъезда, еще недавно блиставшаго огнями, и только въ нѣкоторыхъ высокихъ готическихъ окнахъ видѣлся свѣтъ.

Май былъ въ полномъ расцвѣтѣ и начинали царить „бѣлыя ночи“, но далекое небо, какъ панциремъ, было скрывано плотно сдвинувшимися свинцовыми тучами, сквозь нихъ почти не пробивался тоскливый свѣтъ „бѣлыхъ ночей“.

Улица казалась пустынною и вымершею, словно всѣ обитатели попрятались въ свои жилища. Въ большой передней княжескаго дома, за запертою массивною дверью, сидя на стулѣ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, дремалъ дежурный швейцаръ.

Вдругъ въ отдаленіи раздался бѣшеный топотъ копытъ и грохотъ колесъ; изъ-за угла показалась мчавшаяся пролетка. Сѣдокъ въ военной шинели самъ правил и круто осадилъ лошадь у подъезда князя Радомскаго.

Онъ выпрыгнулъ изъ пролетки и, не выпуская вожжей изъ рукъ, постучалъ въ массивную дверь.

— Кто тамъ? — раздался сонный, испуганный голосъ швейцара.

— Я, я, отвори, Филипычъ, — звонкимъ молодымъ голосомъ нетерпѣливо крикнуть офицеръ.

На знакомый голосъ дверь сейчасъ же открылась, и старый швейцаръ, почтительно кланяясь, приговаривалъ:

— Какъ живете-можете, батюшка, ваше сіятельство, графъ Григорій Алексѣевичъ?

— Филипычъ, пошли скорѣе Никитку, пусть лошадь мою подержитъ, я долго не останусь... Экстренно эстафету получилъ съ приказомъ на войну... Съ разсвѣтомъ уѣзжаю, Филипычъ, съ княземъ и княжной прискакалъ проститься... Такъ зови Никитку скорѣе, мнѣ минуты терять нельзя... — быстро и взволнованно проговорилъ молодой офицеръ.

Старикъ, охая и ахая, побѣждалъ исполнять приказаніе, и черезъ какую-нибудь минуту пріѣзжій, постѣшно сбросивъ шинель, поднимался по широкой, устланной богатыми коврами лѣстницѣ.

Легко и граціозно поднимался онъ, перепрыгивая черезъ двѣ-три ступени, его стройная юная фигура отчетливо вырисовывалась, стянутая наряднымъ гвардейскимъ мундиромъ.

Ему уже освѣтили большую пріемную и онъ нетерпѣливо прогуливался въ ожиданіи хозяевъ, разсѣянно оглядывая такъ хорошо знакомые портреты въ золоченныхъ рамахъ и массивную старинную мебель. Почти инстинктивно онъ остановился у большого зеркала и оно отразило взволнованное лицо, съ большими сѣровато-синими глазами, съ правильными чертами, не потерявшими полудѣтской мягкости линій. Легкій пушокъ покрывалъ его ланиты и верхнюю, слегка вздернутую губу. Свѣтлые волосы, раздѣленные сбоку на проборъ, однимъ красивымъ локономъ упали на блѣдный, прозрачный, на вискахъ словно разрисованный синими жилками, выпуклый лобъ.

Дверь безшумно отворилась и вошелъ высокій, слегка согнувшійся подъ бременемъ лѣтъ, старикъ въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ. Несмотря на торжественность минуты прощанія съ женихомъ своей дочери, лицо стараго вельможи не потеряло обычнаго выраженія гордой важности.

— Здравствуй, Гриша, скоренько собрался... Ну, что жъ, ко славу отечества, подъ защитой Всемогущаго Бога... Настенька разстроилась... Конечно, — дѣвки глупы. Чайкомъ на прощаніе да съ закусочкой рѣшила поподчивать милаго женишка.

Юноша нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Охъ, Александръ Владиміровичъ, до ѣды-ли тутъ, до питья ли?! Миѣ бы съ Настенькой полчаса поговорить хотѣлось, Богъ вѣсть, увидимся ли... Съ глазу на глазъ бы, — съ робкой мольбой прибавилъ онъ.

И такъ какъ старикъ молчалъ, словно обдумывая, юноша прибавилъ:

— Съ разсвѣтомъ ѣду, батюшка-князь, собратъся еще надо, часика малаго и то не найдется свободнаго.

И столько слышалось душевной тоски въ голосѣ юноши, что даже въ глубинѣ строгаго, важнаго генеральскаго сердца что-то дрогнуло и онъ съ несвойственнымъ добродушіемъ отвѣтилъ жениху своей дочери:

— Что жъ, проходи въ столовую, тамъ молодая хозяйка тебя встрѣтитъ, я мѣшать не буду. А какъ уходить соберешься, за мной пошли.

И не слушая безсвязныхъ словъ благодарности вспыхнувшаго радостью юноши, старикъ тяжелыми медленными шагами направился въ свой кабинетъ. Едва безшумно захлопнулась за нимъ дверь, графъ Григорій Алексѣевичъ стремительно прошелъ въ столовую.

Опять до боли знакомая комната съ рѣзными дубовыми стѣнами. Громадный столъ, накрытый бѣлой, испещренной красными и синими пѣтушками, скатертью, съ кипящимъ серебрянымъ самоваромъ, уставленъ яствами, винами и напитками.

Навстрѣчу ему поднялась сидѣвшая у самовара молодая дѣвушка. Высокая, тоненькая и гибкая, какъ тростинка, въ бѣломъ скромномъ платьицѣ, съ длинными каштановыми локонами и ясными карими глазами, шестнадцатилѣтняя княжна Радомская производила впечатлѣніе несложившагося еще подростка. Но было что-то серьезное и твердое въ выраженіи ея юнаго лица, и тордая важность, дававшая ей сходство съ княземъ-отцомъ и старинными портретами, украшавшими высокія комнаты князей Радомскихъ.

Съ нѣжностью и волненіемъ протянула она свои тонкія дрожавшія ручки вопедшему. Это тотъ, кто пробудилъ ея юныя грезы, кто овладѣлъ ея юрдымъ страстнымъ сердечкомъ. По званію и рожденію онъ былъ подходящий для нея мужъ, и княжна Радомская не стыдилась своей любви, не скрывала ея.

— Настенька, другъ мой, съ разсвѣтомъ я уѣзжаю

на войну. Приѣхаль проститься, можетъ быть, передъ вѣчной разлукой. Мнѣ какихъ-нибудь полчаса остается побыть съ тобой, твой отецъ разрѣшилъ намъ это послѣднее свиданіе наединѣ. Настенька, ангелъ мой, я страдаю невыразимо, разставаясь съ тобой.

Въ лучистыхъ глазахъ княжны блистали слезы, ея губы дрожали отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Гриша, — сказала она дрогнувшимъ голосомъ, — никто, какъ Богъ, тебя призываютъ Царь и родина и я первая говорю тебѣ: иди, иди!

Какъ-то странно звучали серьезныя и торжественныя слова въ дѣтскихъ устахъ дѣвушки-ребенка? Графъ Григорій Алексѣвичъ сдвинулъ свои руки такъ, что онѣ хрустнули.

— Ну, а ты, Настенька, ты будешь помнить меня, будешь ждать? Ты такъ молода еще. Мнѣ страшно, Настенька. Запомни, я не переживу, я погибну, если ты...

Княжна, какъ шаловливый ребенокъ, зажала его ротъ рукою, и фраза замерла недосказанной.

— Перестань! Вотъ видишь, это для тебя я приготовила, — она торопливо сняла образокъ съ своей шеи. Кротко и нѣжно свѣтился обоимъ чистый взглядъ Божіей Матери, прижимавшей къ груди Спасителя міра.

— Вотъ видишь, клянусь тебѣ этимъ образомъ — онъ принадлежалъ моей покойной матери и охранялъ мое дѣтство и юность, — клянусь тебѣ этой святыней, что буду любить тебя и ждать, и ничто земное насъ не разлучитъ, разлучить только одна смерть.

Набожно приложившись къ старинной иконѣ, Настенька съ глубокой безмолвной молитвой, охватившей всю ея душу, крестила своего нареченнаго и перекинула золотую цѣпочку черезъ его голову. Съ благоговѣніемъ и молитвой приложился юноша, шедшій навстрѣчу смерти, къ святому благословенію невѣсты и спряталъ его на груди, чтобы не разстаться съ нимъ до послѣдняго своего дыханія.

Самоваръ погасъ, остывалъ, яства и напитки стояли нетронутыми.

Юноша тихо привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку.

— А я, Настенька, всю жизнь буду полопъ тобою одной. Такъ и знай: не будетъ мгновѣнія, чтобы я не думалъ о тебѣ. Надежда на встрѣчу съ тобою дастъ мнѣ силу, отвагу, смѣлость и осторожность. Какъ я люблю тебя, знаетъ Богъ и мое сердце... Увидишь ли солнышко, смотри на него и знай, что и я гляжу на него и думаю о тебѣ. Блеснетъ ли тебѣ звѣздочка въ далекомъ небѣ, улыбнись ей и пошли мнѣ мысленный привѣтъ, потому что и я буду глядѣть на нее и украдкой буду утирать слезу тоски... Пусть все, все! и цвѣты, и деревья, вся природа напоминаетъ тебѣ обо мнѣ; каждая тучка, каждое облачко пусть несетъ тебѣ мой привѣтъ. А я усталый, отдыхая отъ тяжкаго боя, обрызганный кровью и пылью, буду засыпать лишь для того, чтобы видѣть во снѣ тебя, моя возлюбленная. Прощай, Настенька, прощай, мнѣ пора.

Тихо и сладко отдавались слова любви въ сердца дѣвушки, а голосъ юноши то замиралъ до шопота, то вырывался изъ груди, словно рыданіе. И вдругъ Настенька порывисто охватила шею жениха обѣими руками и чистыми дѣвственными устами, горячимъ поцѣлуемъ, прижалась къ его дрожащимъ губамъ. Въ этомъ поцѣлуѣ былъ мигъ и была вѣчность.

За дверью раздались тяжелые шаги стараго князя, онъ пришелъ напомнить дѣтямъ, что долгъ не ждетъ; онъ зналъ, что юность умѣетъ увлекаться и забывать все на свѣтѣ, онъ самъ былъ когда-то молодъ.

При звукѣ этихъ шаговъ тѣсно слившіяся уста разединились, но невѣста не отняла своихъ ручекъ отъ крѣпко сжимавшихъ ихъ рукъ жениха.

— Пора, дѣти, вся ваша жизнь еще впереди.. Не будьте жадны къ настоящему, васъ будущее вознаградитъ.

Молодой офицеръ взглянулъ на часы и смертельная блѣдность разлилась по его лицу.

— Да, пора, — произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Прощайте, батюшка-князь, храните и берегите мое сокровище, какъ доселѣ хранили. Въ вашихъ рукахъ

мое счастье и моя жизнь. Какъ только возможность будетъ, вѣсточки буду посылать. Ну, а коли образокъ получите, такъ... молитесь за грѣшную душу.

Старый князь троекратно облобызался съ юношей и дрожащей рукой перекрестилъ его. Какъ въ туманѣ прощался графъ Григорій Алексѣевичъ съ Настенькой. Какъ въ туманѣ видѣлся ему ея тоскливый подернутый слезами взоръ, ея рука, оторвавшаяся отъ его руки и схватившаяся за грудь, какъ бы желая удержать больно и сильно бившееся сердце. Какъ въ туманѣ спускался онъ по лѣстницѣ, надѣвалъ шинель, прощался съ цѣловавшей на лету его руки дворней и вскочилъ въ свою пролетку.

Застоявшійся конь разомъ рванулся и понесся стрѣлой.

Нѣсколько разъ подпрыгнула пролетка на рытвинахъ и кочкахъ и скрылась за поворотомъ отъ взоровъ провожавшихъ.

Постояли еще дворовые люди, поглядѣли еще вслѣдъ молодому графчику и, охая и крестясь, разбрелись по своимъ конурамъ.

Долго горѣлъ огонекъ въ ту ночь въ спальнѣ стараго князя.

Не спалось ему, кряхтя и ворочаясь, думалъ онъ печальную думу, но отъ судьбы, вѣдь, отъ Божьяго опредѣленія — не уйдешь; что на роду написано — тому и быть!.. Эти мысли успокоили старую голову, тяжело опустились вѣки, и равномерный храпъ раздался въ комнатѣ князя.

Но до самаго утра горѣлъ огонь и теплились лампы въ спальнѣ княжны.

Какъ уѣхалъ графъ Григорій Алексѣевичъ, словно туманомъ обволокло ее всю и рыданія подступили къ горлу.

— Отцу не надо показывать, — мелькало въ ея головѣ и почти спокойно подошла она къ старику и крѣпко сжатыми губами приложилась къ его морщинистой рукѣ.

— Спокойной ночи, дитя мое, Господь съ тобою, не

грусти. Встрѣча ваша — впереди, и долгая, счастливая жизнь вмѣстѣ.

— Спокойной ночи, папа, — беззвучно отвѣтила она, не поднимая глазъ, и медленно прошла въ свою спальню. Отпустила горничную, на ключъ закрыла всѣ двери и дала волю отчаянью и слезамъ. Горячая безсвязная молитва рвалась съ устъ; рыданія потрясали худенькое полудѣтское тѣльце.

— Онъ вернется, онъ вернется! — нервно повторяла она и словно невидимые голоса повторяли: онъ вернется, онъ вернется!

— Онъ вернется! — беззвучно роняли уста Божіей Матери, къ лику которой прижалась горячая головка Настеньки...

Но печально звучали эти голоса и скорбно, безнадежно глядѣла на Настеньку Вѣчная Утѣшительница.

Дѣвушка очнулась только, когда яркій горячій лучъ солнца коснулся ея склоненной головки.

Она вскочила. Вчерашнія тучи разсѣялись и рѣдкое для Петербурга голубое небо заглядывало въ ея окна, а яркіе лучи солнца осушали мокрую землю.

— Гдѣ то онъ, дорогой?

И вспомнила Настенька послѣднія слова его, сладко отдавшіяся въ ея сердцѣ:

— Посмотри на солнышко, моя возлюбленная, и подумай обо мнѣ...

Грустная улыбка заиграла на устахъ дѣвушки и всѣ силы ея души напряглись, чтобы передать милому далекій привѣтъ.

И вѣрно Господь Богъ такъ хотѣлъ, потому что путникъ въ военной шинели съ страстной тоскою въ тотъ же мигъ просилъ передать невѣстѣ привѣтъ любви, просилъ у вѣчнаго солнца.

Далекъ былъ путь его. И скоро услышитъ онъ бранные клики, шумъ сѣчи и грохотъ выстрѣловъ. Шальные пули, — просвистятъ-ли онѣ милостиво надъ его головой

или жестоко вошьются въ его тѣло и остановятъ навѣки бѣніе горячаго сердца?

Кто знаетъ? — Никто...

Знаетъ одинъ только Богъ...

II

„ЛАЛЛА РУКЪ.“

Жестокая война, унесшая такъ много жертвъ, окончилась. Миръ съ Франціей былъ заключенъ.

Миновали ужасы 1812 года.

Промелькнула союзная война, въ три мѣсяца сломившая гиганта Наполеона, получившаго взаменъ „цѣлаго міра“ — предмета его мечтаній, — скромный островъ Эльбу. Тамъ засіяла его императорская корона.

Тянулся вѣнскій конгрессъ, гдѣ Европа показала свое двуличіе и неблагодарность могучему другу и союзнику Императору Александру I, подписавъ тайно отъ русскаго Царя конвенцію, по условіямъ которой монархи Европы обязались выставить по 150 тысячъ войскъ противъ русскаго Царя, если онъ не пойдетъ на предложенныя уступки.

Увы, грозный образъ Наполеона вновь появился на тронѣ Франціи, окруженный любовью народа и преданностью войскъ.

Устрашенная Европа снова робко ждала помощи отъ русскаго Императора.

Но Александръ самъ протянулъ руку примиренія вѣроломнымъ союзникамъ, ибо для него существовалъ только одинъ врагъ, одинъ соперникъ въ цѣломъ мірѣ: — Наполеонъ...

Война возгорѣлась...

Ватерлоо рѣшило окончательно судьбу Наполеона. Теперь уже, какъ вѣчный изгнанникъ и узникъ, онъ былъ отвезенъ на о. св. Елены, гдѣ долго томился и гдѣ печально кончилъ свою жизнь, начатую столь блестяще и

прежде дарившую его всѣми благами міра и окружившую почти солнечнымъ сіяніемъ.

Возвратились въ Россію войны, уцѣлѣвшіе на полѣ брани, занесенные на чужбину.

Возвращались послѣднія единицы, раньше притвожденныя ранами и болѣзнями...

Но много осталось тамъ на чужихъ поляхъ, скончавшихъ жизнь свою безъ погребенія...

Все такъ же гордо высился дворецъ князя Радомскаго, все тотъ-же старый швейцарь охранялъ тяжелую дубовую дверь.

Въ честь заключеннаго мира по вечерамъ домъ Радомскихъ былъ иллюминированъ, а днемъ онъ казался особенно наряднымъ, такъ красиво его обвивали широкія гирлянды, такъ ярко пестрѣли разноцвѣтные фонарики, такъ гордо развѣвались національные флаги, такъ ярко блестѣли золотыя слова — „въ честь Родины, Царя и Мира!

Опять была весна; опять томительныя, бѣлыя, томныя ночи.

Въ одну изъ такихъ ночей особенно ярко былъ иллюминированъ дворецъ Радомскихъ.

Свѣжія зеленыя гирлянды, по нимъ разноцвѣтными огоньками вырисованныя слова, дубовая дверь настежь распахнута, швейцарская богато убрана цвѣтами; широкая лѣстница, какъ дождемъ, усыпана лаврами и розами.

Самъ Императоръ долженъ былъ осчастливить своимъ присутствіемъ блестящее празднество, — балъ-маскарадъ въ домѣ князя Радомскаго.

Старый князь Александръ Владиміровичъ былъ уже готовъ къ торжественному приему... Онъ словно былъ весь залитъ золотомъ своего мундира, ордена украшали старую грудь; Андреевская лента красовалась черезъ плечо. Такъ долженъ былъ онъ встрѣчать своихъ гостей, а потомъ наскоро надѣнетъ домино и смѣшается съ толпой ряженыхъ.

Оглянувъ еще разъ въ зеркало свою внушительную фигуру и довольнымъ взглядомъ дольше останавливаясь на

всѣхъ знакахъ отличія, князь медленными шагами направился въ комнату дочери.

Погруженная въ печальныя думы, молодая дѣвушка нервно вскочила при внезапно раздавшемся стукѣ въ дверь. Яркая краска разомъ залила ея щеки; каждый стукъ приносилъ ей слабую надежду, надежду на вѣсточку отъ любимаго.

Напрасно.... Почти три года какъ онъ уѣхалъ, а вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ, какъ пришла послѣдняя вѣсть отъ него.

Жадно просматривала она списки убитыхъ и раненыхъ, жадно спрашивала прибывшихъ знакомыхъ офицеровъ, — ничего, ничего о миломъ сердцу.

— Войдите...

Осторожно, какъ въ комнату больной, отворилъ князь двери.

Быстрымъ взглядомъ онъ окинулъ все вокругъ. Роскошное маскарадное платье, сіяя серебромъ и пестротою тканей, лежало на широкой кровати, но княжна не коснулась его, на ней, какъ и въ день прощанья, было простое бѣлое домашнее платье. За протекшіе года она какъ будто выросла еще немного, ея прежде тоненькая, какъ тростинка, фигурка стала полнѣе.

Длинные каштановые локоны обрамляли нѣжное лицо и спускались къ талии...

Но прежде чуть замѣтное серьезное и твердое выраженіе на лицѣ окончательно опредѣлилось и все дѣтское веселое словно смахнула чья-то невидимая рука. Въ прежде ясныхъ дѣтскихъ карихъ глазахъ теперь глубоко таилось что-то неразгаданное и непонятное.

— Какъ, Настенька, еще не одѣта? Сейчасъ начнутъ съѣзжаться высокіе гости. Самъ Императоръ осчастливить насъ сегодня. Что-же ты?

Лицо княжны снова поблѣднѣло, она отвѣтила ровнымъ груднымъ голосомъ и въ этомъ голосѣ такъ-же слышалось что-то затаенное, непонятное; онъ не звенѣлъ уже какъ прежде серебрянымъ колокольчикомъ, онъ скорѣе напоминалъ безнадежно красивый потрепанный звонъ.

— Прости, отецъ, сейчасъ... я недолго.

Вельможа пытливо заглянулъ въ лучистые глаза своего единственного дѣтища.

— Что это, Настенька, опять ты какая? Годы вѣдь прошли, не дни, можно бы и забыться... Ну, мужъ бы былъ, отецъ дѣтей, — другое дѣло, а то... Ты бы, Настенька, дружокъ, хоть меня, родного отца, пожалѣла. Послѣдняя вѣдь въ родѣ... Выдавать тебя буду замужъ, — самъ брошусь въ ноги Царю-батюшкѣ, — буду молить, чтобы дѣткамъ твоимъ перешло мое древнее имя, чтобы не погасло оно, и всѣ заслути наши передъ родиной не забылись. Женихи вѣдь какіе, Настенька! Выбирать люблю!

Покорно выслушала дочь то, что уже не разъ ей говорилося на всѣ лады... Медленно подняла она взоръ на отца.

— Скажи, отецъ, ты принималъ присягу?.. Крестъ цѣловалъ?

— Ну, конечно, — съ недоумѣніемъ отвѣчалъ онъ.

— Ты измѣнилъ когда-нибудь своей присягѣ?

Старикъ даже грозно нахмурился.

— Что за вздоръ ты говоришь? Только подлецъ присягѣ и вѣрѣ измѣняетъ...

Дочь подошла къ нему совсѣмъ близко, нѣжно взяла его руку и, не отрывая глазъ, тихо, твердо заговорила:

— Ну, такъ вотъ, мой папа... Былъ образокъ у меня, имъ мать моя благословила умирая, наша дорогая мама. Когда... Гриша... на войну уѣзжалъ, я дала ему этотъ образокъ, чтобы сохранилъ его отъ смерти и зла... Я вѣрю, что Гриша живъ, я жду его, папа. И я этотъ образокъ поцѣловала и поклялась, что только смерть разлучитъ насъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что Гриша живъ? Давно бы вернулся... На это, дитя, не должно быть надежды.

— А если живъ?

— Такъ что-же? Такъ и будешь всю жизнь его ждать?..

Княжна поникла головой.

— Если онъ умеръ, отецъ, я получу обратно мой образокъ. Тогда я буду свободна отъ клятвы и ненужную самой мнѣ жизнь отдамъ тебѣ въ полное твое распоряженіе. Самъ жениха тогда выбирай, который тебѣ будетъ любъ. Мнѣ же всѣ они равны... А если погибъ вмѣстѣ съ милымъ мой образокъ, значитъ воля Божья остаться мнѣ дѣвушкой и ты прими эту кару за мои и твои грѣхи... Прости, отецъ.

Молодая дѣвушка съ глубокой нѣжностью и уваженіемъ поцѣловала дрожавшую старую руку и уронила на нее чистую, горькую слезу...

Старый вельможа молча погладилъ склоненную кудрявую голову... Онъ еще не обдумалъ, что и какъ отвѣтить дочери на это внезапное признаніе... Во всякомъ случаѣ онъ что-нибудь придумаетъ. Онъ спасетъ свое дѣтище отъ безнадежной тоски и... свой родъ отъ угасанія.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ бесѣду.

— Кто тамъ?

— Гости жалуютъ, ваше сіятельство, — раздался почтительный голосъ старшаго дворецкаго.

— Ну, видишь, дѣтка? А ты еще не готова. И я-то, старый, не ко времени заговорилъ... Спѣши, спѣши... дѣточка... Я тебѣ не мѣшаю...

— Я сейчасъ, папа...

Старикъ еще разъ нѣжно поцѣловалъ Настеньку, искренно любуясь дочерью, и вышелъ изъ ея комнаты.

Княжна нѣсколько мгновеній застывшимъ взоромъ провожала его... Потомъ тихо подошла къ маленькой шкатулочкѣ, отворила ее ключомъ, висѣвшимъ на шеѣ, и вынула жиденькую связку писемъ, изрѣдка получавшихся отъ графа Григорія Алексѣевича съ далекаго кроваваго поля войны.

Въ тысячный разъ прочитывала молодая дѣвушка эти давно уже врѣзавшіяся въ память строки, словно въ нихъ могла разгадать страшную тайну безслѣднаго исчезновенія ихъ автора.

Сколько пламенной и вѣрной любви въ нихъ было! Нѣтъ, забыть или измѣнить онъ не могъ... Если былъ-бы

живъ, онъ давно-бы вернулся, отецъ правъ. Такъ умеръ? Нѣтъ его? Тамъ далеко у престола Господа его чистая душа? Или здѣсь рядомъ съ нею невидимо витаетъ?

Слезы хлынули изъ глазъ дѣвушки.

А вотъ послѣднее короткое письмецо, почти годъ тому назадъ писанное... его всѣ слова сотканы изъ словъ любви. Этимъ письмомъ кончается вѣсть о немъ. Однако, пора... Воспоминанія такъ быстро пожираютъ время; пора, пора... Съ нѣжностью поднесла молодая дѣвушка къ губамъ дорогіе листки... снова закрыла на ключъ шкатулочку.

Не прошло и часу, какъ княжна Анастасія Александровна была уже совершенно готова и передъ тѣмъ, какъ надѣтъ маску, оглядывала себя въ зеркало.

На ней былъ костюмъ „Лалла-Рукъ“. Желтыя атласныя шаровары еле виднѣлись изъ-подъ длиннаго бѣлаго платья, расшитаго золотомъ и жемчугомъ. Вокругъ шеи и съ плечъ тянулись нити крупнаго жемчуга, одна немного длиннѣе другой. Красная бархатная шапочка, тоже расшитая золотомъ и жемчугомъ, спускалась до половины лба и изъ-подъ нея выбивались длинныя локоны княжны. Позади къ шапочкѣ прикрѣплялся блѣдно-розовый, почти прозрачный вуаль, окаймленный серебромъ, онъ спускался по спинѣ какъ мантилья и даже слегка волочился по полу... Костюмъ довершали золотыя туфельки съ затнутыми кончиками, перетянутыми зеленымъ бархатомъ и усыпанныя разноцвѣтными драгоцѣнными камнями.

Княжна обворожительна была въ костюмѣ Лалла-Рукъ, но маска скрыла ея лицо, и взоры могли угадывать его красоту, любясь стройной фигурой и длинными кольцами шелковыхъ кудрей. Когда Лалла-Рукъ прошла по ряду блестящихъ залъ, они уже были переполнены ряжеными. Какъ пестрѣло вокругъ отъ яркихъ цвѣтовъ шелка, бархата и атласа, какъ переливалось подъ тысячью огней золото и серебро, какъ сверкали брилліанты и драгоцѣнные камни! Кое-гдѣ вырисовывались мрачныя черныя фигуры, облаченные въ домино... вмѣсто лицъ, пестрѣли маски — бѣлыя, черныя, цвѣтныя.

Лалла-Рукъ, граціозно покачивая станомъ, словно плыла по заламъ, сопровождаемая любопытными взорами. Шопотъ восхищенія сопутствовалъ ей.

— Какой костюмъ, какая фигура, какая лебедь плыветъ.

Лалла-Рукъ направилась къ хозяину дома, привѣтливо и важно въ то-же время встрѣчавшаго все новыхъ гостей... Она присѣла передъ нимъ и строгое лицо его освѣтилось улыбкой; князь узналъ свою дочь.

— Ты очаровательна, Лалла-Рукъ. Желаю тебѣ не скучать въ моемъ холодномъ домѣ, ты дитя востока! — шутливо произнесъ хозяинъ дома, раскланиваясь передъ маской.

Съ глубокимъ поклономъ Лалла-Рукъ отошла отъ него и смѣшалась съ пестрой толпой...

Вдругъ чья-то холодная, какъ ледъ, рука дотронулась до ея плеча... Лалла-Рукъ вздротнула и обернулась... Передъ нею стоялъ рыцарь, закованный въ желѣзные латы, съ желѣзной маской на лицѣ съ опущеннымъ забраломъ. Это онъ коснулся нѣжнаго плеча Лалла-Рукъ своею рукой въ желѣзной перчаткѣ.

— Пойдемъ со мною, прекрасная Лалла-Рукъ, — глухо сказалъ рыцарь.

— Кто ты? Зачѣмъ и куда зовешь меня? — дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— Я рыцарь... Я жилъ въ средніе вѣка и духъ мой пронесся по Ватерлоскому полю сраженія и я принесъ тебѣ вѣсть... Пойдемъ.

III

„ТАЙНА ЖЕЛѢЗНАГО РЫЦАРЯ“

Лалла-Рукъ покачнулась и упала-бы, если-бъ желѣзная рука таинственнаго рыцаря не поддержала ея.

— Пойдемъ, собери свои силы...

Онъ повлекъ ее черезъ блестящіе залы въ самый от-

даленный укромный уголокъ, какой только нашелся въ этомъ дворцѣ, блистающемъ огнями и полнымъ нарядныхъ гостей... И она шла, не сопротивляясь, навстрѣчу неизвѣстному, вся дрожа то отъ сладкой надежды, то отъ смертельнаго ужаса... Что-то скажетъ онъ ей? Путь казался безконечнымъ, и тѣ минуты, пока онъ усадилъ ее и произнесъ свое первое слово, — казались вѣчностью.

Какъ то глухо звучалъ голосъ таинственнаго рыцаря, рука въ желѣзной перчаткѣ, нечаянно коснувшись окочеванной груди, издавала странный, тоскливый звонъ, и каждый разъ Лалла-Рукъ невольно вздрагивала.

— Представь себѣ, прекрасная Лалла-Рукъ, мрачное поле послѣ сраженія, одѣтое покровомъ темной ночи. Ни зги не видно... Лишь кое-гдѣ таинственно мелькають огоньки: то отважные люди и милосердные монахи ищутъ живыхъ среди мертвыхъ. Ночная тишина нарушается тяжкими стонами и шорохомъ заглушенныхъ шаговъ... Я лежалъ на томъ полѣ съ прострѣленной грудью, я чувствовалъ, какъ сквозь засохшую кровь пробивалась горячая свѣжая струйка. Моя голова пылала, но сознаніе ей возвратилось, и мой взоръ машинально слѣдилъ за изрѣдка мелькавшими огоньками, мой слухъ улавливалъ стоны моихъ собратій и легкій хрустъ шаговъ безстрашныхъ спасителей. Я понялъ все, и воспаленный мозгъ мой, какъ молнія, прорѣзала мысль: „А если меня не замѣтятъ и я останусь здѣсь живой между мертвыхъ?“ И дикій, протяжный стонъ вырвался изъ моей груди...

Воспоминанія содрогнули мощную статную фигуру загадочнаго воина.

Лалла-Рукъ, казалось, не дышала, боясь проронить единое его слово.

— Меня нашли, бережно положили на носилки и, тихо на нихъ покачиваясь, я покидалъ поле сраженія, орошенное моею кровью, кровью моихъ собратій и враговъ, ихъ мертвыми тѣлами... Невольно я шепталъ горячую молитву, правая рука моя поднялась для крестнаго знаменія и тутъ я впервые почувствовалъ, что она судорожно сжимала какой-то твердый пакетъ...

Рыцарь остановился на мгновенье, ему трудно было продолжать.

Грудь Лалла-Рукъ высоко вздымалась, руки были крѣпко сжаты, а взоръ жадно ждалъ продолженія. Въ глухомъ голосѣ рыцари зазвучали нѣжныя нотки...

— Я сразу вспомнилъ все, выстрѣлы и кровь, свистъ пуль надъ головами, мучительные стоны и вдругъ чей-то безпомощный крикъ, близко-близко отъ меня, онъ словно отдѣлялся отъ общаго гула. И вотъ чья-то рука судорожно схватилась за мое стремя. Я невольно склонился: большіе сѣро-голубые, расширенные ужасомъ и смертельной болью, глаза глядѣли на меня, дрожащая, тонкая блѣдная рука тянулась ко мнѣ со сверткомъ. — И этотъ взглядъ и эта рука преслѣдуютъ меня повсюду и теперь... Подъ властью предсмертной мольбы я забылъ на мгновенье ужасы бранной сѣчи, я схватилъ протянутый мнѣ свертокъ. Острая, жгучая боль пронзила въ тотъ же мигъ мою грудь, все запрыгало въ глазахъ и вдругъ... погрузилось во мракъ... Думаю, что я упалъ рядомъ съ тѣмъ, чей завѣтъ принялъ безмолвно.

Рыцарь снова остановился, рука его дрогнула, словно не рѣшаясь опустить роковой свертокъ въ дрожащую протянутую ручку.

— Я исполнилъ свой долгъ, я предъ тобой, Лалла-Рукъ, я отдаю тебѣ это — возьми...

И Лалла-Рукъ почувствовала что-то холодное и влажное въ своей рукѣ... Какой то туманъ окуталъ ея мысли и слухъ... Какъ будто раздалися поспѣшно удалявшіеся шаги...

Какъ мертвая, опустилась рука на дрожащія колѣни.

Прошло еще нѣсколько мгновеній и молодая дѣвушка очнулась отъ своего оцѣпенѣнія. Съ рѣшимостью бросающагося въ пропасть она разомъ холодной рукой развернула свертокъ. Въ немъ было такъ немного: испи-санный листокъ бумаги и маленькій знакомый образокъ...

Дорогой образокъ, которому повѣряла она печали и

радости своего дѣтства, какъ много онъ воскресилъ въ ея душѣ, какъ много...

Вотъ маленькій исписанный листочекъ, быстро бѣгутъ глаза по дрожащимъ строкамъ.

„Когда ты прочтешь эти строки и возьмешь въ свои милыя ручки образокъ, моя возлюбленная, я буду уже тамъ, откуда никто не возвращается и гдѣ ожидаютъ другой, лучшей встрѣчи. Не буду говорить о своей любви, ибо когда ты прочтешь эти строки, она уже утонетъ въ твоемъ прошедшемъ... Нѣтъ, дорогая, теперь я возвращаю твою свободу, данное слово, святое твое благословеніе. Не судьба, Настенька, прощай... Дай Богъ тебѣ счастья и забудь меня, ты, незабвенная... Гриша.“

Ни одной слезы не уронила прекрасная Лалла-Рукъ, ея горе было такъ велико и безнадежно. Она неестественно спокойно, старательно обвернула образокъ письмомъ и спрятала на пруди.

Громкіе веселые звуки музыки и радостный говоръ толпы доносились въ укромный уголокъ, въ раскрытыхъ дверяхъ мелькали блестящія пары.

Страхъ охватилъ душу Лалла-Рукъ; казалось, ей не хватало воздуха, чтобы дышать, и она сорвала свою маску и все сидѣла неподвижно, съ удивленіемъ разглядывая старыя стѣны, какъ будто впервые сидѣла въ этой комнатѣ, — ей все казалось чуждымъ и незнакомымъ.

Но вотъ она вздрогнула и обернулась. Гдѣ же рыцарь?

Онъ исчезъ. Въмѣсто него въ дверяхъ, пристально разглядывая ее блестящими въ узкія отверстія маски глазами, стоялъ стройный, высокій незнакомецъ въ роскошномъ костюмѣ Генриха IV.

Онъ смѣлыми, гордыми шагами подошелъ къ ней.

Невольнымъ движеніемъ Лалла-Рукъ снова надѣла маску.

Онъ засмѣялся и она вздрогнула: гармоничный смѣхъ его былъ такъ похожъ на знакомый, давно не звучавшій въ ея ушахъ, смѣхъ Гриши.

— Ты опять скрыла свои прелестныя черты, но я

давно уже любовался тобой. Когда ты вошла въ залъ, я сразу замѣтилъ тебя въ этой громадной блестящей толпѣ; теперь я узналъ тебя: два раза я тебя видѣлъ мелькомъ и уже не могъ забыть. Но какъ ты измѣнилась! Тѣ-же черты, но что-то въ нихъ другое... Въ своей меланхолии ты стала еще прелестнѣе, Лалла-Рукъ...

„Да, да, его голосъ такъ похожъ на голосъ Гриши.“ Лалла-Рукъ не слышитъ любезныхъ словъ, — она съ болью въ сердцѣ упивается звукомъ этого голоса.

— Ты позволишь, я сяду рядомъ съ тобой?

Она быстро встала.

— Нѣтъ, надо идти туда, гдѣ люди, гдѣ все блещетъ огнями, гдѣ гремитъ веселая музыка. Можетъ быть, не всѣ тамъ счастливы, — но пока беззаботны.

Она говорила словно сквозь сонъ, какимъ-то чужимъ голосомъ, — увядающимъ, безнадежнымъ.

Молча предложивъ король Генрихъ IV ей руку и машинально оперлась она на эту твердую, почти стальную руку. Безпощадное, равнодушное веселье летѣло навстрѣчу ея печали.

Напрасно король Генрихъ IV пытался развеселить ее, онъ вскорѣ замѣтилъ, что она даже не слушаетъ его.

— Лалла-Рукъ, — сказалъ онъ своимъ гармоничнымъ голосомъ, — на душѣ твоей какое-то горе. Подѣлись со мною. Можетъ быть, я сумѣю тебѣ помочь.

Она безнадежно горько разсмѣялась.

— Да, у меня горе, но никто мнѣ не можетъ помочь, даже самъ Господь уже не властенъ.

— Но что-же это можетъ быть, если самъ Господь не властенъ?

— Это — смерть... На полѣ жизни росъ цвѣтокъ, онъ былъ прекрасенъ своей чистотой, своимъ нѣжнымъ ароматомъ. И вотъ рядомъ съ нимъ расцвѣлъ другой безпомощный цвѣточекъ. Ихъ корни сплелись, срослись, сроднились; они дышали, жили другъ другомъ, они не понимали, какъ можно жить не вмѣстѣ, они думали, что самый міръ перестанетъ существовать въ день ихъ разлуки. Кому мѣшали они? Зачѣмъ Господь ихъ разлу-

чить? Зачѣмъ безжалостно смялъ тотъ прекрасный цвѣтокъ, а другой, безпомощный, — оставилъ? И что ужаснѣе всего, — вѣдь гибель прекраснаго цвѣтка осталась никѣмъ не замѣченной и все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ весь міръ...

Голосъ Лалла-Рукъ тихо вздрагивалъ, какъ отъ затаенныхъ рыданій.

— И этотъ цвѣточекъ, — вы?

— Этотъ цвѣточекъ — я.

— Незабвеннаго нѣтъ, — бодро возразилъ Генрихъ IV.

Лалла-Рукъ не успѣла отвѣтить, — къ ней подходилъ хозяинъ дома. Лицо его весело, оживленно улыбалось, — онъ зналъ, кто скрывался подъ царственнымъ образомъ короля Генриха IV. Кто знаетъ, можетъ быть, теперь утѣшится сердце его дочери?

— Прелестная Лалла-Рукъ, дорогое дитя востока, сними свою маску, покажи примѣръ гостямъ, какъ хозяйка дома.

Покорно сняла она маску, и блѣдное застывшее лицо, скорбные, словно погасшіе глаза открылись предъ испуганнымъ отцомъ.

— Что съ тобой, дитя?

— Ничего, отецъ, — голосъ отвѣтилъ холодно и спокойно и она снова оперлась на руку Генриха IV. Онъ тоже снялъ свою маску, и Настенька увидѣла его красивое, правильное лицо, на немъ сіяли надменные черные глаза, гордо улыбались чувственные уста, щеголяя бѣлизною ровныхъ зубовъ.

— Князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ... Моя дочь — Анастасія Александровна. Не давай скучать дорогому гостю, хозяйшкѣ, и другихъ гостей не забывай.

Ласково улыбаясь, старый князь оставилъ молодыхъ людей и они медленно побрели по блестящимъ заламъ. Разговоръ не клеился, словно снятая маска лишила княжну откровенности.

Раздались торжественные звуки гимна. Прибылъ Императоръ Александръ I.

Старый хозяинъ въ самомъ низу широкой лѣстницы,, у порога подъѣзда, встрѣчалъ высокаго гостя.

Русское „ура“ перешлеталось съ восторженными кликами:

„Да здравствуетъ нашъ Императоръ!“

Александръ I медленнымъ шагомъ поднимался по ступенямъ въ сопровожденіи своего любимца, графа Аракчева, и князя Чарторижскаго.

Привѣтливая улыбка, напоминавшая Александра прежнихъ юныхъ дней, освѣщала красивое, пополнѣвшее съ годами лицо Александра.

Да, это былъ уже не юный Александръ, вступившій на престолъ съ либеральными идеями, готовый ограничить свою самодержавную власть для блага своего народа, съ предначертанными рукой сотрудника прежнихъ дней Сперанскаго великими преобразованіями свободы. Нѣтъ, это былъ другой Александръ, — на лицѣ его лежала печать разочарованія, подозрительности и недовѣрія, а въ голубыхъ глазахъ мрачно мерцалъ мистическій огонь, такъ искусно разожженный въ его сердцѣ баронессой Криденеръ.

Молодое поколѣніе Россіи, воспитанное подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ началъ, теперь уже не могло ждать ничего хорошаго отъ того, отъ котораго когда-то спокойно ожидало благодѣтельнаго преобразованія.

Баль-маскарадъ продолжался, но словно невидимая рука отдалила шумное веселье; смѣхъ звучалъ рѣдко и натянуто.

Усталая княжна напрасно искала въ толпѣ ряженыхъ желѣзнаго рыцаря, его не было, онъ исчезъ, какъ духъ, исполнившій свое назначеніе.

Наконецъ всѣ разѣхались и она могла остаться наединѣ со своимъ горемъ и отдаться горячей молитвѣ.

Блѣдные лучи возрождавшагося дня проникли въ ея комнату. Этотъ пасмурный день былъ первымъ днемъ ея свободы... И никогда это слово не звучало такъ горько, такъ безнадежно.

ЦЫГАНКА

— Ваше сіятельство! — запыхавшись доложила старшая горничная... — Князь, вашъ батюшка, просили васъ одѣться понаряднѣе... Скоро сами пожалуютъ въ вашу свѣтлицу...

Невольное предчувствіе охватило Настеньку, она почти угадывала, о чемъ поведетъ рѣчь ея отецъ.

Изящный туалетъ княжны былъ законченъ, когда вошелъ князь Радомскій съ особенно важнымъ, но свѣтлымъ выраженіемъ лица.

— Помнишь-ли ты, дорогое дитя, — торжественно началъ онъ, перекрестивъ и поцѣловавъ свою дочь, — помнишь-ли тѣ великодушныя слова, которыя ты произнесла двѣ недѣли тому назадъ въ этой комнатѣ?

Князь замолчалъ на мгновеніе, но дочь уже не сомнѣвалась, что предчувствіе не обмануло ее, что она угадала цѣль прихода отца.

Она заговорила по виду спокойно, и только блѣдность выдавала ея волненіе.

— Я знаю, отецъ, что ты пришелъ мнѣ напомнить... Я тверда въ своемъ словѣ: съ той минуты, какъ я получила образокъ и посмертное письмо Гриши, жизнь моя въ твоемъ распоряженіи. Ты, вѣрно, уже выбралъ мнѣ жениха. Что-жъ, я заранѣе согласна. Я вѣдь живу теперь для тебя одного.

Князь порывисто протянулъ дочери руку, но она мягко ее отстранила.

— Я не кончила, отецъ. Отдать свою судьбу и свою руку по твоему желанію я могу и должна, хотя это и очень-очень трудно, но... въ то же время я не должна обманывать своего будущаго мужа. Это мое условіе, мое право. Онъ долженъ узнать все: и какъ любила я Гришу, и какая пустота въ моей душѣ, и какъ холодно бьется мое сердце.

Свѣтлая улыбка погасла на лицѣ князя, густыя брови

недовольно сдвинулись, глубже вѣзались морщины на высокомъ лбу.

— Воля твоя, Настенька, поступай, какъ знаешь, только, пожалуй, всѣ женихи откажутся отъ такой невѣсты.

— Это ихъ дѣло, — вспыхнула княжна. — А теперь пойдемъ, отецъ, насъ ждутъ.

Рѣшительно отворила она дверь и пошла навстрѣчу неизвѣстному будущему. Отецъ молча слѣдовалъ за нею съ горькой усмѣшкой, вѣдь она даже не спросила имени жениха.

Когда они вошли въ кабинетъ Радомскаго, имъ навстрѣчу порывисто поднялся князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ. Онъ почтительно привѣтствовалъ молодую дѣвушку, такъ сразу овладѣвшую его душой, и затѣмъ молча ждалъ отвѣта.

Заговорилъ старый князь.

— Дочь моя, какъ я, князь Иванъ Васильевичъ, тронута и польщена вашимъ предложеніемъ, но прежде, чѣмъ принять его, она желала бы сообщить вамъ кое-что наединѣ.

Съ глубокимъ поклономъ князь медленно удалился. Въ дверяхъ онъ на мгновенье остановился, беспокойнымъ взглядомъ окинувъ дочь.

Въ первую минуту въ кабинетѣ царилъ молчаніе. Женихъ словно упивался созерцаніемъ лица Настеньки; его надменные черные глаза сіяли восторгомъ.

Опять передъ нимъ стояла незабвенная Лалла-Рукъ.

Голосъ невѣсты зазвучалъ такъ тихо и нѣжно, что почти сливался въ одну гармонію съ царившей тишиной.

— Я не хочу васъ обманывать, я хочу, чтобы вы знали все мое прошлое, каждую мысль той, которую назовете своей супругой. Прошу васъ присядьте, и выслушайте меня.

Красивое лицо Ладова вспыхнуло и потомъ сразу поблѣднѣло.

— Я васъ слушаю, княжна.

Она нѣсколько разъ молча прошлась по кабинету, прижимая холодныя руки къ груди.

— Я любила другого, князь, но его ужъ нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Ему отдала я свою душу и все свое сердце. Господь взялъ его у меня... Тотъ, который назоветъ меня своей женой, найдетъ во мнѣ только холодъ и скорбь... Еще, князь, я даю вамъ согласіе потому, что отецъ выбралъ васъ, если бъ онъ выбралъ другого, я бы такъ же согласилась, я бы сказала ему то же, что говорю вамъ. Вотъ вся правда... А теперь рѣшайте, нужна-ли вамъ такая жена?

Ревнивая боль и глухая злоба поднимались въ душѣ князя, его выдавали искрившіеся глаза и кровь, темно-красной волной приливавшая къ щекамъ.

Настенька стояла, опустивъ голову равнодушная къ нему, къ его отвѣту, къ тѣмъ чувствамъ, что волновали его.

— Я могу только благодарить васъ за благородную откровенность, княжна... Я болѣе, чѣмъ когда-либо, твердъ въ своемъ рѣшеніи... Я прошу вашей руки.

Теперь она подняла голову и впервые ея чистые глаза заглянули въ темные искрившіеся глаза князя, — въ нихъ была какая-то загадка, но невѣста ея не разгадала. Она рѣшительно протянула ему руку и онъ схватилъ ее и покрылъ горячими поцѣлуями.

— Моя дорогая невѣста... Моя очаровательная Палла-Рукъ...

Какъ томительно тянулись дни, когда Настенька ждала возвращенія своего возлюбленнаго, и какъ быстро они летѣли теперь, приближаясь къ свадьбѣ.

Женихъ пріѣзжалъ ежедневно, но Настенька просила отца освободить ее отъ встрѣчъ наединѣ и всегда третье лицо присутствовало при бесѣдахъ, которыя касались природы, искусствъ да политики, но никогда любви.

Всѣ эти препятствія и холодность невѣсты разжи-

гали пылкую душу князя и онъ съ большимъ нетерпѣн-
емъ, къ которому отчасти примѣшивалось чувство
озлобленія, ждалъ минуты, когда станетъ ея власте-
линомъ.

Насталъ канунъ свадьбы, и княжна настояла, чтобы
женихъ не посѣтилъ ее въ этотъ день, — они должны
были встрѣтиться лишь въ церкви для совершенія та-
инства.

— Ты, вѣрно, поѣдешь въ монастырь Богу молиться?
— спросилъ дочь Радомскій.

— Не знаю, вѣроятно... — нехотя отвѣтила она.

Но въ монастырь Настенька не поѣхала, она ограни-
чилась ближайшей церковью и пришла къ самому концу
обѣдни, чтобы остаться потомъ одной и отдаться мо-
литвѣ.

Торжественно звучалъ церковный хоръ, тихо и бла-
гоговѣнно лилась ясная рѣчь священника, вокругъ шеп-
тали молитвы колѣнопреклоненные люди, но Настенька
стояла, какъ въ туманѣ, она не видѣла молящихся, не слы-
шала ни словъ священника, ни голосовъ пѣвчихъ.

Ея душа точно отдѣлялась отъ настоящего и слива-
лась съ прошедшимъ. Воспоминанія ее томили. Кажет-
ся, никогда образъ Гриши такъ ясно не вставалъ въ ея
памяти и голосъ его не звучалъ такъ сладко и яв-
ственно.

Храмъ постепенно пустѣлъ, замолкли молитвы и
пѣснопѣнія... Всѣ расходились и Настенька пошла слѣ-
домъ за толпой, уныло опустивъ голову.

До самаго вечера просидѣла она въ глубокой задумчи-
вости, пока старая нянюшка, взростившая ее, осторожно
скрипнувъ дверью, не заглянула въ комнату.

Настенька испуганно вздрогнула, но, узнавъ няню,
блѣдно улыбнулась.

— Ахъ, это ты, няня Феклуша? Входи, входи.

— Ты все грустишь, все одна, касаточка... Не весела
невѣста! А я вотъ заглянула, повеселить тебя хочу...
Цыганки у насъ въ кухнѣ къ дворнѣ пристали, всѣмъ во-

рожать. Я и подумала... не захочешь ли повидать их? Не очень-то я вѣрю ворожбѣ, а такъ, для веселья.

Равнодушное лицо княжны оживилось.

— Что-жъ, няня, зови. Скучно такъ, развлекуть онѣ меня.

Старуха почти бѣгомъ направилась въ кухню, въ восторгѣ, что расшевелила свою грустную питомицу.

Вскорѣ вернулась она съ двумя цыганками, пестро разодѣтыми, увѣшанными монетами и бусами.

Одна — молодая, красивая своею типичною оригинальностью, смуглымъ лицомъ и черными глазами.

Другая, старая, особенно привлекла вниманіе Настеньки. Зловѣще разсыпались сѣдые космы ея волосъ, странно поблескивали черные глаза во впалыхъ орбитахъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Молодая молчала и смѣялась. Старая быстро говорила, коверкая слова, гортаннымъ полушопотомъ, сопровождая свою рѣчь странными быстрыми движеніями длинныхъ костлявыхъ рукъ.

— Ахъ, красавица, погадать хочешь, да погадать... Хорошо, хорошо... всю правду скажу... И что было, и что есть, и что будетъ. Красавица, ахъ, красавица... Дай ручку, ручку дай. Бѣленькая ручка, красивая ручка... Охъ-хо-хо-хо.

Она пристально наклонилась, зорко разглядывая протянутыя ей молодой дѣвушкой руки, какъ-бы стараясь изучить каждую ихъ черточку.

— Охъ-хо-хо-хо, тоскуешь, черная ночь на душѣ твоей... Охъ-хо-хо-хо, сердце то, какъ ножомъ такъ и колеть, такъ и болить... По слезамъ пойдешь, по слезамъ...

— Ну ты, старая карга, чего тамъ раскаркалась? Въ шею тебя надо, да съ лѣстницы!.. — не на шутку рассердилась нянюшка княжны.

Но молодая дѣвушка, заинтересованная странной рѣчью и таинственными ужимками цыганки, приказала нянюшкѣ не мѣшать и уйти въ другую комнату.

— Охъ-хо-хо-хо, темно стало, ничего не вижу, посе-

ребри ручку, положи денежку. Вотъ такъ. О комъ болить сердце, о комъ горить, напрасно. Охъ-хо-хо-хо, любить онъ тебя, ахъ, какъ любить. Далеко онъ, далеко.

Старая цыганка почувствовала, какъ задрожала бѣлая ручка въ ея костлявой сухой рукѣ.

— Живъ онъ? — невольно вырвалось у Настеньки.

— Охъ-хо-хо-хо, любить тебя, любить... Далеко, далеко. Хочешь, воду спрошу живъ ли? Дай стаканчикъ, колечко дай и платочекъ.

Старая цыганка прикрыла стаканъ съ водою платкомъ, зашептала что-то надъ нимъ и поднесла къ уху молодой дѣвушки.

— Слушай... Охъ-хо-хо-хо... Зашипить, — такъ живъ... Закипитъ, — такъ живъ...

И ясно, отчетливо закипѣла вода въ рукахъ старой цыганки.

Нѣтъ, то не обманъ воображенія, Настенька слышала сама.

— Няня, няня! — испуганно крикнула она. — Уведи ихъ, я устала, я не могу... Накорми ихъ, обогрѣй.

Княжна щедрой рукой протянула серебряный рубль старой цыганкѣ и почти безъ силъ опустила на кровать.

Взоръ ворожеи блеснулъ удовольствіемъ и она нѣсколько мгновеній пристально всматривалась въ блѣдное лицо молодой дѣвушки.

— Охъ-хо-хо-хо. Прощай, красавица. Спи крѣпко, сладко спи... спи...

И едва замолкли шаги цыганки, какъ глаза Настеньки закрылись и погрузилась она въ крѣпкій, сладкій сонъ, какого давно уже не знала, какъ будто пристальный взглядъ цыганки усыпилъ ее.

И снился ей Гриша. Онъ такъ ласково глядѣлъ на нее своими большими сѣро-голубыми глазами, его уста улыбались и верхняя характерная вздернутая губа обнажала ровные бѣлые зубы.

Какъ музыка звучалъ его голосъ.

— Какъ я люблю тебя, знаетъ одинъ Богъ и мое серд-

це. Ты моя, не забывай меня. Пусть все, все: солнышко, звѣздочки, цвѣты, деревья, весь міръ — пусть напоминаетъ тебѣ обо мнѣ. Каждая тучка, каждое облачко пусть несетъ тебѣ мой привѣтъ.

И онъ покрывалъ ее поцѣлуями, и нѣжили они, и согрѣвали ее, какъ солнечные лучи.

Поздно проснулась Настенька...

Солнце золотило ея голову, улыбка играла на устахъ. И вдругъ она вспомнила, все вспомнила и горько-горько разрыдалась.

Вечеромъ въ небольшой, но богатой сплошь покрытой образами въ дорогихъ сверкавшихъ камнями ризахъ домашней церкви князей Ладовыхъ, ярко освѣщенной огнями и полной блестящихъ гостей, встрѣтились блѣдная, прекрасная невѣста, въ своемъ бѣломъ одѣяніи, и гордый женихъ, залитый золотомъ гвардейскаго мундира.

Не слышала Настенька словъ священника, машинально отвѣчала на его вопросы и только тогда очнулась и задрожала, когда горячія уста супруга долгимъ поцѣлуемъ прильнули къ ея устамъ. Это былъ второй поцѣлуй въ ея жизни, но какъ различны были оба!

Воспоминаніе о томъ, другомъ, сладкомъ до забвенія, отравленномъ горечью прощанія, охватило ея душу.

Вѣнчаніе окончено... Всѣ поздравляютъ молодыхъ. И молодую княгиню Ладову цѣлуетъ ея отецъ, съ безпокойствомъ заглядывая въ страдальческіе глаза... Цѣлуетъ ее и мать мужа, и холодный, надменный взоръ свекрови не предвѣщаетъ Настенькѣ ничего хорошаго.

Опираясь на руку мужа, колеблющимися шагами идетъ она въ свой новый домъ.

Новая жизнь начинается...

V

НА ЧУЖБИНѢ

Ясный день заглянулъ въ комнату больного и яркій лучъ солнца, скользя по лицу, разбудилъ его.

Тяжело, нехотя, поднялись вѣки; изъ-подъ нихъ глянули большіе сѣро-голубые глаза. Блѣдная исхудалая рука высвободилась къ лежавшимъ рядомъ на столикѣ чашамъ. Шелъ двѣнадцатый часъ.

Больной отыскалъ глазами большой бронзовый колокольчикъ и позвонилъ.

Дверь сейчасъ же безшумно отворилась и показалась женская стройная фигура въ большомъ широкомъ бѣломъ передникѣ и въ бѣломъ чепчикѣ, рѣзко выдѣлявшемся на черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Темными, небольшими, блестящими глазками она пытливо глянула на больного и улыбка заиграла на ея пышныхъ губахъ, бѣлой полоской мелькнули острые, мелкіе зубы, а румянецъ еще ярче вспыхнулъ на юныхъ щекахъ.

Молодость ея, живость, обаятельная улыбка и чудный цвѣтъ лица составляли очаровательную гармонію, а маленькій тонкій острый носикъ и гибкая миниатюрная фигурка придавали ей задорную пикантность, которою такъ часто блещутъ француженки.

Она близко подошла къ постели больного и заговорила по-французски — быстро, гортаннымъ высокимъ голосомъ щебечущей птички.

— Доброе утро, м-сье Грегуаръ... Вы спали сегодня такъ долго и спокойно. Я сидѣла тутъ рядомъ и въ вашей комнатѣ царила полная тишина... Ваше дыханіе было такъ тихо, какъ дыханіе младенца. Посмотрите, какой чудный день сегодня, м-сье Грегуаръ. Сейчасъ мы вкусно и легко позавтракаемъ, потомъ одѣнемся и можно будетъ прокатиться по свѣжему воздуху. Не правда-ли, чудесный планъ?

Блѣдная улыбка заиграла на губахъ больного, но сѣро-голубые глаза оставались печальными, страдальческими.

— Благодарю васъ, мадемуазель Эвелина, я спалъ хорошо и чувствую въ себѣ бодрость выздоравливающего. Я согласенъ слѣдовать вашему плану; лучшаго въ моемъ положеніи и желать нельзя. Но... мнѣ-бы хотѣлось серьезно переговорить съ вашимъ братомъ и докторомъ.

Эта злосчастная болѣзнь длилась безконечно, я потерялъ всякую связь со своими родными и близкими. Меня считаютъ, конечно, погибшимъ и я долженъ воскреснуть для нихъ... Не знаю, на радость ли?

Выраженіе обиженнаго ребенка скользнуло по лицу Эвелины; ея губки капризно надулись.

— Что это, мосье Грегуаръ, развѣ ужъ такъ плохо съ нами! Кажется, любимъ васъ, ухаживаемъ за вами, какъ за роднымъ, отъ смерти васъ спасли, — а вы тяготитесь нашимъ домомъ и рады бы поскорѣе отъ насъ избавиться.

— Вы несправедливы ко мнѣ, мадемуазель Эвелина. Я такъ вамъ благодаренъ, я полюбилъ васъ, какъ родныхъ, всею душою къ вамъ привязался, но... Какъ вы не можете понять, вы, такая чуткая, — я вѣдь родился и выросъ въ другой странѣ, — тамъ моя родина, тамъ моя земля, мой домъ... наконецъ, тамъ мои родственники — родители у меня нѣтъ — моя любимая сестра... да и вообще многое.

Больной взволновался, кровь прилила къ его лицу и окрасила блѣдныя щеки, глаза увлажнились.

Молодая дѣвушка снова подбѣжала къ нему и опустилась на пушистый коверъ у его кровати.

— Простите, мосье Грегуаръ, я все это понимаю; но... мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы первое мѣсто въ нашемъ сердцѣ занимали мы... Вы въ первый разъ сказали о своей сестрѣ, вы такъ часто въ бреду повторяли женское имя, вы вѣрно о ней все беспокоились, да?

Больной вздрогнулъ; кровь снова отлила отъ его сердца и лицо покрылось восковою блѣдностью.

— Да, о ней... вѣроятно, — тихо произнесъ онъ.

— Расскажите мнѣ о ней... Она такъ же блондинка, какъ и вы? У нея такіе же свѣтлые ясные глаза, какъ ваши? Скажите, — похожа она на васъ лицомъ, характеромъ?

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди больного.

— Нѣтъ, она непохожа на меня... но она хороша, такъ хороша!! Я вижу ее всегда предъ своими глазами въ

неясныхъ туманныхъ очертаніяхъ, всегда... но стоитъ только мнѣ сосредоточиться въ своихъ думкахъ, и образъ ея ярко, какъ живой, является мнѣ.

Больной задумчиво и пристально глядѣлъ передъ собою; нѣжная, любовная улыбка освѣтила его черты.

— Вотъ она... въ бѣломъ простомъ платьицѣ, высокая, тоненькая, гибкая, какъ тростинка... Длинные золотистые, какъ спѣлый каштанъ на солнцѣ, локоны; изъ нихъ, какъ изъ рамки, выглядываетъ чудное нѣжное лицо, сіяютъ большіе лучистые, каріе глаза. О, если бъ вы могли хоть разъ заглянуть въ эти глаза, — вы бы ихъ никогда не забыли, — въ нихъ цѣлый міръ.

— Какъ вы любите ее, — съ завистью прошептала Эвелина, и ея тонкія брови нахмурились, а блестящіе глазки смотрѣли въ упоръ, испытующе. — Какъ вы любите ее!

Больной усталымъ движеніемъ откинулъ голову на подушки и закрылъ глаза.

— Да, я люблю ее... — проговорилъ онъ тихо, въ упоеніи.

Наступило молчаніе. Больной отдавался своимъ грезамъ.

Въ головку Эвелины закралось смутное подозрѣніе и она, все еще на колѣняхъ, на коврикѣ у постели, старалась припомнить бредъ больного. Онъ много говорилъ тогда, но рѣдко попадались въ его бреду понятныя ей французскія фразы и только одно женское имя, повторявшееся съ нѣжностью, любовью, казалось, что-то ей объясняло. Сестра ли она?

Но солнечный день настраивалъ радужно, хотѣлось вѣрить въ желаемое. Эвелина тряхнула головой, словно сбрасывая непріятныя сомнѣнія, и вскочила съ ковра съ живостью, почти шаловливо.

— Однако, мы заболтались... Солнышко ждать насъ не будетъ, послѣ полудня оно начнетъ убѣгать отъ насъ, а тутъ еще подвернется непрошенная тучка, — и испортитъ наше катанье и весь мой чудесный планъ. Сейчасъ пришлю вамъ стараго Жана... Одѣвайтесь... Мы позав-

тракаемъ вмѣстѣ, вы, братъ и я. До скорого свиданія, мосье Грегуаръ.

Эвелина шаловливо присѣла въ глубокомъ реверансѣ и вышла изъ комнаты. На смѣну ей явился старый сѣдой Жанъ, маленькій, быстрый, сильный старичокъ, давнишній слуга этого дома. Онъ всегда былъ въ духѣ, всегда, сильно картавя, рассказывалъ что-нибудь веселенькое, и его присутствіе, его несложные рассказы нравственно ободряли и освѣжали больного.

Но сегодня онъ почти не слушалъ старика, — такъ живо и ярко воскресало въ памяти прошлое.

Далекая родная столица, почти всегда хмурая, сырая... Большой, роскошный, мрачный домъ, почти дворецъ, старикъ-швейцаръ у подъѣзда, его привѣтливая улыбка и низкій поясной поклонъ...

— Добро пожаловать, батюшка, ваше сіятельство, графъ Григорій Алексѣевичъ...

Широкая лѣстница, большія старинныя залы, массивная мебель, на стѣнахъ портреты предковъ въ золоченныхъ рамахъ... А вотъ и столовая съ рѣзными дубовыми стѣнами, громадный столъ, накрытый бѣлой скатертью, большой серебряный самоваръ и за нимъ кудрявая головка молоденькой хозяйки. Въ ушахъ звучить, какъ лучшая музыка, серебристый голосокъ:

„Клянусь тебѣ этимъ образомъ, что буду любить тебя и ждать, и ничто земное насъ не разлучить; разлучить только одна смерть“.

А потомъ длинный путь, трудный путь...

Горячія битвы, постыдныя пораженія, стыдъ и горе.

Тяжелый походъ въ чужія земли; снова битвы и кровь братьевъ, залившая чуждую землю.

Побѣда, побѣда! Сломленъ гордый врагъ, подавленъ міровой геній.

Какъ жестока была къ нему его судьба — здоровъ и невредимъ онъ оставался въ столькихъ битвахъ, среди столькихъ лишеній, и ужъ подъ конецъ, въ самомъ послѣднемъ сраженіи при Ватерлоо вражеская пуля сразила его.

Страшная боль сжигала его грудь, туманомъ застилался взоръ, но въ воспаленномъ мозгу кипѣла одна только мысль, весь остатокъ жизненныхъ силъ шелъ навстрѣчу одной идеѣ.

Дрожащей, горячей рукой сорвалъ онъ съ шеи благословеніе возлюбленной и приготовленное на случай смерти письмо... Взглядъ его лихорадочно искалъ, кому бы отдать завѣтный пакетъ.

Вотъ какой-то всадникъ, русскій офицеръ, медленно ѣдетъ, спотыкаясь о трупы, — все ближе и ближе къ раненому...

Собирая всѣ свои силы, раненый хватается за стремя всадника и протягиваетъ ему пакетъ. Говорить онъ не можетъ, изъ груди вырывается только хрипъ; онъ взоромъ своимъ передаетъ послѣднюю мольбу.

И русскій офицеръ сжалился надъ своимъ товарищемъ: онъ тронуть этимъ взглядомъ, этой предсмертной горячей мольбой.

Пакетъ отданъ, долгъ исполненъ. Туманъ все гуще и гуще заволакиваетъ очи, адскій шумъ слышится какъ будто издалека. А вотъ... все затихло, только неясный шумъ въ ушахъ... А вотъ... и его не стало, — наступила черная, долгая ночь.

Что было дальше, онъ не знаетъ и ему не говорятъ, не хотятъ волновать его. Онъ очнулся въ этой комнатѣ слабый, больной, но уже врачи надѣялись, что въ долгой борьбѣ жизнь побѣдила смерть. О немъ заботятся, за нимъ ухаживаютъ, какъ за роднымъ, французъ и его сестра, — но душа больного рвется на родину къ дорогой единственной, къ нареченной невѣстѣ.

Что-то тамъ теперь? Тысяча разнородныхъ положеній волнуютъ его, но сердце чаще останавливается на одномъ, — оно такъ страстно его жаждетъ.

Настенька тоскуетъ, плачетъ, ждетъ его... Но, вѣроятно, получила образокъ и теперь объятая великою скорбію, въ глубокомъ траурѣ, молится о его душѣ.

Чтобы она могла его забыть и полюбить другого, — это оскорбленіе ей, святой, — не смѣетъ зарождаться.

Едва только оно мелькнетъ, свѣтлый образъ Настеньки, чистый взглядъ, полный любви, торжественная клятва — прогоняють злую мысль.

На смѣну ей является другая: онъ весь дрожитъ отъ предвкушаемаго счастья... Онъ вернется къ ней, — и какая это будетъ минута!

Старый Жанъ уже молчитъ. Быстрыми, живыми глазами всмотрѣвшись въ подвижное нервное лицо больного, онъ понялъ, что душа его далеко отъ этихъ разсказовъ, отъ этой комнаты, отъ этой страны.

— Смѣю доложить, мосье, что мы готовы. Смѣю предложить свою хотя и старую, но твердую руку — и въ путь, мосье. Онъ невеликъ, — нужно пройти только одну большую комнату — и мы въ столовой. Тамъ ждетъ вкусный завтракъ и пріятное общество: мадемуазель Эвелина и ея братъ.

Слабыми колеблющимися шагами, будто совсѣмъ разучился ходить, больной направился въ столовую, пошатываясь и опираясь на руку стараго Жана.

Легкій завтракъ уже стоялъ на накрытомъ столѣ. Едва отворилась дверь, — Эвелина побѣждала навстрѣчу больному и вмѣстѣ съ братомъ усадила его въ удобное кресло у стола.

Братъ Эвелины — мосье Артуръ, пожилой уже господинъ, средняго роста, коренастый брюнетъ, съ присѣдью, съ маленькой остроконечной бородкой, крупнымъ орлинымъ носомъ и быстрыми живыми глазками, вѣжливо и радушно привѣтствовалъ своего больного гостя.

За завтракомъ больной говорилъ мало, заставляя себя вслушиваться въ разсказы хозяевъ, старавшихся его занимать.

— Ну, теперь кататься! — весело предложила Эвелина послѣ завтрака.

Но больной отклонилъ прогулку.

— Черезъ часъ, мадемуазель Эвелина, съ удовольствіемъ... А теперь... я бы желалъ побесѣдовать наединѣ съ вашимъ братомъ... Вы позволите?..

Артуръ вѣжливо наклонилъ голову въ знакъ согласія и направился съ больнымъ въ его комнату.

Эвелина тревожно глядѣла имъ вслѣдъ.

VI

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ

— Чѣмъ могу служить, мосье Грегуаръ? — вѣжливо спросилъ хозяинъ-французъ своего случайнаго, но уже давнишняго гостя, раненаго русскаго, занесеннаго на чужбину союзной войной.

Больной, утомленный завтракомъ, бодрился въ креслѣ.

— Теперь я уже чувствую себя хорошо, мосье Артуръ, и... я уже могу говорить обо всемъ и все выслушать. Но прежде всего позвольте мнѣ отъ души васъ поблагодарить, вы сдѣлали такъ много для меня, вы отнеслись ко мнѣ какъ къ родному, я могу сказать, не преувеличивая — вы спасли мою жизнь.

Французъ вѣжливо наклонилъ голову.

— Я не сдѣлалъ ничего особеннаго, мосье Грегуаръ, только исполнилъ свой долгъ.

— Все-таки остаюсь при своемъ, чувствую себя глубоко вамъ обязаннымъ и приношу сердечную вамъ благодарность.

Больной приподнялся и протянулъ руку, хозяинъ сейчасъ же вскочилъ ему навстрѣчу, обѣими руками принялъ протянутую руку и ихъ уста соединились въ искреннемъ, братскомъ поцѣлуѣ.

Снова теряя силы, больной опустился въ кресло и медленно заговорилъ:

— Я долгое время пролежалъ у васъ, борясь со смертію, я былъ очень слабъ и, очевидно, доктора запрещали волновать меня, потому что до сихъ поръ мнѣ не передавали никакихъ вѣстей съ родины.

Французъ смутился.

— Видите ли, доктора дѣйствительно предписали

вамъ полный покой, но какъ только вы пришли въ сознание, уже два мѣсяца тому назадъ, вы дали мнѣ адресъ князя Радомскаго, самаго близкаго вамъ человѣка, какъ вы сказали. Я счелъ своимъ долгомъ немедленно извѣстить его о вашемъ у меня пребываніи... Я не могу ничѣмъ обрадовать васъ, мосье Грегуаръ, — ни на одно мое извѣщеніе не послѣдовало отвѣта.

Очевидно больной сильно заволновался, онъ прислонилъ голову къ спинкѣ кресла и закрылъ глаза, — но вѣки нервно трепетали. Прошло нѣсколько мгновений молчанія, — французъ положительно не зналъ, что сказать гостю въ утѣшеніе. Наконецъ, медленно поднялись вѣки больного и сѣро-голубые глаза его съ глубокою печальною обратились къ мосье Артуру.

—Отвѣта не послѣдовало, — это странно... Очевидно, ваше извѣщеніе не дошло, я отправлю еще одно лично. А теперь... вы вѣроятно много говорили съ моими докторами, и вы знаете, когда я въ состояніи буду тронуться въ путь.

— Вы еще такъ слабы, мосье Грегуаръ.

— Здѣсь, на чужбинѣ, я никогда не соберу своихъ силъ, тоска помѣшаетъ моему выздоровленію. Пусть ваше солнце ярче и небо привѣтливѣе, — что мнѣ въ этомъ? Я такъ люблю свою Русь, я такъ соскучился безъ своей столицы. Нѣсколько часовъ подъ пасмурнымъ небомъ Петербурга дадутъ мнѣ больше, чѣмъ цѣлый мѣсяцъ жизни подъ южнымъ благодѣтельнымъ солнцемъ.

Легкая краска оживленія зайграла на блѣдныхъ щекахъ больного. Французъ медленно прошелся по комнатѣ и остановился у раскрытаго окна. Теплый воздухъ широкой струей ворвался въ комнату вмѣстѣ съ лучами солнца и голубой цвѣтъ неба радовалъ глазъ. Вмѣстѣ съ весеннимъ днемъ врвался гулъ и шумъ столицы Франціи.

— Ваша страна, ваша Россія... да, хорошая богатая страна, чудная страна, — задумчиво заговорилъ мосье Артуръ.— Но, къ сожалѣнію, нужны годы и годы, нужны тысячи жизней и потоки крови, чтобы спасти эту чудную страну, вырвать ее изъ оцѣпенѣнія, пробудить отъ закол-

дованнаго сна эту спящую красавицу. Вы рветесь туда всей душой, мосье Грегуаръ, но теперь, послѣ того, какъ цѣлые годы провели въ Германіи и Франціи, ознакомились съ евротейской цивилизаціей, которая не могла не произвести на васъ сильнаго впечатлѣнія, — какъ тяжело и больно вамъ будетъ вернуться на родину... Ваша родина, — страна безправнаго рабства, жестокости начальниковъ, злоупотребленія властей, ваша страна — страна произвола.

Умолкъ хозяинъ, гость долго не отвѣчалъ ему, погруженный въ думы.

Въ продолженіи двухлѣтней тревожной боевой жизни, какъ измѣнилась его душа, какъ много новаго почерпнула она въ чуждыхъ земляхъ. Среди безпрестанныхъ опасностей развивалась и крѣпла природная смѣлость, явилась привычка къ сильнымъ ощущеніямъ, пожалуй даже потребность.

Вспоминались встрѣчи съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза Тугендбунда... Вспоминались таинственныя засѣданія, гдѣ члены союза появлялись въ маскахъ и, сказавъ свой пароль, проходили межъ обнаженныхъ мечей. Вспоминались благородныя рыцарскія рѣчи, подготовлявшія возстаніе Пруссіи, гдѣ такъ много говорилось о свободѣ и счастіи народа, гдѣ проклиналась тиранія, гдѣ проповѣдывалось, что каждый долженъ дышать одинаково легко и свободно.

Вспоминались встрѣчи съ французскими либералами. Сначала откровенная бесѣда и ихъ свободный образъ мыслей казались страшными, оскорбительными; ихъ слушать — уже была измѣна... Но какъ-то для самого себя нечувствительно проникали они въ сердце, въ умъ, въ кровь, сроднились, сживались и откуда-то изъ глубины поднимался и разрастался стыдъ за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ, и объ руку съ этимъ стыдомъ шло стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ.

И никогда графъ Григорій не уважалъ такъ сильно своего Императора, не любилъ его такъ горячо, какъ въ эти дни своего душевнаго перерожденія.

Какъ понятенъ теперь ему былъ Императоръ Александръ I, въ какую высокую благородную фигуру выросла онъ предъ его мысленнымъ взоромъ, какъ сладко отдавались въ его сердцѣ слова Императора:

„Судьба народа въ продолженіе вѣковъ не должна зависѣть отъ неограниченнаго произвола одного человѣка, существа ограниченнаго и преходящаго.“

И теперь душу больного охватило желаніе достойно возразить monsieur Артуру, какое-то непріязненное чувство поднялось въ его душѣ противъ этого француза, такъ унижавшаго его родину... И онъ гордо откинулъ голову и слабому голосу его внутренняя сила дала и звучность, и твердость.

— Да, наша страна — страна рабства и произвола... Но не забывайте, кто нашъ Императоръ... Онъ самъ, нашъ Самодержецъ, старался съ юныхъ лѣтъ воспитывать насъ на либеральныхъ идеяхъ... Войны и неурядицы помѣшали ему провести въ жизнь эти идеи, но теперь мы побѣдили, часъ насталъ, я вѣрю... Нашъ Императоръ далъ свободу Германіи, Франціи, Польшѣ, онъ не будетъ попираетъ ногою свою родную Русь. Я вѣрю, спадутъ цѣпи рабства и нашъ славный народъ разомнетъ свои усталые члены и медленно пойдетъ отъ тьмы къ свѣту, опираясь на твердую благословенную руку своего Императора. Я вѣрю, что ни сегодня, такъ завтра Александръ объявитъ конституцію и наша Русь широкими свободными шагами пойдетъ за Европой, пожалуй обгонитъ ее. Мы не будемъ спорить теперь, monsieur Артуръ; когда мы встрѣтимся черезъ пять-шесть лѣтъ, вамъ не придется оскорблять мою родину.

Больной умолкъ, кровь отлила отъ его лица, послѣ сильной возбужденной рѣчи онъ чувствовалъ себя такимъ слабымъ и усталымъ; онъ снова прислонился къ спинкѣ кресла и закрылъ свои теперь какъ-бы погасшіе глаза, во время его рѣчи метавшіе пламя.

Французъ съ живостью, свойственной его націи, подбѣжалъ къ своему собесѣднику и горячо схватилъ его за руку.

— Простите, о простите, monsieur Грегуаръ... Вы такой честный и благородный, я слушалъ васъ съ такою радостью... И вы не одинъ, много васъ такихъ возвратилось уже и возвращаются еще въ бѣдную Россію съ перерожденной душой, съ новыми взглядами, напоенные благодѣтельнымъ вліяніемъ европейской свободы. Вы будете первыми славными борцами за освобожденіе родины отъ ига самодержавія, вы отдадите ей свою душу, свой умъ и можетъ быть... жизнь.

Больной снова открылъ свои глаза, но произнесъ тихо, уже не поднимая головы:

— Наша борьба не будетъ ни трудной, ни тяжелой... Во главѣ первыхъ борцовъ за освобожденіе страны отъ ига самодержавія будетъ стоять самъ самодержецъ, нашъ славный Александръ. За нимъ мы пойдемъ, какъ вѣрные сподвижники... Мы не жалѣли нашей жизни для свободы чуждыхъ намъ народовъ, — мы съ радостью отдадимъ ее за свой, родной.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди французъ. Въ душѣ его шла глухая борьба. Такъ жалко было разочаровывать этого больного юношу, а съ другой стороны, честный долгъ принуждалъ открыть глаза на истину, подготовить эту свѣтлую душу къ темнымъ разочарованіямъ, дать понять, какъ тяжела и опасна будетъ на родинѣ этого юноши борьба за свободу, свободу, которая по праву должна принадлежать всякому живущему...

Monsieur Артуръ еще крѣпче сжалъ худую руку больного.

— Мнѣ тяжело, мнѣ больно, но я долженъ открыть вамъ правду, monsieur Грегуаръ. Вы долго воевали и долго болѣли. Европа очистила и переродила своимъ благотворнымъ вліяніемъ вашу юную душу, и не только васъ, но многихъ вашихъ собратій... Но это-же время, промелькнувшее для васъ столь благотворно, — совсѣмъ иначе отразилось на вашемъ Царѣ. Онъ ужъ не тотъ, monsieur Грегуаръ. По изложеніи Наполеона всѣ политическія дѣйствія вашего Императора направлены къ подавленію возникшаго повсюду духа свободы, къ укрѣпленію

монархическихъ началъ, которымъ угрожаютъ тайныя общества. Больше всѣхъ въ мірѣ виновенъ въ перерожденіи вашего Императора умный и лукавый Метернихъ. Онъ такъ ловко, такъ постепенно старался ослабить свободолюбивое расположеніе вашего Монарха, онъ незамѣтно влекъ его къ монархическому реакціонному духу, которымъ сумѣлъ заразить весь конгрессъ. И вы не увлекайтесь, monsieur Грегуаръ, прежняго Александра уже нѣтъ, вмѣстѣ съ благородными идеями стало разрушаться и благородство его характера: онъ сталъ подозрителенъ и жестокъ, и только одна сила, — мистицизмъ, теперь владѣетъ его душой... На каждомъ шагу едва вы ступите на русскую землю, васъ ожидаютъ ужасы и разочарованія. Если благородная душа ваша повлечетъ васъ на путь освобожденія народа, — ваше тѣло заплатитъ кровью.

Тяжелое впечатлѣніе произвела рѣчь француза, больному казалось, что онъ видитъ тяжелый сонъ, онъ не могъ, не хотѣлъ вѣрить, что это было правдой. Если-бы это сказалъ другой, онъ въ самомъ началѣ заставилъ бы его молчать; но monsieur Артуръ, его спаситель, честный, благородный человѣкъ, высокообразованный и благодарный русскимъ за пролитую за Францію кровь...

— Я люблю и уважаю васъ, monsieur Артуръ, я привыкъ вамъ вѣрить, но я надѣюсь, что вы ошибаетесь, что вы введены въ заблужденіе. И именно потому, что пришлось все это услышать, — я какъ никогда стремлюсь на родину; такъ не скрывайте, скажите мнѣ правду, когда я могу тронуться въ путь, въ безопасности не для здоровья, — нѣтъ, только для жизни.

Французъ снова медленно прошелся по комнатѣ и остановился у окна, задумчиво вглядываясь въ голубую даль.

— Мнѣ такъ жаль съ вами разстаться, такъ бы хотѣлось, чтобы вы сумѣли найти у насъ вторую родину, — но я знаю, что это невозможно, я самъ свою дорогую Францію не оставилъ бы даже въ самыхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ и не промѣнялъ-бы на земной рай. Я понимаю васъ, monsieur Грегуаръ, я уважаю васъ еще больше и я

не стану скрывать правды... Сегодня вамъ разрѣшено ѣхать кататься, завтра вы пойдете гулять, а дней черезъ пять вы можете выѣхать... на родину. Можетъ быть когда нибудь вы пожелаете снова заглянуть въ нашу Францію, — мой домъ всегда останется вашимъ домомъ, моя дружба неизмѣнной.

Пріятная вѣсть, казалось, дала больному новыя силы, онъ поднялъ голову, съ трудомъ всталъ и тихо подошелъ къ французу.

— Благодарю васъ за все. Я никогда не забуду ни васъ, ни mademoiselle Эвелины, я обѣщаю вамъ вернуться во Францію и снова быть вашимъ гостемъ. А теперь помогите мнѣ поскорѣе вернуться туда, куда зоветъ меня мой долгъ, куда рвется моя душа.

VII

НА РОДИНУ

Какъ мучительно долго тянулись для графа Григорія эти послѣдніе дни на чужбинѣ.

Нетерпѣніе и надежды сжигали его душу...

Онъ не видѣлъ озабоченнаго лица француза-хозяина, не замѣчалъ блѣдности и грусти mademoiselle Эвелины, ея подозрительно красныхъ глазъ... Стояли чудные дни, но его не радовали лазоревое небо, теплый воздухъ, вся эта возрождающаяся жизнь природы...

Наконецъ, въ одно прекрасное утро онъ проснулся со слабымъ сознаніемъ, что сегодня — день отъѣзда... Давно утерянная бодрость вновь разлилась по его тѣлу, забытое душою счастье снова всколыхнулось... Энергично прозвучалъ бронзовый колокольчикъ, но когда старый Жанъ появился въ дверяхъ, графъ Григорій, бодро сидя на постели, уже одѣвался...

— Покидаете насъ, monsieur Грегуаръ, свои-то ближе чужихъ... А у насъ горя-то, горя сколько... Такъ привязались всѣ къ вамъ, полюбили, какъ родного... Не услы-

шу ужъ я, monsieur Грегуаръ, вашего колокольчика и чувствую, какъ его мнѣ будетъ не хватать... Да что обо мнѣ: я старая, глупая развалина; а вотъ monsieur Артуръ и... mademoiselle Эвелина.

Старикъ только махнулъ рукой...

Молодой русскій разсѣянно поддакивалъ, онъ вслушивался въ смыслъ рѣчей старика, его мысли, какъ и душа его, были далеко...

Твердыми шагами прошелъ онъ въ столовую, гдѣ ждалъ его послѣдній завтракъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ... Къ большому удивленію онъ засталъ только одного monsieur Артура, — его сестры не было.

Хозяинъ былъ изысканно любезенъ, но не такъ много-рѣчивъ, какъ обыкновенно, его живые глазки избѣгали встрѣтиться со взглядомъ отъѣзжающаго, тщательно скрываемаго забота туманила его высокій лобъ.

Но гость положительно лишился всякой чуткости и наблюдательности по отношенію къ этимъ людямъ, своимъ спасителямъ... Онъ даже не старался скрывать своей радости, она, казалось ему, была такъ понятна всему міру, онъ оживленно говорилъ о своемъ путешествіи, о своихъ надеждахъ...

Послѣ завтрака графъ Григорій въ послѣдній разъ направился въ свою комнату, чтобы сложить маленькій багажъ, затѣмъ онъ простится съ хозяевами и тронется въ далекій путь и съ этого мгновенія — каждый день, каждый часъ приблизить его къ родной землѣ, къ дорогимъ сердцу... Нѣтъ, право, жизнь не такъ плоха, и стоило страдать, чтобы испытать такое острое счастье...

Всѣ три окна его комнаты были раскрыты, врвался теплый живительный воздухъ, оживленный, словно радостный гулъ столицы Франціи, цѣлый потокъ бодрящей жизни съ цѣлымъ потокомъ солнечныхъ лучей.

Въ дверь слабо постучали.

— Могу я войти? — робко и словно вздрагивая донесся до него голосокъ Эвелины.

Онъ самъ пошелъ ей навстрѣчу и широко открылъ дверь.

— Пришла проститься... — коротко бросила она, не поднимая глазь...

Графъ Григорій взялъ обѣими руками ея почти дѣтскія ручки и нѣсколько разъ горячо поцѣловалъ ихъ, весь проникнутый благодарностью... Какъ часто и много эти ручки служили ему во время болѣзни, то холодныя до синева отъ ледяныхъ компрессовъ, то обжигаясь о горячія припарки! И въ минуты, когда возвращалось къ нему сознание, а больная душа словно рвалась изъ тѣла, — развѣ не эти нѣжныя мягкія ручки, какъ лучшій бальзамъ, касались его мятежнаго лба, его спутанныхъ кудрей...

— Прощайте, Эвелина, милая, дорогая сестра!.. Я не благодарю васъ. Развѣ найдутся слова, чтобы выразить все, что я чувствую? Развѣ есть награда за такое самоотверженіе? Я счастливъ, что увижу родину... и... близкихъ сердцу, но разлука съ вами умаляетъ мою радость, какъ черная туча затмеваетъ солнечный свѣтъ.

Она еще ниже опустила голову.

— Небо ясно, monsieur Грегуаръ... туча не стоитъ недвижно... она пронесется и снова солнце засвѣтитъ вамъ горячо и ярко... и забудется минутная тьма.

Горькій упрекъ звучалъ въ этомъ символическомъ отвѣтѣ. Графъ Григорій уловилъ эту горечь; онъ хотѣлъ возражать, но Эвелина съ живостью его перебила:

— За что вы благодарите меня? Я только исполнила свой долгъ... И всякому другому на вашемъ мѣстѣ отдала бы тѣ же заботы... Конечно, вы мнѣ признательны, — я понимаю это и надѣюсь вы не откажете мнѣ въ одной маленькой просьбѣ...

— Во всякой, — горячо отвѣтилъ онъ.

— Возьмите на память вотъ эту маленькую ладонку, носите ее всегда на шеѣ, не снимайте, кто бы васъ объ этомъ ни просилъ... и думайте объ... Эвелинѣ, когда вашъ взглядъ случайно упадетъ на нее... Вамъ это нетрудно?..

Нѣсколько удивленный странной просьбой, графъ Григорій надѣлъ сейчасъ же ладонку. Темнокрасный пакетикъ на золотой цѣпочкѣ скрылся на его груди.

— Обѣщаю, mademoiselle Эвелина, — ваше желаніе для меня свято...

— А теперь — голосъ ея дрожалъ и глаза, которые она подняла на него, были полны слезъ, — теперь прощайте, Грегуаръ... Вы говорили брату, что вернетесь, я этому не вѣрю, — вы никогда больше не будете гостемъ, желаннымъ гостемъ въ этомъ домѣ... никогда...

Эвелина живымъ гибкимъ движеніемъ обвила шею графа Григорія, наклонила голову и покрыла его губы, глаза, лобъ жгучими поцѣлуями.

Не давъ ему опомниться, нервно рыдая, она выбѣжала изъ комнаты и постаралась спрятаться, чтобы никто не видѣлъ ея слезъ, а она не была бы свидѣтельницей отъѣзда Грегуара.

Ошеломленный стоялъ графъ Григорій. Догадка мелькнула въ его мозгу и обожгла, какъ молнія... Это было бы ужасно! За всѣ заботы и попеченія онъ отплатилъ имъ горемъ... Но раздумывать не было времени... Экипажъ ждалъ... Старый Жанъ, утирая слезы, выносилъ небольшую поклажу. Экономка снабжала корзиночкой съ провизіей. Monsieur Артуръ стоялъ у экипажа... Весь домъ и даже сосѣди провожали русскаго раненаго. Собралась толпа зѣвакъ.

Прощаніе съ хозяиномъ дома вышло какимъ-то сухимъ и натянутымъ; оно оставило на сердцѣ тяжелый гнетъ.

Хлопнулъ бичъ; лошади тронулись... Графъ Григорій осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ...

Прощай, Парижъ!..

Грустно посмотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающему monsieur Артуръ и, тяжело вздохнувъ, направился прямо въ комнату сестры...

Эвелина стояла у окна. Не отрываясь, полными слезъ глазами, провожала она быстро удалявшійся экипажъ... Еще минута... и онъ скрылся, унося съ собой счастье Эвелины.

Конвульсивно рыдая, опустилаcя она на колѣни.

— Дитя мое, Эвелина, зачѣмъ, зачѣмъ эти страданія?..

— Я люблю его... — чуть слышно призналась она.

— Я это понималъ тогда, Эвелина, когда рѣшился его отъѣздъ; но что могъ я сдѣлать!.. Успокойся, онъ вернется...

— Онъ не вернется, а я такъ, такъ его люблю...

Русская граница! Утомленный, запыленный путникъ, со слезами на глазахъ, съ теплой молитвой въ сердцѣ присутствуетъ родную землю...

— Моя дорогая Русь!..

И вотъ вереницей мелькаютъ предъ графомъ Григоріемъ русскіе города, села, деревни... И чѣмъ ближе къ Петербургу, мрачнѣе и мрачнѣе становится на душѣ... Какъ правъ былъ французъ, — его хозяинъ... Теперь, послѣ этихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Германіи и Франціи, послѣ свѣжаго дыханія европейской цивилизаціи и свободы, — какъ тяжело, какъ больно!.. Постепенно, какъ воздушные цвѣтки одуванчика, отлетаютъ радужныя свѣтлыя надежды, слабѣетъ юная энергія.

Словно тяжелый черный покровъ затянуло православную Русь огромное, безправное рабство ея сыновъ... Какъ тяжело крестъ этихъ тружениковъ, какъ темна, безрадостна и мучительна ихъ жизнь!

На каждомъ шагу графу Григорію приходилось сдерживать свое негодованіе, почти бѣшенство, такъ и рвавшееся изъ глубины души...

Мало-мальски одинъ чувствовалъ себя начальникомъ надъ другимъ, созданнымъ изъ той же плоти и крови, — какъ широко пользовался своими правами и въ жестокости не зналъ границъ... Все, что только носило въ себѣ хоть маленькій отголосокъ власти, — отдавалось произволу и злоупотребленіямъ... Повсюду раздавались тихія жалобы, заглушенные страхомъ стоны этого милліона рабовъ...

— Да, правъ французъ, — тутъ тѣма, а тамъ — свѣтъ... Но Императоръ?

Надежда на своего Высокаго Повелителя все еще таилась въ душѣ графа Григорія... Пока... пока случайная встрѣча на станціи со старымъ товарищемъ по полю битвы не разбила и этой послѣдней надежды.

— Ты? Графъ Григорій! Живъ, голубчикъ? А мы всѣ грѣшны, не скрою, оплакали тебя и даже душу твою поминали...

Послѣ первыхъ дружескихъ изліяній, разспросовъ и разсказовъ, графъ Григорій осторожно перешелъ къ интересовавшему его вопросу.

— Давно-ли изъ Питера?..

— Не былъ, да и не поѣду, — не стоитъ. Чего въ Москвѣ наслушался и того, братъ, довольно... Въ отставку подалъ, въ имѣніе ѣду... Тамъ, можетъ, кому и мои силишки пригодятся, на малую, да вѣрную пользу пойдутъ...

— Что Государь?..

— Сгубили нашего Царя, потушили свѣтлое солнышко и не узнаешь его теперь... Аракчеевъ совсѣмъ у насъ хозяиномъ сталъ; всѣ старые, хорошіе друзья въ опалѣ... Военными поселеніями занялись... Губятъ народъ. Насильно отрываютъ отъ родной земли несчастныхъ поселянъ, тащатъ на чужую необработанную землю, подвергаютъ строгой военной дисциплинѣ, обучаютъ военному строю... Двѣ шкуры спускаютъ съ бѣднягъ! Военную строгую службу несутъ и сельскими полевыми работами хлѣбъ свой тяжкій и горькій добываютъ. Цѣлые уѣзды бунтуютъ. Кому охота добромъ свое благосостояніе уничтожить?.. Тутъ, конечно, войска въ ходъ пошли для усмиренія... Кровь льется, какъ въ сраженіяхъ... родная-то кровь... а?.. Тысячами несчастныхъ гонятъ сквозъ строй, на поселеніе потомъ и даже на каторгу...

— Ужасно, — простоналъ графъ Григорій. Товарищъ его сердито отплюнулся.

— Это намъ-то, послѣ европейской свободы, — хорошее зрѣлище, а? Графъ Григорій?.. А розыски?.. Подлый начальничка, чтобы выслужиться, такіа истязанія выдумываетъ для открытія зачинщиковъ возмуще-

нія, волосы станут дыбомъ и рассказывать не стоитъ... Ишь, и теперь блѣдный ты сталъ, губы дрожать...

Пора было трогаться въ путь... Пріятели грустно разстались, въ крѣпкомъ пожатіи безмолвно выразивъ свою горькую солидарность.

Словно камень давилъ душу графа Григорія... Темныя тучи со всѣхъ сторонъ спустились надъ Русью... ужасы, кровь, рабство, произволь и жестокости... И сквозь этотъ мракъ одинъ только проблескъ свѣта врачевалъ израненную душу графа Григорія. Этимъ свѣтлымъ лучомъ была любовь Настеньки...

VIII

ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВѢДИМЫ!

Небо темнымъ покровомъ разстиралось надъ Питеромъ; оно словно слилось въ одну сѣрую полупрозрачную тучу. Моросилъ мелкій дождичекъ; капельки сыпались часто-часто одна за другой, словно мокрымъ туманомъ заволакивая столицу Руси.

Быль уже вечеръ, но жизнь кипѣла на улицахъ.

По тротуарамъ, прикрываясь зонтиками и дождевиками, сновали пѣшеходы, медленно тряслись взадъ и впередъ безчисленные экипажи съ крытыми верхами.

На главныхъ улицахъ горѣли фонари, но свѣтъ ихъ слабо проникалъ сквозь мокрыя стекла. Особенно жутко и тоскливо становилось, когда налеталъ внезапный порывъ вѣтра и крутилъ въ воздухѣ дождевыя капли и развѣвалъ одежду пѣшеходовъ.

Вотъ показалась изъ-за угла маленькая щегольская пролетка; военный сѣдокъ самъ лихо правилъ кровнымъ рысакомъ, отъ времени до времени подстегивая длиннымъ кнутомъ разгорячившагося коня; на запяткахъ пролетки ловко примостился казачокъ.

Встрѣчные пугливо сторонились и давали дорогу мчавшейся пролеткѣ, — она мелькала по улицамъ, какъ

искорка и, наконецъ, разомъ остановилась передъ широкимъ подъѣздомъ роскошнаго дома князя Радомскаго.

Непривѣтливо и сурово смотрѣли темныя каменные стѣны, погруженныя въ глубокій мракъ. Только у подъѣзда тускло горѣли два фонаря и свѣтились окна кабинета стараго князя.

Казачокъ ловко спрыгнулъ и принялъ поводья изъ дрожавшихъ рукъ сѣдока.

Черезъ мгновеніе раздался сильный нетерпѣливый стукъ въ массивную дубовую дверь.

Долго не отворяли.

— Эй, Филиппычъ, отворяй же! Заспался старый хрѣнь! — крикнулъ пріѣхавшій офицеръ и въ голосъ его что-то дрогнуло.

Вотъ застучалъ болтъ и зазвенѣлъ ключъ въ замкѣ. Дверь тоскливо скрипнула и широко распахнулась.

Въ этихъ раскрытыхъ дверяхъ при свѣтѣ фонаря ясно обозначалась высокая статная фигура молодого швейцара; красная ливрея выступала зловѣще изъ полутмы и ярко горѣло на ней золото.

Пріѣзжій, будто смущенный, отступилъ даже на одинъ шагъ... Онъ спросилъ почти робко:

— А гдѣ же старый Филиппычъ? Гдѣ Никитка?

Швейцаръ низко поклонился и почтительно отвѣтилъ:

— Старый швейцаръ помереть изволили, ваше благородіе... Никитку за ослушаніе въ дальнюю деревню сослали. Съ годъ ужъ тому, ваше благородіе.

Безконечные вопросы, которыми пріѣзжій собирался засыпать стараго Филиппыча, — теперь словно застряли въ его горлѣ. И грустно стало, и какъ-то неловко разспрашивать этого незнакомаго слугу.

— Князь Александръ Владиміровичъ дома?

— Дома-съ, ваше благородіе, дома-съ и не почиваютъ.

— Такъ я пройду въ пріемный залъ, а ты доложишь, молъ, графъ Григорій Алексѣевичъ, возвратясь съ войны, милостію Божіей, съ привѣтомъ да съ поклономъ пожаловали...

Швейцаръ пошелъ впередъ, по пути освѣщая лѣстницу, прихожую и залъ.

Графъ Григорій Алексѣвичъ, сбросивъ мокрую шинель, медленно поднимался по этимъ знакомымъ ступенямъ, ноги его дрожали, подкашивались... Неизъяснимое чувство охватило все его существо, невыразимое волненіе перехватывало дыханіе; слезы, обжигая взоры, слезы радости скатились по блѣднымъ исхудалымъ щекамъ.

Совершенно обезсиленный волненіемъ едва вступилъ въ пріемную, графъ Григорій Алексѣвичъ опустился въ первое кресло.

Опять старое, опять родное...

Воспоминанія, сладостныя воспоминанія юности и любви, выступали здѣсь изъ cadaго уголка, изъ каждой складочки, выглядывали изъ золоченныхъ рамъ и старинныхъ массивныхъ креселъ. Молитвеннымъ взоромъ обводилъ графъ Григорій Алексѣвичъ все это, дорогое...

Еще мгновеніе, — и нѣжно зашелестятъ складки бѣлаго платья его невѣсты, беззвучно скользятъ ея маленькая ножка по дорогимъ пушистымъ коврамъ, ея голось, серебристый голось ангела, выскажетъ всю душу въ одномъ словѣ — „Гриша!“ и оборвется... Нѣжныя руки обовьются вокругъ его шеи, ихъ уста сольются въ поцѣлуй, такъ долго ожидаемомъ, и маленькое родное сердечко сильно-сильно забьется у его наболѣвшей груди.

Голова графа Григорія закружилась и онъ закрылъ глаза, кровь сильной, горячей волной прилиwała къ его лицу.

Въ это мгновеніе его слуха коснулись слова, произнесенныя дрожащимъ голосомъ:

— Побѣдителямъ слава! Гриша, здравствуй!..

Графъ открылъ глаза и передъ нимъ ясно вырисовывалась высокая фигура стараго князя Радомскаго; его лицо, непривычно растерянное, блѣдное, съ горькой складкой страданія около царственно гордаго рта.

Графъ сразу поднялся и, шатаясь, пошелъ навстрѣчу отцу Настеньки... Они крѣпко обнялись и троекратно облобызались.

— Ну, что, какъ, Гриша, а? Оправился? здоровъ ли? надолго ли въ наши края пожаловалъ?

Въ этихъ привѣтливыхъ заботливыхъ вопросахъ слышалась какая-то натянутость, чулось что-то недоброе.

И невольно тяжелое предчувствіе стало закрадываться въ душу графа Григорія. Правда, давно онъ не видѣлъ князя, но ужъ слишкомъ постарѣлъ онъ за это время, а еще болѣе бросается въ глаза эта странная перемѣна выраженія его лица, это горькое страданіе, сломившее его прежде ничѣмъ несокрушимую гордость.

Въ это мгновеніе и князь Радомскій внимательно вглядывался въ черты стоявшаго передъ нимъ юноши. Да, Гриша снова стоялъ передъ нимъ, какъ пришелецъ съ того свѣта, уже оплаканный и забытый. А сколько радостныхъ воспоминаній, сколько свѣтлыхъ гордыхъ надеждъ было съ нимъ связано когда-то!

Гриша былъ сыномъ его лучшаго друга, рано остался сиротой, предсмертной волей отца отданъ на полное попеченіе Радомскаго и выросъ на его рукахъ.

Вотъ онъ, худенькій, нѣжный мальчикъ, съ большими сѣро-голубыми глазами... Какъ тѣсно сплетались въ его чистой дѣтской душѣ родовая гордость и мягкое сочувствіе горю ближнихъ, хотя бы и низшихъ. Какъ часто суровому опекуну приходилось наказывать мальчика за это состраданіе къ низшимъ.

Ровнымъ суровымъ голосомъ старался развернуть старый князь передъ глазами мальчика блестящую картину привилегій его рожденія и тотъ почтительно выслушивалъ, наклонивъ маленькую свѣтлую головку; но достаточно было хоть разъ заглянуть въ сѣро-голубое море его глазъ, чтобы знать, какъ всѣ эти слова не доходятъ до маленькой души.

Но особенно полюбился сиротка Гриша суровому князю за то, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ мальчикъ былъ рыцаремъ, защитникомъ и восторженнымъ поклонникомъ его Настеньки... Это въ его головѣ впервые зародилась мысль соединить брачными узами эти два юныхъ отпрыска

старинныхъ родовъ. Какой радостный откликъ нашла его воля въ сердцахъ Настеньки и Гриши!

И вотъ, и вотъ...

Какъ открыть ужасную истину? Слова не повинуются, голосъ замираетъ...

Настала минута глубокаго молчанія и сѣро-голубые глаза съ тоскливымъ вопросомъ ждали отвѣта.

Но молчаніе длилось.

Наконецъ, графъ Григорій глухимъ, упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Ну, а Настенька? Почему я не вижу своей невѣсты? Почему не встрѣчаетъ она меня? Здорова-ли? Можетъ она и не въ Питерѣ?

Въ глазахъ стараго князя потемнѣло; онъ обѣими руками сдавилъ голову, какъ бы силой желая ей возвратить обычное равновѣсіе.

— Ты не волнуйся, Гриша; присядь и постарайся выслушать меня спокойно... Судьбы Господни неисповѣдимы и Онъ часто посылаетъ намъ тяжкія испытанія.

Князь обхватилъ за плечи молодого человѣка и повелъ его къ удобному креслу; но графъ Григорій вырвался изъ его рукъ и, по виду спокойный, хотя смертельно блѣдный, коротко сказалъ:

— Правду, только одну правду...

И старый князь понялъ, что не стоитъ уклоняться и смягчать ударъ, — все равно онъ будетъ смертельнымъ для этой молодой души. Грустно опустивъ голову, онъ торжественно произнесъ:

— Настеньки, твоей невѣсты, больше нѣтъ, Гриша. Есть женщина, къ которой ты долженъ относиться какъ братъ и рыцарь; эта женщина — княгиня Анастасія Александровна Ладова.

Изъ груди графа Григорія вырвался одинъ только стонъ — жалобный, больной, безпомощный.

Теперь уже безъ сопротивленія онъ позволилъ князю усадить себя въ кресло; руки его повисли, голова безпомощно откинулась на золоченную спинку, глаза закрылись.

Его можно было-бы принять за мертвого, если-бы не трепетъ рѣсницъ, если-бы не болѣзненные судороги, искривлявшія его губы. Для этихъ страданій не нужно было слова, не нужно было объясненій. И князь это понималъ. Онъ стоялъ молча, жалко сгорбившись, исподлобья, не отрываясь, глядя на лицо своего воспитанника.

Почему-то въ то тяжелое мгновеніе свѣтлое прошлое, все самое лучшее вспоминалось. И вдругъ... сквозь хаосъ этихъ воспоминаній, такъ ясно выступила большая темно-красная кровать, покрытая бѣлыми простынями и подушками, и на этихъ подушкахъ свѣтлокудрая голова его друга графа Алексѣя... Никогда еще сходство между умершимъ и его сыномъ такъ не поражало князя.

Въ ушахъ стараго вельможи отчетливо прозвучали послѣднія слова, сорвавшіяся съ холодѣвшихъ уже устъ:

„Гришу поручаю тебѣ, тебѣ одному... Богу дашь отвѣтъ и мнѣ.“

Какой отвѣтъ дать онъ теперь за эту разбитую жизнь, за это растоптанное счастье, едва только налившееся въ первыя сочныя почки?

И порывистымъ крикомъ раскаянія, раскаянія поздняго и ненужнаго, вырвалось изъ груди князя.

— Гриша, Гриша!

Нервно трепетавшія рѣсницы дрогнули и поднялись. Большіе сѣро-голубые глаза глянули на князя съ такой мучительной безнадежной тоской, потому что цѣлый міръ теперь опустѣлъ для этой души, потому что послѣдній свѣтлый лучъ — погасъ!..

IX

СТАРОЕ И НОВОЕ

Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія, князь Радомскій осторожно заговорилъ:

— Что было дѣлать, Гриша, самъ суди?.. Сначала хоть рѣдко, да вѣсточки отъ тебя приходили, а потомъ и

ихъ не стало... Настенька ходила ровно убитая, сердце надрывалось, на нее глядя... Что было дѣлать, Гриша? Одно вѣдь дитятко, одно... Я къ ней и такъ и этакъ подступалъ, слышать не хотѣла... Ну, а потомъ... Случилось тутъ одно такое дѣло — образокъ ей твой привезли и письмо, въ которомъ прощаешься съ ней и слово ей возвращаешь.

Горькая улыбка искривила блѣдныя губы графа Григорія, но онъ не проронилъ ни слова... Эту улыбку замѣтилъ князь Радомскій, онъ понялъ ее и вступился за свою дочь.

— Ты не суди Настеньку... Горевала она, такъ горевала... Страшно становилось. Тутъ я и поймалъ ее на словѣ... Какъ разъ князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ присватался...

Ну, думаю, стерпится-слюбится, — молодъ вѣдь, красивый, роду хорошаго, любить ее... Тутъ ужъ воля Божья, супротивъ ея не пойдешь... Кабы образка твоего не получили, такъ все еще надѣяться могли-бы, а то... Ну, что ты приумолкъ, Гришенька? Хоть-бы словечко обронилъ.

Графъ Григорій медленно повелъ плечами.

— Божья воля, — сказалъ онъ глухо, — ты правъ, князь Александръ Владиміровичъ, Божья воля... И толковать теперь вѣдь не о чемъ.

И вдругъ сразу графъ Григорій поднялъ свои глаза и пытливо устремилъ ихъ на князя.

— Счастлива она?

Старый князь смутился, не выдерживая взгляда, онъ отступилъ отъ кресла, на которомъ сидѣлъ его воспитанникъ, и медленными тяжелыми шагами прошелся по залу.

Графъ Григорій слѣдилъ за нимъ; въ потускнѣвшихъ глазахъ его снова блеснули искорки.

— А какъ сказать, — тихо заговорилъ князь, — нравъ у князя Ивана Васильевича крутой, ревнивый, къ мертвому, къ тебѣ, и то ревновалъ, а къ живому и того хуже будетъ. Не знаю ужъ, показаться-ли? Ну, свекровь, —

крутая женщина. Да что ужъ говорить, не сладка жизнь молодой княгини Ладовой...

Тяжелый вздохъ сожалѣнія вырвался изъ груди графа Григорія, сожалѣніе жгло его душу, но онъ опять не проронилъ ни слова.

Снова наступило нѣсколько минутъ глубокаго молчанія, въ которомъ каждый отдавался своимъ нерадостнымъ думамъ.

Старикъ сокрушался о сдѣланной ошибкѣ, но въ его закаленной душѣ это была лишь временная слабость, — вѣдь это Божья воля наложила суровыя оковы на его дочь и она, рожденная княжна Радомская, будетъ волочить ихъ до самой могилы.

Юноша былъ охваченъ двумя разнородными чувствами и они боролись въ его душѣ. Трудно было сказать, которое изъ нихъ побѣдитъ.

Одно, горькое и больное, съ укорами, съ упрекомъ обращалось къ той, которая нарушила святыя клятвы, которая обычнаго даже траура не надѣла по своему нареченномъ и, словно обрадованная возвращенной свободой, — поспѣшила отдаться другому.

Другое — защищало и сожалѣло измѣнившую... Она такъ молода, она не сумѣла противостоять давленію отца и всѣхъ окружающихъ — и она такъ глубоко несчастна... Она его кумиръ, его возлюбленная, она должна выносить немилыя ласки, грубую ревность, оскорбленія — злость свекрови.

И душа графа Григорія колебалась, уступая то одному чувству, то другому, но не одному вполне не отдаваясь.

Князь первый нарушилъ молчаніе.

— Что-же ты теперь думаешь дѣлать, Гриша? Конечно, на службѣ останешься... Ты такъ молодъ, любовь и грусть скоро съ тебя спадутъ, — другая замѣнитъ тебѣ Настеньку. Все равно, вѣдь, все проходитъ, Гриша, годы все уносятъ: нашу молодость, наши чувства, нашу жизнь... А дороже всего — долгъ нашъ передъ царемъ и родиной.

Графъ Григорій вздрогнулъ.

— Ты находишь, князь, что служить теперь царю и родинѣ вмѣстѣ возможно?

Князь съ удивленіемъ вскинулъ свои глаза на молодого человѣка.

— Я не понимаю твоего страннаго вопроса, Гриша...

— Наслышанъ я кое чему, князь, — да ужъ вѣрить очень не хочется... Далеко я былъ, ничего не знаю, дай-ка тебя лучше послушаю... Правда-ли, что нашъ государь погасить свѣточъ своей юности? Правда-ли, что Аракчеевъ править теперь русской землею и нами, дворянами? Правда-ли, что военными поселеніями губять народъ?

Старый князь нахмурился и глаза его сверкнули изъ надвинувшихся густыхъ сѣдыхъ бровей.

— Пустое ты городишь, Гриша, видно заморскія земли да вражьи пули ума тебя лишили. Ты-ли судья Царю-Государю? Кому ты крестъ цѣловалъ, за кѣмъ идти на смерть передъ Господомъ поклялся? Я воспиталъ тебя и возрастилъ, я за твою душу отвѣтчикъ передъ Господомъ и отцомъ твоимъ. Понимаешь-ли ты, какъ горько и больно мнѣ тебя выслушивать?

Графъ Григорій не сталъ возражать. Въ этой старой закоснѣлой душѣ, уже сросшейся со взглядами, вряд-ли что нибудь могло-бы зажечь хоть искорку новаго правдиваго свѣта, такъ и пылавшаго въ груди графа Григорія... Нѣтъ, онъ не станетъ раздражать этого старца, замѣнившаго ему отца, онъ не станетъ биться головой объ стѣну, — онъ постарается разспросить князя подробнѣе, чтобы еще разъ окончательно убѣдиться въ ужасной истинѣ.

— Прости меня, князь, я погорячился... Слыхивалъ я по пути отъ военныхъ людей, что эти поселенія губять нашу родину...

Князь выпрямился и глаза его сверкнули.

— Вздоръ! Это бараньи головы могутъ такъ говорить. Нашъ великій Государь знаетъ, что онъ дѣлаетъ, онъ знаетъ, что Россія должна первенствовать въ Европѣ, онъ желаетъ этого добиться. Примѣръ злосчастнаго искателя приключеній, корсиканца Наполеона, показалъ намъ, что для владычества надъ Европой нужны могучія воен-

ныя силы. Какъ добыть ихъ съ возможно меньшими издержками для казны? Вѣдь наша родина истощена, разорена войной и внутренними бѣдами. Нашъ Императоръ придумалъ отличный планъ военной колонизаціи, вѣдь волости цѣлыхъ уѣздовъ изъ государственныхъ крестьянъ поступаютъ въ военное вѣдомство, вѣдь всѣ эти обыватели превратятся въ могучіе полки пѣхотные и конные.

Графъ Григорій невольно горячо возразилъ:

— Ну, развѣ могутъ, развѣ смѣютъ насильно отрывать отъ родной земли несчастныхъ поселянъ, чтобы тащить на чужую, холодную, необработанную землю? Вѣдь съ нихъ спускаютъ двѣ шкуры: военную службу и полевые работы... Наконецъ это безбожное дѣло поглощаетъ многіе миллионы безъ всякой пользы... Понятно, что даже нашъ смирный, придавленный, рабскій народъ возмущается, отстаиваетъ свое благосостояніе.

Тихій злобный смѣхъ задрожалъ на губахъ стараго князя.

— Возмущаются?! Вотъ ихъ и учать, чтобъ не возмущались, усмиряютъ. Сколько ужъ проломили этихъ глупыхъ головъ, цѣлыми тысячами сквозь строй прогнали, а потомъ и въ Сибирь прогуляли, пусть свои лишніе силы да свою смѣлость въ каторжныхъ работахъ попробуютъ.

Графъ Григорій вскочилъ со своего кресла и снова яркая волна крови прилила къ его блѣдному усталому лицу.

— Какъ можешь ты такъ говорить, князь, гдѣ твое сердце, гдѣ твоя душа? Вѣдь это братъ идетъ на брата, вѣдь это русская кровь отъ русской руки льется, какъ въ сраженіяхъ, вѣдь это стонутъ и умираютъ наши родные братья!

Презрительная усмѣшка пробѣжала по губамъ старика.

— Ну, это ты тамъ, надышавшись заморскимъ воздухомъ, можешь считать себя братомъ этой сволочи, этихъ темныхъ грязныхъ рабовъ, я же, князь Радомскій, имъ знаю настоящую цѣну. Это рабы во плоти и крови, рожденные и живущіе въ рабствѣ, рожающіе рабовъ. По-

пробуй съ ними разводить свои либеральные бобы и покажутъ тебѣ эти земляные черви, гдѣ раки зимуютъ. Имъ кнутъ нуженъ да палка, по три шкуры драть съ нихъ нужно, кровью да потомъ ихъ удобрять нашу землю. И ты молчи, молчи, не возражай.

Князь положительно дрожалъ отъ гнѣва. По холодному раздумью противорѣчить ему не слѣдовало, но свѣтлый огонь правды, человѣческой любви и свободы разгорячалъ душу юноши, эту душу зарождающагося „декабриста“.

— Самъ Государь, на котораго ты, князь, опираешься, думалъ и чувствовалъ иначе и нѣсколько лѣтъ тому назадъ не поднялась-бы его рука на этотъ ужасъ. Нашъ Государь, — умеръ для счастья родины. Въ одномъ только правъ ты, князь, да, дѣйствительно я надышался заморскимъ свѣжимъ воздухомъ. Тамъ я видѣлъ народъ счастливый и свободный, тамъ княжить тотъ, кто Богомъ одаренъ, тамъ люди-братья. Да, ты правъ, князь, никогда не перестанутъ звучать въ ушахъ моихъ благородныя рыцарскія рѣчи, подготовлявшія возстаніе Пруссіи; въ нихъ, въ сладкихъ пѣсняхъ, воспѣвались всеобщая свобода и счастье, въ нихъ проклиналась тиранія. И тамъ, во Франціи, я много слышалъ и видѣлъ незабвеннаго и оно проникало нечувствительно въ мое сердце, въ мой умъ, въ мою кровь и мнѣ до боли стыдно становилось за нашу Русь, раздавленную рабствомъ и самовластіемъ.

Можетъ быть, никогда лицо графа Григорія и вся его аристократическая тонкая фигура не были такъ прекрасны... Онъ весь словно освѣщенъ былъ внутреннимъ сіяніемъ, глубина его широко открытыхъ глазъ могла поспорить съ глубиной моря, волосы откинулись со лба и рельефно выступали благородныя линіи.

Князь слушалъ, не вѣря своимъ ушамъ, возмущеніемъ прикованный къ мѣсту и лишенный дара слова и, когда юноша умолкъ, — одна только хриплая фраза вылетѣла изъ его устъ:

— Григорій — ты измѣнникъ!

Юноша уже очнулся.. Ему жаль стало этихъ горя-

чихъ вдохновенныхъ словъ, брошенныхъ какъ свѣжее сильное зерно на неплодородную почву... внутреннее сіяніе мгновенно погасло, взоръ помертвѣлъ, голова склонилась, а голосъ прозвучалъ глухо и сдержанно:

— Прости меня, князь.

А у стараго вельможи глухая борьба шла въ душѣ... Долгъ повелѣлъ предать этого убѣжденнаго измѣнника; а душа содрогалась передъ воспоминаніями прошлаго. Это прошлое — побѣдито. Князь отошелъ въ уголъ комнаты, заложилъ руки за спину и сурово произнесъ:

— Прощай, графъ Григорій, — этотъ домъ — не для людей съ твоими взглядами и вкусами... Мы расквитались... Я поклялся твоему отцу пещись о тебѣ, я невольно разрушилъ твое счастье. Теперь, услышавъ отъ тебя всѣ эти страшныя слова, я благодарю Бога и судьбу, что Настенька досталась другому, вѣрному слугѣ Царя... Въ это мгновеніе я приношу тебѣ большую жертву, я иду противъ совѣсти и долга, но я клянусь тебѣ, что всѣ твои слова забудутся между нами... Теперь — прощай, иди.

Графъ Григорій отвѣтилъ безмолвнымъ, русскимъ пояснымъ поклономъ и, шатаясь, съ отуманенной головой вышелъ изъ пріемнаго зала князя Радомскаго.

Х

ВЪ ХАОСѢ

Какъ въ туманѣ спустился графъ Григорій и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ своей жизни — по широкой лѣстницѣ княжескаго дома, по которой прежде такъ часто стучали его дѣтскія ножки... Да, онъ не вернется сюда уже никогда.

Застоявшійся конь быстро помчалъ его обратно къ старому дому графовъ Ланскихъ, его прародителей... Этотъ домъ, его колыбель, все-таки не былъ такъ близокъ его душѣ, какъ тотъ, — мрачный съ готическими окнами.

Нѣтъ, не здѣсь, а тамъ — пробуждались впервые сознательныя мысли, сознательныя чувства въ его душѣ. Тамъ — онъ росъ; тамъ — онъ учился; тамъ — впервые надѣлъ онъ офицерскій мундиръ, которымъ когда-то гордился. Тамъ зародилась и расцвѣла въ пышный благоухающій цвѣтокъ его первая, чистая любовь; тамъ къ ногамъ свѣтлаго ангела сложилъ онъ рыцарскія клятвы и выслушалъ въ отвѣтъ — такія-же... Тамъ прозвучалъ его первый прощальный поцѣлуй; тамъ — позналъ онъ первое горе; тамъ — зажглась и погасла надежда на личное счастье.

Какъ только пріѣхалъ домой, графъ Григорій сейчасъ-же, не раздѣваясь, бросился на постель... усталый, разбитый, онъ все-же не могъ уснуть...

То, — какъ живая, появлялась предъ нимъ Настенька, такую, какою онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ, въ бѣломъ платицѣ, въ золотистой рамкѣ каштановыхъ кудрей, съ большими сіяющими лучистыми глазами, со словами любви и обѣтами на устахъ. Только такую онъ могъ себѣ ее представить, — та, другая, чужая — грустная, возмужалая Настенька не рисовалась его фантазіи.

А вотъ... выглядывало смѣющееся личико Эвелины, ея гибкая, пикантная фигурка... Нѣжная, теплая ручка мягко касалась его усталой головы, разглаживала пасмурное чело...

Но обѣ дѣвушки блѣднѣли, исчезали, на смѣну имъ рисовался мрачный залъ, обитый сукномъ, въ какомъ-то подземельѣ... Замаскированные, таинственные члены Тугендбунда, ихъ горячія вдохновенныя рѣчи...

А вотъ и Франція съ ея смѣлыми либералами.

Вслѣдъ за этими впечатлѣніями свѣтлыя надежды о благѣ и процвѣтаніи родины, осяѣнной благословенной рукой Императора. Весь этотъ рядъ горькихъ разочарований, весь этотъ мракъ русской земли, все эти ужасы, глухіе стоны миллионовъ рабовъ.

А вотъ и его стонъ, болѣзненный, вырвавшійся изъ глубины души. Вѣдъ погасъ послѣдній свѣтъ, — разбита и попорана его любовь — измѣной...

Что-же теперь? Идти на помощь этимъ миллионамъ стонущихъ рабовъ?

Какъ? Что можетъ онъ сдѣлать? Развѣ не встрѣтитъ онъ повсюду такое-же „сочувствіе“, какое встрѣтилъ сегодня въ Радомскомъ?!

И вотъ, среди этого хаоса стремленій, страданій и мукъ, — загорается въ больномъ мозгу маленькая искорка, разрастается въ длинную свѣтлую ленточку и, какъ огненная блестящая змѣйка, вьется передъ мысленнымъ его взоромъ.

Развѣ онъ и ему подобные созданы для того, чтобы перевернуть весь міръ?

Нѣтъ, въ огромномъ, большомъ мірѣ, въ миллиардѣ миллиардовъ живыхъ существъ, — онъ только маленькій атомъ, долженствующій вложить свою крохотную лепту въ этотъ великій міръ...

И, можетъ быть, его лепта не окажется такой малой, какой представляется она сейчасъ?

Ему вѣдь принадлежатъ обширныя помѣстья, онъ также своего рода плантаторъ и владѣлецъ массы бѣлыхъ рабовъ.

Прежде всего онъ сброситъ этотъ блестящій мундиръ, теперь ненужный. Правда, — освященный кровью союзниковъ и враговъ, кровью его братьевъ, наконецъ, его собственной кровью... но уже исполнившій свое назначеніе и больше ненужный, нѣтъ...

Потомъ онъ простится съ Государемъ, простится съ родными и близкими и уѣдетъ туда въ свои родовыя помѣстья, туда, — чтобы облегчить и устроить участь своихъ бѣлыхъ рабовъ, подготовить ихъ и возвратить имъ свободу...

Вотъ его назначеніе, вотъ — единственная цѣль его жизни.

Приливъ энергіи охватилъ измученную душу молодого человѣка, онъ разомъ приподнялся и сѣлъ на кровати.

Разсвѣло...

Небо, словно все затянутое сѣрымъ полупрозрач-

нымъ покровомъ, заглядываетъ въ широкія окна. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылось солнце, на туманномъ покровѣ, обозначался свѣтлый кругъ. Мелкій дождичекъ ударялъ о стекла, какъ будто напѣвалъ монотонную унылую пѣсенку... Съ улицы доносился стукъ экипажей...

Графъ Григорій подошелъ къ окну и раскрылъ его.

Теперь уличный шумъ ворвался съ силой. Графъ Григорій высунулся изъ окна, подставляя раскрытую голову освѣжающему небесному душу... Передъ его разсѣянными взоромъ сновали люди, вѣчно спѣшащіе, вѣчно занятые.

Онъ очнулся только тогда, когда раздался стукъ въ дверь, и самъ удивился, какимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Войдите...

Старый дворецкій, почтительно кланяясь, подалъ ему письмо.

— Отъ тетеньки вашего сіятельства графини Натальи Михайловны, — доложилъ слуга, — верховой тутъ ожидаетъ, не будетъ ли отвѣта отъ вашей милости.

Графъ Григорій разорвалъ конвертъ. Тетка приглашала его сегодня вечеромъ къ себѣ и сообщала, что будутъ „сильные міра сего“ и, пожалуй, самъ императоръ. Вотъ-де случай о себѣ напомнить, можетъ, что хорошее и достанется.

Горькая улыбка мелькнула на губахъ графа. Это-то по старому осталось, не измѣнилось, юбочная протекція...

Вотъ одна изъ причинъ, почему жутко его родинѣ.

Тутъ люди не по заслугамъ, не по уму и знаніямъ становятся у власти, увь! — вершители народныхъ судебъ „племяннички“, „братцы“ и, что еще хуже, протеже обольстительныхъ дамъ. Что могутъ эти люди сдѣлать хорошаго?.. Что для нихъ этотъ бѣдный русскій народъ? Развѣ спадутъ когда-нибудь въ ихъ рукахъ цѣпи рабства?

Слуга почтительно ждалъ отвѣта. Графъ Григорій оторвался отъ печальныхъ мыслей и наскоро написалъ отвѣтъ... Онъ рѣшилъ быть вечеромъ у тетюшки-графини... Разомъ всѣхъ родичей повидать, проститься...

Сейчасъ и отставку свою отправить и... въ путь.

Туда, откуда свѣтится еще лучъ надежды, туда — гдѣ, можетъ быть, его молодая жизнь не пройдетъ безъ цѣли, безъ пользы...

Въ этотъ самый день въ домѣ князя Ивана Васильевича Ладова шли суетливыя приготовленія къ большому балу по приглашенію графини Натальи Михайловны Ланской...

Придворный портной примѣрялъ дорогое боярское платье на молодую княгиню Анастасью Александровну...

Настенька сидѣла у большого венеціанскаго зеркала, безучастная и терпѣливая. Уже пятый разъ примѣряли ей кокошникъ и снова перешивали его. Наконецъ, — конечно, она готова и нужно звать старую княгиню для осмотра.

Въ ожиданіи ея Настенька присѣла на диванѣ, грустно опустивъ голову. Какъ шель ей этотъ старинный русскій костюмъ! Какъ бѣлая лилія, выглядывало ея нѣжное личико изъ жемчужной подвязи.

Старая княгиня тихо вошла и остановилась у порога, зоркимъ взглядомъ окидывая невѣстку. Хороша!.. Глаза старухи непріязненно блеснули.

Она сама не знала, почему ненавидѣла это молодое существо, покорно вошедшее въ старый домъ, какъ жертва на закланіе... Особенно раздражала старуху безотвѣтность невѣстки, ея гордая замкнутость. Чуткое сердце матери не могло не понять, что молодой женѣ не только не любъ ея сынъ, а, пожалуй, и непріятель. Слыхивала она стороной, что былъ у ея невѣстки другой нареченный, что погибъ онъ въ союзной войнѣ, а иначе — не видать-бы именитому князю Ладову княжны Радомской.

И каждый разъ, когда облачко грусти туманило черты Настеньки, старая княгиня не могла удержаться отъ удовольствія пустить ядовитую тонкую стрѣлку въ сердце невѣстки.

— Пригорюнилась... И балъ вотъ не веселитъ. Да-

ромъ молодой муженекъ старается, изъ кожи лѣзеть. Нарядили-то какъ, такъ жемчугами всю и осыпали!

Настенька вздрогнула и торопливо встала. Она безучастно подошла къ свекрови и предоставила той разсматрѣть себя во всѣхъ деталяхъ.

— Ничего, хороша. Жаль, что мертвые не воскресаютъ, а то порадовались бы, — сквозь зубы процѣдила старуха.

Молодая женщина вспыхнула до корней волосъ, такъ что даже слезинки блеснули въ глазахъ. Первый разъ свекровь такъ грубо коснулась ея сердечной раны, ни слова не проронила она въ отвѣтъ, казалось, не замѣтила торжествующаго взгляда старухи.

Дверь распахнулась и на порогъ показался князь Иванъ Васильевичъ. Онъ прямо подошелъ къ женѣ, залюбовался ею на нѣсколько мгновений...

Черные глаза князя горѣли какъ-то неестественно, краска возбужденія играла на щекахъ.

Онъ попросилъ мать и жену пройти въ большой залъ, подъ предлогомъ лучше осмотрѣть костюмъ, и когда, наконецъ, они остались одни, онъ, пристально глядя въ лицо жены, неестественно шутливо заявилъ:

— Ну, красавица, прихорашивайся къ вечеру... Бываетъ, что и мертвые изъ гробовъ встаютъ, всякія бываютъ чудеса. И бывший твой женихъ нареченный изъ мертвыхъ воскресъ и сегодня ты его увидишь на вечерѣ графини Ланской.

Настенька смертельно поблѣднѣла, но не повѣрила, — это опять злая шутка, опять ядовитый уколъ.

— Оставимъ мертвыхъ, живое — живымъ, — однѣми губами пролепетала она.

— На этотъ разъ я не шучу, ты можешь мнѣ повѣрить, я даю тебѣ свое честное слово. Приготовься встрѣтить графа Григорія и смотри — онъ подошелъ къ ней близко и крѣпко сжалъ ея руки, — смотри, ты должна счастливая и веселая идти рядомъ со мною, твоимъ мужемъ. Я долженъ торжествовать надъ нимъ, моимъ соперникомъ! Я радъ, что онъ живъ, — мертвый счастли-

вый, онъ отравлялъ мой покой, онъ отравлялъ мою душу... Пусть знаетъ онъ теперь, что ты моя, моя жена, моя раба...

Теперь Настенька поняла, что мужъ не шутить, лицо его пылало и голосъ прерывался... Такъ, значить, живъ, живъ?.. О, Боже! Праведный милосердный, великій Боже... За что-же, за что?.. Такъ ясно всталъ передъ нею любимый образъ, съ такимъ больнымъ укоромъ глядѣли на нее сѣро-голубые глаза...

— Гриша! — крикнула она и потеряла сознание.

ХІ

ОНА ОПРАВДАЕТСЯ

Когда Настенька пришла въ себя, она уже лежала раздѣтая въ своей спальнѣ, холодный компрессъ охлаждалъ ея голову, разносился крѣпкій запахъ спирта.

— Ну, право, Ваня, лучше ей не идти, а ну, какъ тамъ она хлопнется или повиснетъ ему на шею, стоитъ-ли срамить свое имя ради какихъ-то чувствъ, которыхъ я не понимаю даже. Брось свое упрямство, послушай хоть разъ мать — старуху, — донесся до слуха Настеньки слащавый, вкрадчивый голосъ свекрови.

— Оставьте, мамаша, — нетерпѣливо и горячо отвѣтилъ голосъ мужа. — Она пойдетъ, она должна, я этого хочу. Наконецъ, не какая-нибудь она, — слава Богу, княжна Радомская, не захочетъ посрамить сѣдую голову своего отца.

— О-охъ, — вздохнула старая княгиня, — когда сердце говорить, — все другое умолкаетъ. Какъ вѣдь таилась отъ меня и тебя, а сегодня вѣдь не вытерпѣла. Какимъ голосомъ-то крикнула „Гриша“, своими, чай, слышала уши.

Невольный крикъ гнѣва сорвался съ устъ князя.

— Молчите, умоляю васъ. Я такъ хочу и такъ будетъ, а если „они“ хоть малѣйшую тѣнь бросятъ на мое

старое славное имя — заплатятъ кровью, оба заплатятъ кровью.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Настеньки.

Мужъ сейчасъ-же къ ней подошелъ.

— Очнулась, и прекрасно. Цѣлый день у тебя впереди, спи, отдыхай, лѣчись, дѣлай, что хочешь, а къ вечеру — будь здорова, нарядна, весела... Я требую этого, слышишь?

Онъ снова схватилъ ее за руки и крѣпко, насколько позволяли его силы, сжималъ эти хрупкія ручки.

Отъ боли легкій румянецъ заигралъ на щекахъ Настеньки, но взглядъ, которымъ окинула она мужа, былъ безучастный, мертвый какой-то, а голосъ отвѣтилъ спокойно, не дрогнувъ:

— Хорошо...

Едва закрылась дверь за княземъ Иваномъ Васильевичемъ, какъ свекровь съ несвойственною ея старости живостью подбѣжала къ Настенькѣ.

— Въ недобрый часъ ты вступила въ нашъ честный домъ, — не даромъ сердце мое тебя не взлюбило. Сердце матери — вѣщее, — не могли меня обмануть: ни твоя чистая красота, ни твой свѣтлый взоръ, ни ангельская улыбка. Я сразу поняла тебя... Въ твоемъ взглядѣ, когда онъ устремлялся на моего сына, — я читала холодное отвращеніе, а когда первый супружескій поцѣлуй коснулся твоихъ устъ, въ этихъ свѣтлыхъ глазахъ отразился ужасъ и страданіе. Зачѣмъ ты загубила его? Зачѣмъ ты пошла за него не любя? — Вотъ этого я тебѣ простить не въ силахъ... Поскучаль-бы онъ о тебѣ и забылъ... Другая счастьемъ почла-бы стать его женой... Вѣдь какой онъ молодой, красивый, знатный и богатый! Зачѣмъ, зачѣмъ ты погубила его?

Настенька вслушивалась съ ужасомъ въ эту шипящую рѣчь. Она закрыла глаза и тихій стонъ страданія дрогнувъ на ея устахъ... Да, зачѣмъ, зачѣмъ?

— Ты очень страдаешь, я это знаю. За долгую жизнь я хорошо изучила женское сердце, но мнѣ тебя не жаль, ни чуточку не жаль. Ты закралась въ мой домъ и

вселила въ него горе и заботы, можетъ быть, покроешь еще позоромъ мое старое имя. Ты не должна была обманывать, ты поступила нечестно, нечестно...

Какъ ужаленная вскочила Настенька, ее глубоко оскорбили и впервые она рѣшилась измѣнить своему молчанію, впервые захотѣлось ей отвѣтить правдиво и рѣзко своей свекрови.

— Я всегда молча выслушивала всѣ ваши укоры и вы не знаете правды, княгиня... Я княжна Радомская и нечестно поступить не могла. Когда вашъ сынъ просилъ моей руки, я все ему сказала, все, что знала сама, что я любила другого и была его невѣстой, что только смерть могла насъ разлучить, что я принесу въ даръ своему мужу лишь разбитое сердце и больную душу, что никогда я не въ силахъ буду снова полюбить. Онъ все-таки настаивалъ на нашей свадьбѣ, настаивалъ и мой отецъ и я уступила. Развѣ я знала, что Гриша живъ? Развѣ я могла себѣ представить, что воскресаютъ мертвые? Вѣдь я говорила съ очевидцемъ его смерти, вѣдь я получила обратно мой образокъ и вмѣстѣ съ нимъ послѣднее прощальное письмо, возвращавшее мнѣ свободу!

Въ отчаяніи, ломая руки и рыдая, Настенька снова опустилась на подушки.

— О, какъ любишь ты его, какъ любишь ты графа Ланского, ты, молодая княгиня Ладова, жена моего сына! — язвительно проговорила свекровь.

Настенька снова подняла свою голову и открыто посмотрѣла въ глаза старухѣ.

— Да, я люблю его, — твердо и рѣзко отвѣтила она, — но позоромъ вашего имени не покрою. Я поклялась Господу, вашему сыну и моему отцу, и пусть истекаетъ кровью мое сердце, пусть терзаются муками душа моя и тѣло — я клятвѣ своей не измѣню. Пойдите и скажите вашему сыну, пусть онъ не беспокоится... Онъ правъ, я жена и раба его, я исполню его волю. Въ назначенный часъ я выйду одѣтая въ свое роскошное платье, съ веселой и счастливой улыбкой на губахъ, пусть въ душѣ моей

адъ и стоны, но я не выдамъ себя ни однимъ вздохомъ, ни однимъ словомъ.

Настенька снова опустилась на подушки, поблѣднѣла и закрыла глаза... Еле слышно она проговорила:

— Теперь... уйдите, оставьте меня. Мнѣ нужно пережить свое горе, мнѣ нужно почерпнуть въ себѣ много-много силъ, — мнѣ ихъ можетъ дать одинъ только Богъ.

Старуха медленно встала, бросила еще одинъ недобрый взглядъ на свою невѣстку и гордой поступью вышла изъ спальни.

Настенька осталась одна.

Безсвязныя мысли толпились въ ея головѣ, безсвязная молитва скользила на устахъ, но святыя слова не могли заглушить горькой обиды, нанесенной ей судьбою, не могли заставить не роптать эту молодую душу...

— За что? За что?

Жила она въ Богѣ и правдѣ, слѣдовала завѣтамъ матери, никому не сдѣлала зла, а добра — сколько умѣла... такъ за что-же? За что?

Что подумаетъ Гриша о ней? Съ какой насмѣшкой растопчетъ онъ ихъ святыя грезы, какъ будетъ издѣваться, какъ будетъ проклинять!

Со всѣмъ остальнымъ готова она примириться, готова поставить крестъ на свою молодую жизнь, но только не съ этимъ незаслуженнымъ презрѣніемъ горячо любимаго.

Вѣдь вся ея земная жизнь теперь только тяжелый сонъ, вѣдь душа ея отдѣляется отъ тѣла и живетъ своей особенной жизнью, — жизнью прошлаго счастья, жизнью грезъ и мечтаній. Вѣдь только поэтому она такъ покорна и безотвѣтна, вѣдь поэтому только молча переноситъ она оскорбленія и уколы, она, дочь гордаго рода...

Что-же дѣлать? Какъ поступить?

Не можетъ быть и сомнѣнія, — она останется вѣрной женой, безупречной носительницей довѣрчиво возложенной на ея голову княжеской короны, но... Гриша долженъ знать правду. Пусть онъ сожалѣетъ ее и ненавидитъ, — но презирать онъ ее не долженъ. Она будетъ

говорить съ нимъ во что-бы то ни стало, — одинъ и послѣдній разъ.

Рѣшеніе созрѣло въ ея душѣ, окрѣпло, — оно принесло ей нужное успокоеніе, нужныя силы.

Время летѣло такъ быстро въ этихъ думахъ, поглощавшихъ все ея существо.

Наступилъ вечеръ... Она встала и сама призвала прислугу... Пора наряжаться...

Когда черезъ часа два-три князь Иванъ Васильевичъ входилъ въ комнату жены, онъ могъ остаться вполне довольнымъ... Молодая княгиня была изумительно хороша въ богатомъ придворномъ боярскомъ нарядѣ... Глаза ея горѣли, легкій румянецъ окрашивалъ щеки, уста ласково улыбались...

Еще черезъ часъ Настенька, легко опираясь на руку мужа, подымалась по широкой мраморной лѣстницѣ дома графини Наталіи Михайловны Ланской...

Зеркальныя стѣны отражали молодую красивую пару... Кто могъ, глядя на этихъ двухъ, по внѣшности такъ подходившихъ другъ другу людей, угадать тяжелую драму, которая разыгрывалась въ ихъ сердцахъ...

Лучистые глаза Настеньки внимательно и трепетно взглядывались въ пеструю нарядную толпу... не мелькнетъ ли знакомая, стройная фигура, не засвѣтятся ли ей хоть издали сѣро-голубые глаза?..

Не менѣе внимательно экзаменовалъ каждого встрѣчнаго блестящій взоръ князя... Онъ не зналъ своего соперника, но онъ думалъ, что угадаетъ его, что, наконецъ, дрогнетъ при встрѣчѣ „съ нимъ“ рука его молодой жены.

Еще нѣсколько мгновений и супруги Ладовы очутились среди блестящей нарядной толпы знатныхъ и именитыхъ приглашенныхъ.

Хозяйка дома привѣтливо пошла имъ навстрѣчу, она какъ-то особенно тепло отнеслась къ молодой княгинѣ и сейчас-же завладѣла ею. Напрасно князь Иванъ Васильевичъ стремился послѣдовать за своей женой, — графиня

Ланская умѣло вмѣшала его въ скучную бесѣду со скучными двумя генералами.

— Поскучайте, князь, немножко безъ молодой жены, мы съ княгиней Анастасіей Александровной пройдемъ въ мои апартаменты, оправимся, отдохнемъ, покупаемъ чего нибудь сладенькаго и скоренько вернемся, — съ любезной шутливостью обратилась она къ князю.

Князь покорнымъ, вѣжливымъ поклономъ наклонилъ голову, только взглядъ его сверкнулъ, какъ угрожающая молнія вслѣдъ удалявшейся стройной фигурѣ Настеньки.

Пока проходили по шумнымъ блестящимъ заламъ, графиня Ланская задавала своей гостьѣ незначущіе вопросы, но вотъ онѣ остались однѣ въ маленькой, блѣдно освѣщенной китайскимъ фонаремъ гостиной и графиня Ланская нѣжно притянула къ себѣ Настеньку и заглянула въ ея растерянные, испуганные глаза.

Графиня Ланская, женщина лѣтъ сорока пяти, съ моложавымъ добродушнымъ лицомъ, съ очаровательной свѣтской улыбкой, занимала высокое положеніе въ свѣтѣ, была любима и уважаема и даже самъ государь выказывалъ ей дружеское вниманіе. Она видывала много людей и умѣла обращаться съ ними, она какъ-то сразу овладѣла довѣріемъ и симпатіей Настеньки.

— У насъ мало времени, я не буду вступать въ ненужныя объясненія и предисловія. Я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, я боюсь, какъ-бы одна встрѣча не взволновала и не выдала васъ передъ цѣлымъ обществомъ сегодня. Знаете-ли вы?

— Да, я знаю, Гриша живъ, Гриша вернулся! — нервно схватывая ее за руки, прервала молодая женщина. Плотина, сдерживавшая ея гордую душу, прорвалась; передъ этой женщиной, родственницей Гриши, она не могла скрываться.

— Это такъ ужасно, все то, что случилось. О, какъ онъ долженъ меня презирать, а я вѣдь такъ мало виновата. Меня убѣдили въ его смерти, убѣдили тѣми доказа-

тельствами, которыя я сама потребовала. Пусть онъ ненавидитъ меня, пусть забудетъ, только не презираетъ, только пусть повѣритъ.

— Хотите его видѣть сейчасъ, сію минуту? — прервала эту неровную горячую рѣчь графиня, сознавая, какъ уходитъ дорогое время.

— Хочу-ли?... Да вѣдь это моя мечта, единственная, мнѣ только увидеть его, а тамъ...

ХП

ВСТРѢЧА

— Здѣсь могутъ помѣшать, пройдемте въ мой будуаръ, туда никто не войдетъ... Гриша уже тамъ ждетъ васъ.

Настенька шла какъ въ туманѣ за своей покровительницей, голова ея кружилась, сердце билось въ груди, какъ испуганная птичка.

Графиня Ланская на одно мгновеніе остановилась у тяжелой плюшевой портьеры и приподняла ее рукой.

— Проходите туда. Говорите спокойно, я буду настражѣ.

Настенька робко перешагнула порогъ... Въ глазахъ потемнѣло, въ мысляхъ все спуталось. Какъ сквозь сонъ слышала она чей-то болѣзненный крикъ, кто-то склонился къ ея ногамъ, чьи-то горячія слезы и поцѣлуи обжигали ея безжизненно опущенныя руки.

— „Гриша, Гриша!..“ — съ безсознательною болью въ душѣ повторяла она.

— Да, я, я опять весь твой, у твоихъ ногъ и ты моя, опять моя на нѣсколько мгновеній... Я все забываю, все на свѣтѣ... Пусть въ этихъ мгновеньяхъ потонутъ мои страданья, моя безнадежность, вся моя одинокая, безот-

радная жизнь. Ахъ, Настенька, Настенька, вотъ я вернулся, и какъ бы мы могли быть счастливы!

Она запаталась и упала-бы, если-бъ графъ Григорій не поддержалъ ея.

Первое волненіе его прошло и теперь онъ вглядывался въ ея лицо... Когда-то придется увидѣть еще разъ, такъ пусть запечатлѣются ея черты навѣки въ сердцѣ.

Какъ хороша, Боже, какъ хороша... Еще лучше стала... Царица... Ей всей вселенной управлять бы, всей...

А вѣдь она любить его, его одного, да развѣ въ этомъ мало счастья?

Туманъ, окутавшій Настеньку, разсѣлся, и она съ любовнымъ вниманіемъ разглядывала своего милаго.

Возмужалъ, словно выросъ, и лицо-то какое стало! Знать особую красоту духовную, не земную придаютъ страданія намъ, смертнымъ...

Какъ много онъ вынесъ въ тяжелой войнѣ, какъ заслужилъ онъ самую лучшую высшую награду, а она, его боготворившая, нанесла послѣдній ударъ, можетъ быть самый тяжелый.

— Я зналъ, что увижу здѣсь тебя, Настенька, я шелъ на это, но я боялся встрѣтиться съ тобой внезапно, я рѣшилъ тебя предупредить... И потомъ... Эта первая встрѣча, не наединѣ, а подъ градомъ тысячи глазъ, была бы мукой, намъ обоимъ непосильной...

Она вздрогнула и поблѣднѣла... Внезапная мысль прорѣзала ея мозгъ и отравила это мимолетное, послѣднее счастье... Отъ него, съ которымъ привыкла съ самаго дѣтства дѣлиться всякой бездѣлицей, она и сейчасъ не скрыла своего ощущенія...

— Мы поступаемъ нехорошо, Гриша, что видимся такъ украдкой, обманомъ... Я чужая жена и больше не принадлежу себѣ... Мы совершаемъ великій грѣхъ, Гриша, и Господь насъ не проститъ.

Онъ выпустилъ ея руки, которыя сжималъ съ такою нѣжною любовью, въ его чудныхъ глазахъ такъ ясно отразился упрекъ...

— Моя любовь къ тебѣ такъ чиста и свята, что не можетъ оскорбить... даже... твоего мужа... кажется, и у меня были когда-то большія на тебя права, а сегодня этимъ послѣднимъ свиданьемъ я отдаю ихъ другому... навсегда... Я даже въ этомъ городѣ не останусь, бросаю службу, этотъ ненужный блестящій мундиръ, онъ сыгралъ свою роль, и уѣзжаю... совсѣмъ...

Теперь Настенька сама протянула ему руки.

— Прости меня, Гриша, за любовь мою къ тебѣ, прости... Ты ѣдешь, это больно, все-таки знала-бы, что однимъ воздухомъ дышу съ тобой, но... такъ лучше... А ты прости. Я затѣмъ и видѣться съ тобой рѣшила, чтобы вымолить прощенье, чтобы все объяснить, оправдаться, чтобы ты меня не презиралъ...

— Дорогая моя...

— Нѣтъ, слушай, слушай... Сваталось ко мнѣ не мало, отецъ уговаривалъ со слезами и гнѣвомъ, а я по тебѣ все тосковала... Наконецъ... общала отцу, что пойду, за кого онъ прикажетъ, если обратно получу отъ тебя свой образокъ, прощальное благословеніе.... Поклялась я ему, а сама твердо вѣрила, что образка этого мнѣ никогда не получить ни отъ живого тебя, ни отъ мертвого... И вдругъ...

Настенька вздрогнула и закрыла лицо руками. Таинственная, холодная фигура желѣзнаго рыцаря встала передъ нею.

Графъ Григорій заломилъ руки.

— Моя вина, Настенька... Крѣпко и больно вонзилась пуля въ мою грудь, цѣлый потокъ крови залилъ меня. Вокругъ шель горячій бой, но мнѣ начинали измѣнять слухъ и память... и, словно гвоздь, вертѣлась въ мозгу одна мысль: „Я умираю, надо извѣстить Настеньку...“ Кому-то я отдалъ образокъ и письмецо и сейчасъ же потерялъ сознание... Видно судьба... И тотъ живъ остался, когда валились цѣлые ряды, и тебя разыскать сумѣлъ... Судьба...

Она молитвенно сложила свои руки.

— Такъ не будешь презирать меня, ты понимаешь, какъ вѣрно и страстно любить тебя мое сердце? ты чувствуешь какой адъ моя жизнь съ немилымъ? Уйти я не могу; я поклялась, я въ Божьей церкви обвѣнчана, я — княжна Радомская, не покрою позоромъ сѣдую голову отца, свой старинный незапятнанный родъ. Я была бы не твоя Настенька, если бъ поступила иначе.

Онъ грустно наклонилъ голову...

— По своему ты права я... не мнѣ... разрушать и разбивать твои святыни... Я думаю иначе и, можетъ, жизнь и тебя научить думать такъ же, какъ я... Тогда, Настенька, брось все это ненужное, все это мишурное и... приди ко мнѣ... Такая любовь, какъ наша, не умираетъ... она должна восторжествовать...

Настенька съ изумленіемъ, не понимая, прислушивалась...

— Что „ненужное“ и „мишурное“? — тихо, съ разстановкой спросила она...

— Да все это, Настенька... Ложный долгъ, ненужную родовую гордость, которымъ приносится въ жертву самое святое, — чистая любовь... Всѣ люди равны, Настенька, всѣ созданы изъ одной плоти и крови... Предки нашихъ именитыхъ и гордыхъ бояръ зачастую, на памяти еще — свиней пасли... Да чѣмъ же виноваты несчастные, что мы въ золотыхъ хоромахъ родились, а они въ бѣдныхъ, дырявыхъ хижинахъ? Можетъ, они лучше насъ, можетъ, Богомъ отмѣчены... Живи, какъ хочешь, Настенька, какъ велитъ твоя совѣсть, но не кичись и одно помни, ради меня помни, что всѣ люди братья, всѣ равны передъ Богомъ, одинаково любятъ, одинаково страдаютъ... Не проходи мимо несчастнаго безъ состраданія, не отдѣлывайся отъ него деньгами, а душу его больную пожалѣй и уврачай...

Настенька смотрѣла во все больше разгоравшееся и свѣтлѣвшее лицо возлюбленнаго и каждое слово его огненными буквами выжигалось въ ея сердцѣ... Теперь только замѣтила она, какъ измѣнился ея Гриша, о, душою и умомъ гораздо больше, чѣмъ вѣщиностью... Куда-то

ушелъ онъ отъ нея, куда-то высоко и далеко... и съ этой далекой высоты горитъ онъ, какъ яркая путеводная звѣзда.

— Куда же ты теперь?..

Его лицо озарилось свѣтлой, доброй улыбкой...

— Куда, Настенька? Въ свою деревню, въ свои обширныя помѣстья, на помощь тысячамъ бѣлыхъ рабовъ, надъ жизнью и счастьемъ которыхъ я полный властелинъ... Развѣ это не страшно, Настенька?.. Я одинъ, слабое Божье созданье, могу казнить, миловать, истязать нѣсколько тысячъ такихъ же, какъ я, людей, потому только, что случайно родился въ золотыхъ чертогахъ... развѣ это справедливо?.. Я могу разлучать любящихъ, отрывать мать отъ дѣтей, отнимать у старыхъ родителей ихъ опору и радость, я могу бить, истязать, даже убивать... Развѣ это не страшно?.. И вотъ, я поѣду туда, къ этимъ бѣднымъ моимъ рабамъ... Они голодные, темные, озлобленные люди... Я буду лѣчить ихъ болѣзни, я буду спасать ихъ отъ голода, я постараюсь разсѣять хотя бы отчасти тьму, овладѣвшую ихъ умами и душами... А потомъ... я подарю имъ свободу... святую свободу, которую съ опасностью жизни охраняетъ каждый звѣрь, каждое животное... А вѣдь они люди. Скажи, ну развѣ не стоитъ жить, работать и даже страдать ради всего этого?... Развѣ сознаніе, что я осчастливилъ и спасъ столькихъ людей, не есть высшее счастье?.. И если-бъ всѣ такъ думали, какъ я, то миллионы русскихъ рабовъ вздохнули бы широкой грудью, ихъ оковы спали бы и свобода, душа всѣхъ живущихъ, освѣтила-бы Русь!..

Графъ Григорій умолкъ, весь охваченный своей идеей...

Онъ проникся, вдохновился ею и забылъ... гдѣ находится.

Настенька заслушалась и тоже все забыла... Какой онъ великій славный, свѣтлый!.. Какая она маленькая, мелкая, ничтожная съ нимъ рядомъ!

Въ глубокомъ душевномъ порывѣ молодая женщина

нѣжно взяла руку графа Григорія и поднесла съ благоговѣніемъ къ своимъ губамъ.

Онъ вздрогнулъ, разомъ очнулся отъ сна души и порывисто прижалъ Настеньку къ своему сердцу...

— Прощай, прощай, возлюбленная. Сегодня въ моей жизни послѣдній переломъ... Уходитъ личное счастье, юность, любовь, все уходитъ съ тобой... Теперь я буду жить для другихъ, иногда, когда доволенъ буду собою, позволю себѣ очищенной душою насладиться воспоминаніями.

Отвѣтъ, готовый сорваться съ устъ Настеньки, замеръ: въ дверь осторожно постучали и тихо зашелестѣла опущенная портьера.

Графъ Григорій только успѣлъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ свою возлюбленную.

Графиня Ланская, взволнованная, стояла на порогѣ.

— Ради Бога, дѣти, больше ни одной секунды... Князь замѣтно волнуется... Сейчасъ ждемъ пріѣзда Государя и я больше уже не имѣю времени охранять вашу бесѣду.

Графъ Григорій наклонилъ голову, еще однимъ послѣднимъ взглядомъ простился онъ съ Настенькой и уже молча ждалъ ея удаленія.

Опираясь на руку хозяйки, молодая гостя колеблющимися шагами направилась снова къ яркому свѣту, къ шумному веселью.

Нѣсколько мгновеній еще оставался графъ Григорій въ шелковомъ будуарѣ своей тетюшки, прислонивъ голову къ стѣнѣ, отдаваясь глубокому порыву отчаянія.

Когда онъ вошелъ въ залъ, онъ встрѣтилъ тамъ странную тишину, нарушаемую чуть слышимымъ шопотомъ, словно притаились всѣ эти нарядные, надменные гости, но черезъ мгновенье разомъ всѣ всколыхнулись и громкіе крики восторга встрѣтили Императора.

Вотъ, наконецъ графъ Григорій увидѣлъ его... Александръ шелъ медленно въ сопровожденіи хозяйки, за нимъ слѣдовалъ незнакомый графу Григорію вельможа, весь

увѣшанный орденами, съ тупымъ лбомъ и жестокимъ холоднымъ выраженіемъ лица.

— „Аракчеевъ“... — уловило среди шопота его чуткое ухо. Такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый кровопійца, вершитель судебъ русскаго народа... А Государь? Онъ былъ почти неузнаваемъ. Прежде красивое, тонкое лицо его, теперь заплыло въ болѣзненной одутловатости. Бирюзовые блестящіе глаза потускнѣли, брови подозрительно сдвинулись, вокругъ рта легла жесткая, упрямая черточка.

Графъ Григорій невольно отвернулся смущенный и разочарованный... И вотъ онъ вздрогнулъ и съ трудомъ сдержалъ мучительный стонъ. Шла Настенька блѣдная и дрожащая, опираясь на руку высокаго, статнаго, красиваго брюнета... Ея потухшій взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ и она вся зашаталась и крѣпко прижала руку къ сердцу.

Черные глаза ея спутника поймали ея взглядъ и теперь съ гнѣвнымъ любопытствомъ осматривали стройную фигуру и освѣщенные внутреннимъ свѣтомъ черты соперника.

Графъ Григорій снова отвернулся и, осторожно раздвигая толпу, пробрался къ выходу...

Черезъ нѣсколько дней, подавъ въ отставку и покончивъ со всѣми дѣлами, онъ мчался въ свои родовыя помѣстья, съ глубокой вѣрой въ осуществленіе высокихъ заветовъ своей души.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ДВА ТЕЧЕНИЯ

Духъ свободы, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ усердно подавлялся дѣйствующими заодно правительствами, повѣялъ и на самодержавную Россію. Молодое поколѣніе сознавало, какъ далеко отстала Россія отъ Европы въ истинной цивилизаціи, но сначала спокойно ждало преобразованій отъ императора Александра. Первый ударъ нанесла этимъ надеждамъ россіянъ конституція, дарованная Польшѣ, тогда, какъ родная Россія продолжала томиться въ тяжелыхъ цѣпяхъ, какъ бы недостойная, — въ глазахъ императора, — свободы.

Вскорѣ свѣтлыя надежды молодыхъ либераловъ окончательно рухнули, — Александръ предсталъ передъ ними послѣ союзной войны совершенно инымъ, измѣнившимся.

Для многихъ ясно было вредное вліяніе Меттерниха на государя, а поведеніе его на конгрессахъ, обнаружившее непріязненное чувство къ свободѣ народовъ, окончательно охладило самыхъ восторженныхъ его почитателей.

Вновь учрежденныя военныя поселенія довершили это охлажденіе, превратили его въ негодованіе. Пронесся стонъ ужаса, и онъ вырвался не только изъ либеральныхъ устъ, нѣтъ, изъ устъ цѣлой Россіи.

Образованная молодежь съ жадностью зачитывалась иностранными политическими газетами и журналами, въ

которыхъ ярко описывалась кровавая борьба оппозиціи съ правительствомъ.

Внутреннее перерожденіе юныхъ душъ довершило изученіе смѣлыхъ политическихъ системъ и теорій, и пламенемъ охватывало желаніе видѣть примѣненіе всѣхъ благъ свободы въ своемъ отечествѣ.

На этой плодородной почвѣ возникли тайныя политическія общества, въ нихъ царили уставы, завезенные изъ Франціи и Германіи, въ которыхъ лейтъ-мотивомъ проходили завѣты Тугендбунда.

Много высокихъ благородныхъ цѣлей начертали себѣ эти общества, но члены ихъ были разбросаны по городамъ Россіи и самыя идеи въ умахъ были туманны, различны...

Возникшій въ 1816 году „Союзъ Благоденствія“, въ 1818 г. уже насчитываетъ многихъ членовъ и обрисовывается рельефно и ярко.

Обаяніе этого союза привлекаетъ къ нему все новыхъ и новыхъ членовъ, въ немъ находятъ пріютъ молодыя, благородныя, мятежныя головы. Всѣ они поклялись помочь другъ другу для достиженія цѣли. Они понимали, что высота ихъ предначертаній требуетъ нравственнаго и умственнаго усовершенствованія. Задача ихъ велика: прежде всего сорвать позорныя цѣпи рабства съ несчастныхъ русскихъ крестьянъ... А потомъ: равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и пусть всѣ государственныя дѣла будутъ публичнымъ достояніемъ, пусть судятъ cadaго изъ насъ справедливо и гласно. Не надо винной монополіи, не надо военныхъ поселеній!..

Да, все это осуществить необходимо, и надо бороться до послѣдняго дыханія.

Бороться? Но какъ? Гдѣ взять силы горсточкѣ славныхъ людей противъ правительства, словно панциремъ окованнаго, недоступнаго ударамъ слабыхъ рукъ? Надо запастись терпѣніемъ и энергіей, надо учиться у заботливыхъ пчелокъ, чтобы каждый приносилъ хоть капельку сока съ могучаго цвѣтка цивилизаціи и свободы,

и разростутся большіе улья, наполненные сотами со сладостнымъ медомъ.

Такъ думалъ, говорилъ и дѣйствовать „Союзъ Благоденствія“.

Но словно искры — отъ времени до времени — вспыхивали въ нѣкоторыхъ горячихъ головахъ самые смѣлые отчаянные планы, доходившіе до дерзкаго безумія... Можетъ быть, и для тѣхъ, которые молчали, въ туманной дали видѣлась окончательная цѣль. Конечно, этой цѣлью было не что иное, какъ полное политическое преобразование государства. Слабыми руками посягютъ они могучія сѣмена свободы и когда нибудь взростутъ эти сѣмена подъ Божьимъ благословеніемъ и осѣнятъ благодатью многострадальный русскій народъ...

И, можетъ быть, когда нибудь ихъ имена будутъ повторяться милліонами устъ и тогда, когда ихъ уже не станеть, вознесутся за дуги ихъ благодарныя молитвы и развѣются тѣ молитвы благоухающимъ эиміамомъ у вѣчнаго престола Вседержителя.

Такъ влилась новая освѣжающая политическая струя въ глубь полуварварскаго государства. Тайныя общества привлекали въ свои союзы лучшую образованную молодежь и преобладающимъ элементомъ были военные... Да, въ тѣ далекіе дни во главѣ общественнаго движенія стояли наши лучшіе воины...

Какъ пчелки разлетались члены тайныхъ союзовъ по столицамъ и провинціи, тихо, но упорно трудились, обращая на путь своихъ идей тѣхъ, которыхъ почитали достойными.

Нечувствительно готовились ими къ будущему государственному строю всѣ сословія.

Маленькія стрѣлки все чаще и чаще попадали въ цѣль, онѣ постепенно возбуждали негодованіе къ рабству, цѣпямъ, отсутствію правосудія и грубой тираниі, онѣ врѣзывались въ память, онѣ вселяли отвращеніе къ существующимъ порядкамъ и жажду переменъ.

Для правительства не могло оставаться тайной это движеніе. Наплись люди, которые подъ видомъ сочувствія проникли въ союзы, составили подробный докладъ объ идеяхъ и дѣятельности новаторовъ и тщательно внесли въ списки имена всѣхъ членовъ.

Императоръ Александръ былъ заграницей, когда подробные отчеты доносчиковъ попали въ руки генераль-адъютанта Васильчикова. Вельможѣ пришлось въ ожиданіи пріѣзда Государя скрывать вновь открытую тайну, никому другому онъ не рѣшился-бы ее довѣрить, и страшная отвѣтственность угнетала его. Крамола раз-росталась у самого трона и тонкія вѣточки ея расползались по обѣимъ столицамъ и провинціямъ. Мало-ли, что можетъ случиться за это время вынужденнаго молчанія вельможи? Ослѣпленные измѣнники могутъ рѣшиться на какой-нибудь рѣзкій шагъ, вспыхнуть безпорядки, завяжется борьба, не обойдется безъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ и косвенной причиною будетъ онъ, Васильчиковъ.

И могущественный генераль-адъютантъ впервые вздохнулъ свободно, когда Императоръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Царское Село.

Въ Царскомъ Селѣ въ своемъ кабинетѣ, въ пышномъ дворцѣ русскихъ Царей, сидѣлъ у письменнаго стола, тяжело облокотившись, императоръ Александръ.

Выраженіе утомленія и усталости ясно отпечатывалось на его красивыхъ правильныхъ чертахъ, видно было, что глубокое вниманіе, съ которымъ онъ выслушивалъ докладъ, дорого ему стоило.

Противъ государя, почтительно выпрямившись, сидѣлъ генераль-адъютантъ Васильчиковъ. Богатый расшитый золотомъ мундиръ плотно обхватывалъ его фигуру, многочисленные ордена и широкая лента черезъ плечо свидѣтельствовали о заслугахъ его, признанныхъ государемъ. Обстриженные по модѣ тѣхъ временъ воло-

сы, короткіе на затылкѣ, впереди волнистыми прядями слегка спускались на большой выпуклый лобъ. Довольно красивое рѣзкое лицо и небольшіе каріе глаза свидѣтельствовали о характерѣ вполне сложившемся и не умѣющемъ никогда выйти изъ разѣ уже создавшихся, можетъ быть, узкихъ и неправильныхъ, рамя. Весь обликъ Васильчикова дышалъ преданностью государю и существующимъ старымъ порядкамъ, хотя ясный, правдивый умъ не позволялъ ему дѣлать иллюзій, онъ понималъ, какъ серьезно опасное настроеніе умовъ противъ государя и правительства, и сознавалъ многія ошибки этого правительства.

Докладъ былъ оконченъ и императоръ съ видомъ усталаго мученика погрузился въ мысленныя созерцанія. Но Васильчиковъ не вставалъ со своего мѣста, на выразительномъ лицѣ его промелькнуло смущеніе и, наконецъ, онъ рѣшился.

— Ваше величество, — заговорилъ Васильчиковъ дрогнувшимъ голосомъ, — докладъ мой оконченъ и теперь я позволю себѣ раскрыть вашему величеству страшную тайну, уже столько мѣсяцевъ угнетавшую меня за время вашего отсутствія и которую я никому не считалъ себя въ правѣ довѣрить, — только своему государю.

Александръ вздрогнулъ, словно пробуждаясь отъ далекаго сна, и перевелъ усталые глаза на собесѣдника.

— Въ чемъ дѣло, дорогой Васильчиковъ?

Вельможа взволновался.

— Дѣло очень серьезно, ваше величество, слишкомъ успѣшно распространились у насъ либеральныя идеи, число крикуновъ слишкомъ велико и, пожалуй, невозможно заставить ихъ молчать. Присутствіе вашего величества намъ было такъ необходимо, революція въ умахъ уже существуетъ, необходимо принять своевременно мѣры. Ваше величество, не думайте, что я вижу все въ черномъ свѣтѣ, я вѣрю, что ваше величество найдете средства искоренить зло; но время настало взяться за дѣло, нельзя терять ни одного дня.

Императоръ внимательно вслушивался въ подготовительныя фразы своего вѣрнаго давняго слуги.

— Слишкомъ большое предисловіе, дорогой Васильчиковъ, и такое туманное, что, кажется, придется, зная васъ давно, счесть впервые за мечтателя.

Васильчиковъ быстро всталъ и протянулъ государю большой пакетъ съ бумагами.

— Когда ваше величество просмотритъ всѣ эти данныя, — не будетъ уже меня считать за мечтателя.

Государь медленно, словно нехотя, сталъ вынимать бумаги изъ пакета... Первымъ попалъ въ его руки списокъ именъ: Муравьевъ, князь Трубецкой, Бибииковъ, князь Долгорукій, фонъ-Визены, Новиковъ и пр., и пр.

— Все хорошія имена, — задумчиво сказалъ императоръ, — въ чемъ обвиняются они?

— Я передаю вашему величеству полный доносъ о политическомъ заговорѣ, а списокъ этихъ славныхъ именъ является просто спискомъ измѣнниковъ вашему величеству и главныхъ соучастниковъ.

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу императора, онъ тяжело оперся о спинку кресла.

— Разскажите, что знаете, дорогой Васильчиковъ, — слабымъ угасшимъ голосомъ проговорилъ Александръ, — я хочу знать вашъ взглядъ, ваше мнѣніе.

Васильчиковъ заговорилъ и императоръ слушалъ его внимательно, не шевелясь, полузакрывъ глаза.

— Наши войны, ваше величество, въ Парижѣ и Германіи вступили въ масонскія ложи и разныя тайныя общества. Они напитались гибельнымъ духомъ партій и завели подобныя тайныя общества въ имперіи вашего величества. Они недовольны правительствомъ и своимъ государемъ, они мечтаютъ о конституціи... Разгорѣлись пылкія страсти честолюбія и своевопія!.. каждый изъ нихъ мнитъ управлять государствомъ, воспользовавшись выгодами переворота, усердно подготовляемаго втайнѣ. Громкими рѣчами, возбуждательными статьями стараются они вліять на всевозможныя сословія... Искры, которыя

разсыпаютъ они, искусно разжигаютъ недовольныхъ и, если во-время не загасить нарождающееся пламя, — оно грозитъ объять пожаромъ подвластное вамъ государство, потрясти и разрушить его основы.

II

НЕ МНѢ КАРАТЬ!

Васильчиковъ умолкъ; онъ ждалъ отвѣта государя...

Но государь не нарушалъ молчанія; наконецъ, онъ произнесъ тихо, не поднимая глазъ:

— Чѣмъ недовольны они и чего хотятъ?

— Ихъ рѣчи оскорбительны для вашего величества, оскорбительны для всей страны.

— Говорите, — твердо и нѣсколько повысивъ голосъ, повторилъ императоръ.

— Прежде всего эти безумные своевольномыслящіе желали-бы уничтоженія рабства, позорящаго, по ихъ мнѣнію, страну...

Васильчиковъ остановился, потому что замѣтилъ, какъ кровь постепенно прилиwała къ блѣднымъ щекамъ императора, какъ нахмурилось его чело, какъ блеснуль изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ и оживился его взоръ. Какія мысли волновали душу Императора? Можетъ быть, вспоминались далекія мечты 1801 года? Можетъ быть, невольно прозвучалъ голосъ стараго воспитателя Лагарпа? Можетъ быть, вспомнились прежнія бесѣды и идеи въ этомъ самомъ кабинетѣ съ забытымъ сподвижникомъ прежнихъ лѣтъ Сперанскимъ? Не онъ-ли, русскій царь, — мечталъ тогда о свободѣ поработеннаго народа? Развѣ не его душа загорѣлась пламенемъ восторга, когда онъ видѣлъ себя въ мечтахъ великимъ преобразователемъ, когда его рука срывала тяжелыя вѣковыя цѣпи и онъ разсыпались въ прахъ подъ его стопами? Развѣ въ тиши ночей не ему грезились восторженные крики всѣхъ этихъ мил-

людовъ освобожденныхъ, благословляющихъ его имя? Развѣ не онъ, тамъ у престола Царя царей, чаялъ душѣ своей спасеніе и вѣчную награду за великій даръ на землѣ?

— Ваше величество, осмѣлюсь-ли я продолжать?

Лицо государя снова поблѣднѣло.

— Я васъ слушаю, дорогой Васильчиковъ.

— Тайные враги отечества возбуждаютъ подчиненныхъ противъ начальниковъ, обвиняя ихъ въ жестокомъ обращеніи. Съ безстыдствомъ кричатъ они о злоупотребленіи властей, о якобы царствующемъ повсюду произволѣ. Они вмѣняютъ въ преступленіе вашему величеству образованіе военныхъ поселеній, по ихъ мнѣнію, губящихъ народъ и безчеловѣчныхъ. Свои злонамѣренные планы они окружаютъ обаяніемъ нравственности, умственного образованія взаимной помощи хотя-бы цѣною крови. Сѣмена, брошенныя ими, зрѣютъ и размножаются. Они смущаютъ ничтожныхъ объѣмами полнаго равенства и свободы, когда не преимущество рожденія будетъ возвеличивать людей, а личныя заслуги и достоинства; тогда у власти станутъ люди, сильные душою и умомъ, страна процвѣтетъ и не будетъ горестныхъ слезъ, голода и нужды...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Васильчиковъ, голосъ его все слабѣлъ и, наконецъ, тихо замеръ.

Императоръ сидѣлъ уже снова облокотясь на столъ, закрывъ лицо руками... Можетъ быть, онъ стыдился тѣхъ слезъ, которыя невольно блеснули въ его глазахъ?

Разомъ нахлынули прежніе мысли и образы, теперь забытые, а когда-то дорогіе... Развѣ не на этомъ столѣ лежалъ уже готовый проектъ конституціонной партіи, подписанный рукою Сперанскаго, но по мыслямъ и волѣ Александра?

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ народѣ самой страны.“

„Основные государственные законы должны быть дѣ-

ломъ націи и выраженія воли; они необходимо ограничиваютъ верховную власть.“

„Народъ необходимо долженъ участвовать въ законодательствѣ черезъ избранныхъ ими представителей.“

„Что значитъ собственность и наша честь, если зависятъ не отъ закона, а отъ произвола неограниченнаго самодержца.“

Всѣ эти фразы, когда-то прочувствованныя душою государя, теперь зажгли въ его мозгу огненными буквами.

Онъ вспомнилъ, все вспомнилъ сразу.

И вотъ теперь на столѣ его лежитъ списокъ людей; все имена лучшей молодежи, взростающей подъ вліяніемъ былыхъ либеральныхъ идей своего государя, воспитанныхъ подъ вліяніемъ его свободолюбивыхъ началъ, громко провозглашаемыхъ, недавно только возвратившихся изъ чуждыхъ земель, куда пошли по зову своего государя самоотверженно проливать кровь въ защиту свободы чуждыхъ народовъ, за идею всеобщей свободы...

И теперь этотъ государь долженъ клеймить ихъ клеймомъ государственныхъ измѣнниковъ, долженъ отдать приказъ стереть ихъ съ лица земли...

Глубоко задумался императоръ, — въ почтительномъ недоумѣніи стоялъ передъ нимъ Васильчиковъ...

Наконецъ Александръ медленно опустилъ руки и глазамъ генераль-адъютанта предстали взволнованныя трепещущія черты самодержца и его скорбный взоръ, увлажненный слезами.

— Мой дорогой Васильчиковъ, вы, который преданно служите мнѣ съ перваго дня вступленія моего на престолъ, вы знаете, что я раздѣлялъ всѣ эти иллюзіи, что я поддерживалъ ихъ и развивалъ... Эта измѣна нашла колыбель въ раннихъ мечтахъ своего императора.

Александръ снова закрылъ лицо руками и снова потонулъ въ глубокое молчаніе.

Пораженный Васильчиковъ не находилъ словъ для возраженій. Онъ думалъ, что съ такимъ мнѣніемъ государя

ни за что нельзя поручиться... Или въ умѣ государя вмѣсто мѣръ карательныхъ рождаются мѣры улучшенія, облегченія своихъ подданныхъ, успокоеніе умовъ?

Увы, усталую душу Александра многое разрывало на части, и въ ней уже не было силъ для преобразованій. То эта бѣдная душа погружалась въ мистическія созерцанія, то колебалась между собственными убѣжденіями прежнихъ молодыхъ дней и грозно возраставшимъ вліяніемъ графа Аракчеева...

Увы, мрачная фигура могущественнаго временщика заслонила бѣдную Россію отъ взоровъ императора...

Иногда въ душѣ Александръ сознавалъ, какъ мало сдѣлалъ онъ для улучшенія внутренней жизни своего государства и подчасъ это сознаніе тяжелымъ гнетомъ давило его сердце, но онъ такъ усталъ, такъ израсходовались и испарились его силы, что главной мечтой его было теперь — успокоеніе... И онъ сдалъ свою обширную страну на руки графа Аракчеева, на его грубое жестокое усмотрѣніе...

— Ваше величество, — тихо заговорилъ Васильчиковъ, — этотъ подробный доносъ о тайномъ политическомъ заговорѣ я оставляю въ вашихъ рукахъ... Я исполнилъ свой долгъ и снимаю съ души своей тяжкую отвѣтственность. Но, ваше величество, умоляю васъ — примите какія-нибудь мѣры. Есть только два выхода: или... скоро и энергично раздавить этихъ ненужныхъ либераловъ, или... мѣрами улучшенія успокоить взволнованные умы.

Государь всталъ и нервно прошелся по кабинету.

Онъ крѣпко сжалъ свои руки, такъ что онѣ хрустнули.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу... Не мнѣ подобаетъ ихъ карать... Я не могу... Благодарю васъ, дорогой Васильчиковъ, благодарю всей душой.

Александръ порывисто приблизился къ генераль-адъютанту и поцѣловалъ его.

— А теперь... оставьте меня одного, — тихимъ сла-

бымъ голосомъ заключилъ Александръ, снова опускаясь въ кресло; онъ откинулся на спинку и, совершенно блѣдный, замеръ неподвижно съ полузакрытыми глазами.

Васильчиковъ низко-низко поклонился и осторожно, стараясь не шумѣть, вышелъ изъ царскаго кабинета. На порогѣ онъ еще разъ однимъ пытливымъ взглядомъ окинулъ императора.

Александръ продолжалъ сидѣть неподвижно, съ лицомъ усталого мученика, съ легкими судорогами, пробѣгавшими по красивымъ чертамъ. Душа государя страдала.

Когда дверь за Васильчиковымъ закрылась, Александръ собралъ всѣ свои силы и принялся за чтеніе важнаго политическаго доноса.

Передъ нимъ промелькнули идеи и обычаи „Союза Благоденствія“.

Главные правила относились къ развитію наукъ, художествъ, всѣхъ вѣтвей государственнаго хозяйства, судопроизводства и пр.

Главные члены составляли казенную управу и избирали на каждые четыре мѣсяца предсѣдателя и блюстителя. Подъ видомъ литературныхъ и пріятельскихъ вечеровъ часто собирались члены союза и въ бесѣдахъ развивали способы распространенія своихъ идей и вербовки новыхъ сподвижниковъ.

И сколько знакомыхъ именъ, блестящихъ и уважаемыхъ, встрѣтилъ Александръ на страницахъ списка, а главное — военныхъ, военныхъ... Какъ громили всѣ эти люди его тиранію, тиранію временщика и всѣ послѣднія нововведенія!

Отчасти они правы; онъ увлекся внѣшней славой, забывая внутреннія нужды.

И вотъ рука Императора задрожала. Что это?

Не ошибается-ли онъ, не грезитъ-ли? Или, можетъ быть, разстроенное воображеніе рисуетъ эти зловѣщія строки?

Александръ перечитываетъ снова и снова...

Такъ вотъ какъ далеко зашли ихъ планы, такъ вотъ какія дерзкія и смѣлыя идеи рождаются въ безумныхъ головахъ!

Цареубійство!

Александръ отбросилъ доносъ и быстрыми шагами подошелъ къ окну.

Изъ широкаго зеркальнаго окна виднѣлась частица его царства, его, одного изъ могучихъ царей земли.

И въ это-же окно заглядывалъ клочокъ иного вѣчнаго царства, управляемаго базмертнымъ всевидящимъ Царемъ.

И туда, въ далекую высь, къ Царю неба и земли, понеслась скорбная мольба одного изъ царей земныхъ...

— Ты, Вѣчный, Справедливый и Всевидящій! Ты знаешь каждую мою мысль, каждый мой грѣхъ, каждое мое благое дѣло... Въ Твои великія руки вѣрю я свою... судьбу и жизнь; я не буду бороться... Я вѣрю, что душа моя придетъ на судъ Твой въ день и часъ, Тобой опредѣленный, и если я погибну отъ руки злодѣевъ, — такъ, значитъ, назначилъ Ты...

Долго и горячо молился Государь... Тихо, самъ того не замѣчая, онъ опустился на колѣна, не отрывая взора отъ небесъ.

Въ эти мгновенья онъ какъ-бы отрекался отъ земли и своего царства, онъ весь отдавался мистическому созерцанію...

Не скоро Государь окончилъ свою молитву... Наконецъ, онъ всталъ, еле двигаясь отъ усталости физической и душевной, и прилежъ на диванъ...

Рѣшеніе окрѣпло въ его душѣ... Онъ не будетъ карать этихъ своихъ тайныхъ враговъ, онъ не воспользуется открытымъ заговоромъ. Пусть судьба и жизнь его остаются въ рукахъ Господа; ему нечего бояться: рука смертнаго не измѣнитъ высшаго предопредѣленія...

Вѣдь онъ самъ создалъ всѣхъ этихъ враговъ своихъ, создалъ либеральными мечтами и начинаніями своей юности...

Нѣтъ, не ему ихъ карать... Но подчиняться ихъ требованіямъ онъ также не станетъ; онъ запретитъ всѣ эти общества открыто, а на тайныя ихъ дѣйствія будетъ смотрѣть сквозь пальцы...

Онъ такъ усталъ... и слава Богу... ему послала судьба вѣрнаго друга и помощника... Пусть поносятъ Аракчеева изъ зависти... Онъ, Государь, знаетъ эту собачью преданную душу, какъ свою... Онъ, Государь, любитъ Аракчеева и вѣритъ ему, какъ себѣ, и пусть вся Россія преклонится предъ другомъ своего Царя.

III

РОКОВАЯ ВСТРѢЧА

Крылатое время летѣло... Наступилъ 1821 годъ.

Въ столицѣ Россіи царила глубокая суровая зима.

Настроеніе мыслящихъ умовъ было подавленное, угнетенное, но находились, какъ и всегда, цѣлыя группы праздныхъ, богатыхъ людей, не считающихся съ тягостнымъ положеніемъ родины, въ вихрѣ своего шумнаго веселаго сна жизни, глухіе и слѣпые ко всему, что не касалось ихъ личной узкой жизни.

Въ богатыхъ „собственниковъ“, какъ и прежде, задавались роскошныя пиршества, балы, маскарады... „Сильными міра сего“ тратились баснословныя суммы на увеселенія и прихоти, суммы, съ успѣхомъ могущія спасти отъ голода многихъ и многихъ несчастныхъ, темныхъ людей.

Барыньки благотворили, съ особеннымъ искусствомъ превращая даже это святое дѣло спасенія ближняго, — въ цѣлый рядъ блестящихъ увеселеній.

Мистическое настроеніе Императора нашло откликъ и въ обществѣ. Мистицизмъ проникъ во многіе высшіе и средніе дома. Для однихъ онъ являлся жуткой интересной забавой, для большинства, — потруженнаго въ суевѣріе, облакался таинственной непонятной силой.

На каждомъ шагѣ встрѣчались изнервничавшіеся люди, которыхъ ежедневно посѣщали всевозможныя видѣнія. Попадались, конечно, и такіе, которые широко пользовались этой новой слабостью общества и, ловко притворяясь, втирались повсюду и устраивали свои дѣлишки...

Графиня Наталія Михайловна Ланская, считавшая себя въ числѣ передовыхъ русскихъ женщинъ, ни въ чемъ не отставала отъ общества.

Ея роскошный домъ часто сіялъ праздничными огнями, старинный подъѣздъ въ такіе дни былъ оцѣпленъ вереницей экипажей.

Но бывали и иные дни, когда роскошный домъ графини утопалъ въ таинственномъ полумракѣ, а гости боязливо тѣснились, прислушиваясь къ страннымъ мистическимъ рѣчамъ, со страхомъ всматриваясь въ блѣдныя, нервныя лица людей, передъ которыми проносились видѣнія.

Въ одну прекрасную морозную ночь домъ графини Ланской ярко сіялъ огнями, и веселые шумные звуки музыки достигали ушей немногихъ, случайно проходившихъ мимо.

Лѣстница и роскошные залы, силой денегъ превращенные въ рѣдкостный благоухожающій садъ, — были полны нарядныхъ именитыхъ гостей.

Красивыя элегантныя пары медленно и граціозно двигались подъ звуки музыки въ старинномъ „менуэтѣ“.

И вотъ, въ широко открытыхъ дверяхъ зала появилась мужская фигура, ни своимъ нарядомъ, ни своимъ лицомъ, а очевидно и настроеніемъ, не гармонировавшая съ этой пестрой блестящей толпой.

Его сейчасъ-же замѣтили и цѣлый градъ взглядовъ любопытныхъ, насмѣшливыхъ и даже презрительныхъ осыпалъ его.

Какая-то молоденькая, проходившая мимо подъ руку

со своимъ кавалеромъ, барышня не сумѣла удержаться отъ взрыва серебристаго смѣха.

— Кто это? Какъ странно появляться на балу въ такомъ далеко не блестящемъ видѣ?.. — по-французски спросила она своего кавалера.

Тотъ обмѣнялся поклономъ со вновь прибывшимъ и, быстро увлекая свою даму, какъ могъ, разъяснилъ ей исторію незнакомца.

Прелестная княжна, не думайте слишкомъ скверно объ этомъ человѣкѣ, онъ нашего круга, родной племянникъ хозяйки дома и носитъ одну съ ней фамилію. Онъ сражался въ рядахъ нашихъ воиновъ на чуждыхъ земляхъ, былъ раненъ и долго пропадалъ безъ вѣсти. За время этого отсутствія ему измѣнила его невѣста и вышла замужъ за другого, за князя Ладова. Тогда онъ сбросилъ блестящій мундиръ и поскакалъ въ свои обширныя помѣстья. Тамъ онъ надѣлалъ массу глупостей: мутилъ и обучалъ своихъ крестьянъ, вдался въ безсмысленную филантропію, возбудилъ неудовольствіе властей, отношенія настолько обострились, что ему пришлось возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь его жалобы не понравились императору и ему ясно дали понять это. Сверхъ всего, ему пришла нелѣпая мысль освободить своихъ крестьянъ, но государь частнымъ образомъ запретилъ ему безумствовать.

Барышня слушала, полуоткрывъ губки, и теперь ея блестящіе быстрые глазенки тщательно осматривали „чудака“.

Графъ Григорій былъ высокъ и строенъ и каждое движеніе его было проникнуто прирожденной эlegantностью и мягкостью. Онъ возмужалъ; его кожа покрылась здоровымъ деревенскимъ загаромъ, ярко выдѣлялся бѣлый алебастровый лобъ съ синими жилками, сквозившими сквозь тонкую кожу. Черты его лица были нѣжны и благородны, но особенно приковывали вниманіе глубокіе сѣро-голубые глаза, полные скуки и разочарова-

нія. Эти глаза равнодушно и небрежно скользили по оживленнымъ лицамъ.

Не долго простоялъ графъ Ланской въ шумномъ залѣ. Такъ утомительно и скучно казалось ему, такъ стыдно за этихъ пляшущихъ, чему-то вѣчно радующихся людей, безплодно прожигающихъ и жизненные силы, и золото...

Медленно, усталой походкой пошелъ онъ разыскивать хозяйку дома, свою тетку, чтобъ проститься.

Онъ нашелъ ее въ небольшой гостиной, въ маленькомъ кругу собесѣдниковъ.

Графиня Наталія Михайловна совершенно не измѣнилась, какъ будто время не касалось ея своей рукой, какъ будто не нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставилъ ее графъ Григорій, а только вчера.

Съ той-же привѣтливой чарующей улыбкой встрѣтила она племянника, но въ ласковомъ взглядѣ ея отражалось безпокойство.

— *Ma tante*, — наклонившись, чтобъ поцѣловать протянутую руку, болѣзненно, тихо проговорилъ Ланской, — я исполнилъ ваше желаніе, я показался на вашемъ блестящемъ балу, но вы сами видите, какъ мало подхожу я къ этой жизнерадостной суетѣ. Нервы мои расходились, въ вискахъ стучить, я чувствую себя такимъ усталымъ, я надѣюсь, *ma tante*, вы не разсердитесь и отпустите меня домой.

— Насильно тебя удерживать я не стану, но мнѣ кажется — ты останешься самъ. *Messieurs*, представляю вамъ моего племянника, графа Ланского, это и есть тотъ самый „принцъ Гамлетъ“ нашей семьи, на русскій ладъ, конечно, о которомъ я говорила вамъ еще недавно...

Графиня назвала нѣсколько блестящихъ именъ. Взоръ графа Григорія разсѣянно скользнулъ по этимъ новымъ лицамъ, но вотъ встрѣтился съ глубокимъ, какъ-бы глядящимъ въ душу взглядомъ.

— Князь Оболенскій... — такъ назвала тетка владѣльца этихъ глазъ, приковавшихъ вниманіе Григорія.

Князь Оболенскій, молодой человѣкъ, блестящій по-

ручикъ, съ лицомъ умнымъ, благороднымъ, твердымъ и пылкимъ въ одно и то же время. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ разглядывалъ „чудака“ и „принца Гамлета“, графа Ланского. Онъ сразу понялъ все обаяніе чистой разочарованной души, въ откровенныхъ глазахъ онъ многое прочелъ. Крѣпкимъ пожатіемъ онъ задержалъ протянутую ему тонкую худую руку и какъ-то сразу Ланской почувствовалъ глубокую симпатію къ поручику.

— Я много слышалъ о васъ, графъ, больше всего, конечно, отъ вашей тетюшки, но мнѣ бы хотѣлось познакомиться по-подробнѣе съ вашей дѣятельностью среди народа... — твердо металлическимъ голосомъ произнесъ Оболенскій.

Печальная улыбка пробѣжала по губамъ графа Григорія, но глаза оставались грустными, дѣтски разочарованными.

— Мало утѣшительнаго могу я вамъ рассказать, вѣроятно очень огорчу васъ, если всѣ эти вопросы васъ искренно интересуютъ.

Князь подтвердилъ свою готовность побесѣдовать по душѣ съ графомъ Григоріемъ и молодые люди поспѣшили разыскать уединенный уголокъ въ этомъ домѣ, полномъ шумныхъ гостей.

Въ маленькой гостиной завязался первый разговоръ, теплый и душевный, между этими чужими людьми, сблизившимися съ такой странной быстротой.

Наболѣвшее сердце графа Григорія давно уже жадно искало случая высказаться, приподнять тотъ тяжелый нравственный камень, который давилъ такъ больно.

И потекла его тихая рѣчь, голосъ то повышался, то опускался до шопота, то ровно и глухо вырывался изъ груди.

Исторія чистой души, безжалостно растоптанной ослиными копытами, разливалась какъ дивная вдохновенная пѣсня, проникала въ сердце, задѣвала тончайшія струны.

И часто Оболенскому казалось, что слышитъ онъ что-то давно знакомое, близкое, родное.

Промелькнули передъ его мысленнымъ взоромъ беззаботные дни юности, свѣтлыя надежды любви, адскій шумъ бранной сѣчи, томительная долгая болѣзнь въ чужихъ краяхъ.

Промелькнуло передъ нимъ постепенное перерожденіе молодой души, долго жившей въ слѣпотѣ. Незамѣтно проникъ въ эту душу дивный свѣтъ народной свободы. Съ таинственнымъ трепетомъ вкусила она запретный для русскихъ плодъ европейской цивилизаціи.

Какъ ярко и безпощадно освѣтилось жалкое существованіе русскаго народа, позорное рабство этихъ безпомощныхъ миллионовъ людей, которые могли бы представить изъ себя въ другихъ обстоятельствахъ такую мощную свѣтлую силу.

Развѣ всѣ эти мысли и ощущенія не были родными безмолвному слушателю? Развѣ душа его не пылала тѣмъ же стыдомъ и негодованіемъ, которыми была объята душа рассказчика?

Впередъ, впередъ летятъ печальныя страницы неудовлетворенной человѣческой жизни!

Грустное возвращеніе на родину и цѣлый рядъ разочарованій. Послѣ европейскаго свѣта — русская тѣма. Самый тяжелый ударъ: — обожаемый государь отрекся отъ свѣтлыхъ идей своей юности, на которыхъ выросли всѣ эти молодые побѣги, полная реакція охватила душу монарха и онъ сталъ лютымъ врагомъ того, передъ чѣмъ благоговѣлъ, что было его вдохновеніемъ, его святыней.

Военныя поселенія, возмущеніе несчастныхъ, безчеловѣчныя мѣры подавленія этого понятнаго возмущенія.

Полное безправіе, полный произволъ.

А тутъ измѣна любимой дѣвушки разрушаетъ послѣднюю отраду, личную жизнь ставитъ на смарку.

Въ безпросвѣтномъ отчаяніи мелькнула еще одна искорка, послѣдняя, и жадно, какъ утопающій за соломинку, ухватился за нее несчастный.

Туда, — въ деревню, въ свои родовыя помѣстья на помощь хотя бы тѣмъ рабамъ, которые въ его власти, къ стыду, — составляютъ его собственность. Спасти хотя бы этихъ несчастныхъ, просвѣтить ихъ, приготовить къ свободѣ, чтобы даровать потомъ имъ эту свободу и, можетъ быть, заразить своимъ примѣромъ другихъ помѣщиковъ.

И что же?

Прозвучала горькая нота и оборвался голосъ разсказчика.

Наступило молчаніе, которое подавленный слушатель долго не прерывалъ. Наконецъ онъ вставилъ какъ-то робко, несмѣло:

— Ну, и что же? вѣдь вы долго пробыли тамъ, графъ, въ глуши вашихъ родовыхъ помѣстій, что удалось вамъ сдѣлать?

Печально склоненная голова графа Григорія медленно поднялась и открытый взглядъ его, не смущаясь, встрѣтился со взглядомъ князя.

— О, я дѣлалъ все, что могъ, я старался влѣзть на гладкую скользкую стѣну, я старался пробить своей слабой головой эту неприступную твердыню. Что могъ я сдѣлать? Едва поднималась моя рука, какъ сейчасъ же другая, власть имущая, опускала мою безпомощную. Развѣ могъ я, одинъ я, бороться со всѣмъ этимъ сонмищемъ властей, твердо сознающихъ свои неограниченныя права и отрицающихъ ихъ во всякомъ другомъ человѣкѣ?

— А народъ?

— Народъ? О, эта темная, невѣжественная, непросвѣщенная масса! Я пришелъ къ той мысли, что ихъ нарочно держать въ ужасной закоснѣлости, чтобы легче и лучше эксплуатировать.

— Имъ тяжело живется?

Нервные судороги пробѣжали по лицу графа Григорія.

— Я видѣлъ ужасы... Я видѣлъ голодъ, страшный голодъ, стонущій и ползущій у моихъ ногъ... Они угрюмо

принимали мою помощь, но щедрый мой даръ не могъ разсѣять ихъ озлобленнаго недовѣрія. И я, который съ открытой душой шелъ имъ навстрѣчу, — я такъ страдалъ отъ ихъ недовѣрія. Дѣло дошло до печальнаго курьеза: они такъ привыкли къ безжалостной тирании, что я, протянувшій имъ руку помощи, становился въ ихъ глазахъ помѣшаннымъ чудакомъ.

IV

„ЯРКІЙ СВѢТЪ ОЗАРИТЬ“

Собесѣдники погрузились въ молчаніе...

Печальныя мысли нахлынули и давили мозгъ, а сквозь плотно притворенныя двери доносились сладостные нѣжащіе звуки менуэта, взрывы веселаго смѣха, гулъ вѣчнаго праздника бездѣльныхъ счастливчиковъ земли сей.

Но далеко ушли мысли графа Григорія и не слышалъ онъ ничего, кромѣ этихъ мыслей... И снова заговорилъ онъ, словно сквозь сонъ, такъ тихо и скорбно, что шелестъ его словъ напомнилъ князю Оболенскому шелестъ сухихъ листьевъ поздней осенью, увлекаемыхъ порывомъ вѣтра.

— Я, единственный ихъ другъ, въ ихъ глазахъ являлся безумнымъ чудакомъ... О, бѣдный, темный народъ! Когда я увидѣлъ, какъ живутъ они въ жалкихъ хатахъ, часто вмѣстѣ со скотомъ, безграмотные, голодные, въ потѣ лица работающіе на сибаритовъ, когда я сравнивалъ ихъ почти скотскую жизнь съ жизнью другихъ свободныхъ, чуждыхъ намъ, народовъ, — у меня сердце обливалось кровью.

Темные глаза Оболенскаго вспыхнули.

— Возьмите хоть сегодняшній балъ: гремитъ музыка, льются заморскія вина, повсюду умопомрачительные туалеты, шелкъ, бархатъ. Утромъ, возвратясь домой, наши модники сбросятъ эти дорогіе костюмы, можетъ

быть, чтобы больше никогда их не надѣть. Широкой рѣкой прольется сегодня золото, а откуда добыто оно? Приходить ли въ голову этимъ сытымъ сибаритамъ, сколько пота, крови и даже жизни этихъ бѣдныхъ рабовъ-тружениковъ нужно сложить вмѣстѣ, чтобы одну ночь повеселиться! Я думаю, этимъ потомъ, слезами и кровью наполнились бы всѣ залы и потопили бы этотъ маленькій современный Вавилонъ.

Но вотъ лицо Оболенскаго поблѣднѣло и сразу вспыхнуло.

— Вы скажете, что и я здѣсь, между ними, но вы видите, я не веселюсь, я скорблю, я страдаю... Я здѣсь потому, что я долженъ, потому что...

Оболенскій рѣзко оборвалъ свою рѣчь, какъ будто сразу удержался, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго, и сравнительно спокойно добавилъ:

— Зачѣмъ я здѣсь, — объ этомъ, — когда-нибудь потомъ, когда мы будемъ знать другъ друга лучше... Я думаю, что это „когда-нибудь“ настанетъ очень скоро, я думаю, что знаю васъ хорошо уже по первой встрѣчѣ и врядъ ли ошибаюсь.

Немного помолчавъ, Оболенскій снова спросилъ:

— Ну, а помѣщики, тѣ, которые живутъ на своихъ земляхъ, какъ тѣ относятся къ своимъ рабамъ?

Два яркихъ пятна загорѣлись на блѣдныхъ щекахъ Ланского.

— Не буду говорить объ исключеніяхъ, ихъ очень мало... Помѣщики безобразія доводили меня до бѣшенства, до потери разсудка... Это большіе пауки, сосущіе бѣдныхъ мухъ, въ несмѣтномъ количествѣ впутавшихся въ ихъ паутину. Физическія истязанія въ большой модѣ, помѣщики изопріяются въ разныхъ наказаніяхъ, въ поркахъ. „Забилы до смерти“, — это совсѣмъ ужъ не такая рѣдкость. Но, можетъ быть, нравственные муки этихъ людей, умѣющихъ молча страдать, превосходятъ все остальное. Взрослый сынъ, кормилецъ, отрывается у несчастной старухи-матери, послѣдняя ея отрада, и... про-

дается. Жену отнимають отъ мужа, отца и мать у семьи, младенцевъ — отъ груди матери. Живой товаръ, которому Господь далъ душу и сердце, которыхъ создалъ „Себѣ подобными“.

Оболенскій порывисто всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Я знаю все это, знаю, но и въ тысячный разъ не въ состояніи выслушать спокойно.

Онъ остановился около Ланского и съ состраданіемъ взглянулъ на эту молодую, грустно и безпомощно опущенную голову.

— И вы уѣхали... я понимаю васъ, вы ничего-ничего не могли сдѣлать. Съ одной стороны помѣщики, съ другой — злоупотребляющіе своими правами власти, съ третьей — сами крестьяне, по волѣ вершителей ихъ судебъ, — темные люди, безправные, озлобленные муками, сроднившіеся съ недоверіемъ. И вы, который утратили все личное, вы, который рѣшили посвятить себя этимъ угнетеннымъ ближнимъ, вы — должны очень страдать... Вы поняли свое безсиліе.

Ланской исхудалыми руками сдавилъ тревожно бившіеся виски.

— Да, я страдаю... Единственное, что я могъ и хотѣлъ сдѣлать для нихъ: одѣлать ихъ землею и дать имъ свободу, — мнѣ запретилъ императоръ. И вотъ весь трагизмъ моего положенія: я — врагъ рабства, поневолѣ — плантаторъ, неограниченный владѣлецъ многихъ бѣлыхъ рабовъ... И когда я умру, — а смерть мнѣ кажется такой близкой, — мои бѣдные рабы перейдутъ къ моимъ наслѣдникамъ и тѣ сумѣютъ сосать ихъ кровь такъ же, какъ сосали мои дѣды и прадѣды. Вѣдь у меня нѣтъ сына, которому я бы могъ передать свои идеи, которому могъ бы открыть святую правду, такимъ тяжелымъ опытомъ доставшуюся моей душѣ... Да, я очень страдаю...

Чувство почти материнской нѣжности закралось въ твердое, мужественное сердце Оболенскаго, онъ тихо отвелъ блѣдныя руки, сжимавшія виски, и задержалъ ихъ

въ своихъ, его стальной голосъ зазвучалъ лаской утѣшенія:

— Въ самомъ вашемъ страданіи — великое счастье. Развѣ вы не понимаете, какая сила въ вашей душѣ, — отречься отъ себя и страдать за другихъ, вѣдь это великое чувство, которое дается очень-очень немногимъ. Вы не думайте, что вы такъ ужъ безсильны. Можетъ быть судьба столкнула насъ не даромъ, можетъ быть мнѣ удастся открыть дверь мрака, заслонившую отъ васъ лучшее въ мірѣ, и ворвется въ вашу жизнь яркій свѣтъ и озаритъ ее, и вы пойдете твердо, смѣло, вдохновенно рядомъ со мною, рядомъ со многими другими, и счастье озаритъ вашу душу. Съ этимъ счастьемъ вы будете работать, бороться, если нужно, страдать для другихъ, если придется — за нихъ умирать.

Оболенскій умолкъ... Графъ Григорій, не поднимая глазъ, прислушивался къ этимъ словамъ, въ нихъ было что-то таинственное, недосказанное, они обѣщали и обнадеживали... Графъ Григорій не рѣшился спрашивать, вѣдь ему обѣщали сказать все, когда настанетъ время.

— А теперь отдохните, успокойте свои нервы, соберите всѣ силы, душевныя и физическія, не теряйте ни одной силенки на безплодныя сожалѣнія, вы отнимете ихъ у тѣхъ, которые стопами, слезами и кровью призываютъ васъ всѣхъ на защиту и борьбу... До свиданья, я извѣщу васъ, когда найдется у меня свободный часокъ. А теперь, во-первыхъ, наша долгая бесѣда можетъ привлечь вниманіе подозрительныхъ, вѣдь агенты правительства шныряютъ повсюду, вездѣ проникаютъ. И при томъ, у меня еще есть маленькое дѣло сегодня, мое время мнѣ не принадлежитъ.

Графъ Григорій всталъ и крѣпко отвѣтилъ на пожатіе своего новаго знакомаго.

— Я извѣрился въ свои силы, въ полезность своей жизни... И, если еще возможно счастье посвятить себя идеямъ моей души, я весь въ вашемъ распоряженіи: и мои

силы, и моя жизнь... Пусть то, о чемъ вы намекнули мнѣ и чего я еще не знаю, но смутно угадываю, развернется предо мною могучимъ океаномъ, — я согласенъ влиться въ него хотя бы ничтожной каплей.

Оболенскій простился и пошелъ къ дверямъ... Когда онъ открылъ ихъ, ворвались стонущіе, тягучіе звуки русской пляски.

— Пройдемте въ залъ и хотя бы для вида взглянемъ, кто тамъ пляшетъ.

Чѣмъ ближе подходили они къ залу, тѣмъ быстрѣе становился темпъ музыки и сквозь стонъ ворвалась въ мелодію молодецкая сила и удалъ.

— Въ этихъ пѣсняхъ — нашъ народъ. Усталая душа его стонетъ подъ тяжкимъ бременемъ, но спадетъ это бремя и проявитъ онъ могучую силу и молодецкую удалъ.

Когда они остановились въ дверяхъ зала, ихъ глазамъ представилось красивое зрѣлище: стройная, высокая боярыня плыла какъ пава, граціозно помахивая въ воздухѣ шелковымъ платкомъ; молодой бояринъ, лихо отбивая дробь ногами, словно старался догнать ее, но не могъ.

Когда боярыня, проплывъ черезъ весь залъ, повернулась лицомъ къ собесѣдникамъ, у Оболенскаго вырвалось невольно:

— Какая красавица!

Онъ обернулся, потому что изъ груди его спутника вылетѣлъ тяжелый вздохъ, какъ будто таившійся уже давно на самомъ днѣ его души. Лицо графа Ланского было блѣдно, голова, какъ бы ища опоры, прислонилась къ косяку двери, только глаза сіяли, не отрываясь отъ пляшущей.

И сразу, собравъ всѣ свои силы, онъ оторвался отъ красивой картины и, вдругъ повернувшись, направился къ выходу.

Когда они оба вышли на улицу, уже пахло морознымъ утромъ, но темнота царила въ природѣ. Въ яркомъ свѣтѣ многочисленныхъ фонарей бѣлѣла ровная снѣжная дорога, выступалъ цѣлый рядъ роскошныхъ эки-

пажей. Дремлющія лица кучеровъ и выѣздныхъ казались такими утомленными, мертвенно блѣдными.

— Вотъ еще цѣлый рядъ безправныхъ мучениковъ, которые за тяжкій трудъ своихъ бессонныхъ ночей получаютъ черствый горькій хлѣбъ и... часто побои...

Новые знакомые еще разъ простились, графъ Григорій вскочилъ въ пролетку и черезъ четверть часа уже входилъ въ свою спальню.

Онъ ѣхалъ съ такой неохотой на балъ тетушки, ѣхалъ, чтобъ какъ-нибудь убить еще одинъ вечеръ безцѣльной жизни... и встрѣтилъ тамъ такъ много новаго, интереснаго. Предчувствіе говорило ему, что встрѣча съ поручикомъ роковая, что наступаетъ какой-то переломъ въ его жизни.

Образъ пляшущей Настеньки, всколыхнувшій забытое прошлое со дна души, постепенно окутываясь легкой дымкой все гуще и гуще, наконецъ скрылся совсѣмъ въ туманѣ отъ мысленнаго взора. Мужественный, вдохновенный образъ новаго знакомаго заслонилъ даже этотъ туманъ, и какъ далекая, но ближущая надежда звучали знаменательныя слова:

— Можетъ быть, мнѣ удастся открыть дверь мрака, заслонившую отъ васъ лучшее въ мірѣ, и ворвется въ вашу жизнь яркій свѣтъ и вы пойдете твердо, смѣло и вдохновенно рядомъ со мною, рядомъ со многими другими, и счастье озаритъ вашу душу. Съ этимъ счастьемъ вы будете работать, бороться, если нужно, страдать за другихъ, если придется — за нихъ умирать!“

— Дай Богъ!..

V

ГОСТИ

Мягко разливался слабый, успокаивающій свѣтъ лампы въ большой мрачной комнатѣ. Темныя стѣны, темныя портьеры, темныя ковры. Старинная тяжелая ме-

бель, крытая темной парчей, громоздкіе угловые диваны, большой круглый столъ посрединѣ, покрытый парчевой скатертью... И какъ-то особенно торжественно сіяютъ въ кіотахъ святыя образа, съ чудными ликами, очевидно, рожденными геніальной кистью, въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, осыпанные сверкающими драгоценными камнями.

Въ таинственной комнатѣ царитъ такая тишина, что она кажется необитаемой... А между тѣмъ въ одномъ изъ старинныхъ креселъ словно потонула стройная женская фигура. Въ этой полутьмѣ, въ своемъ черномъ простомъ одѣяніи она почти сливается съ темнымъ фономъ кресла, вырисовывается только блѣдное лицо ея съ мрачно горящими глазами и бѣлѣютъ сложенные на колѣняхъ руки.

Очевидно, женщина поглощена своими нерадостными мыслями, она не шевелится, даже блестящій взоръ ея неподвиженъ, и только отъ времени до времени какъ бы черезъ силу вырывается вздохъ изъ ея груди и скорбно нарушаетъ торжественную тишину.

Эта женщина — молодая княгиня Анастасія Александровна Ладова.

Прошло три года, и, послѣ тяжелыхъ страданій, наконецъ, удалось ей возстановить равновѣсіе, скорбный миръ въ своей душѣ. Казалось, ея терпѣніе и воля сломали все дурное и, хотя каменистая и холодная, но твердая почва создалась подъ ея ногами.

Свекровь все по-прежнему ненавидѣла свою невестку, но теперь невольно ее уважала и даже побаивалась, и наружно оказывала ей любезное почтеніе.

Бѣшеная ревность, кипѣвшая въ душѣ ея мужа, и теперь еще просыпалась, да рѣдко, — она не находила себѣ пищи. Даже золотая молодежь, невольно любуясь красотой княгини, въ обращеніи съ нею какъ бы забывала ея молодость, относилась къ ней лишь съ почтеніемъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда приходилось перекинуться двумя-тремя незначашими фразами.

Молодые женщины и дѣвушки, ея одноклѣтчи, избегали ея общества, мрачный видъ, серьезная бесѣда наводили на нихъ тоску.

Грезы юности разсѣялись, а дорогія святыни запали далеко въ глубь сердца, задержались траурнымъ флеромъ. Земная жизнь въ глазахъ молодой княгини являлась лишь тяжелымъ испытаніемъ. Здѣсь должна она была очистить свою душу и твердо вѣрила, что тамъ, въ иной жизни, ожидаетъ награда за всѣ муки.

И жизнь ея двоилась: одна внѣшняя, гдѣ все основывалось на кротости и терпѣніи, другая — внутренняя, въ которой душа отдавалась молитвѣ, надеждамъ, суевѣрію и въ самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ — находила мистическую силу. И, можетъ быть, ни одна женская душа не далась во власть мистицизму, какъ эта, и ни въ одной гостиниой знаменитости мистическаго міра не находили такого широкаго пріюта, какъ въ этой.

Въ этой жизни, полной молитвъ, загадочныхъ надеждъ, — нашла душа Настеньки мрачное успокоеніе.

Время шло.

Но вотъ дорогое имя, незабвенное, съ которымъ связано было много свѣтлаго и юнаго, снова зашелестѣло вокругъ молодой женщины.

„Русскій Гамлетъ“, „чудакъ“, „безумный либераль“, вотъ титулы и названія, которыми осыпали всѣ эти людишки „его“.

И снова всколыхнулось сердечко Настеньки, и снова забилося оно мучительно тревожно и теперь, какъ никогда, стало искать забвенія въ мистической молитвѣ, въ таинственномъ и непонятномъ.

Но молодость брала свое и что-то клокотало внутри, что-то рвалось, мельчайшія воспоминанія проникали въ мозгъ.

Картины беззаботнаго дѣтства, невинныя шалости, ласки, веселье... все-все возстановлялось такъ ярко, ярко и, какъ молнія прорѣзаетъ покрытое тучами темное не-

бо, такъ прорѣзались эти воспоминанія сквозь мракъ, окутавшій душу Настеньки.

Погруженная въ думы она и не замѣтила, какъ ея мужъ вошелъ въ комнату.

Нѣсколько мгновений онъ стоялъ неподвижно нахмурившись, вглядываясь въ лицо своей жены, но вотъ злая усмѣшка заиграла на его губахъ.

— Опять какіе-нибудь фокусы? И какъ тебѣ не надоѣсть, Настенька? Къ какому это спектаклю готовилась ты сегодня?

Она слегка вздрогнула, но отвѣтъ ея прозвучалъ тихо и ровно:

— Ничего не будетъ новаго, все по старому. Будемъ молиться, будемъ бесѣдовать. Зачѣмъ ты спрашиваешь, вѣдь для тебя все это скучно и непонятно.

Онъ расхохотался.

— Не хватаетъ, чтобъ и меня заразили всей этой дурью. Нѣтъ, ужъ меня на эту удочку не поймаетъ, умъ у меня не бабій.

Князь опустился въ кресло противъ жены, все еще смѣясь.

— Надѣюсь, я не помѣшаю, если просижу двѣ-три минуты? Или знаменитый часъ насталъ?

Настенька подняла на него свой чистый взоръ.

— Я думаю, что не помѣшаешь, если даже останешься, только... тебѣ самому будетъ скучно.

Князь пересталъ смѣяться, онъ вглядывался въ черты своей супруги. Мягко разливался по этимъ прелестнымъ чертамъ ровный свѣтъ лампадъ...

Уже нѣсколько лѣтъ знаетъ князь эту женщину: видитъ ее ежедневно, но не понимаетъ ея, не можетъ ее разгадать. Кажется, все въ ней такъ ясно и просто, такъ честно и чисто, а между тѣмъ... всякій разъ, когда хочется заглянуть поглубже въ эту душу, вырастаетъ непобѣдимая стѣна, и что за нею скрывается, остается загадкой... И тогда поднимается въ немъ тяжелое чувство, какая-то смѣсь отчаянья и озлобленья клопочетъ въ немъ...

— Такъ что же ты, остаешься? — спокойно и мягко спросила Настенька.

Князь порывисто вскочилъ.

— Ни за что!.. Вы всѣ сошли съ ума и отказались отъ жизни, а я — я еще хочу жить и пойду туда, гдѣ свѣтъ и веселье, разъ въ моемъ домѣ мракъ и ханжество...

Не прощаясь съ женой, князь почти выбѣжалъ изъ комнаты... Ни одна черта въ лицѣ Настеньки не дрогнула, она привыкла къ этимъ сценамъ, къ этому внезапному гнѣву, внезапнымъ уходамъ...

Не долго ей пришлось сидѣть одной, не прошло и десяти минутъ, какъ дверь тихо скрипнула, и показалось на порогѣ странное существо.

Это была толстая, претолстая баба, не старая еще. Черный подрясникъ висѣлъ на ней неуклюжими складками, талию стягивалъ широкій ремень. Длинные распущенные волосы торчали изъ-подъ скуфьи; въ рукахъ большая трость, напоминающая жезлъ. Длинные нити черныхъ бусъ нѣсколько разъ обвивали ея шею и спускались ниже колѣнъ, заканчиваясь чернымъ крестомъ.

Настенька невольно вздрогнула, когда раздался тягучій грудной голосъ вошедшей, выговаривавшей слова съ рѣзкимъ удареніемъ на „о“.

— Буде Христось Богъ съ тобой, да сохранятьъ ты святители.

— Здравствуй, Голубица, — съ нѣкоторымъ трепетомъ привѣтствовала Настенька странную гостью и робко пошла ей навстрѣчу. Она склонила голову подъ благословеніе „Голубицы“ и набожно прикоснулась губами къ висѣвшему на четкахъ черному кресту.

Нимало не смущаясь оказаннымъ ей почтеніемъ, „Голубица“ благословила княгиню Ладову, развязно прошла въ глубь комнаты и тяжело опустилась въ одно изъ старинныхъ креселъ, предварительно перекрестившись и пошептавъ передъ образами.

— Первая войдешь — послѣдняя выйдешь... Моленіе будетъ великое, прилетитъ сизый голубь, сердце его коршунья раздеретъ, аще убо сказано...“ — своимъ тя-

гучимъ груднымъ голосомъ проговорила „Голубица“, а Настенька вся затрепетала, стараясь разобраться въ темномъ иносказаніи.

Дверь снова растворилась и быстрыми и легкими шагами вошла старушка въ черномъ каленкоровомъ платьѣ съ ридикюлемъ въ рукахъ. Она была худа, миниатюрна, энергична; сѣдые волосы ея, раздѣленные на проборъ, гладко причесанные, наполовину прикрытые черной косынкой, обрамляли сморщенное добродушное личико.

Снова Настенька почтительно привѣтствовала вошедшую.

— Какъ здоровье, Игнатьевна? Что дѣлается на свѣтѣ Божіемъ?

Старушка затараторила.

— Бродятъ по свѣту слѣпцы, калѣки разные, блаженные, юродивые, странники и странницы. Бредутъ они и не знаютъ, куда и зачѣмъ, а всѣ къ могилѣ придутъ, всѣ, всѣ...

— Да, всѣ... — вдумчиво повторила Настенька, — ну, а ты какъ живешь, Игнатьевна?

Старушка снова затараторила, въ тысячный, можетъ быть, разъ повторяя исторію своей жизни.

— Какъ живу — живу — не знаю, а къ могилѣ близехонько. Было времячко и я жила въ высокомъ терему, въ золотѣ да бархатѣ, сама княжескаго рода была и по французскому и по нѣмецкому балакала... за красавицу слыла и вокругъ моего терема княжичи да принцы, вздыхая да поглядывая, хаживали. Только сердце меня обмануло, — среди соколовъ лихихъ чернаго ворона выбрала. Обманулъ онъ меня, насмѣялся... И не милъ мнѣ сталъ теремъ высокій, опостылѣло злато да парча. Въ темную ночь, въ лютую ночь побросала я жемчуга да бархатъ, разошлась въ лохмотья и пошла куда глаза глядятъ. Тьма кромѣшная была вокругъ, а мнѣ впереди малая звѣздочка мерцала и звала меня, и шла я за ней. И хоть день наставалъ и бѣлѣла моя звѣздочка, но для другихъ глазъ невидимая, — мнѣ видна была.

Сморщенное личико старушки просвѣтлѣло улыбкой.

— Много, много лѣтъ прошло, а я ихъ не считаю и не знаю... Молода была, — стара стала и теперь ужъ близко-близко далекаго пути конецъ.

Наступило короткое молчаніе, внезапно прерванное тягучимъ голосомъ „Голубицы“:

— И конецъ пути, близко-близехонько... А голубь прилетитъ и 'разорветъ' коршунью, клочья одни полетятъ... А и небо темнѣетъ, стаи ихъ, стаи видны.

Въ эту минуту вошла въ комнату высокая стройная брюнетка, молодая еще съ круглымъ личикомъ, мелкими чертами и карими глазками. Костюмъ на ней былъ темный, но модный, и волосы отъ пробора расходились крупными модными локонами. Это была графиня Чесменская. Настенька привѣтливо пошла ей навстрѣчу.

— Здравствуйте, милая графиня, вы однѣ?

— Да, я одна... Преподобный расхворался, — тихимъ, нѣжнымъ голоскомъ, грустно поглядывая на Настеньку, сказала графиня Чесменская.

VI

ВИДѢНІЕ

Большая мрачная комната постепенно стала наполняться приглашенными. Наряду со знатнѣйшими дѣвушками и женщинами, появлялись простыя бабы и старушки, по мнѣнію общества, отмѣченныя мистическою силой. Кое-гдѣ виднѣлись монашескія рясы и казались онѣ особенно странными рядомъ съ блестящими модными туалетами, крупными жемчугами, брилліантами.

Комната наполнилась разговорнымъ гуломъ, слышались таинственныя рѣчи, тягучія причитыванія, охи изумленія. Но вотъ кто-то произнесъ:

— Тише, тише... — и разомъ всѣ смолкли и насто-рожились, а жадные взоры обратились къ медленно раскрывшимся дверямъ.

Пришли „тѣ“, ради которыхъ собралось это разношерстное общество.

Высокій монахъ, молодой еще, съ блѣднымъ испытнымъ лицомъ и полинялыми голубыми глазами, глядѣвшими изъ подъ рыжихъ нависшихъ бровей. Онъ велъ за руку мальчика лѣтъ четырнадцати.

Темносиняя русская рубаха, опоясанная шнуромъ, висѣла на худыхъ плечахъ; широкія шаровары неуклюже выступали изъ высокихъ сапожковъ.

Дѣйствительно, лицо этого мальчика сразу привлекало вниманіе: оно было такъ блѣдно, такъ прозрачно, что выступала каждая жилка... Неправильныя черты лица казались мелкими и ничтожными, изуродованныя крупными веснушками, но большіе свѣтлые глаза озарились страннымъ свѣтомъ—они были прозрачны, какъ это лицо, и казалось, сквозь нихъ можно было видѣть весь Божій міръ. Иногда неожиданно появлялась чарующая улыбка, большею частью совершенно не кстати, такъ что получалось жуткое впечатлѣніе, что мальчикъ улыбнулся чему-то и кому-то видимому лишь ему одному.

— Съ нами Богъ! — высокимъ дребезжающимъ голосомъ произнесъ монахъ, и всѣ перекрестились, только мальчикъ, не крестясь, улыбнулся чарующей, неожиданной улыбкой.

Княгиня Ладова и графиня Чесменская пошли навстрѣчу вновь прибывшимъ и усадили ихъ въ серединѣ комнаты... Всѣ присутствовавшіе оцѣпили плотнымъ кольцомъ эту середину, всякому хотѣлось поближе разглядѣть чудеснаго мальчика.

— Ну, что жъ, Илья, — заговорилъ монахъ, приведшій мальчика, — собрались господа тебя послушать, поглядѣть, все господа важные, богобоязненные... Помолись, да съ Божьей помощью повѣдай міру чѣмъ ты благословленъ.

Неожиданная улыбка озарила лицо Ильи, онъ перевелъ свой взоръ къ ликамъ святыхъ и заглядѣлся. Какъ хороши были эти образа; святые, какъ живые, выступали съ темнаго полотна, протягивали къ нему блѣдныя

красивыя руки, большими глазами какъ будто насквозь проникали его душу...

Вотъ-вотъ задрожать рѣсницы и скатится слеза; вотъ-вотъ отдѣлятся они отъ полотна, выйдутъ изъ свѣтлой полоски лампадъ и подойдутъ къ нему.

Мальчикъ глядѣлъ все пристальнѣе, глаза его расширились, улыбка свѣтлѣла.

Онъ забылъ, гдѣ находится, онъ не видѣлъ тѣснаго кольца людей, окружавшихъ его, онъ не чувствовалъ горящихъ, любопытныхъ взглядовъ, не отрывавшихся отъ него. Онъ, медленно приподымаясь, выпрямился во весь ростъ и тихо пошелъ къ кіоту, горѣвшему золотомъ и камнями.

Кольцо зрителей поспѣшно разомкнулось, пропустило его.

Мальчикъ прямо подошелъ къ образамъ, опустился на колѣни; свѣтлаго лица его никто уже не видѣлъ, но странный шопотъ, срывавшійся съ его устъ, былъ отчетливо слышенъ въ мертвой тишинѣ.

Молодая княгиня Ладова, вся дрожа, не отрывала глазъ отъ этой колѣнопреклоненной худенькой фигурки. И вдругъ она видитъ, что фигурка дрогнула, словно чѣмъ-то потрясенная, порывисто выпрямилась и повернулася, словно на чей то властный зовъ.

Теперь передъ Настенькой мелькнуло лицо, блѣдное, искажившееся, съ застывшей улыбкой, глаза пристально всматривались въ дальній темный уголъ комнаты.

И вотъ раздался голосъ мальчика, глухой и разбитый...

— Тамъ женщина... Вы видите, она опять пришла...

Общество съ невольнымъ ужасомъ обернулось на темный уголъ, который указывала худая рученка мальчика. Тамъ дрожали неясныя тѣни, но больше ничего не было.

Монахъ, уже научившійся обращаться со страннымъ ребенкомъ, подошелъ къ нему, взялъ за руку и, крѣпко сжимая пульсъ этой руки, сталъ спрашивать тихо, но настойчиво:

— Какую женщину ты видишь?..

— Она высокая, большая, вся бѣлая... Ликъ будто туманомъ закрылся.

— Она глаголетъ?

— Да...

— Что глаголетъ она?

Мальчикъ какъ во снѣ повторилъ рѣчи, что слышались ему.

— Иди въ монастырь, Илья... Тамъ благодать и спасеніе... Тамъ отверсты врата Господни.

Лицо мальчика вдругъ восторженно просвѣтлѣло. Монахъ еще крѣпче сжалъ руку.

— Что видишь ты, Илья?..

— Отверзлась стѣна... Садъ большой, большой... Небо надъ нимъ, что камень самоцвѣтный, ручьи кристалльные бѣгутъ... Птицы рѣютъ... красивыя, зеленыя, золотыя... Поютъ какъ!.. Людей много... всѣ бѣлые-бѣлые, словно облака, прозрачныя... Свѣту, свѣту-то сколько!.. „Иди въ монастырь... Тамъ отверсты врата Господни“. Ахъ... закрылась стѣна, темно... темно...

Восторженное выраженіе разомъ погасло на лицѣ мальчика, оно стало блѣднѣть, искажаться, посинѣвшія губы тряслись.

— Видишь, монахъ идетъ съ деревяннымъ крестомъ, сѣротою — словно дымомъ объять... только клубукъ имѣетъ, да мантия... Стѣна разверзается... Ахъ...

Рѣзкій подавленный крикъ вырвался изъ груди мальчика.

— Что? Что? — настойчиво вопрошалъ монахъ, все крѣпче сжимая худенькую ручку.

— Черная земля... дома... церкви... Въ сѣромъ туманѣ все... А вотъ люди... много... разные... военные... простые... Дерутся, рѣжутся... Кровь... Они стрѣляютъ... Крови сколько... Не могу, не могу... Христосъ Богъ спаси меня... Женщина... вся въ крови... Ахъ...

Мальчикъ взмахнулъ рученкой и безъ чувствъ какъ снапъ упалъ къ ногамъ своего наперсника монаха.

Всѣ засуетились, бросились къ нему.

Настенька опустилаcь и положила къ себѣ на колѣни помертвѣлую головку съ закатившимися глазами и стиснутымъ ртомъ.

Теперь это ужъ былъ не „чудесный“ мальчикъ, а бѣдный, потерявшій силы, больной ребенокъ.

Кто-то принесъ холодной воды и Настенька намочила свой шелковый платочекъ и нѣжно приложила его къ прозрачному безъ кровинки лбу ребенка.

— Бѣдняжка, — невольно прошептала она съ состраданіемъ.

Но ни холодная вода, ни спиртъ, ни даже помощь врача не могли разбудить мальчика отъ глубокаго обморока. Его переложили на большой диванъ и общество волей-неволей должно было разойтись. Всѣ прощались съ хозяйкой. Одни — съ трепетомъ въ душѣ, еще переживая только что видѣнное „необычайное“; другіе съ досадой, что интересный спектакль прекратился неожиданно и некстати. Но пріятное нервное возбужденіе все-таки охватывало и объединяло эту разношерстную толпу, вкусы которой притупились къ обыденному и нормальному.

Голубица уходила надутая, обиженная, что ни малѣйшая доля вниманія общества ей не досталась и никто въ этотъ вечеръ не прислушивался къ ея тягучимъ иносказаніямъ. Но она замѣтно просіяла, когда, прощаясь съ нею, хозяйка не забыла опустить обычную дань въ ея большую жирную лапу. Голубица сейчасъ-же юркнула по широкой лѣстницѣ на улицу, завернула за уголъ и подошла къ группѣ лихачей.

— Эй, вы, дядьки, братцы, кто прокатитъ меня поудалѣе?

— Пожалуй, сударушка, — пригласилъ ее степенный кучеръ съ сѣдой окладистой бородой.

Голубица такъ и разсыпалась груднымъ звонкимъ хохотомъ, куда и святость ея дѣвалась, отъ Божескаго смиренія да таинственности не осталось и слѣда, широкое лицо ея улыбалось во всю, глаза маслянисто искрились, подмигивали.

— Больно старъ, дѣдъ, чтобъ такую, какъ я, „голубицу оливанную“ катать... Я вонъ на энтаго сяду, онъ и помоложе и подюжѣ будетъ.

И, все продолжая весело, задорно смѣяться, Голубица взгромоздилась на облюбованнаго лихача.

Парень, ухмыляясь, стегнулъ бойкую лошадку.

— Ты пошибче лети, за вѣтромъ мнѣ угоняйся, за деньгой не стою.

И понесся ободренный лихачъ... Развѣвались подъ вѣтромъ черный подрясникъ и длинные волосы Голубицы, и вскорѣ скрылась она съ глазъ смѣявшихся лихачей.

Тихо выползла изъ дома княгини Ладовой и другая „знаменитость“, Игнатъевна, и ее не забыли одѣлать деньгой въ княжескомъ домѣ.

Толпа нищихъ уже ожидала ее. Она, улыбаясь своей тихой добродушной улыбкой, разсовывала бѣднякамъ серебряныя монеты.

— Ты и себѣ, бабушка, оставь... — позаботилась о ней какая-то сердобольная старушка.

— Мнѣ — не надо, — замахала головой Игнатъевна, — моя звѣздочка, вишь, въ небѣ горитъ... Я за ней пойду... Вишь, зоветъ меня...

Игнатъевна подняла голову и вглядывалась въ эту яркую звѣздочку, ей одной видимую, тихо побрела и скрылась за поворотомъ въ ночной тѣмѣ.

Всѣ гости уже разѣхались изъ дома княгини Ладовой, оставался только все еще безчувственный мальчикъ и наперсникъ его, рыжій монахъ.

— И долго пролежитъ онъ такъ? — съ безпокойствомъ спрашивала Настенька.

— Когда какъ придется, то часъ, а то и всю ночь... Да ты не бойся, княгиня, онъ отходчивый.

— Я посижу съ нимъ, отче, а тебя въ другую комнату проводятъ. Проголодался, должно быть, и усталъ... Поди, отдохни...

Монахъ не заставилъ себя долго просить и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже возсѣдалъ среди княжеской че-

ляди, уписывая за обѣ щеки и рассказывая темнымъ людямъ о разныхъ „чудесахъ“ и „чудищахъ“.

Настенька подошла къ безчувственному мальчику, оправила подушку, на которой покоилась его свѣтлая головка, и сѣла рядомъ въ кресло, поглаживая холодный лобъ, всматриваясь въ неправильныя черты. Теперь на нихъ лежала печать спокойствія, глубокой обморокъ незамѣтно перешелъ въ тихій сонъ.

Но вотъ дрогнули длинныя рѣсницы, широко раскрылись свѣтлые глаза и заглянули прямо въ душу склонившейся молодой женщинѣ. Обаятельная улыбка заиграла на устахъ мальчика, ему казалось, что онъ снова въ мірѣ своихъ видѣній.

— Ты ангелъ, свѣтлый, хрустальный ангелъ, — нѣжно прошепталъ онъ и вдругъ неожиданно схватилъ и поцѣловалъ бѣлую ручку, съ материнской заботливостью покоившуюся на его челѣ.

— Успокойся, бѣдняжка, я не ангелъ, а простая обыкновенная женщина. Ну а ты? Тебѣ лучше? Головка не болитъ? Ты не ушибся, когда упалъ?

Чарующій женскій голосъ впервые такъ мягко звучалъ надъ сиротливой головкой, до сей поры его ласкали только грезы, созданныя нервной фантазіей, галлюцинаціями. И никогда не испытанное чувство жгучей любви охватило юную душу и сладкимъ трепетомъ разлилось по изможденному безкровному тѣлу. Мальчикъ приподнялся, любуясь прелестнымъ лицомъ молодой женщины, и вдругъ снова, смертельно блѣднѣя, отшатнулся на подушки, съ заглушеннымъ стономъ на устахъ.

— „О, я видѣлъ тебя, тамъ, — на черной землѣ, я видѣлъ тебя всю покрытую кровью“.

VII

„ВЕСЕЛИСЯ!“

Взволнованный и разсерженный вышелъ князь Ладовъ изъ мрачной комнаты своей жены и сразу вздохнулъ

веселѣе и свободнѣе въ ярко освѣщенныхъ и богатыхъ залахъ. Но ему не сидѣлось дома въ этотъ вечеръ... Хотя въ его кабинетъ не проникалъ ни единый звукъ изъ комнатъ княгини, но одно сознаніе, что соберется разношерстная толпа въ его домѣ, начнутся моленія и чтенія, не обойдется и безъ привидѣній, — раздражало его, гнало прочь изъ этого дома.

Князь велѣлъ подать сани и, набросивъ шинель, вышелъ на улицу...

Ночь была темная, холодная, сырая, лентой извивался санный путь.

— Куда прикажете, ваше сіятельство? — угодливо спросилъ кучеръ, когда князь удобно размѣстился въ саняхъ.

— Въ трактиръ „Синій Яръ“, да поживѣе! — коротко приказалъ Ладовъ.

Пока рысаки бѣшено мчали его, безшумно скользя по рыхлому снѣгу, обсыпая его бѣлыми хлопьями, — онъ отдавался нерадостнымъ думамъ.

Счастья не было въ его домѣ, счастья не было въ его душѣ. Правда, онъ любилъ свою жену, она принадлежала ему всецѣло, поведеніе ея, какъ супруги, было безупречно, — но отъ каждаго слова ея, отъ каждой ласки вѣяло холоднымъ принужденіемъ. Минутами онъ ненавидѣлъ Настеньку, жаждалъ оскорбить ее, унижить... Она все еще любитъ этого „безмозглаго чудака“ и будетъ любить его до смерти, князь это чувствовалъ.

На бѣду дѣтей у нихъ не было, — тогда бы, пожалуй, приручилась Настенька къ дому... А теперь отдалась во власть мистицизма, занялась усиленными моленіями, вѣрить въ разныя силы — чистыя и нечистыя.

Пробовалъ было князь прекратить эти вредныя заботы, но, во всемъ уступчивая и безмолвная, — здѣсь Настенька твердо отстаивала свою свободу, и ни убѣжденія, ни угрозы, ни оскорбленія, — ничто не могло ее сломить.

И князь махнулъ рукой на свою домашнюю жизнь. Надоѣло. Теперь онъ ищетъ развлеченій и будетъ развлекаться во всю.

Лошади разомъ остановились у невзрачнаго подъѣзда одноэтажнаго дома... Тутъ уже стояли собственные и наемные экипажи. Слышались звуки органа... Въ дверяхъ трактира, словно зазывая посѣтителей, горѣлъ большой красный фонарь, слетка качавшійся отъ порывовъ вьюги.

Князь вошелъ въ большую комнату въ русскомъ стилѣ, наводненную небольшими накрытыми столами, за которыми пріютилась разношерстная публика. Оживленно сновала прислуга — все бородатые мужики въ разноцвѣтныхъ яркихъ рубахахъ, съ засученными рукавами.

Въ дальнемъ углу, межъ сосновыхъ вѣтвей, примостился большой органъ. На немъ усердно, до поту, игралъ юноша, лѣтъ восемнадцати, въ красной шелковой рубахѣ и бархатной поддевкѣ, въ кучерской шапockѣ съ павлиньимъ перомъ, изъ подъ нея высыпались кольца русыхъ кудрей. Юноша заодно поглядывалъ на трактирныхъ гостей быстрыми маслянистыми глазками, его миловидное безусое личико со вздернутымъ носомъ хитро и ласково улыбалось.

За прилавкомъ, въ другомъ углу стояла хозяйка трактира, съ намалеваннымъ, какъ у куклы, лицомъ, опираясь обнаженными полными локтями на прилавокъ. Ея золотое парчевое платъе ярко блестѣло при свѣтѣ восковыхъ свѣчей. На головѣ алѣлъ шелковый платокъ, шея и руки были унизаны жемчугами и алмазами. Широкая улыбка на полномъ лицѣ казалась до приторности слащавой, хотя ровные бѣлые зубы смѣло могли соперничать съ крупными жемчугами.

Публика поражала своимъ, почти дикимъ, разнообразіемъ. Тутъ были и гусарскіе корнеты въ отставкѣ, бездѣльные помѣщики, купцы, купчихи, студенты и военные.

У нѣкоторыхъ столовъ въ шумныхъ компаніяхъ веселились и женщины, одѣтыя модно и крикливо, съ фальшивыми локонами и накрашенными лицами.

Шумъ, хохотъ, взвизгиванія, окрики смѣшивались со

звономъ бокаловъ, съ трескомъ вылетавшихъ пробокъ, съ запахомъ кушаній.

Очевидно, князь Ладовъ не впервые заходилъ въ „Синій Яръ“, — нѣсколько слугъ угодливо кланялись ему въ поясъ хоромъ повторяя:

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство. Что прикажете, ваше сіятельство? Вотъ столикъ, ваше сіятельство, и къ музыкѣ близко и попросторнѣе.

Сама хозяйка плавно вышла изъ-за прилавка и низко поклонилась именитому гостю.

— Добро пожаловать, батюшка-князь, ваше сіятельство. Чѣмъ поподчивать прикажете, чѣмъ веселить?

Нѣсколько мгновеній князь стоялъ безмолвно, ошеломленный гамомъ и пестротой. Какой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что онъ оставилъ дома! Да, пробывъ хоть нѣсколько мгновеній въ мрачной полутемной комнатѣ, слабо освѣщенной лампадами, съ этими торжественными строгими ликами святыхъ въ золоченомъ кіотѣ, — невозможно было оставаться тутъ среди разнузданнаго безшабашнаго веселья.

Но совсѣмъ иное привлекло князя Ладова въ этотъ притонъ.

— Спасибо, Макарьевна, я тутъ со всѣми не останусь сегодня. Мнѣ отдѣльную комнату — да цыганъ, какъ намереніи, — свысока, но снисходительно бросилъ Ладовъ.

Хозяйка медленно закивала головой: — понимаемъ, дескать, — и поплыла къ боковымъ дверямъ, приглашая и князя. Она ввела его въ большую комнату, тускло освѣщенную двумя восковыми свѣчами, и сейчасъ же, какъ бы по мановенію волшебства, нѣсколько паръ рукъ ярко освѣтили ее десятками свѣчей.

Князь сѣлъ у длиннаго стола въ глубокое кресло и сейчасъ же подали замороженное вино и фрукты.

— Ну, весели, хозяйюшка... — залпомъ опорожнивъ два стакана вина и сразу оживившись крикнулъ князь.

Веселье не замедлило.

Съ шумомъ ввалилась пестрая толпа цыганъ, нѣжно

позвякивали бубенцы, трывкали струны гитарь... Смуглыя, красивыя лица молодежи, достойныя кисти „Мурильо“, и хищныя, почти страшныя старыхъ цыганъ.

Зазвучали лихія пѣсни... Изъ толпы выдѣлился толстый плясунъ въ бѣломъ, расшитомъ золотомъ, кафтанѣ... Повертывая шляпу въ рукахъ, онъ пошевеливалъ плечами, припикивая и притаптывая, подмаргивая густою бровью... И было много живости, ловкости, даже благородства въ этой своеобразной пляскѣ.

Но не страстной пляски, не этихъ разгульныхъ пѣсень жаждалъ Ладовъ... Ему хотѣлось другой пѣсни, хватающей за душу...

По его приказанію цыгане разсѣлись на полу полукругомъ и запѣли солистки, а хоръ имъ только аккомпанировалъ...

Полились пѣвучіе сердечныя звуки, въ нихъ трепеталъ тоскливый разгулъ погибшаго счастья... Ладовъ слушалъ, прихлебывая шампанское; цыганская мелодія шла прямо въ его душу...

Солистка смѣнялась солисткой... Послѣ знаменитой Степаниды, — Груша, Катя... Наконецъ изъ заднихъ рядовъ выступила та, ради которой тянуло сюда князя: пятнадцатилѣтняя Таня. Миниатюрная, худенькая, полудѣтская фигурка, смуглое личико покрытое пушкомъ персика; алыя губки, мелкіе „мышьиные зубы“; на черныхъ кольцахъ кудрей красная шапочка съ золотыми монетами; большіе, рѣдкіе для цыганки, ситіе глаза, не то удивленные, не то испуганные... Нити золотыхъ монетъ обливали ея шею, весь ея незатѣйливый пестрый нарядъ... Изъ-подъ короткой полосатой юбочки выглядывали стройныя ножки въ красныхъ башмачкахъ. Она выступила впередъ и краска смущенія залила ея щеки; смуглые тонкіе пальчики забѣгали по струнамъ; сейчасъ-же затривкали гитары и хоръ пропѣлъ прелюдію... Прелюдія замерла и молодой бархатный низкій голосъ отдѣлился, зазвучалъ укоромъ и тоской:

*„Слышишь-ли, мой сердезный другъ...
Слышишь-ли, какъ я рыдаю, любя...“*

Пѣвица закинула голову, ея глаза полузакрылись, раздувались тонкія ноздри.

Князь Ладовъ не отрывалъ отъ юной цыганки разгоравшихся глазъ... Когда она закончила пѣсню, онъ утостилъ ее виномъ и попросилъ спѣть еще что-нибудь...

Таня пѣла пѣсню за пѣсней съ особеннымъ увлеченіемъ, неподдѣльный восторгъ князя подогрѣвалъ ее... Не первый разъ видитъ она этого красавца-князя, и жгучій орлиный взоръ, пристально на нее устремленный, словно обволакиваетъ ее сладкимъ трепетомъ, сердечко бьется сильнее, голова какъ въ туманѣ.

Въ пѣсняхъ и долгая зимняя ночь, проходить. Пора и домой...

— Плясовую на прощанье... — приказалъ Ладовъ.

Цыгане пошептались и изъ ихъ тѣсныхъ рядовъ выступилъ стройный двадцатилѣтній юноша Андрей.

Это былъ типъ настоящаго цыгана: гибкій, смуглый, курчавый, съ рѣзкими чертами и огненнымъ взоромъ... На немъ, какъ и на толстомъ плясунѣ, надѣтъ былъ бѣлый кафтанъ съ золотыми позументами... Просто, почти стоя на одномъ мѣстѣ, зашевелилъ онъ плечами, покрикивая и притопывая одной ногой, но видно было, что каждый нервъ участвовалъ въ пляскѣ, это было какое-то краснорѣчіе тѣлодвиженій...

Но князь не любовался пляской, онъ всталъ, прошелся и остановился около Тани, прислонившейся въ сторонкѣ къ стѣнѣ...

— Хорошо поешь, въ душу идетъ твоя пѣсня; голось, что райская музыка... — склонившись къ ней, страстно прошепталъ князь..

Таня пожаромъ вся запылала и подняла на искусителя удивленные синіе глаза...

— И какая ты красавица!... Весь свѣтъ обойти — такой не найдешь другой... Всякую ночь ты мнѣ снишься...

ся, и ты, и твои пѣсни... — продолжалъ Ладовъ страстнымъ шопотомъ, обжигая Таню пламеннымъ взоромъ...

Но ихъ бесѣду уже замѣтили цыгане и словно невзначай придвинулись къ нимъ поближе... Князь нетерпѣливо передернулъ плечами, снова отошелъ къ столу и взялся за фуражку...

— Хорошенькаго понемножку... Пора и по домамъ.

Пляска сразу затихла, оборвалось трывканье гитаръ, и цыгане гурьбой направились къ дверямъ, глубокими поклонами и добропожеланіями прощаясь съ княземъ.

Онъ остался одинъ, осушилъ еще послѣдній бокалъ вина и потребовалъ хозяйку... Макарьевна не замедлила явиться... Толстое раскрашенное лицо ея и помятое платье свидѣтельствовали о прерванномъ сладкомъ снѣ.

Князь щедро расплатился, осмотрѣлся вокругъ и плотно притворилъ двери...

— Послушай, Макарьевна, я думаю, мы съ тобою столкнемся...

— Столкнемся, батюшка-князь, во всемъ столкнемся... Съ тобой ли не столкнуться?..

Князь заговорилъ быстро, тихо, не глядя на Макарьевну.

— Приглянулась мнѣ цыганка, выкупъ дамъ и тебѣ и хору, устрой мнѣ это дѣльце.

Макарьевна хитро подмигнула.

— Сладимъ, батюшка-князь... Объясни, которая приглянулась?..

— Таня-пѣвунья...

Лицо Макарьевны вытянулось...

— Только бы не Таню, такъ въ мигъ...

— Другой мнѣ не надо!.. — нетерпѣливо перебилъ Ладовъ.

— Таню... — задумчиво протянула Макарьевна, и вдругъ лицо ея расплылось въ широкой улыбкѣ.

— Хорошо, батюшка князь... Добромъ женихъ не отпустить, первый плясунъ онъ у насъ, красавецъ, а мы ее увозомъ... А послѣ хору выкупомъ глотку заткнемъ.

„БЛАЖЕННЫЙ“

Когда князь Ладовъ проходилъ черезъ общую комнату, тамъ уже почти никого не было. Мальчикъ въ поддевкѣ сладко дремалъ у органа, за столиками возсѣдали три-четыре запоздалыя компаніи, а въ углу, опустивъ голову на столъ, похрапывалъ какой-то поручикъ въ отставкѣ.

Князь Ладовъ брезгливо оглянулъ опустѣлое жилище разгульнаго веселья и быстрыми шагами вышелъ на улицу.

Зимнее утро наступило, но свѣтъ еще не брезжилъ, сырой туманъ густо стелился по землѣ.

Ладовъ вскочилъ въ свои сани, мысли его кружились отъ выпитаго вина, мокрый снѣгъ охлаждалъ голову.

Кровныя лошади быстро домчали его до дому, и черезъ нѣсколько мгновеній онъ, пошатываясь, поднимался по роскошной лѣстницѣ.

— Княгиня спитъ уже? Гости разъѣхались?

— Гости разъѣхались, ваше сіятельство, испужались: чудного мальчика бѣсъ затрепалъ. Старая княгиня давно на покоѣ, а молодая при мальчикѣ осталась, отъ бѣса его отводить.

— Такъ не спитъ? — повторилъ князь и направился въ комнаты жены.

Когда онъ открылъ дверь въ мрачную молельню, въ ней все такъ-же царилъ таинственный полумракъ, мерцали лампадки, словно живыя выступали изъ кіота строга лица святыхъ.

На кругломъ столѣ у дивана горѣла восковая свѣча, на немъ вытянувшись, лежалъ мальчикъ съ закрытыми глазами и блѣднымъ восковымъ лицомъ.

Настенька на колѣняхъ у этого дивана, обернувшись лицомъ къ образамъ, погрузилась въ глубокую молитву. Ея губы что-то шептали, лицо скорбно свѣтилось, она,

не выпуская, держала въ рукахъ блѣдную холодную руку мальчика.

Князь нѣсколько мгновений простоялъ, молча глядяваясь въ эту странную картину, круто повернулся и вышелъ, рѣзко хлопнувъ дверью.

Настенька вскочила, испуганная, не понимая въ чемъ дѣло, она приписала этотъ неожиданный стукъ „необычайному“, и таинственный трепетъ охватилъ ея душу.

Она тихо приоткрыла дверь — никого. — Тогда она крикнула спавшую въ коридорѣ дѣвушку и послала ее за монахомъ.

Тотъ не замедлитъ явиться предъ ясныя очи княгини.

— Отче, — сказала Настенька, наклоня усталую голову подъ благословеніе, — оставь у меня этого ребенка, я замѣню ему старшую сестру, я постараюсь излѣчить его недуги, тѣлесные и душевные.

— Онъ послушникъ, матушка княгиня, никакъ нельзя, монастырь мнѣ спасибо не скажетъ.

— Вотъ я и попрошу тебя, отче, столковаться съ монастыремъ. Пусть отдадутъ мнѣ этого мальчика, а я вкладъ сдѣлаю на бѣдныхъ и помогать всегда буду монастырю.

Лицо рыжаго монаха озарилось довольствомъ.

— А что-же, матушка княгиня, это мы тебѣ уладимъ, это можно. Да и впрямь лучше будетъ мальчишкѣ у тебя, странненькій онъ, юродивый.

Настенька отпустила монаха и снова осталась наединѣ съ больнымъ мальчикомъ. Почему рѣшила она взять его на свое попеченіе? Яснаго отвѣта на этотъ вопросъ не находилось, душа ея такъ рѣшила, сердце этого требовало. Предчувствіе подсказывало, что все равно роковымъ образомъ должна столкнуться ея жизнь съ жизнью этого юродиваго, и глубокая материнская жалость охватывала ее всю; было какое-то непреодолимое обаяніе въ большихъ прозрачныхъ глазахъ ребенка, въ его неожиданной чарующей улыбкѣ.

Въ своихъ больныхъ грезахъ онъ видѣлъ ее уже раньше, онъ видѣлъ ее на темной землѣ, безчувственную,

обрыззанную кровью... Невольный трепет пробѣгалъ по тѣлу Настеньки, и почему-то вспомнился ей послѣдній вечеръ дѣвчества въ родительскомъ домѣ. Въ большой комнатѣ, освѣщенной только горящими углями въ каминѣ, сидѣла она въ глубокой задумчивости, объята тоской. Молиться она не могла... Вотъ добродушное сморщенное лицо старой няни Феклуши, въ землѣ теперь она...

— Не хочешь-ли поворожить, касаточка?

Вотъ входятъ двѣ цыганки. У одной, старой, злобѣще разсыпаются сѣдые космы волосъ, странно поблескиваютъ черные глаза изъ впалыхъ орбитъ.

— Охо-хо-хо!.. Черная ночь на душѣ твоей, по слезамъ пойдешь, по слезамъ. Охо-хо-хо... Любить онъ тебя, только далеко, далеко.

— Живъ онъ? — крикнула Настенька.

— Хочешь, воду спрошу? — запищитъ, такъ живъ...

И спросила воду, и ясно отчетливо закипѣла она въ рукахъ старой цыганки.

И правду сказала вода: да, онъ живъ, онъ живъ!

А она по слезамъ пошла и будетъ идти по слезамъ, и кончитъ жизнь свою на темной землѣ, отъ руки убійцы, облитая кровью.

И пускай, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, жизнь души въ еѣ...

Блѣдный мальчикъ тихо открылъ свои глаза, тихо приподнялся и сѣлъ. Свѣтлый ангелъ, озарившій восторженной любовью юную душу, стоялъ колѣнопреклоненный, скорбно глядя на лики святыхъ... Но не молитва на этихъ устахъ, нѣтъ, скорбныя мысли, тяжелое горе... Вотъ тихо скатилась слеза, за ней другая, третья и текутъ онѣ обильно орошая скорбное лицо.

Мальчикъ тихо подползъ къ молодой женщинѣ и, склонившись къ землѣ, сталъ цѣловать край ея платья.

— Не кручинься, ты — ангелъ свѣтлый... Коли что тебя печалитъ, коли кто травитъ твое сердце, скажи мнѣ, мнѣ одному... Я сдѣлаю все, какъ прикажешь, если надо будетъ, уничтожу, искрошу твоихъ недруговъ, только не плачь, свѣтлый ангелъ, не плачь, свѣтлая звѣзда...

Настенька оторвалась отъ горестныхъ думъ, утерла слезы, встала и подняла простертаго на полу мальчика.

— Ты ложись, какъ лежалъ, а то опять хуже будетъ... Очнулся и слава Богу...

Почти насильно она уложила мальчика, оправила подушки и прикрыла его теплымъ платкомъ.

Выраженіе почти неземного счастія и спокойствія разлилось по его блѣдному лицу.

— Какъ зовутъ тебя?

— Ильей... — тихо отвѣтилъ онъ.

— Хорошо тебѣ здѣсь, Илья? Тихо, спокойно?

Чарующая улыбка заиграла на губахъ Ильи.

— Никогда мнѣ не было такъ хорошо, — словно въ сладкомъ полуснѣ отвѣтилъ онъ.

— Хотѣлъ-бы ты остаться здѣсь, со мною, совсѣмъ? — съ добродушнымъ лукавствомъ спросила Настенька.

— О... — вырвалось изъ глубины души и больше онъ не прибавилъ ни слова, только сразу погасла улыбка и тѣнь горечи омрачила черты.

— Пройдетъ эта ночь и придетъ за мною отецъ Мафусанаилъ и поведетъ меня снова въ монастырь. Я тамъ живу въ темной маленькой кельѣ вмѣстѣ со старцемъ Антоніемъ. Онъ страшный такой, онъ носитъ власяницу и тяжелыя вериги, онъ молится всю ночь и самъ себя бьетъ желѣзными прутьями, онъ зажигаетъ свѣчу и палитъ свое тѣло. И душно становится, и пахнетъ такъ страшно. Я для примѣра живу съ нимъ. Да, страшно. Налетаютъ бѣсы, искушаютъ его душу и онъ борется съ ними, онъ бьетъ себя, ключьями вырываетъ свои сѣдые волосы. И бѣсы уходятъ, а тогда онъ молится и плачетъ всю ночь, пока съ разсвѣтомъ не затрезвонятъ колокола къ ранней обѣднѣ.

Илья, весь дрожа, рассказывалъ объ ужасахъ своей жизни; и Настенька трепетала, слушая эти рассказы.

— Онъ и на меня нагналъ свои видѣнія. То бѣлая женщина приходитъ, то старый монахъ, и все зоветъ меня къ постриженію. Завтра я опять буду съ нимъ, со старымъ Антоніемъ, съ моими видѣніями.

Черты мальчика исказились ужасомъ; глаза закрылись, лицо поблѣднѣло до желтизны. Настенька быстро наклонилась надъ нимъ и нѣжно пожала холодную руку.

— Успокойся, успокойся, бѣдный мальчикъ, я вырву тебя оттуда, ты останешься со мною. Ты будешь учиться и гулять, глазки твои заблестятъ, щечки покроются алымъ румянцемъ... Не горюй, бѣдный мальчикъ, я постараюсь, чтобъ тебѣ было хорошо.

Кровь сильной волной прихлынула къ лицу Ильи, слезы счастья брызнули изъ глазъ. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ, сердце билось такъ крѣпко, что-то захватывало горло... А Настенькой овладѣлъ порывъ откровенности, чистая душа ясновидящаго располагала къ довѣрію.

— Ты не думай, что я богатая да знатная, да всего у меня довольно, — такъ значить я и счастливая. Тутъ комнаты высокія да свѣтлыя, а мнѣ въ нихъ тѣснѣе и душнѣе, чѣмъ въ маленькой кельѣ. Тамъ старый монахъ пугалъ тебя, а я бы съ радостью пошла къ нему, если бы можно было уйти отъ себя самой. Я сама себѣ страшнѣе, чѣмъ всѣ чудовища и привидѣнія; я Бога молю, чтобъ защитилъ меня, но знаю, что недостойна Его защиты. Холодно, темно и страшно, и нѣтъ просвѣта для меня на землѣ, только въ одной могилѣ — покой.

Настенька увлеклась, она забыла, гдѣ она и съ кѣмъ... Но вотъ худыя полудѣтскія ручки обвились вокругъ ея шеи и нѣжно зашептали трепещущій полосокъ:

— Не кручинься, все пройдетъ... Я буду молиться за тебя такъ горячо-горячо, и ты увидишь, какъ я: — большіе, большіе сады, ясное небо, Божьи дворцы... Ты услышишь пѣніе райскихъ птицъ, ты увидишь людей, какъ будто сдѣланныхъ изъ воздуха, добрыхъ и счастливыхъ...

Какъ птичка щебеталъ „блаженный“ мальчикъ и Настенька слушала, и что-то похожее на надежду затеплилось въ душѣ... А ночь прошла и сѣрый туманный день хмуρο заглядывалъ въ окна...

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Раннія сумерки уже спустились и кабинетъ графа Григорія утопалъ во мракѣ, но хозяинъ сидѣлъ въ креслѣ, не шевелясь, не отдавая приказанія, чтобы зажгли огни.

Взоръ его не отрывался отъ чуть блѣтвшаго листа бумаги.

Пойти или нѣтъ?

Наконецъ, старшій дворецкій несмѣло постучалъ въ дверь и на окрикъ: войдите! — внесъ тяжелый канделябръ съ зажженными свѣчами.

Графъ Григорій молча указалъ ему на письменный столъ, и когда дворецкій поставилъ передъ нимъ зажженный канделябръ, отпустилъ его кивкомъ головы.

Вотъ онъ снова одинъ и снова берется за блѣдно-розовый листокъ бумаги, истощенный изящнымъ женскимъ почеркомъ.

„Если вы порядочный человѣкъ и помните услуги, если вы не забываете своихъ обѣщаній, если существуютъ для васъ вопросы чести, а трусость вамъ не знакома, — то вы придете сегодня по прилагаемому ниже адресу. У подъѣзда васъ будетъ ждать женщина, она проведетъ васъ къ другу, слѣдуйте за нею безъ опасенія и страха. Кто сражался на полѣ битвы и глядѣлъ въ глаза смерти, не можетъ бояться слабой женщины. Можетъ быть, вы узнаете о той, которая дорога вашему сердцу, такъ близка вамъ и такъ далека отъ васъ. Во всякомъ случаѣ вы заплатите старый долгъ и мы будемъ квиты“.

На этомъ письмо кончалось, оно было безъ подписи, только внизу мелкими буквами былъ прописанъ подробный адресъ. Часъ, означенный въ письмѣ, приближался и нужно было рѣшаться.

Вообще не любитель приключеній, графъ Григорій скорѣй бы не пошелъ, но былъ намекъ въ письмѣ, который его задѣвалъ. Пожалуй, другой побоялся бы попасть-

ся въ ловушку, но графъ Григорій такъ мало дорожилъ жизнью.

Онъ взглянулъ на часы, оставалось всего нѣсколько минутъ, медлить было нельзя и онъ рѣшительно всталъ, одѣлся и вышелъ на улицу. Онъ шелъ пѣшкомъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, мокрые хлопья сыпались на него съ туманнаго неба.

Кто бы это могъ писать ему? Кому онъ нуженъ? Кто можетъ интересоваться „безумнымъ чудакомъ“?

На мгновеніе мелькнула мысль: можетъ быть, это его новый другъ, Оболенскій, но онъ сейчасъ же съ негодованіемъ отвергъ эту мысль, тотъ бы прямо пришелъ къ нему.

Еще одинъ поворотъ направо и Григорій Алексѣвичъ очутился на указанной улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ таинственнаго дома. Фонари не горѣли и въ темнотѣ приходилось идти почти ощупью... Григорій Алексѣвичъ почти столкнулся съ невысокой темной фигурой — его уже ждали.

— Графъ Ланской? — спросилъ старческій дребезжащій женскій голосъ.

— Да. Это вы написали мнѣ письмо?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я простая прислуга... Извольте слѣдовать за мною... вотъ направо, дверь открыта.

Григорій Алексѣвичъ очутился въ широкой передней, еле освѣщенной мерцающей лампадкой. Его спутница, невысокая, худенькая старушка, въ полумонашескомъ одѣяніи, едва касалась дверей, — онѣ широко передъ ней отворились.

Съ нѣкоторымъ любопытствомъ шелъ за нею Григорій Алексѣвичъ по цѣлой амфиладѣ блиставшихъ показной роскошью комнатъ... Всюду позолота, зеркала, картины, модные цвѣта, модная мебель... Дорогие живые цвѣты въ вазахъ и корзинахъ; ихъ сладостный ароматъ смѣшивается съ крѣпкимъ запахомъ духовъ, съ какимъ-то благовоннымъ куреніемъ. Голова начинаетъ кружиться.

Но вотъ въ маленькой комнатѣ, повидимому, женскомъ будуарѣ, старуха остановилась.

— Присядьте, ваше сіятельство... Обсудите немножко. Я доложу.

Григорій Алексѣевичъ остался одинъ... Съ любопытствомъ оглядываетъ онъ маленькую комнатку... Стѣны обиты желтымъ штофомъ, золоченая мебель, большія зеркала, пушистые французскіе ковры... Ни одного образа, ни одной лампадки... Грустно мигаетъ одинокая восковая свѣча.

Но вотъ за тяжелой портьерой раздается шорохъ шелка, заглушенный звукъ легкихъ шаговъ. Мелькнула маленькая бѣлая ручка, она граціозно поднимаетъ портьеру.

На порогѣ — миниатюрная, стройная женщина въ роскошномъ туалетѣ и взбитыми по послѣдней модѣ черными волосами. Лицо ея какъ-то неестественно бѣло, а щеки и губы неестественно розовыя.

Это не красавица, но женщина обаятельная, съ очаровательной улыбкой, съ задорной пикантностью, такъ и сквозящей въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поворотѣ... Она вся пропитана чарами модъ и тонкимъ ароматомъ духовъ.

Григорій Алексѣевичъ пристально вглядывается въ нее... Незнакомый, чуждый образъ пробуждаетъ далекія забытыя воспоминанія. Какъ будто гдѣ-то, когда-то онъ видѣлъ эту изящную головку, эти крутые блестящіе черные глазки, эти пышныя губы съ бѣлой полоской острыхъ зубовъ.

Но вотъ она засмѣялась. Какъ знакомъ ему этотъ серебристый гортанный смѣхъ!..

— Грегуаръ, милый Грегуаръ, вы забыли меня совсемъ, а я узнала васъ сейчасъ же, хотя измѣнились вы навѣрно еще больше, чѣмъ измѣнилась я...

Печальная нотка прозвучала въ ея словахъ.

И графъ Григорій все сразу вспомнилъ.

— Эвелина! здравствуйте, Эвелина, милая, дорогая сестра!

Первыя сердечныя привѣтствія и они сѣли рядомъ, какъ послушныя дѣти, и старыя воспоминанія нахлынули.

Разомъ въ памяти Григорія воскресла бѣлая большая комната, напоенная свѣтомъ. Широко раскрытыя окна, — въ нихъ врывались свѣжія струи воздуха и цѣлые снопы солнечныхъ лучей. Синее небо далекой Франціи, шумъ и гулъ ея столицы.

— Ну а monsieur Артуръ, вашъ братъ?

Въ живыхъ глазахъ Эвелины блеснули слезы.

— Бѣднаго Артура не стало, онъ тамъ, — показала она вверхъ тонкимъ пальчикомъ, — не будемъ говорить о немъ... когда-нибудь, въ другой разъ... Вѣдь мы часто будемъ встрѣчаться, monsieur Грегуаръ?

— Вѣроятно, — задумчиво отвѣтилъ онъ. — Но какъ вы попали сюда, Эвелина? Что вы дѣлаете здѣсь?

Она смутилась и опустила голову, но сейчасъ же задорно разсмѣялась:

— Объ этомъ также когда-нибудь въ другой разъ, monsieur Грегуаръ. Видите, я живу въ довольствѣ, даже въ богатствѣ. Теперь вы скажите мнѣ лучше, гдѣ вы скрывались? Я уже три года разыскиваю васъ здѣсь. И почему вы такой блѣдный, истомленный, словно пришибленный жизнью?

Графъ Григорій въ общихъ чертахъ повѣдалъ Эвелинѣ свою жизнь послѣ отъѣзда изъ Франціи.

— А ваша сестра? — лукаво спросила она.

— Какая сестра? — удивился онъ.

— Ха, ха, ха! Видите, у васъ нѣтъ сестры! Я и тогда угадала, что вы не о сестрѣ мнѣ рассказывали. Признайтесь, что это о своей возлюбленной вы мнѣ говорили. Я помню, — высокая, гибкая, золотистые локоны, лучистые каріе глаза. Въ этихъ глазахъ вѣдь былъ цѣлый міръ для васъ... Гдѣ же она, эта обожаемая богиня?

Григорій Алексѣевичъ тяжело вздохнулъ.

— Не напоминайте мнѣ о ней, Эвелина. Только вамъ, которая цѣлила мои тѣлесныя раны, я позволю коснуться душевной. Пока я боролся со смертію и въ

горячемъ бреду вспоминаль о ней, она вышла замужъ за другого и для меня умерла...

Эвелина вскочила, скрывая улыбку радости, и съ обычной живостью снова подошла къ гостю... Какъ бы случайно взяла его руку и, заглядывая ему въ глаза, полупутя спросила:

— А сейчасъ кого любить monsieur Грегуаръ? Кого ласкаетъ? Кого цѣлуетъ?

Легкая краска прилила къ щекамъ графа Григорія.

— Никого, Эвелина, дорогая сестра, увѣряю васъ — никого.

Она радостно захлопала въ ладоши, крѣпче сжала его руку, пытливе заглянула въ глаза. Но не успѣла она произнести и слова, какъ тревожный стукъ раздался въ дверь. Она разомъ вскочила, вся дрожа.

— Меня зовутъ, и мы должны разстаться, но, Грегуаръ, братъ мой, незабвенный другъ мой, черезъ три дня въ этотъ же часъ я жду васъ. Вы придете? Говорите скорѣе, вы придете?

Его удивило ея волненіе, ея поспѣшность. Онъ не могъ отказать настойчивой просьбѣ.

— Черезъ три дня я буду у васъ, Эвелина.

Знакомая старушка другимъ какимъ-то ходомъ провела его снова на темную улицу.

Оставшись одна, Эвелина прижала руки къ сильно бившемуся сердцу, потомъ подбѣжала къ зеркалу, оправивла растрепавшіеся локоны, помятое кружево. Неожиданно портьера рѣзко поднялась. Вошелъ высокій генералъ лѣтъ сорока, съ бритыми усами, орлинымъ носомъ и большими свѣтло-сѣрыми глазами. Его грудь положительно была покрыта орденами.

Эвелина бросилась ему навстрѣчу и гибкимъ движеніемъ обвила руками вокругъ его шеи.

— Наконецъ-то! Я такъ скучала, такъ ждала! Не хорошо забывать свою маленькую птичку, гадкій, гадкій Мишель!

— Я принесъ подарочекъ, онъ утѣшитъ мою птичку, — громкимъ грубоватымъ голосомъ сказалъ генералъ.

Эвелина звонко поцѣловала его въ губы, а онъ под-
нял ея сильными руками, какъ перышко, и, смѣясь и
цѣлуя, несъ по комнатѣ, какъ ребенка.

Х

ГРЕЗЫ ЦЫГАНКИ ТАНИ

Маленькій деревянный домикъ, въ которомъ ютились
цыгане, распѣвавшіе въ трактирѣ „Синій Ярѣ“, уединен-
но стоялъ на Черной рѣчкѣ. И съ виду онъ былъ невзра-
ченъ, и внутри поражалъ своей пустотой. Кривой столъ,
нѣсколько искалѣченныхъ стульевъ, большія деревянные
кровати, словно усыпанные пуховиками и подушками.

Шелъ пятый часъ вечера и многіе уже проснулись.
Кто бренчалъ на гитарѣ, кто мурлыкалъ себѣ подъ носъ,
кто жевалъ, сидя на полу въ углу, а кто просто валялся
на кровати. Однѣ цыганки уже прихорашивались къ ве-
черу; другія еще крѣпко спали, похрапывая и посвисты-
вая. Воздухъ былъ тяжелый, смрадный, пропитанный ды-
момъ и жирнымъ запахомъ.

Гортанный говоръ такъ и жужжалъ. Кто бранился,
кто спорилъ, кто кричалъ. Шныряли ребятишки, гряз-
ные, въ запачканныхъ рубашенкахъ.

Одна только молодая цыганка, полуребенокъ, пѣ-
вунья-Таня, не принимала участія въ общей суматохѣ.
Она сидѣла въ углу на подушкѣ, поджавъ ноги, и стара-
тельно перетирала ожерелье изъ блестящихъ монетъ.
Возлѣ нея, перебирая струны гитары и тихо что-то на-
пѣвая, возсѣдалъ красивый плясунъ Андрей. Отъ време-
ни до времени онъ бросалъ на свою сосѣдку горячіе, пла-
менные взгляды. Она ихъ не замѣчала, она ушла въ свои
мысли.

Въ ея грезахъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ
вставала прошедшая ночь. Родныя пѣсни и пляски, тре-
пещущіе звуки струнъ, яркій блескъ многочисленныхъ
свѣчей, вино, лившееся рѣжкой.

А у стола, небрежно облокотившись, сидитъ виновникъ этого веселья. Онъ — именитый князь и красавецъ, онъ несмѣтно богатъ. Развѣ могла она не любоваться этой статной фигурой въ блестящемъ мундирѣ, черными кудрями, гордымъ, словно орлинымъ лицомъ? Развѣ могло не трепетать ея сердце отъ горящаго взгляда, жадно на нее устремленнаго?

Мечты высоко, какъ на золотыхъ крыльяхъ, уносили юную цыганку. Чего не бываетъ на свѣтѣ? Развѣ она не красавица?

Развѣ не можетъ онъ ее такъ полюбить, что и жизнь безъ нея станетъ ему не жизнь, и дастъ онъ хорошій выкупъ хору и, по обычаю цыганъ, разобьютъ они купчинъ и бракъ ихъ будетъ совершенъ.

Крѣпко задумалась Таня-пѣвунья: не слышитъ она крика и шума, не чувствуетъ смраднаго запаха, высоко на легкихъ крыльяхъ уносить ее греза — и видятся ей богатые дворцы, утопающіе въ волшебныхъ садахъ, роскошные залы, блистающіе золотомъ и серебромъ, слышится ей дивная музыка...

Вдругъ чья-то тяжелая твердая рука грубо опустилась на полудѣтское плечо Тани-пѣвуньи. Она вздрогнула и поднята головку — на нее глядѣли черные глаза, словно ушедшіе въ орбиты, передъ нею мелькнуло безобразное хищное лицо стараго цыгана. Онъ нагнулся почти къ самому уху ея и шопотъ его прозвучалъ зловѣщей угрозою.

— Эй ты, пѣвунья-Таня, насквозь я вижу тебя, давно ужъ я читаю твои мысли, давно вижу твое сердце. Не къ добру все это, берегись. Тебя нашъ хоръ и за выкупъ не отдастъ, ты — невѣста Андрея... Мнѣ онъ сынъ, и братъ, и другъ. Теперь я ничего ему не скажу. Но берегись, берегись. Скажись больной, не ѣзди съ хоромъ... Спаси себя, пока не поздно.

Маленькая цыганка не посмѣла, да и не сумѣла бы возразить, щеки ея залились, какъ заревомъ, юная грудь неровно колыхалась. А старый цыганъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно посвистывая, отошелъ отъ нея, на-

билъ трубку табакомъ и съ наслажденіемъ закурилъ. Раннія сумерки спустились и въ цыганской лачугѣ за-
жглась свѣча.

Таня-пѣвунья встала, тихо вышла изъ комнаты въ темныя сѣни, накинута платокъ и выскользнула на улицу. Послѣ душной и смрадной комнаты она съ наслажденіемъ всею грудью вдохнула свѣжій морозный воздухъ, быстрыми шагами подошла къ рѣкѣ и побрела вдоль берега, задумчиво опустивъ голову.

Навстрѣчу ей попадались цыгане, все больше влюбленные парочки, вышедшія побродить по свѣжему воздуху послѣ тяжелого сна, навѣяннаго пьяной ночью, — въ ожиданіи новаго разгула до разсвѣта.

Они пытливо оглядывали Таню, но никто не узналъ ея, такъ тщательно закуталась она большимъ платкомъ. Виднѣлись только блестящіе глаза и носикъ съ трепетавшими ноздрями.

Наконецъ, она одна, никого вокругъ, а берегъ такъ низко спускается къ рѣкѣ.

Таня прыгнула и ея босыя ножки чуть не коснулись замершей воды. Въ своей цвѣтущей юности, не щадя здоровья, она опустилась на обледенѣлый камень, плотно кутаясь въ большую теплую шаль. Вздохъ облегченія широко вырвался изъ ея груди. Какъ здѣсь хорошо, тихо... Не слѣдятъ за нею пытливые глаза, не слышно тринканья гитаръ и шумнаго гортаннаго говора; тяжелый смрадный воздухъ не отягчаетъ дыханія, ничья рука здѣсь не опустится съ угрозой на ея плечо, ничье шипящее предостереженіе не прерветъ золотыхъ ея грезъ.

И снова воздушные замки выплываютъ передъ блестящими глазами цыганки. Цѣлыя картины, нарисованныя простымъ, но пылкимъ воображеніемъ, и тонкія, золотыя нити грезъ поднимаются къ суровому зимнему небу, окрашиваютъ его лазурью, разсыпаютъ сады и цвѣты, рассыпаютъ звонкіе аккорды музыки, чарующія трели птицъ и сладостные звуки голосовъ, воспѣвающихъ любовь... Пронесются воздушные, какъ солнечные лучи, образы и

надъ всѣми ими царить она... Таня-пѣвунья... царить объ руку съ высокимъ оболюстительнымъ княземъ...

Углубилась цыганка въ мечты и не чувствуетъ, какъ озябли до синевы ея ножки, какъ дрожить ея тѣлце на обледѣломъ камнѣ, не слышитъ она, какъ хруститъ снѣгъ подъ чьими-то поспѣшными твердыми шагами...

Но вотъ ее замѣтили...

— Таня, Таня! Ты?

Движеніе ее выдало, ее узнали, но и она узнала голосъ, назвавшій ее по имени, — звучный, красивый мужской голосъ... Это Андрей-плясунъ, ея женихъ... Нѣсколько прыжковъ и онъ рядомъ съ нею.

— Да что ты, Таня, съ ума сошла, въ такой холодъ, босая, въ одномъ платкѣ? Что ты дѣлаешь здѣсь одна, словно спрятавшись отъ людей?

Она не отвѣчала... Андрей сильными руками приподнял ее съ камня и поставилъ на ноги.

— Идемъ домой... Надо одѣваться, ты вѣдь знаешь, что всякій вечеръ мы заняты службой.

Теперь уже Таня сразу почувствовала, что ей холодно, она вся дрожала и зубы ея стучали.

— Я не пойду сегодня съ вами, — тихо возразила она, — я устала, старый Егоръ мнѣ позволилъ остаться.

— Ты больна? — тревожно спросилъ Андрей.

— Да, отъ бессонныхъ ночей у меня разболѣлась голова... Ты знаешь, какъ плохо я сплю днемъ... Вотъ и сейчасъ въ голову стучить, какъ молотками, я потому и забралась сюда; тутъ тихо и свѣжо... А тамъ, — она нервно передернула плечами, — тамъ всѣ шумятъ, спорятъ, кто поетъ, кто играетъ. Запахъ такой тяжелый, душно. Ты не сердись, Андрюшка.

Онъ порывисто обнялъ молодую дѣвушку.

— Развѣ могу я на тебя сердиться? Идемъ скорѣй домой, я уложу тебя спать. Одна изъ старухъ останется съ тобой.

— Ты такой добрый... — она холодными ручками слабо пожала его руку. — Пускай останется со мной Алена Бурбукъ, она веселая... Хорошо?

— Хорошо, дитятко... А теперь идемъ.

Андрей обхватилъ тоненькую фигурку и медленно они направились къ дому.

Наклонившись къ ней, Андрей заговорилъ вполголоса любовно:

— Мнѣ кажется, милая пѣвунья, довольно намъ женихаться... Сегодня я выберу минутку, поговорю со старымъ Егоромъ... Ужъ пора намъ разбить брачные кувшины и зажить, какъ мужу и женѣ.

Маленькое тѣлице дрогнуло въ его объятіяхъ.

— Ты не хочешь, сердце?

— Погодимъ немножко, — слабо отвѣтила она, — я такая еще молодая.

— Глупости... Наши отцы и дѣды разбивали свои брачные кувшины гораздо раньше, зачѣмъ же намъ поступать иначе? Я сегодня же поговорю съ Егоромъ, дитятко... Ну, вотъ и нашъ домъ...

Когда они вошли въ комнаты, всѣ цыгане были уже въ сборѣ; ихъ встрѣтили недовольными возгласами: часъ службы извѣстенъ, недостаетъ еще, чтобъ ихъ разыскивали. Но Андрей, какъ любимый и единственный сынъ старшаго Егора, какъ лучшій плясунъ и первый гитаристъ, никогда не опускалъ головы и не отмалчивался, на все у него былъ готовъ отвѣтъ и отпоръ.

— Довольно вамъ, цыцъ!.. Я давно уже одѣлся и никого не задерживаю, а Таня больна и никуда сегодня не поѣдетъ, такъ приказалъ Егоръ...

Старый цыганъ пытливо взглянулъ на сына и перевелъ взглядъ на молодую дѣвушку... Чуть замѣтная довольная усмѣшка скользнула по его губамъ: „Смирилась“.

Вскорѣ Андрей уложилъ Таню и бережно укуталъ ее; съ нею осталась старая хромая Алена.

За окномъ послышался топотъ копытъ и веселое позвякиваніе бубенцовъ, — это за цыганами пріѣхали сани отъ хозяйки „Синяго Яра“. Пестрая ватага съ шумомъ и хохотомъ, кутаясь въ платки и тулупы, размѣстилась въ двухъ обширныхъ саняхъ.

Снова топотъ копытъ и звуки бубенцовъ, и Таня-пѣвунья осталась наединѣ со старой Аленой... Это была некрасивая, но типичная старуха, низкій, вѣрный голосъ ея еще и теперь служилъ хору. Таня-пѣвунья, сиротка, выросла на попеченіи хромой Алены, и нѣжная любовь ихъ тѣсно связывала...

Звуки бубенцовъ все удалялись и, наконецъ, замерли. Обѣ цыганки молчали, словно напряженно прислушивались къ этимъ замирающимъ звукамъ. Вотъ настала полная тишина. Гдѣ-то подъ поломъ настойчиво скреблась мышь и трещали сухія сосновыя вѣтки въ печи...

— Спишь, дитятко? — тихо спросила Алена...

— Не, мамо... Продрогла... въ головѣ стучить. Скушно, такъ скушно, мамо... Сердце сжимается, словно предчувствіе его томить... Либо бѣдѣ быть, мамо, либо... ужъ и не знаю что...

Хромая Алена печально вздохнула.

— Сама вижу, дитятко, что ты другая какая-то стала... То весела какъ-то не по-настоящему, словно въ лихоманкѣ... То... грустишь и тоскуешь... А то задумаешься, да и сама улыбаешься своимъ мыслямъ... Ты бы не скрывалась, дитятко, кому и рассказать, какъ не мнѣ, своей „мамо“? Много я видывала на вѣку и тебѣ сумѣю дать добрый совѣтъ...

XI

ПОЗДНІЙ ГОСТЬ

Таня-пѣвунья закрыла лицо руками и колебалась нѣсколько мгновеній... Наконецъ она медленно приподнялась на локтѣ и тихо заговорила:

— Сама не знаю, мамо... Такъ — хочется чего-то, а чего — не знаю... Замечтаюсь, и дворцы вижу, и сады чудесные, и будто я царица, а царь мой такъ пригожъ... Пустое все это, мамо, дѣвичьи мечты...

Хромая Алена покачала головой.

— Знаю, знаю, лебедушка, всё молоды были, всё чего то желали... Только не были мы такие мудреные, как ты. Вишь, чего захотѣла!.. Поддай дворцы и сады чудесные, царя — и саму царицей поставь... Нѣтъ, наши головы такъ высоко не летали. Любился намъ — нашъ, не какой, изъ табора, либо изъ хора... Мечтали мы о сладкой жизни вдвоемъ, о поцѣлуяхъ, что кровь жгли, объ объятіяхъ такихъ, что духъ захватывало. На что намъ были дворцы и цари?!.. Мы бы въ дворцахъ задохлись; намъ просторъ нуженъ былъ кочевой, дикія пляски да пѣсни, вольный воздухъ, сладкія ночи... Лучше всякаго царя намъ былъ стройный, молодой цыганъ, съ черными кудрями, огненнымъ взоромъ и жгучими ласками... А ты вотъ какая: поддай тебѣ дворецъ и царя!..

Таня-пѣвунья съ тоской заломила руки.

— Слыхала я все это и... надоѣло мнѣ оно... Вы просторъ кочевой любили, а я его не знаю даже... Родилась я не въ шатрѣ, раскинутомъ подъ вольнымъ небомъ, — нѣтъ, — въ душевной комнатѣ, и крестилъ меня знатный баринъ подъ пьяную руку. Отца своего я никогда не знала, а мать умерла, сама знаешь, еле говорить и ходить я начала. Я росла въ душевныхъ комнатахъ и съ десяти уже лѣтъ ночами таскалась по трактирамъ съ нашимъ хоромъ. Такъ какъ же ты хочешь, чтобы я грезилась такъ, какъ грезили вы?.. Я не люблю нужды и труда. Миѣ хочется, чтобы вокругъ все блестѣло и веселилось... а любить и ласкать своего цыпана... я бы не могла... не могла бы, мамо... Всѣ они смуглые и грязные, ѣдятъ руками, пахнутъ ѣдой и табакомъ. Совсѣмъ не то, что настоящіе баре, которыхъ мы веселимъ пѣснями и плясками... На тѣхъ настоящее золото; они душистые, какъ цвѣты, руки бѣлыя и холенныя, рѣчь словно ручей льется... Такіе они всѣ гордые да чистые — любо глядѣть!.. Такого и полюбить можно, такого ласкать не противно... А наши!.. Напялятъ дешевые шелка да золотомъ сусальнымъ обовьются и изъ кожи лѣзутъ, чтобъ „тѣхъ“ потѣшать да забавлять... А вернутся домой — и совсѣмъ другое... Стащутъ шутовскіе наряды, ходятъ

грязные, немытые, ругаются, дрыхнуть вповалку, жрутъ, какъ свиньи. Развѣ такихъ любить можно, мамо?

Поникнувъ головой, сидѣла старая Алена, выслушивая откровенныя рѣчи своей названной дочки.

— Охъ, охъ, дитятко. Не ты говоришь, кровь твоя говорить!

— Какая кровь, мамо?

— Кровь отца твоего, дитятко, побѣдила она материнскую.

— Отца?

Таня-пѣвунья задрожала вся, глаза ея широко раскрылись, а маленькія ручки впились въ плечо хромой Алены.

— Кто мой отецъ? Скажи мнѣ, скажи всю правду, мамо...

Старая цыганка жесткой рукой погладила шелковистую темную головку.

— Успокойся, дитятко...

— Нѣтъ, говори, говори!

Некрасивое добродушное лицо Алены стало строгимъ и хмурымъ, почти страшнымъ.

— Слушай, дитятко... Ты вотъ жить начинаешь, а я ужъ кончаю свою жизнь. У тебя все впереди. Коли грѣхъ какой совершишь, много времени у тебя искупить его... а я... Можетъ, завтра, можетъ сегодня оставить мой духъ это старое, черное, негодное тѣло. Но духъ мой вѣчно будетъ жить; онъ перейдетъ въ другое тѣло и будетъ блуждать, пока не очистится, чтобъ наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ. Мучительно трудно это странствіе духа и каждый нашъ грѣхъ отягчаетъ его. Вотъ почему я не скажу тебѣ, кто твой отецъ. Я дала клятву твоей матери на смертномъ одрѣ и сдержу ее. Твой отецъ былъ довольно молодъ тогда, теперь онъ старъ. Онъ богатъ и могучъ, онъ настоящій баринъ и теперь. Прежде у него была семья, жена, дочь, а теперь одинокъ и несчастливъ. Года четыре прошло, какъ я послѣдній разъ забралась тайкомъ къ его челяди и вотъ недавно опять я тамъ была. Старыя воспоминанія словно на-

сильно тащутъ меня туда. Онъ погубилъ твою мать, и хотя хорошій далъ выкупъ хору, но это не спасло ее. Твоя мать тосковала и плакала, пока носила тебя, пока кормила. А потомъ встрѣтила какъ-то твоего отца и...

Старая Алена умолкла. Ея голосъ оборвался, въ немъ звенѣли слезы.

Какъ завороченная, не шевелясь, пожирая ее глазами, слушала Таня-пѣвунья.

— Шли мы какъ-то съ твоей матерью; она устала тебя нести и передала мнѣ. Вдругъ изъ-за поворота показалась бѣшено мчавшаяся коляска. Бѣлыя лошади цугомъ двѣ четверки, сбруя въ серебрѣ. Въ роскошной коляскѣ сидѣлъ твой отецъ въ блестящемъ мундирѣ, гордый вельможа; рядомъ съ нимъ разодѣтая молодая дама, а противъ нихъ другая сухопарая рыжая женщина, чужеземка видно, и дѣвочка, лѣтъ шести, вся въ кружевахъ, съ свѣтлой кудрявой головкой, какъ ангель. Я еще разинувъ ротъ смотрѣла имъ вслѣдъ, а твоя мать тихо вскрикнула и схватила меня за руку. Я взглянула на нее; она была блѣдна, губы тряслись, въ глазахъ блестѣли слезы. Вотъ они, твои баре, что стоятъ! Прокатилъ съ женой и дочерью, обдалъ насъ пылью. А твоя мать, несчастная, плелась съ ребенкомъ, съ его ребенкомъ, и плотала эту пыль.

Алена задумалась и опустила голову на руки. Зловѣще разсыпались сѣдые космы ея волосъ, гнѣвно и горестно сверкали темные глаза, глубоко впавшіе въ орбиты.

— И что-же мать? — трепещущимъ голосомъ спросила Таня.

— Мать? убилась.

Наступило молчаніе. Вдругъ Таня-пѣвунья тряхнула кудрями и глаза ея вспыхнули.

— А я бы не убилась! Я бы нашла себѣ другого, знатнаго да богатаго, да наперекоръ ему веселилась бы. Я бы его засушила, а сама хохотала бы да плясала.

Старая Алена сердито отплюнулась.

— Все это кровь твоя, барская. Вонъ и глаза синіе,

отцовы. Потому тебѣ и не милы бѣдныя душныя комнаты, да простые вольные цыгане. Кровь твоя просить иного, блестящаго, чистаго, да пахучаго. Не къ добру это, Таня, дитятко мое. Ты бы лучше подумала объ Андреѣ. Всѣ знаютъ, что быть ему твоимъ мужемъ; слыхала я, надняхъ и кувшины разобьютъ, а ты вотъ какъ говоришь да думаешь. Брось, дитятко, не губи себя.

Таня снова лихо трянула головкой.

— Эхъ, мамо, не пойду я за Андрея. Сгублю себя — туда и дорога. А только думаю, что дешево жизни своей не отдамъ.

Лихія слова сразу замерли на устахъ Тани-пѣвуньи — раздался смѣлый сильный стукъ въ дверь.

— Это не наши... Ужъ больно рано. Пойду погляжу...

Старуха спокойно пошла отворить дверь, а Таня вскочила съ своего ложа и тревожно прислушивалась...

Ея сердечко билось непонятнымъ лихорадочнымъ ожиданіемъ „чего-то“...

Онѣ такъ заговорились, что не слышали легкаго топота мчавшихся по мягкому снѣгу рысаковъ...

Алена отворила дверь и съ недоумѣніемъ отступила... У крыльца стояли роскошныя барскія сани.

Толстый кучеръ въ поддевкѣ; два лакея уже спрыгнули, а высокая статная фигура въ военной шинели переступила порогъ цыганской квартиры...

— Кто хозяинъ?.. — спросилъ надменный, привыкшій повелѣвать, звучный голосъ.

— Хозяевъ нѣтъ... Я за хозяйку... — нѣсколько растерянно проговорила Алена...

— Ну, такъ веди обогрѣть неожиданнаго гостя, пока моя челядь перемѣнитъ вожжу... Лопнула вишь... На огонекъ и заѣхали... Стаканъ бы вина, обогрѣться...

Алена не могла разсмотрѣть гостя: фуражка была надвинута низко, на самые глаза, воротникъ высоко поднятъ, но она видѣла, что онъ именитый и важный и по привычкѣ кланялась чуть не до полу, приниженно пригла-

шала зайти, сѣсть не побрезгать, и опрометью бросилась въ кладовую за виномъ.

Этому нечаянному гостю надо подать самое лучшее, — заплатить, видно, хорошо.

— Ты, дитятко, столикъ накрой чистой салфеткой... Я мигомъ вина притащу и закуски. Служи высокому гостю...

Таня дрожащими руками разстлала салфетку, сердце ея колотилось въ груди.

Едва скрылась за дверью Алена, гость порывисто подошелъ къ Танѣ, сжалъ ее въ объятіяхъ и прижался горячими душистыми устами къ ея трепетавшимъ губкамъ.

Таня-пѣвунья узнала его. Жгучій поцѣлуй охватилъ всю невѣдомымъ сладкимъ блаженствомъ...

Голова кружилась и губы невольно отвѣчали такимъ же страстнымъ поцѣлуемъ.

— Я люблю тебя, я не могъ вынести разлуки... Дорогая моя, возлюбленная... Ну, поцѣлуй меня еще разъ, вотъ такъ... Я узналъ, что ты одна здѣсь со старухой и примчался, какъ сумасшедшій... Ругай меня, бей, я не могъ поступить иначе...

Раздались шаги возвращавшейся Алены. Гость небрежно сѣлъ у накрытаго стола; Таня, вся еще трепещущая и пунцовая, какъ будто что-то искала въ шкапикѣ.

— Спасибо, старуха... Доброе вино... Поди-ка снеси бутылочку и моимъ молодцамъ, — тоже прозябли. Лучше работа пойдетъ.

Алена вышла изъ комнаты, а статный гость снова привлекъ Таню-пѣвунью въ свои объятія.

— Намъ будетъ хорошо... Согласись, милая, бѣжать со мною... Я дамъ хору выкупъ и всѣ успокоятся... А такъ вѣдь женихъ добромъ не отпуститъ. Ну, развѣ я не лучше, чѣмъ твой плясунъ? Развѣ я не больше люблю тебя? Ты будешь милой моей женушкой... Времени нѣтъ: старуха сейчасъ вернется... Согласись — я завтра вечеркомъ приѣду и возьму тебя — добромъ, если будешь одна, — ты скажись больной, или силой, если твои будутъ мѣшать... Только ты согласись, возлюбленная.

Снова раздались шаги Алены.

— Я согласна... До завтра... А теперь уѣзжай...

Гость выпилъ залпомъ стаканъ вина, бросилъ золото на столъ и вышелъ изъ домика.

— Готово? — раздался его властный голосъ.

— Готово, ваше сіятельство!

Вскорѣ хлопнула дверь и послышался мягкій топотъ удалявшихся копытъ.

— Кто это могъ быть? — вслухъ спросила хромая Алена.

— Не все-ли равно, мамо? Будемъ-ка лучше спать, — тихо отвѣтила Таня.

Старуха къ ней повернулась и пытливо заглянула въ пылавшее личико, въ лихорадочно блестящіе глаза. Темныя кудри разметались въ горячихъ объятіяхъ.

— А такъ вотъ оно что?.. Нѣтъ, дитятко, довольно твоей матери, тебя-то ужъ я спасу... Завтра-же разобьемъ кувшины, и будешь ты женой Андрея.

— Мамо, не надо, не надо! — умоляла Таня.

— Нѣтъ, дитятко, не проси... Мать твою не уберегла, а ужъ тебя спасу, и любя ты словно свое дитятко, и поклялась я твоей матери...

ХП

СОЮЗЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ

Невѣдомая радость охватывала душу графа Григорія, когда онъ поднимался по широкимъ ступенькамъ лѣстницы вмѣстѣ съ княземъ Оболенскимъ, пока имъ открывали дверь.

Тяжелая, она чуть скрипнула на желѣзныхъ петляхъ. На порогѣ стоялъ молодой офицеръ, одѣтый небрежно по домашнему, съ орденомъ военного отличія на груди. Лицо его скорѣе можно было назвать красивымъ. Высокій лобъ носилъ отпечатокъ ума и мечтательности, каріе глаза вдумчиво вглядывались, какъ бы желая прочитатъ мысли

своихъ собесѣдниковъ; рѣзкій носъ съ горбинкой, мягко очерченный правильный ротъ, слегка раздвоенный подбородокъ.

— А, Оболенскій, здравствуй, дружище!.. — мягкимъ высокимъ голосомъ произнесъ незнакомый офицеръ и привѣтливая улыбка озарила его черты...

Его глаза вдумчиво остановились на лицѣ графа Григорія и снова привѣтливая улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Не надо, не представляй, познакомимся сами... Я сразу угадываю по одному твоему описанію. Вѣдь правда, я имѣю честь говорить съ графомъ Ланскимъ? — Позвольте представиться — Никита Муравьевъ.

Блѣдное лицо графа Григорія покрылось слабой краской, взоръ вспыхнулъ удовольствіемъ, онъ порывисто протянулъ руку и крѣпкое пожатіе заключило вновь начинающуюся дружбу.

— Мы ужъ тутъ собрались, вы запоздали немного, — мы ужъ начали обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ... Но ничего, вѣдь вы знакомы съ нашими убѣжденіями и планами, съ нашими слабыми начинаніями великаго и сразу почувствуете себя въ курсѣ бесѣды. Идемте...

Они вошли въ большую комнату, убранную просто, но съ комфортомъ.

На кругломъ столѣ, покрытомъ скатертью, слабо шипѣлъ потухающій самоваръ, въ беспорядкѣ были разбросаны недопитые стаканы, бутылки и налитые, но еще не тронутые бокалы.

Графъ Ланской робко остановился на порогѣ и сквозь дымъ папиросъ и сигаръ разглядывалъ присутствующихъ. Ихъ было немного: Николай Тургеневъ, два брата Муравьевы-Апостолы, Пестель, Новиковъ и князь Трубецкой.

Имъ уже хорошо былъ знакомъ графъ Григорій по рассказамъ Оболенскаго, всѣ допросы и искусства котораго новый членъ общества блестяще выдержалъ. Наконецъ, его жизнь и дѣятельность въ деревнѣ, его искреннее жела-

ніе облегчить участь своихъ крестьянъ-рабовъ, смѣлое пренебреженіе, съ которымъ онъ шелъ противъ общественныхъ предразсудковъ, всѣ тѣ идеи, которыя выросли въ его душѣ на чуждомъ западѣ, были близкими и понятными каждому изъ присутствующихъ здѣсь.

На привѣтствія не теряли времени, — Никита Муравьевъ всталъ и тотчасъ-же наступило глубокое молчаніе.

— На развалинахъ разныхъ обществъ и союзовъ выросъ нашъ „Союзъ Благоденствія“. Задачи нашего союза обаятельны и высоки. Мы хотимъ нравственнаго усовершенствованія и умственнаго образованія для того, чтобы вѣрно и разумно понимать, каково должно быть гражданское устройство общества... Всякій изъ насъ долженъ вносить хоть маленькую лепту къ разрѣшенію вопросовъ политическихъ и общихъ. Мы должны тихими, но вѣрными шагами идти къ уничтоженію крѣпостного права, — этого худшаго изъ всѣхъ золъ нашей родины. Мы стремимся къ равенству всѣхъ гражданъ передъ закономъ, гласному суду, публичности государственныхъ дѣлъ. Все это главные наши идеи, а рядомъ съ ними народились сотни и тысячи другихъ, болѣе мелкихъ нуждъ. Члены нашего союза поразительно увеличились въ числѣ, къ намъ примкнули лучшіе люди. Казалось бы, такимъ образомъ и наши цѣли должны были укрѣпляться и разрастаться, — но, увы, нашлись между нами непонявшіе, исказившіе наши идеи. Къ стыду и ужасу, между нами нашлись измѣнники и подробный доносъ съ перечисленіемъ всѣхъ именъ лежитъ на столѣ Императора. Очевидно, за нами рѣшено наблюдать и наши высокія идеи вмѣстѣ со свободой, а можетъ быть и жизнью находятся въ опасности. Несмотря на всю нашу нравственную силу, намъ еще не время сражаться съ правительствомъ, въ неравной борьбѣ мы погибнемъ и правительство смететъ насъ съ лица земли. Мы не должны забывать, что наши жизни обѣщаны улучшенію нашей родины, свободѣ милліоновъ рабовъ; мы ими должны дорожить, ибо, — послѣ нашихъ клятвъ, — это чужая собственность.

Ораторъ остановился и тихое одобреніе присутствующихъ было ему отвѣтомъ.

— Итакъ, господа, чтобы избавиться отъ членовъ, нравственный характеръ которыхъ не соответствуетъ ни духу, ни направленіямъ союза, чтобы спасти нашу дѣятельность отъ грозной руки правительства, — я предлагаю собрать всѣхъ членовъ и упразднить „Союзъ Благоденствія“. Это упраздненіе будетъ мнимое, нашъ союзъ останется тѣмъ-же, чѣмъ и есть, мы только избавимся отъ вредныхъ людей, и въ нашей работѣ сплотимся тѣснѣе и дружнѣе.

Снова тихіе возгласы одобренія.

Никита Муравьевъ сѣлъ, онъ высказалъ свою мысль.

Поднялся князь Трубецкой.

— Я вполне согласенъ съ предложеніемъ Муравьева и, думаю, что онъ является только выразителемъ нашего общаго желанія. Со своей стороны я добавлю: слѣдуетъ предписать членамъ союза поступать осторожнѣе въ самой пропагандѣ, избѣгать переписки по дѣламъ союза, ограничиваясь устными сообщеніями черезъ членовъ-путешественниковъ. Итакъ, да здравствуетъ новый Союзъ Благоденствія и да превратится онъ въ пышный цвѣтокъ подъ покровомъ непроницаемой тайны!

— Да здравствуетъ союзъ и тайна! — дружно подхватили присутствующіе.

Но вотъ поднялся Пестель, — высокій, плотный и сильный по виду, съ рѣзкими правильными чертами, съ большими глазами, въ которыхъ казалась та-же власть и сила. Онъ не носилъ усовъ и бороды, какъ и всѣ присутствующіе; изъ-подъ гладко причесанныхъ кверху волосъ выступалъ большой выпуклый лобъ, сильно открытый на вискахъ. Его металлическій, какъ-бы импонирующий, голосъ зазвучалъ въ тишинѣ:

— Итакъ, рѣшено: на этихъ-же дняхъ засѣданіе и мнимое упраздненіе Союза Благоденствія. Эти нѣсколько дней я пробуду съ вами, а затѣмъ уѣду на свой югъ, гдѣ буду работать во имя нашихъ идей такъ-же, какъ и вы. И пусть нашъ тайный союзъ раздѣлится на сѣверный и

южный... А теперь, такъ какъ de facto союзъ нашъ не перестаетъ существовать, воспользуемся этими днями, когда и мы, южане, посѣтили вашъ сѣверъ, и потолкуемъ о нашемъ дѣлѣ.

Онъ опустил на нѣсколько мгновений свои выразительные глаза.

— Мрачно и безнадежно на родинѣ. Теперь никто ужъ не ждетъ отъ императора благотворныхъ работъ, напротивъ, старые порядки возрождаются съ новою силой. Мистицизмъ и реакція царятъ въ душѣ Александра, онъ сражается съ вѣтранными мельницами, защищая алтари и престолы... Аракчеевъ пробудилъ въ немъ эгоизмъ власти. Наше государство не знаетъ гражданъ, ему видны только тупыя массы, которыми оно погоняетъ, какъ стадами. Всякая новая мысль является заговоромъ и преступленіемъ. Вотъ въ какомъ дремучемъ лѣсу придется плестись намъ, какъ тяжелъ и какъ труденъ будетъ каждый нашъ шагъ... А между тѣмъ... — стонетъ Русь, льется кровавый потъ миллионовъ рабовъ, льются слезы военныхъ поселенцевъ! Пора ограничить произволъ нашего правленія, пора понять, что измѣнить положеніе вещей возможно не исправленіемъ частныхъ недостатковъ, а только перемѣной всей системы правленія.

Пестель умолкъ, обводя глазами присутствующихъ, какъ-бы желая провѣрить впечатлѣніе, произведенное его рѣчью.

На смѣну ему всталъ Никита Муравьевъ.

— Вы правы. Я много надъ этимъ думалъ и работалъ и цѣлый проектъ конституціи зародился въ моихъ мысляхъ. Но много еще придется поработать, и тогда я познакомлю васъ съ нимъ въ деталяхъ... Русскій народъ не можетъ существовать безъ монархіи, но власть императора должна быть ограничена, а всю Россію нужно раздѣлить на независимыя соединенныя общимъ союзомъ области. Подъ надзоромъ государя въ столицѣ главное законодательное собраніе пусть дѣлаетъ всѣ распоряженія, общія для всего государства, все же, что касается до областей, пусть рѣшаютъ областныя законодательныя со-

бранія, образованныя на подобіе столичнаго, и такимъ образомъ будетъ процвѣтать благосостояніе и каждой части, и цѣлаго... Вѣдь нельзя-же допустить основаніемъ правительства произволъ одного человѣка. Вѣдь всѣ народы европейскіе достигаютъ свободъ, развѣ наша Россія ихъ не заслужила? Опытъ народовъ и время доказалъ, что власть произвола губить правителей и общества, что она не согласна съ правилами святой нашей вѣры, не согласна съ началами здраваго разсудка!..

Словно печать возвышеннаго легла въ эти мгновенія на чело Муравьева, а голосъ его дышалъ вдохновеніемъ...

XIII

ОПЯТЬ НАДЕЖДЫ

Проектъ, высказанный Муравьевымъ, вызвалъ одобреніе присутствующихъ и только двое рѣзко протестовали: то были Пестель и Новиковъ.

— Нѣтъ, — властно и рѣзко сказалъ Пестель, — все это полумѣры и не ими возстановить спокойствіе и счастье въ странѣ. Народъ имѣетъ право требовать отъ правительства стремленія къ общественному и частному благоденствію... Правительство существуетъ для блага народа и другого основанія не имѣетъ своему бытію. Я, повторяю, стою за полный переворотъ, за учрежденіе республики, единой и нераздѣльной... Я стою за свободу и равноправіе каждаго русскаго, кто бы онъ ни былъ... Я стою за свободу Польши, за ея самостоятельность, — пусть съ Россіей ее соединяетъ братскій союзъ двухъ народовъ, возрожденныхъ свободой политической жизни.

— Позвольте пожать вашу руку, Павелъ Ивановичъ, я всей душой присоединяюсь къ вамъ, — порывисто произнесъ Новиковъ, блѣдный высокій юноша.

Поднялся Трубецкой.

— Мы увлеклись, забыли мрачную суровую дѣйствительность, мечта унесла насъ къ тому, что возможно бу-

детъ для Россіи черезъ много десятковъ лѣтъ... А пока, господа, передъ нами тяжелая работа, можетъ быть, не такая блестящая, какъ ваши мечты, но полезная и возможная. У насъ нѣтъ силъ и нѣтъ возможности для какихъ-бы то ни было государственныхъ переворотовъ, и наша роль — медленная, но упорная борьба съ язвами родины. Поведемъ ее на путь освобожденія отъ рабства, протянемъ народу слабую руку, чтобы постепенно вывести его изъ тьмы невѣжества и нищеты. Можетъ быть, намъ даже не удастся сдвинуть его съ мѣста, но другіе пойдутъ по нашимъ слѣдамъ, и созидательная работа все-таки подвинется впередъ.

Медленно всталъ до сихъ поръ слушавшій Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ: на его открытомъ молодомъ лицѣ лежала печать возвышеннаго и чистаго характера; высокое чело служило отраженіемъ свѣтлаго ума; въ прозрачныхъ глазахъ свѣтилась религіозность и нѣжное расположеніе къ людямъ. Вездѣ и всегда этотъ юноша былъ всеобщимъ любимцемъ.

— Господа, не для споровъ и недоразумѣній собрались мы... Нашей конечной цѣлью является политическое преобразование отечества на благо цѣлаго русскаго народа, ибо мы признаемъ, что всѣ равны предъ лицомъ Бога и всѣ въ равной мѣрѣ должны пользоваться какъ благами, такъ и тягостями жизни. Мы скорбимъ о неравенствѣ, о страданіяхъ, тяжеломъ трудѣ и вѣчной нуждѣ малыхъ, и нашъ долгъ пойти имъ навстрѣчу по мѣрѣ силъ и возможности. Пусть каждый изъ насъ ведетъ свою работу въ своемъ кругу во имя Господа и во счастье своихъ земныхъ братьевъ.

Графъ Григорій сидѣлъ, какъ пригвожденный, и жадно глоталъ каждое сказанное слово. Уже нѣсколько разъ уста его шевелились, чтобы высказать и свои мысли, но робость удерживала... Теперь, послѣ примиряющихъ, проникнутыхъ любовью словъ, онъ порывисто всталъ и рѣчь какъ-бы невольно вырвалась изъ его дрожавшихъ устъ.

— Господа, я думалъ и чувствовалъ, какъ вы, уже нѣ-

сколько лѣтъ... Я бросилъ все и, окрыленный мыслью принести хоть какую нибудь пользу подвластнымъ мнѣ рабамъ, помчался въ глубь своихъ имѣній... Я вернулся уничтоженный и несчастный, убѣжденный въ своемъ безсиліи, въ бесполезности всей жизни. Всѣ мои начинанія разбивались о произволъ властей, о темное невѣжество народа... Нѣтъ, господа, единичныя попытки не приведутъ ни къ чему, кромѣ жалкихъ разочарованій. Тутъ нужно всѣмъ сплотиться и идти рука объ руку, безъ разногласій. Спасти и возвеличить нашу родину можетъ только общее радикальное измѣненіе правленія. Снести все это старое, ненужное, тормозящее и посѣять новыя сѣмена на возрожденной землѣ... И тогда вырастутъ пышные цвѣты счастья, орошенные справедливостью и цивилизаціей.

Ланской умолкъ и, тяжело дыша, опустилсѣ въ свое кресло. Глаза его еще сіяли вдохновеніемъ, но лицо уже покрылось обычной блѣдностью.

Кто-то тихо пожалъ его руку. Передъ нимъ стоялъ взволнованный Оболенскій.

— Да вы, мой другъ, самый ярый революціонеръ изъ всѣхъ, здѣсь присутствующихъ.

— Я не хочу повторять громкихъ словъ, я не хочу вникать въ ихъ смыслъ, — я говорю только то, что чувствую, до чего дошелъ тяжелымъ опытомъ.

И Пестель подошелъ къ графу Григорію.

— Я также говорю, что чувствую, но каждое свое чувство высказываю лишь тогда, когда оно провѣрено историческими и научными опытами. Изученіе исторіи и политики всѣхъ благоустроенныхъ государствъ поглощаетъ почти половину моего времени и вся эта моя научная дѣятельность привела меня почти къ тому-же выводу, какъ и васъ ваше печальное разочарованіе. Вы знаете, что для счастья нашей родины нужны полнѣйшее преобразование и переворотъ, а я увѣренъ, что настанетъ высокая минута, когда переворотъ этотъ будетъ возможенъ, когда мы всѣ грудью пойдемъ ему навстрѣчу, чтобы побѣдить или умереть. И я боюсь, смертельно боюсь лишь

одного, чтобы высокая и торжественная минута не стала насъ слабыми и неподготовленными; поэтому я посвящаю все мое время разработкѣ проектовъ, постоянно совѣтуюсь съ исторіей народовъ и политики. Поэтому я и призываю васъ всѣхъ къ работѣ осторожной, тайной, но непрерывной и энергичной. Нашъ союзъ долженъ пустить глубокіе вѣрные корни по всей русской землѣ: въ войскахъ, въ крестьянствѣ, въ Польшѣ, въ глухой провинціи. Настанетъ роковая минута и, повторяю, мы всѣ ляжемъ костями и оросимъ нашей кровью русскую землю для новыхъ всходовъ. Пусть тогда наши имена съ благоговѣніемъ повторяетъ вѣрная благодарная исторія. А можетъ быть...

Пестель величественно выпрямился, голова его гордо откинулась, а взглядъ блестѣлъ металлически.

— А можетъ быть — мы побѣдимъ, и тогда на наши головы всецѣло падетъ заслуга обновленія и счастья великаго народа. Увидѣть это своими глазами, не пережить самихъ себя! Итакъ, друзья мои, братья мои, впередъ!

— Впередъ! — громко крикнулъ Новиковъ.

— Впередъ! — какъ эхо, повторили остальные.

Какъ въ туманѣ, вышелъ графъ Григорій изъ квартиры Муравьева вмѣстѣ съ Оболенскимъ.

— Ну, что? — спросилъ его князь.

— Я ничего вамъ не скажу сегодня... Я еще не успѣлъ разобраться во всемъ видѣнномъ и слышанномъ, даже въ томъ, что говорилъ я самъ. Одно только новое я такъ ясно чувствую въ своемъ душѣ это, — что въ ней снова зажглась надежда... Надежда... Понимаете-ли вы, Оболенскій, что это значить для души, въ которой уже однажды надежда потухла совершенно. Ахъ, Боже мой, да вѣдь вмѣстѣ съ нею рождается энергія, жизнь закипаетъ снова и не хочется умирать. Благодарю васъ, — вы возвратили мнѣ жизнь.

Грустная улыбка, какъ далекое предчувствіе, промелькнула по красивымъ чертамъ Оболенскаго.

— Желалъ-бы я, чтобы эта надежда принесла вамъ хоть нѣсколько свѣтлыхъ дорогихъ мгновеній.

Они молча разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки, и каждый поѣхалъ своей дорогой, и каждый уносилъ въ своей душѣ невольное грустное предчувствіе.

Дома графа Григорія ждало письмо Эвелины.

„Милый другъ, — писала она, — такъ грустно и тяжело на сердцѣ, вспоминается прошлое и мой бѣдный братъ.

„Такая тоска, что просто готова руки на себя наложить. Приѣзжайте сегодня непременно во имя старой дружбы, во имя прошедшей моей роли невольной сестры милосердія, во имя грезъ моей души, забытыхъ и растоптанныхъ, но милыхъ, безконечно милыхъ. Васъ будутъ ждать, какъ и тогда. Эвелина.“

Письмо было пропитано одуряющей смѣсью духовъ и желтый цвѣтъ бумаги пестрилъ въ глазахъ, какъ смѣлый вызовъ.

Графъ Григорій взглянулъ на часы: время близилось къ назначенному въ письмѣ часу. Пожалуй, оно и къ лучшему: дать отдохнуть своимъ мозгамъ отъ яркихъ впечатлѣній сегодняшняго посѣщенія. Онъ не долго останется у Эвелины; онъ вернется домой или поѣдетъ за городъ и наединѣ вновь переживетъ пламенные рѣчи, смѣлые планы, благородныя идеи и начинанія...

У дома Эвелины его ждала маленькая старушка. За нею по амфиладѣ комнатъ онъ прошелъ въ будуаръ Эвелины.

Въ роскошномъ туалетѣ, веселая, душистая, задорная... она шла ему навстрѣчу.

XIV

ЖРЕБИЙ БРОШЕНЪ

Настало „завтра“ — и завѣтное, и страшное для Тани-пѣвуньи. Всю ночь она не спала.

Когда вернулись на разсвѣтѣ цыгане и всѣ улеглись, не спалось троемъ: Танѣ, хромой Алень и старому

Егору. И Таня видѣла, какъ Алена съ Егоромъ прошли въ сѣни, и слышала, какъ они тамъ шептались.

Въ комнату вернулась только Алена; старый Егоръ отправился бродить по улицамъ; ему не спалось.

Хромая цыганка прямо подошла къ ложу Тани-пѣвуньи.

Тревожно глядѣли на старуху широко открытые, безпокойные синіе глаза.

— Не спишь, дитятко?

— Не сплю, Аленушка. Я тебя поджидала, словно чуяла, что ты придешь. Ну, что, какъ рѣшилъ старый Егоръ?

Алена подѣла къ изголовью молодой цыганки и морщинистой рукой ласково гладила темную головку.

— Теперь посерчаешь, дитятко, а тамъ и сама рада будешь. Молодость наша обманчивая: горы золотыя намъ сулитъ, а правды горькой и не знаетъ.

Порывистымъ движеніемъ Таня сбросила заботливую старую руку.

— Ахъ, мамо, слушаю я тебя и все равно не понимаю... У меня свои мысли, своя воля. Ты мнѣ скажи, что вы рѣшили со старымъ Егоромъ?

— Хорошее рѣшили, дитятко, на пользу твою, на благо. Медлить не станемъ, — завтра же разобьемъ кувшины и вручимъ тебя и твою долюшку Андрею. Онъ у насъ красавецъ, лихой плясунъ, глядитъ на тебя не наглядится, любить пуще своего глаза. Завтра у насъ суббота. „Синій Яръ“ закрытъ, всѣ мы вечеромъ свободны. Такого другого дня не скоро дождешься.

Но Таня-пѣвунья не слушала ласковыхъ уговоровъ, свернувшись калачикомъ, она безнадежно, беззвучно рыдала.

— Никакъ плачешь? Стыдно, дитятко, нехорошо. Всѣ тебя любятъ, всѣ тебѣ блага хотятъ. Баре да князья до добра не доведутъ, не одну твою мать они сгубили. Въ родной семьѣ, со своими, вѣрь мнѣ, и лучше, и слаще, и прочнѣе.

Вдругъ Таня-пѣвунья порывисто къ ней поверну-

лась; лицо ея, орошенное слезами, было полно мольбы, она, как утопающій, хваталась за послѣднюю соломинку.

— Мамо, мамо, зачѣмъ же завтра, зачѣмъ же такъ спѣшить? Дали бы хотя опомниться, приготовиться. Хоть бы одинъ денечекъ дали погулять еще на свободѣ!

Хромая Алена ласково привлекла ее къ себѣ.

— Не для чего, дитятко... Да и не въ моихъ рукахъ теперь это дѣло... Старому Егору только видъ подай, что хочешь время проволочить да откладывай, онъ еще скорѣе скрутитъ и до вечера ждать не станетъ. Сни, успокойся. Жизнь пережить не поле перейти... много бѣдъ настоящихъ увидишь, это ли бѣда настоящая?

Таня-пѣвунья больше не просила, не возражала, — она поняла, что попусту не стоитъ терять словъ, что все равно ея участь рѣшена и этихъ людей не переспоришь и не упросишь. Она снова покорно легла, дала себя хорошенько укутать и даже отвѣтила на поцѣлуй хромой Алены.

И та ползлась, покачивая головой и что-то тихо сама себѣ приговаривая, пошла къ своему ложу и скорѣе отдалась тревожному сну.

А Таня-пѣвунья продолжала лежать съ широко открытыми, полными слезъ глазами; нервная лихорадка охватила ее. Что-то будетъ, что завтра будетъ? Станетъ ли она женой Андрея-плясуна или умчитъ ее въ свой роскошный дворецъ таинственный возлюбленный?

И вся душа ея жаждала именно этого, послѣдняго. Теперь, когда исполнялись ея завѣтныя дѣвичьи грезы, когда должно было осуществиться все самое несбыточное, рожденное ея фантазійей, — неужели теперь все это рушится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея!

Вмѣсто горячихъ ласкъ гордаго, знатнаго вельможи, плѣнившаго ея сердце, — немилыя объятія грязнаго плясуна-цыгана... Вмѣсто чуднаго дворца, утопающаго въ волшебномъ саду, залитаго золотомъ, напоеннаго ароматомъ цвѣтовъ и духовъ, — эта бѣдная, грязная лачуга или дымный, душный, наполненный взрывами пьянато,

наглаго хохота „Синій Яръ“! Въмѣсто парчевыхъ одеждъ, усыпанныхъ самоцвѣтными камнями, — дешевый, потертый атласъ и мишурныя монеты... Было отчего придти въ отчаяніе, было отчего сойти съ ума!

Но въ юной душѣ цыганки было слишкомъ много вѣры въ свою счастливую звѣзду. Постепенно сомнѣніе и тоска уступили мѣсто сладкимъ, розовымъ надеждамъ, а онѣ навѣяли тихій сонъ... Снова прилетѣла греза, принесла на своихъ золотыхъ крыльяхъ радужныя мечты и щедрой рукой разсыпала ихъ вокругъ молодого чела.

Проснулась Таня съ безпричиннымъ приливомъ бодрости и энергіи, какой бываетъ только въ самые юные годы.

Глаза ея блестѣли, счастливая улыбка играла на устахъ.

Многіе изъ ея собратій встали... Вокругъ все копошилось, шуршало, шумѣло... Слышались веселые рассказы, дерзкая перебранка... Повсюду проникалъ раздражающій запахъ ѣды, чадъ угольевъ, ѣдкій дымъ табака.

Но почему-то все это сегодня не раздражало, какъ всегда, Таню-пѣвунью. Она бодро вскочила, побѣжала въ кухню, чтобы умыться свѣжей водой, и тамъ встрѣтилась со своимъ будущимъ мужемъ.

Андрей-плясунъ стоялъ около жаровни съ угольями и что-то заботливо жарилъ. Онъ былъ одѣтъ въ широкія малиновыя шаровары и опоясанъ пестрымъ кушакомъ. Кафтана на немъ не было; бѣлая рубашка сомнительной чистоты разстегнута у ворота, а рукава засучены. Очевидно, онъ еще не умывался, лицо его носило слѣды сна, вѣки слегка припухли послѣ бессонной ночи, черныя и густыя кудри спутались.

Онъ съ радостной улыбкой пошелъ навстрѣчу Танѣ, бросилъ трубку въ сторону и протянулъ руки, чтобы заключить ее въ объятія. Но она быстро ускользнула, внутренне содрогаясь отъ отвращенія, но съ задорной усмѣшкой.

— Руки покороче, женишокъ!.. Не мужъ еще...

— Далеко ли до вечера? — бойко возразилъ онъ, съ глупой и пошлой, какъ ей показалось, улыбкой.

Она не утерпѣла, бросила ему вызовъ.

— До вечера недалеко, а и вечеръ длинный-предлинный бываетъ, такой, что и конца ему не видно.

Но зарядъ пропалъ даромъ; простодушный женихъ понялъ по своему.

— Длинненъ вечеръ, говоришь, анъ и ладно, чѣмъ длиннѣй онъ будетъ, тѣмъ намъ съ тобой вольготнѣе...

— Помолчи... что съ тобой время терять. Одинъ вѣдь день у меня остался — дѣвичій, свой!.. А тамъ... — она обожгла его задорнымъ взглядомъ, — а тамъ — разобьютъ кувшины и не будетъ воли у Тани-пѣвуньи, въ клѣтку запрутъ молодую птичку и сторожа надъ ней поставятъ, черноокаго да чернокудраго.

Андрей опять ринулся къ невѣстѣ, но она обдала его брызгами холодной воды и съ мокрымъ лицомъ и руками выбѣжала изъ кухоньки.

Женихъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, счастливо улыбаясь, и тряхнулъ головой.

— Любушка моя, — разлапушка... Наконецъ-то денежъ долгожданный насталь. Ужъ замилую тебя, зацѣлую... За все мнѣ отвѣтишь сегодня: и за тоску мою, и за ревность жгучую, за все...

Новое, торжественное настроеніе охватило все существо Андрея-плясуна. Наступилъ великій день въ его жизни, — сегодня онъ станетъ мужемъ любимой дѣвушки, семьяниномъ.

Предстоящая свадьба вывела и все остальное цыганское общество изъ обычнаго равнодушія. Особенно волновались старый Егоръ и хромая Алена.

Старшой сегодня женить своего единственного, горячо любимаго сына, гордость и красу хора. Ему хотѣлось, чтобъ каждый сочувствовалъ его радости, чтобъ каждый считалъ этотъ день настоящимъ праздникомъ. И старый Егоръ не пожалѣлъ тряхнуть тугу набитой мошной.

Онъ отправился въ городъ и накупилъ подарки всему

хору: шелковые платки, бусы, пояса, цѣлую гору сластей, фруктъ и закусокъ... Не забыто было старымъ Егоромъ и доброе вино: какъ не вспрыснуть женитьбы любимаго сына?

А ужъ самые лучшіе подарки, самые яркіе шелковые платки, самыя блестящія бусы да монеты, — никому другому, — Танѣ-пѣвунѣ, красавицѣ-молодой.

Въ сумеркахъ уже вернулся старый Егоръ домой съ узлами да свертками.

Безъ него, по приказу старой Алены, комнаты вымыли да вычистили, безпорядокъ цыганскій наполовину сократили, приготовили столы и новенькія восковыя свѣчи.

Молодежь натащила свѣжія, зеленыя еловыя вѣтви и душистый елочный ароматъ почти заглушалъ обычный смрадъ цыганскаго жилища.

Дѣвушки и парни разодѣлись въ лучшія одежды, разукрасились бусами, лентами, мишурой. Старухи нацѣпили пестрыя шали. Таню-пѣвунью разодѣли ярко и пестро, вся она горѣла мишурой. Большой столъ выдвинули на середину комнаты и покрыли шелковымъ платкомъ. Шафера притащили огромный глиняный кувшинъ.

— Какъ то справится съ нимъ Андрей? — захохотала Алена. — Ишь, какой пузатый проволокли!

— Справится, не маленькій!...

Шумной гурьбой помогали цыгане старому Егору разворачивать свертки. На радостяхъ Егоръ щедрой рукой раздавалъ подарки. Столы заставлены были всякою снѣдью и винами.

— Ну пора... — торжественно проговорилъ Егоръ.

— Пора! — радостно подхватилъ женихъ.

— Пора, пора! — загудѣли цыганки.

Разряженная Таня сидѣла, опустивъ голову, она словно застыла въ своемъ нѣмомъ отчаяньи. Уже не прислушивалась, не ждала... Конечно, все кончено... злая судьба осилила ее. Не поспѣлъ ея возлюбленный, не спасъ отъ постылаго брака... Когда къ ней подошли Але-

на и Егоръ, она только вздрогнула всѣмъ тѣломъ и покорно поднялась.

У стола ее ждалъ Андрей. По ковру, подъ руки, повели ее Алена и Егоръ къ жениху.

И вотъ стоятъ они рядомъ: Андрей и Таня. Невѣста блѣдна до синевы, губы ея сжаты, безпокойные огоньки вспыхиваютъ въ глубинѣ синихъ очей.

Лицо жениха серьезное, торжественное... Онъ высоко поднялъ руку и съ силою бросилъ кувшинъ на полъ.

Брачнаго кувшина не стало, черепки разсыпались у ногъ „молодыхъ“.

Послѣ этого незначительнаго обычая бракъ считался совершеннымъ и Андрей и Таня стали мужемъ и женою по гробъ своей жизни.

Андрей заключилъ молодую жену въ объятія и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ въ губы. Таня отъ волненія почти лишилась чувствъ въ его объятіяхъ и съ отращеніемъ ощутила вкусъ чего-то жирнаго, смѣшанный съ запахомъ дешеваго табака...

Цыгане наскоро шумно поздравили молодыхъ и набросились на угощеніе. Мало кто успѣлъ у стола; большинство, захвативъ вкусную добычу, размѣстилось на шалахъ и перинахъ на полу и по угламъ.

Старый Егоръ самъ разливалъ вино въ кружки и щедро раздавалъ.

Хромая Алена съ полной кружкой вина подошла къ сидѣвшей у стола передъ цѣлой грудой сластей и закусокъ Танѣ.

— Все хорошо, что хорошо кончается, дитятко, — шепнула, наклонясь къ ней, старуха, — теперь ты гнѣваешься и недовольна, а черезъ недѣлю-двѣ, когда твой князь, вмѣсто тебя, заберетъ другую и сдѣлаетъ ее несчастной, сама еще придешь меня благодарить.

При этомъ напоминаніи застывшая и безучастная молодая вздрогнула и къ блѣднымъ щекамъ ея прилила разомъ алая струя крови.

— Оставь меня, — слабо проговорила Таня и голосъ

ея показался старой Алень такимъ больнымъ и надтреснутымъ, что ей невольно стало жаль свою питомицу.

Андрей толкался между молодежью, безпрестанно чокаясь; онъ былъ совсѣмъ счастливъ.

Цыгане поѣли и попили какъ слѣдуетъ; сытые желудки и винные пары располагали ихъ къ веселю.

Столъ отодвинули, снова наполнили кружки виномъ и пошло веселье. Запѣвали солистки и солисты, гремѣлъ хоръ, рыдали и смѣялись струны гитаръ и балалаекъ, въ гибкой пляскѣ носились плясуны и плясуньи.

Только молодая жена сидѣла блѣдная и печальная въ уголкѣ; передъ ней стояла нетронутая тарелка лакомствъ и пустая кружка изъ-подъ вина.

Старый Егоръ догадывался отчасти, что творится въ душѣ Тани-пѣвуньи, и потому онъ ее предоставилъ самой себѣ и старой Алень.

Зато молодежь не очень-то легко было унять.

— А ты, Таня-пѣвунья, а ты, молодая женушка, отчего не споешь намъ одну изъ твоихъ любимыхъ пѣсенъ? Поженилась и зазналась! Нѣтъ, пой, пой, такъ отъ тебя не отстанемъ.

Таня-пѣвунья размышляла всего мгновеніе; не въ ея характерѣ было гнуть голову передъ чѣмъ-бы то ни было въ жизни. Она вскочила, тряхнула кудрявой головкой и лихо протянула пустую кружку молодому цыгану Дмитрію.

— На, налей вина... Видишь, опустѣла кружка? Выпью и спою.

Выпила вино залпомъ до дна, выдвинула табуретъ на середину комнаты и схватила гитару.

Весь хоръ, какъ въ „Синемъ Ярѣ“, обступилъ ее полукругомъ.

— Что вамъ спѣтъ? — бойко спросила Таня, перебирая струны.

— Да спой любую.

Она заиграла прелюдію.

Цѣлый десятокъ гитаръ и балалаекъ подхватили всѣмъ знакомые звуки. Страстно задрожали, какъ бы

слившіеся въ одинъ голоса хора, постепенно разрастались звуки, а потомъ вдругъ, замирая, оборвались...

И вотъ отдѣлился молодой, бархатный, низкій голосъ, чудный голосъ Тани-пѣвуньи, и зазвучалъ онъ укоромъ и тоской.

*„Слышишь-ли, мой сердезный другъ,
Слышишь-ли, какъ я рыдаю скорбя...“*

Таня-пѣвунья запѣла ту пѣсню, которую такъ недавно пѣвала она князю, свободная и полная розовыхъ грезъ, — запѣла она ее и теперь навѣки скованная съ немилымъ, теперь, когда всѣ ея бывшія, золотыя грезы разбились вмѣстѣ съ брачнымъ кувшиномъ и рассыпались, какъ черепки, у ея ногъ.

Хорошо пѣла она, всей душой. Глаза ея полужакрылись, тонкія ноздри раздувались...

Заслушались цыгане... Но рѣзкій, внезапный стукъ въ входную дверь въ сѣняхъ разомъ пробудилъ замечтавшихся слушателей, разомъ оборвалъ вдохновенную пѣсню.

— Я пойду, отворю, — сказали Андрей и встали.

Таня замерла; ея сердце колотилось въ груди. Егоръ былъ блѣденъ, но наружно спокоенъ... Андрей направился къ сѣнямъ; на порогъ его перехватила вся дрожавшая хромая Алена...

— Не надо, не отворяй! — хриплымъ голосомъ крикнула она.

XVI

ПОХИЩЕНИЕ

Андрей съ недоумѣніемъ оглянулся на отца. Жуткое чувство, охватившее стараго Егора, передалось всѣмъ.

— Отворять? — неувѣренно спросилъ Андрей отца...

Старый цыганъ грозно нахмурился и выпрямилъ свой согнутый станъ...

— Ключа не отмыкай... Подними желѣзный болтъ... Вы всѣ беритесь за ножи, защищайте нашу честь, она дороже жизни...

Испуганные цыгане взялись за ножи...

Мало кто изъ нихъ раздѣлялъ храброе настроеніе стараго Егора, и мало походили они, разодранные пестро, какъ паяцы, на дерзкихъ воиновъ... Если что и подбодряло ихъ, — такъ это выпитое въ честь новобрачныхъ вино... Да, наконецъ, никто не понималъ въ чемъ дѣло, кромѣ троихъ: Егора, Алены и Тани...

Первое волненіе, страстно охватившее молодую цыганку, немного улеглось... Стуки не прекращались, но никто не хотѣлъ отворять дверей...

И вдругъ, до сей поры безмолвная и недвижимая Таня-пѣвунья разомъ рванулась и прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ опомниться — бросилась въ сѣни... Она стремительно подбѣжала къ дверямъ и громко крикнула:

— Не зѣвайте, ломайте двери... Это говорю я, Таня... Всѣ наши въ сборѣ, всѣ взяли ножи въ руки... Будьте готовы, нападайте и зашч...

Она не успѣла докончить, старый Егоръ оттащилъ ее отъ дверей и сильной рукой зажалъ ей ротъ... На одно только мгновеніе ей удалось освободиться и тогда она рѣзко, пронзительно вскрикнула.

— Молчи, проклятая... Вотъ что ты задумала, змѣеньшгъ... Плохо загадала! Живою тебя отсюда не возмуть, въ томъ порукой моя сѣдая голова... И не найди мнѣ никогда успокоенія, если я...

Старый Егоръ умолкъ, потому что дверь съ трескомъ вылетѣла и на порогъ показалась цѣлая ватага вооруженныхъ княжихъ людей. За ними виднѣлось грозное, положительно метавшее молніи, лицо князя Ладова.

Слова Тани и особенно ея послѣдній крикъ былъ сигналомъ для нападавшихъ.

Орлинымъ взоромъ князь Иванъ Васильевичъ обвелъ все вокругъ и сейчасъ-же замѣтилъ брошенную на полъ и тщетно слабыми силами боровшуюся со старымъ цыганомъ свою зазнобу.

— Хватайте и вяжите всѣхъ! — громко крикнулъ онъ. — А ты, Митюха, и ты, Сенька, за мной!.. Оторвите стараго звѣря отъ дѣвушки и скрутите его такъ, чтобы не шелохнулся!..

Ватага крѣпостныхъ ворвалась въ комнаты и пере-вязала всѣхъ цыганъ и цыганокъ, почти не встрѣтивъ сопротивленія. До того были перепуганы и ошеломлены „романи“, что побросали свои злосчастные ножи и сами протягивали руки или прямо ложились на полъ.

Хромая Алена подбѣжала къ Андрею.

— Не зѣвай, парень... Береги молодую жену... Вѣдь это за ней прискакали, увезутъ ее у тебя изъ подъ носу.

Слова Алены разомъ подожгли душу Андрея, какъ удачно брошенная спичка поджигаетъ сухую солому... Молодой мужъ бросился въ сѣни, но на порогъ его схватили четыре сильныя руки... Со всею силою, на которую былъ способенъ, со всѣмъ бѣшенствомъ, которое разжигала въ немъ дикая ревность, — боролся и отбивался Андрей-плясунъ. Но въ неравной борьбѣ, оглушенный безпощадными ударами, онъ волей-неволей уступилъ... Почти безчувственного его крѣпко связали и бросили на полъ.

Словно сквозь сонъ онъ слышалъ бѣшеное рычанье и проклятія своего стараго отца, тоже связаннаго и брошеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. И только нѣжные, страстные слова, произнесенныя ненавистнымъ голосомъ соперника, возвратили ему память, слухъ, зрѣніе и снова пробудилась жгучая ревность, безсильное отчаяніе и злоба.

— Вотъ и свободна, моя возлюбленная. Только люби меня, а со мною не пропадешь. Будь недруговъ у тебя въ тысячу разъ больше — всѣхъ-бы скрутилъ и смялъ... Ты вся дрожишь, вся бѣлая. Тебя напугалъ этотъ старый звѣрь? Онъ тебя сжималъ больно? Скажи... Хочешь, я велю съ него содрать шкуру съ живого? Хочешь, моя возлюбленная?

Такъ спрашивалъ князь Ладовъ, прижимая къ себѣ молодую жену Андрея. У бѣдняги вырвался стонъ, но

онъ ждалъ, съ трепетомъ ждалъ ея отвѣта. Конечно, Таня вырвется изъ постылыхъ объятій, пошлетъ къ чорту незваного покровителя, постарается найти и освободить своего мужа и станетъ подъ его защиту!

— Не надо, миленькій. Оставь ихъ всѣхъ въ покоѣ. На что намъ ихъ страданія? Мы улетимъ далеко съ тобой въ твой дворецъ, тамъ они не найдутъ меня и не увидать никогда. Пойдемъ, возлюбленный, — взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтила князю молодая жена Андрея.

— Таня! — крикнулъ онъ.

Она вздрогнула и отшатнулась.

— Таня! Будь проклята! — съ бѣшенствомъ вырвалось изъ груди Андрея.

— Будь проклята!.. — какъ эхо повторилъ глухой голосъ стараго Егора.

Она, вся дрожа, съ широко открытыми, полными ужаса глазами, внимала проклятіямъ, инстинктивно прижимаясь къ возлюбленному.

— Будь проклята! — съ остервенѣніемъ повторилъ старый Егоръ. — Живи, какъ блудница, умри, какъ собака, и пусть душа твоя не найдетъ никогда успокоенія, а тѣло разорвутъ голодные звѣри.

— Молчи ты, старая собака... Заткните ему ротъ, пусть помолчитъ...

— Не надо, не надо!.. — почти истерически крикнула Таня. — Алена, гдѣ ты?..

Таня бросилась разыскивать свою пріемную „мамо“.

Хромая Алена сидѣла въ углу, скорчившись, связанная...

Молодая женщина бросилась къ ней.

— Мамо, мамо!.. Я проклята, всѣми проклята... Ты не покидай меня, пойдемъ со мной, раздѣли мою долю... Мамо, не оставляй меня!..

Старуха молчала, ея глаза метали искры, въ душѣ шла страстная борьба...

— Мамо, въ память моей умершей матери, пойдемъ

со мною... Она вѣдь поручила меня тебѣ... Не оставляй меня, Аленушка, ты поклялась!..

Таня-пѣвунья бросилась на колѣни передъ связанной старухой, молила ее, ломая руки.

Восковые свѣчи, зажженные въ честь брачнаго пира, догорали. Вспыхивали послѣдніе синіе языки и въ этомъ умирающемъ трепетномъ освѣщеніи странную картину представляло жилище цыганъ.

Сдвинутые къ стѣнамъ столы, нагроможденные сластями, закусками, бутылками вина и опустѣвшими кружками. По полу разбросаны объѣдки, блестящія бусы, яркіе платки и ленты. Повсюду въ одиночку и кучками — связанные цыгане въ нарядныхъ пестрыхъ костюмахъ, съ блѣдными напуганными лицами.

Среди комнаты на колѣняхъ молодая цыганка, ломая руки, сквозь слезы молитъ связанную старуху... У той мрачно горятъ глаза, зловѣще разсыпаются, какъ тонкія ядовитыя змѣи, пряди сѣдыхъ вьющихся кольцами волосъ.

Въ дверяхъ красавецъ-князь въ роскошномъ военномъ мундирѣ съ нетерпѣніемъ ждетъ конца этой сцены.

— Пойдемъ, возлюбленная... Пора...

Повсюду широкія довольныя фізіономіи княжеской ватаги, съ успѣхомъ исполнившей барское порученіе... А въ стѣнахъ связанный молодой мужъ со смертельно раненымъ сердцемъ, охваченный мучительнымъ ядомъ дикой ревности, въ полномъ безсиліи скрежещетъ зубами... Рядомъ съ нимъ его старый отецъ съ искаженнымъ, страшнымъ лицомъ повторяетъ свои грозныя проклятія...

Нѣсколько мгновеній кажутся всѣмъ вѣчностью... Наконецъ, старая Алена рѣшается.

— Развяжи мнѣ руки и ноги — угрюмо говорить она, — и я иду съ тобой...

Крикъ радости вырывается изъ груди Тани-пѣвуньи... Она мгновенно освобождаетъ приѣмную мать, беретъ ее за руку и говоритъ князю дрожащимъ голосомъ:

— Если любишь меня, люби и ее... Я безъ нея нику-

да не пойду. Она замѣнила мать и до гроба будетъ со мной, въ счастья и несчастьи...

— Эй, вы, люди... Усадите старуху въ сани, на лучшее мѣсто и за мной... — Въмѣсто отвѣта даетъ приказъ Иванъ Васильевичъ.

Хромой Алень не даютъ опомниться, ее хватаютъ и тащутъ въ сани... Вслѣдъ ей несутся проклятія стараго Егора...

— Проклятія да падутъ на голову проклинающихъ!.. — послѣдній разъ обернувшись на старыхъ товарищей, огрызается Алена.

— Никита, какъ сядемъ всѣ въ сани, развяжи руки вонъ той дѣвченкѣ, она остальныхъ освободитъ — приказываетъ князь, заворачивая въ дорожную шубку Танюпѣвунью и бережно усаживая ее въ маленькія роскошныя санки, санки, въ которыхъ они понесутся вдвоемъ...

И вотъ санки летятъ стрѣлой... Лѣвой рукою князь обхватилъ и прижимаетъ крѣпко къ себѣ дорогую добычу, другую — онъ правитъ...

Никита исполнилъ приказанія и въ большихъ санныхъ мчится слѣдомъ за влюбленной парочкой челядь... На главномъ мѣстѣ возсѣдаетъ хромая цыганка... Слышатся фразы, полныя юмора... но не до нихъ старухѣ... Глубоко задумалась она, тяжело ей, вслѣдъ несутся проклятія своихъ.

А тамъ, въ домикѣ цыганъ суматоха, крики... Цыганка-дѣвочка развязала первыхъ двухъ и теперь всѣ свободны.

Старый Егоръ проклинаетъ, клянется мстить, призываетъ и другихъ къ безпощадному отомщенію.

— Что можемъ мы супротивъ такого важнаго барина? — разумно замѣчаютъ ему нѣкоторые.

— А вотъ я покажу! а вотъ они увидятъ, проклятые!

Андрей безъ шапки, въ своемъ яркомъ пестромъ нарядѣ выбѣгаетъ на улицу. Догнать! И онъ бѣжитъ, пока хватаетъ силъ... Ужъ давно не слышно топота копытъ, вокругъ томительная тишина, только раздается гулъ его шаговъ да прерывистое дыханіе.

Больше силъ нѣтъ! И онъ упалъ на мерзлый снѣгъ и рыдаетъ въ безсильномъ отчаяніи, пока не приходитъ старый отецъ и не уводитъ его почти насильно.

— Перестань, сынокъ. Узнаютъ они насъ, страшно мы отомстимъ...

XVII

ВЪ ЧАДУ СТРАСТИ

— Какъ мило, какъ славно, что вы пріѣхали на мой зовъ... Именно сегодня такъ хотѣлось васъ повидать, дорогой другъ. Мы проведемъ время уютно и весело. Я свободна отъ всѣхъ своихъ дѣлъ.

Эвелина усадила дорогого гостя рядомъ съ собой... Графъ Григорій невольно улыбнулся.

— Я получилъ ваше грустное письмо и думалъ васъ встрѣтить по крайней мѣрѣ въ слезахъ... А вы...

— А я весела и смѣюсь, и даже шалю... Видите ли, я — женщина. Этимъ все сказано... Я хитрю немножко. Я вѣдь васъ знаю, весельемъ васъ не заманишь, нужно задѣть ваше добродѣтельное сердце и тогда — дѣло въ шляпѣ. Я права: — вы со мной...

Онъ разсмѣялся.

— Вы ошибаетесь, Эвелина... Сегодня я скорѣй пришелъ бы на зовъ веселья... Я видѣлъ и слышалъ много грустнаго, много новаго... Я позналъ много правды, но... все это еще не уложилось въ моемъ мозгу, не пережито какъ слѣдуетъ... Сразу не стоитъ браться за такую трудную задачу... Сдѣлаю маленькій „перебой“ въ вашемъ обществѣ... Поболтаю весело, просто, по-женски, если хотите... А вернусь домой черезъ часокъ и отдамся серьезной работѣ мысли...

— Ха, ха, ха!.. — она откинулась на спинку диванчика. — Черезъ часъ?.. Нѣтъ, милостивый государь, черезъ часъ вы отсюда не уйдете... Сейчасъ мы съ вами поужинаемъ, мнѣ смертельно хочется ѣсть, а потомъ...

Впрочемъ, пока приготовятъ ужинъ, мы успѣемъ еще поболтать... И такъ — вы сегодня въ таинственномъ настроеніи... Видѣли и слышали что-то необычайное... Какую-то „правду“!.. Нельзя и мнѣ дать кусочекъ этой правды?..

Онъ слегка отодвинулся отъ нея и лицо его стало серьезнымъ, даже строгимъ.

— Не смѣйтесь и не шутите никогда надъ этой правдой, если уважаете меня, Эвелина... Я сказалъ вамъ, какъ другу... „Эта правда“ — моя святыня, и, можетъ быть, будетъ мнѣ стоить жизни... впрочемъ, я ею мало дорожу...

Настала очередь нахмуриться и поблѣднѣть Эвелинѣ.

— Я вамъ другъ и требую, чтобы вы дорожили своею жизнью... Требую, слышите ли?.. Если слова мои васъ задѣли, оскорбили что-нибудь вамъ дорогое, простите меня.

Какъ провинившійся ребенокъ она шаловливо заглянула ему въ лицо...

— Вы прощаете?..

Онъ снова уже улыбался.

— Какое вы дитя, Эвелина... На васъ нельзя и сердиться...

— Дитя?.. — она вздохнула и вдругъ расхохоталась...

— Нѣтъ, я не дитя, Грегуаръ, къ сожалѣнію... А хотите, будемъ сегодня дѣтьми... Вспомнимъ старое... Оно еще не совсѣмъ умерло для васъ, Грегуаръ?..

— О, нѣтъ, Эвелина... Оно никогда не умретъ.

— И такъ... Парижъ... Шумныя оживленныя улицы... Голубое небо... Весна... Начинаютъ зеленѣть деревья... Вы оправились и уѣзжаете... Послѣдній завтракъ... Къ вашему удивленію... молодая сидѣлка не вышла... Вы прощаетесь съ французомъ, вашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ... Въ послѣдній разъ вы входите въ вашу комнату... Свѣтъ и аромат весны врываются въ открытое окно...

— Какъ вы все знаете... и помните.

— Еще бы! Ваша сидѣлка приходитъ проститься...

Она въ слезахъ... Она проситъ васъ надѣть ладонку... Гдѣ эта ладонка?..

— Со мной... У меня на шеѣ, на вашей же цѣпочкѣ...

Эвелина тронута. Она тихо и нѣжно жметъ его руку.

Въ дверь постучали...

— Кто это?

— Никто... Намъ просто даютъ знать, что ужинъ готовъ... Итакъ, вашу руку monsieur Грегуаръ... Маленькій перерывъ нашимъ воспоминаніямъ...

Подъ руку они идутъ въ смежную комнату.

Она небольшая и уютная. Посреди накрытый столъ: вино, закуски, фрукты. Къ столу придвинутъ диванчикъ.

— Вотъ сядемъ опять рядомъ, какъ послушныя дѣти... Не правда ли, здѣсь хорошо?.. Много цвѣтовъ... и это напоминаетъ мнѣ родину... Вы не забыли, въ нашей столовой всегда были цвѣты, ихъ такъ любилъ мой бѣдный Артуръ... Дайте, я вамъ приколю эту розу. Какая она свѣжая, будто только что сорвана, капли воды дрожать на ней, какъ росинки...

— Какая вы милая, Эвелина.

— Что положить вамъ? Вотъ салатъ, я приготовляю его сама. Онъ такъ вкусенъ, что сытый отъ него не откажется.

— Благодарю, Эвелина.

— Я себѣ тоже положу, не беспокойтесь. А теперь за мое здоровье, вотъ доброе, старое французское вино.

Эвелина налила полные бокалы. Они чокнулись и выпили ихъ до дна. Старое вино сразу слегка бросилось въ голову графу Григорію. Онъ былъ такъ слабъ и такъ давно ничего не пилъ. На Эвелину оно не оказало дѣйствія, она пила каждый день полбутылки за ужиномъ.

— Итакъ — продолжимъ наши воспоминанія... — она снова доверху наполнила бокалы. — Талисманъ на вашей груди, это хорошо, онъ васъ сохранить. Мы оставились на прощаніи. Дѣвушка поцѣловала уѣзжавшаго и выбѣжала изъ комнаты. Онъ больше ея не видѣлъ, но она... видѣла его.

— Гдѣ?..

— Она стояла у окна, когда лошади его увозили. Она долго смотрѣла ему вслѣдъ, и, когда не стало видно пыли отъ экипажа, она упала, обезсиленная горемъ, и рыдала, безъ конца. Она такъ его любила, онъ уносилъ съ собой ея жизнь и счастье, но она не выдала себя. А онъ, безсовѣстный, такъ радостно улыбался, уѣзжая.

Графъ Григорій былъ тронутъ ея простымъ, полушутливымъ, полугорькимъ разсказомъ.

— Бѣдняжка, дорогая сестричка. Ну, слава Богу, все вѣдъ на свѣтѣ проходитъ... и вы теперь веселы и довольны.

Эвелина печально покачала головой.

— Да, все проходитъ, вы правы, но слѣды остаются, и иногда очень тяжелые. Впрочемъ... мимо все это. Выпьемъ за упокой души Артура.

Она протянула ему бокаль, онъ снова чокнулся и выпилъ до дна свой бокаль. Вино дѣлало его смѣлѣе, веселѣе. Давно онъ не пилъ и забытое ощущение опьяненія пріятно щекотало и возбуждало нервы.

— Зачѣмъ же мимо, Эвелина?.. я хочу все, все знать.

— А если это „все“ отшатнетъ васъ отъ меня? — спросила она тихо, пронизывая его взглядомъ.

— Этого быть не можетъ. Наша дружба — вѣчная.

— Ну, такъ выпьемъ за эту дружбу и поклянемся, что она будетъ вѣчная, что бы ни случилось.

Теперь онъ самъ налилъ бокалы и залпомъ опрокинулъ свой.

— Говорите.

— Долго тосковала бѣдная, покинутая сидѣлка... и собиралась въ Россію. Наивная, она рѣшила бѣжать, взяла съ собою нѣсколько тысячъ и думала, что этого хватитъ надолго. Ея побѣгъ убилъ ея брата. А она... вотъ она — передъ вами.

— Но...

— Никакихъ „но“.

Эвелина вышла на минуту и вернулась съ откупоренной бутылкой замороженного шампанскаго.

— Теперь я выпью за ваше здоровье и вы должны поддержать меня.

Графъ Григорій выпилъ еще два бокала шампанскаго,

Теперь уже онъ опьянѣлъ: голова его кружилась, все словно покрылось веселымъ туманомъ.

Эвелина что-то говорила ему громко, смѣясь, близко наклоняясь... Обдавая его своимъ горячимъ, ароматнымъ дыханіемъ, касалась его щеки шелковистыми кудрями. И онъ тоже смѣялся. Когда она наклонялась близко — дрожь пробѣгала по его тѣлу.

Эвелина все подливала ему вина.

— Выпьемъ на „ты“, Грегуаръ, это закрѣпитъ нашу дружбу...

И онъ пилъ на „ты“, смѣялся, а она вдругъ шаловливо сѣла ему на колѣни, какъ маленькій ребенокъ, и охватила его шею обнаженными атласистыми руками. Кровь ударила ему въ голову, молодость громко кричала теперь, придавленная его идеями такъ круто и такъ долго...

Графъ Григорій крѣпко прижалъ къ себѣ Эвелину и горячей щекой прильнулъ къ ея обнаженной, прохладной, высоко и трепетно вздымавшейся груди. И вдругъ она гибкимъ движеніемъ опустилась передъ нимъ на колѣни, нагнула его голову и шептала межъ страстныхъ поцѣлуевъ:

— Не бойся, ласкай меня, цѣлуй... Я люблю тебя и... мнѣ нечего терять... Жизнь моя каторга и будетъ благодѣяніемъ, если ты пригрѣешь и приласкаешь меня. Умереть у твоихъ ногъ для меня — счастье. Я хочу тебя завоевать хоть на нѣсколько мгновеній. Ты мой сейчасъ и ради этого остраго счастья — стоять долгіе годы страдать... Цѣлуй меня, вотъ такъ... А, какое блаженство!..

Графъ Григорій въ туманѣ вина и слѣпой страсти отдавался жгучимъ поцѣлуямъ и ласкамъ...

Часы летѣли... Страсти утасали. Угаръ вина рассеивался... Холодное сознаніе возвращалось... Вмѣстѣ

съ нимъ подымался ужась въ душѣ графа Григорія..
Ужась и стыдъ...

Вѣдь онъ не любилъ Эвелины, какъ могъ онъ такъ распустить себя, какъ могъ поддаться непростительной слабости? Она — другое дѣло!.. Она его любила давно. Эта любовь сгубила ея брата...

И что же теперь? Теперь онъ связалъ себя съ нею... не любя... и когда такой серьезный долгъ его призываетъ... Холодный потъ отчаянія выступилъ на его лбу...

— Пора, Эвелина... Уже утро... Я долженъ спѣшить... Прощай, дорогая.

Онъ чувствовалъ, какъ трудно было ему произнести ласковое слово, какъ мучительно неприятно ее поцѣловать... А она... вся нѣга и страсть, полуобнаженная, извивалась, какъ змѣйка, у его ногъ, протягивала губы для поцѣлуя.

Почти насильно онъ вырвался изъ ея объятій, давъ обѣщаніе придти черезъ два дня, и, наконецъ, очутился на улицѣ...

Онъ сѣлъ на первыя попавшіяся дрожки и поспѣшилъ домой.

Несмотря на усталость и остатки хмѣля, онъ не могъ уснуть.

Вотъ онъ, борецъ за свободу многомилліоннаго народа, палъ, искушенный нелюбимой женщиной.

Что же теперь?.. И пули въ лобъ нельзя пустить, потому что жизнь клятвенно обѣщана святому дѣлу... Ну, такъ пусть она и идетъ для него... Нечего щадить себя... Какъ сказалъ Пестель?

„Я вѣрю, настанетъ высокая минута, когда мы грудью пойдемъ навстрѣчу, чтобы побѣдить или умереть!“

А Эвелина?.. Надо сказать ей правду, надо показаться и просить прощенія... Она женщина, она прогнать его, для дѣла вернуть ему свободу.

ВЪ КНЯЖЕСКОМЪ ДВОРЦѢ

Маленькія санки летятъ стрѣлою... У Тани-пѣвуньи духъ захватываетъ.

Большія сани, полныя челяди, съ хромою Аленой во главѣ, еле поспѣваютъ.

Вотъ выѣхали изъ пригорода, тамъ и сямъ замелькали огоньки... Лошади все несутся. Еще одинъ поворотъ и показался роскошный домъ-дворецъ князей Ладовыхъ.

Князь Иванъ Васильевичъ круто осадилъ коня у ярко освѣщеннаго широкаго подъѣзда.

— Любушка, пріѣхали...

Навстрѣчу выбѣжалъ удивленный швейцаръ... Казачокъ принялъ лошадь. Князь спрыгнулъ и на рукахъ вынесъ Таню-пѣвунью въ швейцарскую... Шубка упала съ ея плечъ и прислуга робко и удивленно поглядывала на молодую цыганку въ пестромъ нарядѣ, всю увѣшанную блестящими монетами и бусами.

Но удивленію уже не было предѣловъ, когда челядь привезла старую хромою Алену.

— Нечего рта разѣвать... — строго сверкнулъ глазами князь. — По мѣстамъ...

Онъ взялъ за руку дрожавшую и испуганную Таню и ласково повлекъ ее по роскошной, устланной коврами и разукрашенной диковинными растеніями и зеркалами лѣстницѣ въ свои апартаменты... Злорадное чувство поднималось въ душѣ Ладова.

— Ты себѣ веселись по-своему, княгиня-недотрога, заводи монаховъ, чудныхъ мальчиковъ, да юродивыхъ бабъ, а мы тоже по-своему повеселимся, другъ другу мѣшать не будемъ... Не больно ты нужна мнѣ теперь, у меня своя красотка, помоложе тебя, поласковѣе, да повеселѣе...

Любимый камердинеръ князя, Митричъ, уже широко распахнулъ двери передъ господиномъ и его новой забавой.

— Все готово, Митричъ? Вотъ и наша новая хозяйка, слушайся и угождай...

Таня совсѣмъ растерялась, когда нарядный, весь въ золотѣ, увѣшанный крестами да медалями, старый камердинеръ угодливо поклонился ей чуть-ли не въ ноги...

— Зови дѣвушекъ, пусть одѣваютъ молодую барышню. Да отведи къ ней въ комнату старуху, что челядь привезла.

Черезъ нѣсколько мгновеній Таня очутилась въ предназначенныхъ для нея комнатахъ, убранныхъ со сказочной роскошью. Ее робко обступили дѣвушки и портнихи и стали снимать съ нея мишурныя украшенія и пеструю одежду.

Ввели Алену. Равнодушнымъ взглядомъ окинула старуха княжескую роскошь. Видывала она такія палаты въ дни своей юности... и... возненавидѣла ихъ. Она угрюмо сѣла въ уголку на полъ и ея сверкавшіе, какъ уголья, глаза и сѣдые зловѣщія космы нагоняли жуткій страхъ на крѣпостныхъ дѣвушекъ, одѣвавшихъ Таню.

— Вѣдьма, прости Господи, — втихомолку крестясь, отплеывались онѣ.

Да не было особенной симпатіи и къ хорошенькой Танѣ-дѣвунѣ.

— Своя жена молодая, краля, въ Богѣ воспитана. Богомъ дана, а тутъ цыганскую нехристь привезъ, — думалось дѣвушкамъ.

— Что ты, мамо, забила такъ? Сѣла бы поудобнѣе. Не грусти, мамо, все пойдетъ, какъ надо, — попробовала Таня уговорить старуху.

Но та только сердито закачала головой.

— Оставь меня, дай мнѣ одуматься.

Вскорѣ Таня перестала обращать вниманіе на хроую Алену, она увлеклась дорогими модными нарядами, они такъ шли ея молодому, красивому лицу. Вотъ она и готова.

— Спасибо, дѣвушки. Ступайте.

Танѣ хотѣлось остаться наединѣ съ угрюмой „мамо“.

— Ну, посмотри, какая стала! Чѣмъ не царевна? —

весело заговорила Таня, когда вышли дѣвушки, любуясь собой въ зеркало.

— Ты бы лучше о другомъ подумала. Куда завезъ онъ насъ? Что будетъ завтра съ нами?..

— Ахъ, мамо, завтра будетъ лучше, чѣмъ сегодня. Кабы онъ меня любилъ, сталъ бы выкрадывать, да къ себѣ привозить? Умѣешь ты тоску нагонять, мамо, да только сегодня не пристанетъ она ко мнѣ, больно радостно на душѣ.

— Съ чего?.. Прокляты мы обѣ. Всю ночь поди насъ проклинаятъ. А мужъ молодой въ слезахъ, да въ горѣ теперь. Неужто тебѣ никого не жалко, дитятко? Да и не оставятъ они насъ такъ въ покоѣ, придумаютъ что-нибудь, отомстятъ.

За дверью раздался голосъ князя.

— Иди сюда, ко мнѣ, любушка.

Таня, нарядная, веселая, красивая, порхнула ему навстрѣчу, съ порога бросивъ Алень:

— Ты, мамо, лучше спать ложись, а я веселиться буду.

Но старой цыганкѣ не спалось. Она вытащила изъ-за пазухи сальныя грязныя карты и, пошептавъ надъ ними, бережно полукругомъ разложила ихъ. Падали черныя пики, — страшную грозу предвѣщали онѣ. И тяжело вздыхала суевѣрная Алена...

— Судьбы не миновать!..

— — — — —
— Какая ты красавица! Настоящая принцесса! Дай мнѣ твою ручку. Нѣтъ, не такъ. Ну вотъ теперь хорошо. Посмотри-ка въ зеркало, какая мы славная пара. Мала ты только, совсѣмъ какъ ребенокъ. Ну, пойдемъ въ столовую, я угощу тебя на новосельи.

Князь и Таня подъ руку вошли въ дубовую старинную столовую. Столъ былъ накрытъ и щедро уставленъ яствами и винами. Восковые свѣчи ярко горѣли.

— Садись, моя куколка.

Ужинъ на новосельи прошелъ весело и задорно. Таня пѣла, плясала, жгучими ласками туманила голову князя.

Онъ привлекъ ее къ себѣ на колѣни, рукою подъялъ кудряшки со лба и вдругъ... вздрогнулъ...

— Постой, постой... На кого ты сейчасъ похожа? Не можетъ быть!

Кудряшки, поднятыя со лба, рѣзко измѣнили лицо молодой цыганки. У нея такой же большой, чистый, свѣтлый лобъ... какъ у Настеньки, у законной супруги Ладова. Теперь онъ замѣтилъ, что и брови тѣ же, и въ глазахъ большое сходство, только разница въ цвѣтѣ. Въ первое мгновеніе непріятно пораженный этимъ сходствомъ — теперь онъ смѣялся.

— О, если бъ ты знала, кого ты мнѣ напомнила! Тѣмъ лучше, больше любить тебя буду... Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ, не пугайся, куколка, лучше — цѣлуй меня крѣпче...

Хромая Алена рано проснулась, не долго она дремала въ своемъ углу... Но часы шли за часами, а Таня не возвращалась и пуховая постель ея осталась несмятою...

Часамъ къ десяти дѣвушка принесла Алени чай, булочки и молоко.

Старуха рѣшила разговориться...

— Гдѣ моя молодая барыня?..

— Онѣ съ княземъ... Къ нимъ никто войти не смѣетъ... — боязливо поглядывая на страшную цыганку, отвѣтила дѣвушка, — маленькая, шустрая съ симпатичнымъ курносымъ личикомъ, со свѣтлой длинной косой.

— Тебя какъ звать, дѣвушка?

— Катей...

— А меня Аленой... Поди-ка сюда поближе... Дай ручку... Не бойся, дай, я погадаю... Всю, всю тебѣ правду скажу...

Любопытство взяло верхъ надъ страхомъ и робостью. Катя протянула ладони цыганкѣ... Хромая Алена наговорила ей цѣлую кучу пріятныхъ, хорошихъ вещей...

— Вотъ и хорошо!.. Теперь я знаю, ты — славная дѣвушка... По рукѣ увидала... И счастье твое будетъ вѣрное, хорошее. Да не гляди ты такъ на меня... Я ста-

рая и страшная... Вѣдь какъ насъ напугали. Я не всегда такая... Я пѣсни пою и танцую, и всѣмъ весело и смѣшно... А сегодня я съ перепугу...

— Съ какого, бабушка? — расхрабрилась Катя.

Старуха отлянулась и таинственно зашептала.

— Охъ, дѣла какія... Ворвались вечеромъ въ нашъ тихій домъ, — твой князь съ людьми. У насъ свадьба была. Всѣхъ перевязали. Кого избили. А нашу-то молодую, что только-что мы обвѣнчали, силкомъ и увезли, и меня съ нею. Она сиротка, такъ я ей вмѣсто матери. Она глупенькая, ей весело въ хоромахъ, а у меня душа вся изныла. Гдѣ мы? Расскажи, милая дѣвушка... Пожалѣй старую голову. Я тебѣ еще и понадобится. Я всякія вѣдовства знаю. Счастье дамъ тебѣ, любчикъ корень подарю. Всякъ къ тебѣ лѣзть будетъ... Послушай меня, дѣвушка, пожалѣй.

Во время этого длиннаго разсказа Катя охала, головой качала, чуть не плакала.

— Да я, бабушка, скажу, что могу. Да что я знаю, сиволаная? Только, что челядь болтаетъ. Нашъ князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ и богатъ, и знатенъ, у самого Царя-Батюшки бываетъ. Княгиня наша молодая, ихъ супруга, красавица, въ Богѣ держана — да вотъ ладу мало межъ ими. Она все насчетъ святыни больше, да моленій, а ему поиграть хочется. Вотъ и нелады. А такого еще не было, чтобы чужую въ нашъ домъ привозилъ, это впервой.

— Какая княгиня молодая?

— Да супруга, Богомъ данная... князя-то, что вашу дочку увозомъ увезъ...

— Такъ онъ женатъ?!..

— Годковъ четыре-пять... Есть и старая у насъ княгиня, тоже съ молодою не въ ладахъ... А ужъ такого сраму, чтобы цыганку въ домъ, полюбовницу привезти — еще не бывало...

Старая Алена металась по комнатѣ...

— Ахъ ты, звѣрь онъ лютый... Погубилъ мою голубку... Женатый!.. Куда мы теперь пойдемъ? Наши въ

куски насъ изрѣжутъ... Сыщутъ и изрѣжутъ... Куда пойдемъ мы, горемычныя?..

Катѣ жалко стало старуху...

— Полно, бабушка... Никто — какъ Богъ... Все уладится... Волосъ безъ Его воли не падетъ съ головы... Не кручинься, бабушка... У князя несмѣтныя вотчины вездѣ, на улицу не выгонитъ...

— И на важной женатъ онъ?.. На царевнѣ, чай, какой?.. И ея родня насъ въ пыль сотретъ!.. Не будетъ же князь насъ стеречь день и ночь... Скоро забава ему прискуचितъ, — знаю я ихъ...

— Да ужъ наша княгиня молодая изъ роду важнаго... Сама княжна, красавица и богачиха... Ейный отецъ при Царѣ... Несчастливая только... Бають, женихъ-то нареченный на войнѣ пропалъ... За этого, нашего-то князя силкомъ выдали.. Грустила больно... А потомъ женихъ-то прежній съ войны вернулся, тутъ она въ святость и ударилась... Споры у нихъ... Не по сердцу князю наши монахи да юродивые. Теперь еще мальчишку завела; странненькаго, все съ имъ... Живетъ онъ въ нашемъ дому... Видѣнія къ нему все ходятъ, таково страшно... Отецъ княгини, князь Радомскій, и тотъ рѣдко ѣздитъ къ намъ сталь.

Хромая Алена чуть не подпрыгнула.

— Какъ ты сказала? Радомскій? Князь Александръ?.. Домъ большой, сѣрый, на Невѣ... Вдовый?..

— Онъ, бабушка... Да нешто ты его знаешь?

Старуха со силой рвала свои сѣдыя космы.

— Вотъ оно, проклятье сбывается, сбывается!.. Пропали наши головушки, охъ-охъ...

Старуха стонала и причитывала, а испуганная дѣвушка убѣжала...

Вернулась Таня-пѣвунья, съ усталымъ, блѣднымъ, но счастливымъ личикомъ...

— Укладывай меня спать, мамо... Да что съ тобой?.. Кто тебя обидѣлъ? Мамо, мамо! Скажи, мамо... Я все могу, князь меня любить, я здѣсь царица...

— Ахъ ты, дитятко мое несчастное, любя моя бѣд-

ная... Прокляты мы и проклятье пало уже на наши головы!..

— Что такое?.. Не томи, мамо...

— Князь-то твой женатъ! Сказалъ онъ тебѣ?

— Женатъ?.. — Таня пошатнулась... Нѣсколько минутъ она молчала, закрывъ лицо руками, а потомъ бойко тряхнула головкой...

— Ну такъ что-жъ? Мы съ ней поборемся, съ княгиней-то... Кто кого одолѣетъ?... Я своего сокола такъ люблю, больше жизни, я его не отдамъ никому...

— Да вѣдь жена въ этомъ домѣ живетъ!..

Таня гордо усмѣхнулась...

— Мнѣ онъ ее не покажетъ... А комнатъ у насъ довольно... Мы и много похуже живали... Дѣло сдѣлано, Алена, и назадъ не идти... Любовь онъ мнѣ больше жизни и никто его не оторветъ отъ моей груди, никому не уступлю ни одного его поцѣлуя... Мой!

Старая Алена зловѣще шагнула къ Танѣ...

— Безстрашная... Но проклятіе сильнѣе тебя... Его жена, молодая княгиня — твоя родная сестра!

XIX

СОПЕРНИЦЫ

— Сестра?! — какъ слабый болѣзненный стонъ, сорвалось съ поблѣднѣвшихъ устъ Тани-пѣвуньи... Но вотъ она оправилась и улыбнулась...

— Ты шутишь... Запугать меня хочешь, мамо... Нелюбо тебѣ мое счастье... Такъ сразу, съ перваго дня, вливаешь ядъ въ мою душу... Зачѣмъ, мамо? Что случилось — того ужъ не вернуть... Назадъ намъ къ цыганамъ дороги нѣтъ, послѣ того, что было... Перестань, мамо... Я такъ устала... Уложи-ка меня лучше въ постельку... какъ бывало, помнишь?..

Таня, ласкаясь, положила руку на сѣдую голову хромой Алены. Но старая цыганка крѣпко схватила ма-

ленькую ручку и рѣзко заговорила, пронизывая Таню острымъ взглядомъ:

— Я не шучу... Мнѣ не до шутокъ, дитятко, и ты... не шути, не улыбайся... Страшное проклятіе стараго Егора уже обрушилось на наши головы... Ты убѣждала къ женатому несвободному человѣку, ты отдалась мужу своей родной сестры...

— Развѣ княгиня цыганка?.. — медленно, съ разстановкой, снова блѣднѣя, спросила Таня.

— Нѣтъ, дитятко, не цыганка она, да и ты — цыганка только на половину, по матери... Какъ старая сказка — повторяется бывшее...

— Въ чемъ дѣло?.. Не томи меня загадками, мамо... Я такъ устала, я теряю силы.

Маленькая Таня-пѣвунья еле стояла на ногахъ. Личико ея заострилось и поблѣднѣло, синева легла вокругъ глазъ. И хромая Алена пожалѣла свою питомицу. Она бережно раздѣла ее и уложила на широкую бѣлоснѣжную пуховую постель... Маленькое тѣлце пѣвуньи потонуло въ перинахъ и кружевахъ... Черныя кудряшки разметались на шелковой подушкѣ, усталыя вѣки невольно сомкнулись и красиво легла на ланиты тѣнь густыхъ рѣсницъ.

— Я слушаю тебя, мамо... Говори...

Хромая Алена примостилась у изголовья, подобравъ подъ себя ноги... Она заговорила медленно, покачивая сѣдою головой, какъ въ тѣ далекіе зимніе вечера, когда рассказывала крошкѣ-сироткѣ интересную сказку.

— Говорила я тебѣ и раньше, что твой отецъ былъ баринъ настоящий, княжескаго рода. Давно это было... Не было „Синяго Яра“, не было цыганскаго домика на Черной рѣчкѣ. Я и мать твоя, молодыя цыганки, выросли подъ открытымъ небомъ, въ кочевыхъ шатрахъ и телѣгахъ... Много странъ и городовъ, много разныхъ людей видали мы... Сегодня здѣсь, а завтра... уже плетутся наши телѣги.. куда глаза глядятъ... Ничего мы не боялись: ни палящаго зноя, ни ледяной стужи, ни вѣтра, ни дождя... Сегодня царскій обѣдъ, завтра — голодъ:

все ни по чемъ... И вотъ однажды стали мы здѣсь, подъ Питеромъ, верстахъ въ трехъ... Прослышали баре про наши пѣсни, пляски, гаданье, да про нашихъ цыганокъ-красавицъ и стали къ намъ наѣзжать... Ночи проводили въ нашемъ таборѣ; деньги сыпались щедро. Выгодно намъ было — мы и стояли. Мать твоя у насъ была красою табора: ни въ пѣсняхъ, ни въ пляскахъ не могли за ней угнаться другія цыганки. Не одинъ баринъ на нее заглядывался; были такіе, что и душу свою ей бы отдали, да вотъ полюбился ей одинъ князь. Правда, красивъ онъ былъ, строенъ, ловокъ; мундиръ на немъ словно горѣлъ, золотомъ расшитый. Деньги сыпалъ, не жалѣя. А ужъ какъ говорить умѣлъ, заманивать... Какъ посмотреть синими очами, такъ словно душу всю переворачиваетъ. Слюбилась съ нимъ твоя мать. Не одну ноченьку изъ табора пропадала. А потомъ... кинулъ онъ ее... Тосковала она... Тутъ ты родилась... Ее все въ Питеръ тянуло... Упросить меня со слезами, я и иду съ ней. Какъ встрѣтили его съ женой и дочерью, я тебѣ ужъ рассказывала. Фамилію мы его знали, домъ разыскали... На набережной, надъ Невой, стоитъ... Сѣрый, сумрачный, а богатый... Я пробралась туда, дворнѣ гадала, все и пронюхала... Мать твоя загрустила и скоро Богу душу отдала. Заклинала тебя беречь... Да вотъ... не уберегла...

Умолкла Алена... Опустила сѣдую голову и словно поникла все...

Таня слушала ее съ лихорадочнымъ вниманіемъ... Она приподнялась на локтѣ и прошептала:

— Дальше, мамо...

Старуха тяжело вздохнула...

— Да что дальше-то? Не уберегла я тебя... Все, какъ съ матерью было, такъ и съ тобой... Судьба!.. Что я могу подѣлать? И такъ душа замирала, а какъ провѣдала сегодня утромъ отъ дѣвушки, что князь твой женатъ, да еще на дочери князя Радомскаго, твоего отца — погубителя твоей матери... — такъ ужъ тутъ и обмерла я совсѣмъ... Горемычная ты...

Умолкли обѣ...

— Мамо, — наконецъ, тихо позвала Таня-пѣвунья. — Мамо, ты видала мою сестру когда-нибудь?.. Законную дочь моего отца?..

— Видала, дитятко... И тогда, когда она маленькая еще, какъ свѣтлый ангелъ, сидѣла въ коляскѣ... и потомъ — передъ ея свадьбой... Забрались мы съ Грушей въ княжій домъ, гадали дворнѣ. Нянька княжны сидѣла старуха, грустная такая... — Чего ты печальная, бабушка? — спросила я. — Не моя печаль, отвѣчаетъ, печаль княжны моей крушить меня... — А ты поди шепни ей, я погадаю, развеселю... Не прошло и полчаса, какъ повела насъ старуха къ княжнѣ.

— Какая изъ себя она? — быстро приподнимаясь и широко раскрывая глаза, спросила Таня.

— И не спрашивай... такой второй я не видывала: высока, стройна, пышная грудь такъ и волнуется... По плечамъ разсыпаются кудри золотистыя, что спѣлый каштанъ на солнцѣ; очи большія, прозрачныя, будто святыя... Хороша... Только строгая да печальная, веселости въ ней нѣту... Да и судьба ея такая... Охо-хо-хо, по слезамъ пойдетъ... Протянула мнѣ ручку, слушала... А какъ сказала я, что живъ женихъ, такъ вскрикнула, няньку позвала. Мы ушли... а она осталась одна, ни жива, ни мертва... Моя-то правда вышла! — съ торжествомъ закончила цыганка.

— Ахъ, мамо, — простонала Таня.

— Что, дитятко?.. Ужъ будетъ теперь такое дѣло, что въ сказкѣ не рассказать, перомъ не описать... Ты подумай только, гдѣ мы живемъ, *это* мы дѣлаемъ... Эхъ, Таня... Свѣтъ великъ, не безъ добрыхъ людей... Пойдемъ отсюда, пока цѣлы... Правда, въ домикъ на Черной рѣчкѣ намъ дороги нѣтъ, а говорю тебѣ, великъ свѣтъ... Не пропадемъ!

Таня-пѣвунья сѣла на кровати со сверкающими глазами, съ серьезнымъ лицомъ.

— Дѣло сдѣлано, мамо... Назадъ дороги нѣтъ... Я люблю князя больше жизни и... не отдамъ никому... Сестра, говоришь, ты? Какая она мнѣ сестра?.. Развѣ

видала я ее, развѣ росли мы вмѣстѣ?.. Я какъ жалкій щенокъ валялась у цыганъ, а она росла въ палатахъ, въ шелку да золотѣ... А тотъ, старый, развѣ отецъ онъ мнѣ? Не отецъ, а убійца моей матери. Слышишь, Алена, матери моей убійца!.. Кто отомститъ ему? Я... Его дочь, его плоть и кровь... Швырнулъ и кончено, думаетъ?.. Анъ нѣтъ, тутъ только и пойдетъ начало!.. Я буду бороться, мамо, и... мстить... Ничто мнѣ не страшно. Проклятій не боюсь, сама умѣю проклинать!.. На цѣломъ свѣтѣ одна ты у меня, мамо, такъ не перечь мнѣ, и иди за мной... Не смотри, что я простая дѣвчонка: ты сама вѣдь говорила: кровь во мнѣ княжеская... Кто одолѣетъ, посмотримъ... И не жалко мнѣ ихъ, ни „ей“, ни стараго... Они меня и мою мать не жалѣли... Вспомни муки и смерть моей матери — и не жалѣй ихъ... Они взяли отъ жизни все, что могли...

Длинная, горячая рѣчь, наконецъ, утомила молодую цыганку. Почти машинально опустила она снова на мягкое ложе и прошептала, засыпая:

— Я буду бороться, мамо, и... мстить...

И въ то время, когда засыпала утомленная бурною ночью и потрясеніями, утомленная страстными ласками Таня-пѣвунья на половинѣ хозяина дома, — на другой половинѣ, пробудилась отъ сна молодая княгиня, законная супруга, и тихо шептала утреннюю молитву, набожно склонившись передъ образами.

Та же шустрая Катя, что угощала чаемъ и бесѣдой раннимъ утромъ старую Алену, теперь заботливо приготавлила чай для молодой княгини.

Настенька вошла въ столовую и сѣла къ самовару. Она сама всегда заваривала и разливала чай. Слѣдомъ за нею появилась важная и разодѣтая старая княгиня Ладова.

Настенька вѣжливо встала ей навстрѣчу и еле коснулась губами холодно протянутой руки.

— Маман... позвольте налить вамъ чаю?..

— Пожалуйста. Сегодня ужасный день. Какъ ты спала, Настенька?

— Merci, тамап, какъ всегда.

— Не можетъ быть. Я совсѣмъ не могла уснуть. Твой мужъ безобразничалъ всю ночь. Не понимаю, какъ ты позволяешь?..

Черты Настеньки не дрогнули.

— Въ своихъ комнатахъ онъ воленъ дѣлать, что ему угодно, какъ я въ своихъ. Кстати, дали князю знать, что поданъ чай?...

— Да, онъ спитъ, конечно. Повторяю, онъ безобразничалъ всю ночь.

— Это его дѣло, тамап. Всякій разное смотритъ на вещи. Мои молитвенныя, набожныя ассамблеи князь тоже называетъ безобразіемъ. Но въ своихъ комнатахъ я — дома и съ его мнѣніемъ не считаюсь. Я думаю, тамап, не стоитъ больше объ этомъ говорить.

Старая княгиня сердито отодвинула чашку.

— Если ты желаешь переносить оскорбленія, то я этого не могу. Всю ночь у моего сына, подъ одной со мной кровлей, въ моемъ родовомъ домѣ, играли на бала-лайкахъ, пѣли и плясали!.. Тутъ были бабы, моя милая, и наглыя бабы!.. Я слышала такіе раскаты смѣха... Я всегда до сихъ поръ стояла на сторонѣ моего сына, но это слишкомъ...

Свекровь, рассказывая, пытливо поглядывала на не-вѣстку... Слова ея подѣйствовали. Очевидно, не всегда можно владѣть собою. Блѣдное лицо не-вѣстки вспыхивало, брови болѣзненно сдвигались, губы дрожали...

— Что-же ты молчишь, Настенька?

Не-вѣстка порывисто встала...

— Да, вы правы: это слишкомъ... Но я... сумѣю нести свой крестъ... — гордо проговорила она и вышла изъ столовой...

Свекровь смѣющимися, довольными глазами поглядѣла ей вслѣдъ...

— Ага!.. И на тебя нашлась проруха... Наконец-то!... А все-таки надо узнать, въ чемъ дѣло...

Старая княгиня гордой поступью направилась въ свои комнаты и велѣла позвать приживалку Агафью. Та не замедлила, маленькая, вертлявая, сухая старушенка, съ рысьими глазками. Она поклонилась въ землю и благоговѣнно поцѣловала подолъ благодѣтельницацы.

— Что прикажешь, матушка-княгинюшка, благодѣтельница моя, золотая моя?..

— Ты была сегодня на кухнѣ?..

— Была, матушка-княгинюшка.

— Такъ Расскажи мнѣ все безъ утайки, а то съ глазъ прогоню... Кого князь привезъ ночью?

— Ахъ, матушка-княгинюшка, дѣло-то какое срамное!.. Двухъ цыганокъ привезъ князенька нашъ... Одну старую — мать что-ли... А другая, почитай, дѣвчонка, еще годковъ 15... Ночью налетѣли на цыганское жилье, всѣхъ перевязали да силкомъ ее отъ вѣнца отъ мужа молодого умчали... Всю ночь съ ней пировалъ князь. Тутъ она у насъ и жить останется... Совсѣмъ замѣсто княгини... Вотъ срамъ-то!

Старая княгиня молча выслушала... Она задумалась.

— Послушай, Агафья... Нашу-то молодую княгиню предупредить слѣдовало-бы — ты это сдѣлай. Разомъ къ ней ввались и въ ноги... Все Расскажи, какъ мнѣ сейчасъ... Поняла?..

— Какъ не понять, матушка-благодѣтельница... Я мигомъ... Бѣгу... На меня надѣйся, лебедь ты моя бѣлая, какъ на каменную гору. Бѣгу, бѣгу, матушка-княгинюшка!

ВСЕ ПОРВАНО

Настенька гордо выпрямилась...

— Ступайте сейчас же вонъ, Агафья... Я этого слышать не желаю, такъ и передайте тому, кто васъ прислалъ... Князь воленъ поступать, какъ знаетъ.

— Тебя-же жалѣютъ, княгинюшка моя краса, всѣ мы навзрыдъ рыдали! Пакость какая, нехристь цыганскую привезъ, на тебя, лебедь бѣлую, промѣнять...

— Вонъ! — грозно крикнула Настенька...

Маленькая старушонка выкатилась изъ комнаты молодой княгини. Свое она уже сдѣлала.

Настенька съ сердцемъ подошла къ двери и заперла ее на ключъ. Теперъ ужъ не войдутъ... Обрадовались, что ее такъ смертельно и незаслуженно оскорбилъ мужъ, и ползутъ всѣ эти ничтожныя змѣи съ ядовитыми жалами, колютъ ее...

Настенька опустила въ свое любимое старинное кресло у окна и поникла головой... Дождалась!.. Въ жертву отцу принесла она свою жизнь, гдѣ же онъ теперь? Что не приходитъ, не защищаетъ ее?..

Какое право... имѣлъ „тотъ“ ее оскорблять? Развѣ не была она вѣрной, честной женой? Развѣ не исполняла всѣ свои обязанности свято, какъ общала?.. Что она не смогла отдать ему свое сердце... такъ вѣдь это не въ ея власти... Этого нельзя не понять...

Какъ поступить?.. Затаить въ душѣ всю горечь и молча снести оскорбленіе, притворяясь глухой и нѣмой?.. Или рѣзко потребовать мужа къ отвѣту и потребовать, чтобы онъ избавилъ ее отъ... этой цыганки!

Но долго раздумывать Настенькѣ не пришлось, въ дверь слегка постучали, и вошелъ самъ князь, ея супругъ... На его здоровомъ, красивомъ лицѣ привычная бессонная ночь не оставила слѣда... Онъ развязно подошелъ къ женѣ.

— Какъ изволите себя чувствовать, молеельница?

Горячая надменная кровь Радомскихъ забурлила въ ея жилахъ... Холодная сдержанность сразу отлетѣла... Она выпрямилась, ея глаза гордо блестѣли, румянецъ негодования ярко разливался по щекамъ.

— Послѣ оскорбленія, которое вы мнѣ нанесли, я удивляюсь вашей развязности и смѣлости, — начала Настенька дрожавшимъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Какого оскорбленія, милочка?.. — тонко усмѣхаясь, спросилъ мужъ.

— Я не вмѣшиваюсь въ вашу жизнь, я не спрашивала васъ, гдѣ вы проводите ваши ночи и дни... я была вамъ преданной, вѣрной женой и съ честью носила ваше имя, а вы... Вы позволили себѣ привести ночью въ нашъ семейный домъ, подъ одну крышу со мной и вашей матерью, — вашу наложницу, — цыганку. Какое право вы имѣли такъ оскорбить меня?.. Вашему поступку нѣтъ оправданія!

Настенька задышалась... Князь тихо и злобно засмѣялся въ отвѣтъ.

— А, такъ вотъ въ чемъ дѣло?.. Тебѣ уже успѣли донести о приѣздѣ моей... Тани... Быстро... Я считалъ лишнимъ посвящать тебя въ свою личную жизнь... Она тебя должна такъ мало интересоваться... Я даже не думалъ, что приѣздъ Тани можетъ тебя разозлить... Ну, конечно, это говоришь не ты, это говорить „рожденная Радомская“.

— Я требую немедленнаго удаленія изъ этого дома вашей... цыганки и ея родни.

— Вотъ какъ, ты требуешь?.. Прекрасно, изволь, я согласенъ... Только прежде ты выгонишь всѣхъ своихъ монаховъ, богомолокъ, „чудесныхъ“ мальчиковъ и очистишь мой домъ отъ дурацкаго мистицизма съ его видѣніями, голосами, обѣтами и прочей ерундой?.. Ты согласна?

Наступило молчаніе. Настенька думала, закрывъ лицо руками. Князь насмѣшливо улыбулся, глядя на нее... Наконецъ Настенька отвела руки и черты ея предстали

снова почти спокойными, гордыми, холодными, — она переломила себя.

— Хорошо, князь... Устраивайте на вашей половинѣ все, что хотите: всевозможныя оргіи и вакханаліи, но зъайте, что съ этой минуты — мы больше не мужъ и жена, а чужіе... И я бы просила васъ не переступить порога моихъ комнатъ, если хотите, чтобы я не ушла изъ вашего дома...

Князь вспыхнулъ, но сдержалъ себя, и насмѣшливо, холодно прозвучалъ его отвѣтъ:

— За этимъ дѣло не станетъ, повторять этого требованія не придется, я не буду своими приходами нарушать твоего „молитвеннаго“ настроенія. Въ моемъ охлажденіи виновата ты сама. Сколько лѣтъ я напрасно бился о твердый панцырь, которымъ ты оковала свою душу и сердце... Я читалъ въ глазахъ твоихъ отвращеніе ко мнѣ и любовь... къ другому... Теперь можешь посвятить себя этой любви, платонически, конечно, — мое сердце для тебя закрылось и отдано другой.

Она спокойно указала ему на дверь.

— Подробности меня мало интересуютъ, намъ нечаѣмъ удлинять тягостное для обоихъ свиданіе.

Въ глазахъ князя сверкали злые огоньки, онъ больно прикусилъ губы.

— Благодарю за урокъ... Надѣюсь, онъ послѣдній...

Онъ грубо повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Настенька, шатаясь, опустилась на стулъ... Жребій брошенъ... Она осудила себя на жизнь подъ одной кровлей съ этой цыганкой, у нея не хватило твердости отстоять себя или, можетъ быть, она ухватила за рѣдкій удобный случай... больше не встрѣчаться съ постылымъ супругомъ.

И что вспомнилось ей сейчасъ?

Маленькій будуаръ въ домѣ графини Ланской. Послѣднее прощальное, полное безнадежной тоски, полное

остраго счастья и мучительной боли, свиданье съ Гришей. И звучить его голосъ:

„И тогда, Настенька, брось все это ненужное и мишурное и... приди ко мнѣ. Брось ложный долгъ, родовую гордость, которой приносишь въ жертву самое святое въ жизни — чистую любовь. Всѣ люди равны, у всѣхъ плоть и кровь, и душа. Сами люди создали всѣ эти предразсудки и положенія — а передъ Богомъ всѣ равны, всѣ одинаково любятъ и страдаютъ. Передъ вѣчнымъ истиннымъ Богомъ не тѣ мужъ и жена, которые связаны только узами брака, а тѣ, чьи души и сердца слились воедино!“

Какъ разгоралось и свѣтлѣло лицо ея возлюбленнаго; высокимъ и далекимъ, какъ яркія звѣзды небесныя, казался онъ ей.

О, какъ онъ былъ правъ!

Все это мишура, все это — ненужное. Ея бракъ — насмѣшка. Ея сердце и душа — принадлежитъ другому, мужу принадлежало только ея тѣло, какъ теперь принадлежитъ тѣло этой цыганки! Только по названію и по обряду будутъ они теперь мужемъ и женой, а на дѣлѣ чужіе, по гробъ чужіе.

А ея родовая гордость? А честь ея имени? Развѣ не растоптано все это сегодня ночью, когда весь городъ будетъ знать о ея позорѣ, вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Отецъ, отецъ, что ты скажешь теперь? Какъ примешь ты эту громкую вѣсть?

„Князь Ладовъ раздѣлилъ свой домъ на двѣ половины, въ одной онъ помѣстилъ наложницу, бездомную цыганку изъ трактира, — въ другой, — свою супругу, рожденную Радомскую“. Ну, какъ ты проглотишь эту пилюлю, гордый старикъ, ты, который насильно выдалъ замужъ, поймавъ ее на словѣ.

А что подумаетъ, что почувствуетъ Гриша, когда узнаетъ? Какія горькія слезы прольетъ онъ надъ своей униженной, растоптанной „святиней“?

И никогда еще желаніе прильнуть къ его дорогой

груди не охватывало Настеньку такъ, какъ теперь. Она устала, устала... Отдохнуть, забыться около „него“ хоть на нѣсколько часовъ!..

Тоска томила душу, мысль летѣла грустная и надорванная и невольныя слезы незамѣтно скатывались одна за другой...

Дверь тихонько приотворилась... Показалась свѣтлая головка „чудесенькаго“ Ильи и застыла въ изумленіи. Но вотъ онъ тихо-тихо подошелъ къ Настенькѣ, опустилсѣ къ ея ногамъ и зашепталъ:

— Княгинюшка, свѣтикъ мой, что ты? Кто тебя обидѣлъ?... Ты плачешь, ты, свѣтлый ангелъ... Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Теплое ласковое слово задѣло Настеньку, она склонила голову къ плечу мальчика и горько, громко зарыдала...

— Ты не поймешь, ты дитя еще, тебѣ я не могу всего повѣрить...

Въ прозрачныхъ глазахъ мальчика вспыхнули странные огоньки, легкая судорога, какъ змѣйка, пробѣжала по губамъ.

— Я не дитя, я все понимаю, — отвѣтилъ онъ страстнымъ шопотомъ — и ты не говори мнѣ, я знаю твое горе, и знаю, кто твой обидчикъ...

Мальчикъ вскочилъ съ колѣнъ и гнѣвно выпрямился, въ ясныхъ глазахъ его вспыхивало пламя.

— Я проклиная всѣхъ твоихъ враговъ!.. За каждую слезу твою пусть они заплатятъ кровью. Клянусь, я отомщу за тебя... Я все знаю, все понимаю... И какъ ты страдаешь и отчего... Я читаю каждую твою мысль... Я все, все знаю...

Настенька испугалась. Что за страстная гнѣвная вспышка? Она строго возразила:

— Илья, перестань... Это не твое дѣло, и я не хочу, чтобы ты такъ говорилъ... Успокойся... Возьми евангеліе и почитай мнѣ. Для меня это лучшее теперь...

Мальчикъ опомнился, онъ весь съежился, потемнѣлъ;

онъ покорно взялъ евангеліе и сѣлъ у ногъ Настеньки... Монотонно звучалъ его чистый голосокъ, произнося слова святой правды, и... успокаивалась больная душа Настеньки...

XXI

ПОКРОВЪ ТАЙНЫ ПОДНИМАЕТСЯ

Насталъ вечеръ, назначенный Эвелиной, и графъ Григорій съ твердымъ рѣшеніемъ въ душѣ поспѣшилъ къ ней.

Она бросилась ему навстрѣчу и повисла на его шеѣ, крѣпко прижавшись губами къ его устамъ. Но опьяняющій поцѣлуй не вызвалъ въ немъ страсти. Онъ осторожно, но властно высвободился изъ ея объятій.

— Эвелина, мой другъ, я долженъ серьезно съ вами поговорить. Не прерывайте меня и судите, какъ хотите. Она поблѣднѣла.

— Что съ вами, Грегуаръ? Опять на „вы“? холодный дружескій тонъ? Что это значитъ?

— Выслушайте меня, Эвелина... Я — честный человекъ и никогда въ своей жизни не былъ подлымъ до сихъ поръ, до того несчастнаго вечера... когда я, когда мы...

Графъ замялся, и краска залила его щеки.

Простертыя руки Эвелины опустились...

— Вы не должны упрекать себя, я сама этого хотѣла, и васъ предупредила, что мнѣ терять нечего. Мнѣ хотѣлось вашихъ ласкъ, какъ минутнаго счастья, какъ минутнаго забвенія. Эти ласки для меня — благодѣяніе... Вы не должны отказывать въ нихъ новой Эвелинѣ, ради той далекой старой, которую вы уважали и немножко любили...

Онъ съ живостью возразилъ:

— Я и теперь люблю и уважаю васъ, Эвелина, какъ сестру, какъ друга, и тѣмъ мучительнѣе мое раскаяніе.

Все несчастье въ томъ, что я не люблю васъ, какъ женщину, а еще, можетъ быть, въ томъ, что погасла во мнѣ юность, и легкомысліе прежнихъ дней развѣялось, какъ дымъ. Вы не хотите понять, Эвелина, что передъ вами человѣкъ безъ желаній, страстей, поставившій крестъ на личную жизнь. Не просите того, чего я не могу дать, чего у меня нѣтъ и.. простите меня...

Она стояла слегка отвернувшись, и онъ не могъ слѣдить за выраженіемъ ея лица, онъ только улавливалъ странныя ноты, дрожащія въ ея голосѣ, когда она медленно произнесла:

— Хорошо, Грегуаръ. Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите, но только я требую, чтобы вы отвѣтили на мои вопросы.

— Говорите, Эвелина...

— Я требую, чтобы вы мнѣ сказали, чему вы посвятите теперь свою жизнь; чтобы вы мнѣ сказали имя женщины, которую вы любили и.. любите еще; чтобы вы попрежнему въ свободные часы приходили ко мнѣ... посидѣть часокъ-другой... тогда я все забуду... и все... прошу...

Графъ Григорій отвѣтилъ Эвелинѣ послѣ долгаго упорнаго молчанія:

— Чему я посвящу мою жизнь? Это не моя тайна, Эвелина; я связанъ обѣтомъ молчанія. Могу сказать вамъ только, что рѣшилъ посвятить жалкій остатокъ своей жизни бѣднымъ, темнымъ, страдающимъ людямъ, русскимъ крестьянамъ-рабамъ. Это борьба тяжелая, упорная и опасная. Лично я не рассчитываю на торжество и побѣду, но все-же сдѣлаю первый шагъ, буду ступенью къ будущему счастью и свободѣ. Вотъ все, что я могу вамъ отвѣтить на первый вашъ вопросъ.

— А на второй? — затаеннымъ, подавленнымъ голосомъ спросила она.

Брови графа Григорія сдвинулись и болѣзненный отпечатокъ легъ на его черты.

— Когда-то я просилъ васъ не касаться этого вопроса.

Сегодня вы пользуетесь вашимъ особеннымъ правомъ и я не могу вамъ отказать. Когда-то я вамъ разсказалъ печальную повѣсть моей первой любви, другой у меня не будетъ. Слишкомъ прекрасенъ былъ тотъ образъ, что запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ. Время, можетъ быть, покрыло его густымъ флеромъ, но онъ тамъ, въ глубинѣ души и, вы правы, останется тамъ вѣчно. Вамъ нужно ея имя. Я могу его сказать. Она теперь принадлежитъ другому, она супруга князя Ладова. Что касается третьяго вашего желанія, я съ удовольствіемъ подчинюсь ему, насколько позволитъ время, вѣдь оно принадлежитъ теперь моему дѣлу.

Онъ подошелъ къ Эвелинѣ и нѣжно, осторожно взялъ ея руку...

— Отъ себя могу еще прибавить, дорогая, милая сестра, что если когда нибудь вамъ понадобится помощь, участіе и защита, — я все готовъ сдѣлать для васъ...

На глазахъ ея блеснули слезы, но онъ не могъ ихъ видѣть. Быстрымъ и незамѣтнымъ движеніемъ она ихъ смахнула и когда повернулась къ нему, ея хорошенькое личико улыбалось, какъ всегда, задорно, вызывающе... Эта улыбка дорого ей стоила...

— Благодарю васъ, Грегуаръ. А теперь... предадимъ все мрачное забвенію и поговоримъ о веселомъ...

Улыбка ея и этотъ задорный тонъ тяжело отозвались въ сердцѣ графа Григорія... Эвелина прочла въ его глазахъ состраданіе и печаль...

— Я не вѣрю вашей улыбкѣ, Эвелина... Я думаю, что вамъ такъ же тяжело, какъ мнѣ сейчасъ, и я лучше сдѣлаю, если уйду теперь съ тѣмъ, чтобы придти на вашъ зовъ, когда вы этого захотите. Вѣрьте мнѣ, милая сестричка, что не часто мнѣ было такъ больно, такъ мучительно больно, какъ сейчасъ...

Эвелина, смѣясь, подошла къ двери и позвала старушку, всегда провожавшую графа Григорія. Уже въ ея присутствіи она протянула ему руку на прощаніе со словами милой любезности... И только когда замерли его шаги въ ночной тишинѣ, она крѣпко схватилась руками

за сердце, причинявшее ей острую, мучительную боль, и страстные рыданія потрясли маленькое тѣлице Эвелины. Лучше словъ они сказали, какъ любила она графа Григорія...

Проводивъ графа, вернулась старушонка и въ изумленіи остолбенѣла у порога... Какъ, вѣчно веселая хохотушка — умѣетъ такъ горевать? Чѣмъ огорчилъ ее этотъ красивый, блѣдный, съ виду такой больной и добрый графъ?..

Но Эвелина не любила показывать своего горя, рыданія ея стихли...

— Та женщина пришла?

— Давно пришла, барыня, ждетъ тамъ...

— Позови ее сюда...

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Голубицы въ монашескомъ подрясникѣ... Она низко кланялась и приговаривала:

— Здравствуй, барыня-матушка, здравствуй красавица-Эвелинушка... Грустишь, матушка?.. Чѣмъ потѣшить?.. Либо помолиться велишь? либо погадать прикажешь?..

— Садись, — сказала Эвелина по русски, картавя и съ замѣтнымъ акцентомъ... — Я тебя по дѣлу звала... Я вѣдь не вѣрю твоимъ молитвамъ и гаданьямъ... И мнѣ... все это надоѣло... Садись, скушай что-нибудь, а потомъ и за дѣло...

Голубица расположилась у столика съ закусками и винами, приготовленными для графа Григорія и нетрунутыми...

— Спасибо, матушка... Я приложусь съ Божьяго соизволенія, а ты — говори... У насъ вѣдь — и слово, и дѣло...

Эвелина прошла по комнатѣ...

— Ты мнѣ часто рассказывала про княгиню Ладову?.. Ты вѣдь ходила туда?.. — Вдругъ рѣзко остановилась она передъ толстой Голубицей...

— Знаю, знаю, матушка-барыня... Богомольная княгиня-то... Частенько къ ней хаживаю... на ассамблеи...

— съ разстановкой заговорила Голубица, уплетая яства и запивая ихъ виномъ.

Эвелина торжествующе улыбнулась.

— Послушай, Голубица, я знаю, ты любишь деньги. Я тебѣ дамъ... много... Устрой такъ, чтобы я ее видѣть могла... Устроишь?..

— А на що тебѣ?..

— Это мое дѣло... Устрой, я денегъ дамъ...

Голубица задумалась, даже ѣсть перестала и вдругъ громко, радостно расхохоталась.

— Я могу, матушка-барыня... Одѣну тебя монашкой и ладно, пойдемъ... Тамъ нашей сестрѣ ходъ хорошій... Только балакать тебѣ не надо, какая-жъ ты монашка картавая?.. Скажу нѣма, моль, и глуха съ малолѣтія... Хочешь нѣменькой стать?..

Выдумка Голубицы показалась Эвелинѣ блестящей. Она захолопала въ ладоши...

— Идетъ... Я согласна... Это хорошо... Нѣмая монашка... И... и я ее увижу!.. Я хочу, хочу... и увижу...

Вбѣжала запыхавшись старушонка...

— Его превосходительство пріѣхали:

— Ступай, Голубица... Придешь завтра утромъ, и мы переговоримъ, какъ лучше все устроить... Вотъ возьми, это тебѣ, чтобъ лучше думала... Да не благодари, а скорѣе, вотъ въ эту дверь, прощай до завтра!...

Уже близко слышны были шаги генерала. Еле успѣла скрыться за дверью неповоротливая Голубица, его превосходительство вошелъ. Эвелина кинулась ему навстрѣчу.

— Вотъ и мы! Урра!.. Но что это? Мы кажется, сумрачны сегодня? Птичка не привыкла видѣть своего генерала такимъ мрачнымъ.

Генераль ласково потрепалъ прильнувшую къ его груди темную головку французенки.

— Ишь, птичка, замѣтила! Ты права, я усталъ и озабоченъ, и тебѣ трудно будетъ развеселить своего старика сегодня.

— О, — покачала она головкой — старикъ? Какъ-

бы не такъ! Мы любимъ шутить... Итакъ, мы сегодня мрачны и насъ трудно развеселить... Эвелина, побольше храбрости... Начнемъ съ этого...

Она граціозно подбѣжала къ столу, налила бокаль вина и поднесла его своему „старичку“.

— Сразу, все. Вотъ такъ. Это было на зло непріятностямъ. А теперь сюда, на диванъ. А птичка на колѣни. Вотъ такъ. Впрочемъ, раньше поставимъ тутъ столикъ, бутылку вина и два бокала. Сдѣлано.

Эвелина усадила генерала на диванъ, поставила передъ нимъ столикъ съ виномъ, а сама усѣлась къ нему на колѣни.

Попивая вино, межъ поцѣлуями, генералъ повеселѣлъ и разговорился.

Эвелина, какъ всегда, съ жадностью разспрашивала его о незнакомой ей блестящей придворной жизни, рисовавшейся ей живой фантазіи непрерывнымъ праздникомъ. Она соскользнула съ колѣнъ генерала на пушистый коверъ, въ которомъ утопали его элегантно обутыя въ высокіе лакированные сапоги со шпорами ноги, и положила свою темную головку на его обтянутыя мягкими бѣлыми рейтузами колѣни.

— Васъ не было вчера, мой милый генералъ, и, вѣрно, пока маленькая птичка скучала въ своей клѣткѣ одна, — вы веселились и танцовали... Я такъ ясно себя представляю огромные роскошные залы, залитые моремъ свѣта, нарядныхъ модныхъ красавицъ, осыпанныхъ драгоценностями, и блестящую толпу придворныхъ... Расскажите, навѣрно балъ былъ шумный и веселый... Какъ выглядѣлъ государь?..

Генералъ снисходительно улыбнулся.

— Вашей фантазіи все это представляется и веселымъ, и блестящимъ... Пожалуй, вы и правы, блеску тамъ не мало, — но это не горячій блескъ южнаго солнца, это яркій, холодный искусственный свѣтъ. Мнѣ давно все это надоѣло и гораздо пріятнѣе, а главное покойнѣе, въ этихъ маленькихъ, душистыхъ, уютныхъ комнаткахъ. Тамъ покоя нѣтъ, Эвелина, все время какъ будто стоишь

надъ жерломъ вулкана, но не знаешь, съ какой стороны его роковое отверстіе; каждое мгновеніе ждешь гибельнаго изверженія горячей лавы, но когда оно придетъ и откуда — не знаешь.

— Но можетъ быть, въ этомъ настоящая жизнь? — тихо сказала Эвелина. — Итакъ, вы вчера веселились на блестящемъ придворномъ балу, мой генераль?

Онъ передернулъ плечами и нахмурился, словно пробудилось непріятное воспоминаніе.

— Приглашенныхъ было много... Роскошь и блескъ, обычные для нашего двора. Но государь опоздалъ и показался всего на полчаса. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ, его обычная очаровательная улыбка играла на устахъ, но глаза были печальны и украдкой вылеталъ вздохъ изъ его груди.

Генераль увлекся своими словами, онъ будто говорить самъ съ собою.

Глаза Эвелины вспыхнули любопытствомъ, она притаилась у ногъ своего вельможнаго поклонника, внимательно прислушиваясь къ его рѣчамъ.

— Много горя у нашего государя... Со славой онъ покорилъ внѣшнихъ враговъ, а теперь внутри государства прорываются язвы и нарывы... Либералы, подумаешь!.. Вздумали народъ освобождать отъ рабства, какъ будто безъ всей этой ерунды сотни лѣтъ не процвѣтала Россія?.. И наши лучшіе дворяне, наши князья, наши военные становятся въ ряды измѣнниковъ! Подумаешь, нашлись заступники у мужичья!.. Царская власть имъ не по яраву, крамольникамъ... Конституціей надыхались въ Европѣ... Ну, да скрутятъ ихъ, на висѣлицахъ найдутъ свою долю... Все это осиные уколы, конечно, а все-таки больно и горько нашему царю.

Генераль вздрогнулъ и сразу умолкъ. Кажется, онъ думаетъ вслухъ слишкомъ откровенно. Онъ пытливо взглянулъ въ лицо француженки. Ея подкрашенные губки невинно, дѣтски улыбались. Эта глупышка ничего не понимаетъ...

А между тѣмъ сердечко Эвелины тревожно сжималось. Оно подсказывало ей, что есть какая-то невѣдомая ей связь между невольными рѣчами генерала и пылкими туманными планами ея Грегуара.

XXII

КОНДРАТІИ РЫЛѢВЪ

Странныя отношенія завязались между графомъ Григоріемъ и Эвелиной, и эти отношенія были ему не подъ силу. Чуть ли не каждый день летали къ нему раздушенныя записки, и по одному цвѣту ихъ, ярко-желтому, онъ сразу угадывалъ откуда онѣ... Въ нихъ Эвелина призывала его къ себѣ, искусно играя на струнахъ жалости, безнадежнаго отчаянія и тоски... И графъ Григорій, послѣ короткой борьбы, съ тяжелымъ сердцемъ, почти съ отвращеніемъ, шелъ къ ней.

Эвелина встрѣчала его дразнящей лукавой улыбкой, смѣялась, старалась кокетствомъ и нечаянными прикосновеніями пробудить его страсть, протягивала ему бокалъ шампанскаго съ просьбой выпить за ея здоровье. Но графъ Григорій не прикасался къ вину. Испробовавъ всѣ свои утонченныя женскія чары, видя полное свое безсиліе надъ этимъ замкнувшимся отъ нея сердцемъ, она, побѣжденная и разбитая, съ непритворнымъ отчаяніемъ рыдала у его ногъ и, пожалуй, эти слезы терзали его больше, чѣмъ всѣ набѣги кокетства.

Возвращался графъ Григорій домой съ твердымъ намѣреніемъ долгое время не переступать порога Эвелины, но летѣла искусно составленная записка, и онъ снова къ ней шелъ.

Какъ-то въ откровенной бесѣдѣ со своимъ новымъ другомъ Оболенскимъ, онъ разсказалъ ему эту темную страничку своей жизни, которую такъ страстно желалъ бы вычеркнуть.

Оболенскій внимательно выслушалъ и высказалъ свое мнѣніе.

— Я не оправдываю тебя, Григорій. Мы, отдавшіеся высокой цѣли, не должны какъ всѣ другіе поддаваться такимъ увлеченіямъ. Виновата, конечно, эта особа больше, чѣмъ ты. По моему есть только одинъ выходъ, который можетъ сразу распутать ваши странныя отношенія и — можетъ принести пользу нашему общему дѣлу.

Графъ Григорій сидѣлъ, опутивъ глаза, краска смущенія и стыда пробивалась на его блѣдномъ лицѣ. Оболенскій закончилъ свою мысль:

— Тебѣ надо уѣхать немедленно и надолго.

— Мнѣ самому приходила эта мысль, но мнѣ такъ тяжело разставаться съ тобой, съ нашими, съ горячею бесѣдой, съ нашей осторожной постепенной дѣятельностью.

— Мужская дружба не пострадаетъ отъ разлуки, а идеи, слившіяся съ душой, не забудутся, между тѣмъ, твоя поѣздка можетъ оказать немалую услугу общему дѣлу. Ты проѣдешь въ Москву, двинешься по провинціи, заглянешь въ Тульгино. Ты будешь осторожно пропагандировать наши идеи, ты будешь сѣять по русской землѣ благотворныя сѣмена жажды свободы, въ несчастныхъ и отверженныхъ ты будешь пробуждать надежду на лучшіе дни.

Слезы блеснули въ глазахъ графа Григорія, словами онъ не отвѣтилъ Оболенскому, онъ только крѣпко обѣими руками пожалъ его руку.

И отъѣздъ графа Григорія былъ рѣшенъ быстро и неожиданно.

Уѣзжая, онъ написалъ нѣсколько словъ Эвелинѣ, не совсѣмъ осторожныхъ, но въ эту минуту какъ-то не думалось объ осторожности.

„Дорогая сестричка, я уѣзжаю такъ быстро и неожиданно, что даже нѣтъ времени проститься съ вами. Вы не должны сердиться на преданнаго друга, я вѣдь вамъ сказалъ, что моя жизнь, мое время и сердце принадле-

жать высокой идеѣ и вотъ нужды этой идеи требуютъ, чтобы я совершилъ небольшое путешествіе вглубь Россіи: не знаю, когда вернусь, я останусь тамъ столько, сколько будетъ надо для нашего дѣла. Мой сердечный привѣтъ дорогой сестричкѣ... Грегуаръ.“

Если бѣ зналъ графъ Григорій, какіе потоки слезъ и бурю отчаянія вызвали эти его дружескія строки! Порывистая Эвелина сейчасъ-же поѣхала провѣрить ей сообщенное... И пришлось убѣдиться, что роскошная золотая клѣтка была пуста, любимая птичка улетѣла.

Нѣсколько мѣсяцевъ отсутствія въ чадѣ дѣятельности, въ чадѣ думъ и надеждъ, быстро пролетѣли для графа Григорія. Онъ сдѣлалъ что могъ для общаго дѣла, онъ приглядывался къ провинціальной жизни, отмѣчалъ ея слабыя стороны; онъ находилъ недовольныхъ и возмущенныхъ, негодующихъ и потерпѣвшихъ отъ существующаго строя и осторожно сѣялъ среди нихъ желаніе свободы, переменъ, желаніе активной дѣятельности. Онъ приобрѣлъ новыхъ вѣрныхъ членовъ тайному „союзу благоденствія“.

Но его неудержимо тянуло въ Петербургъ, опять къ этимъ друзьямъ, къ этимъ горячимъ рѣчамъ, что возродили въ немъ угасшую надежду, возвратили смыслъ и цѣль его существованію.

Не заѣзжая къ себѣ домой, прямо въ дорожномъ костюмѣ, покрытый дорожною пылью, утомленный дальнимъ путешествіемъ, нервно-взвинченный, энергичный, графъ Григорій подѣхалъ къ дому Оболенскаго.

Его сейчасъ-же приняли. Хозяинъ вышелъ ему навстрѣчу и дружески обнялъ.

— Ну что?

На этотъ короткій, но значительный вопросъ графъ Григорій, взволнованный и довольный, вкратцѣ передалъ отчетъ о своей дѣятельности.

— И у насъ не мало новато... Сейчасъ я познакомлю тебя съ интереснѣйшей личностью, вступившей въ наше

общество вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, а теперь уже она играетъ первенствующую роль. Это, другъ мой, человѣкъ необыкновенный, онъ всѣхъ насъ увлекъ, и я чувствую, что мы всѣ пойдемъ за нимъ.

Все это Оболенскій говорилъ на ходу, а теперь остановился у дверей кабинета и распахнулъ ихъ.

Въ тускломъ блѣдномъ освѣщеніи наступающихъ сумерокъ графъ Григорій различилъ двѣ мужскія фигуры. Одного изъ присутствующихъ онъ сейчасъ-же узналъ: — это былъ старый знакомецъ, передъ умомъ котораго онъ невольно преклонялся, — Никита Муравьевъ. Другой ему не былъ знакомъ. Очевидно, о немъ ему сказалъ Оболенскій, что несмотря на короткую свою дѣятельность, онъ уже играетъ въ обществѣ видную замѣтную роль.

Лакеи внесли въ кабинетъ зажженные канделябры и оригинальная виѣшность незнакомца сразу ярко освѣтилась. Нѣсколько мгновений графъ Григорій прямо не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ.

Новый знакомый — человѣкъ средняго роста, съ небольшою головою, слегка наклоненной впередъ. Правильный овалъ лица, черты мягкія, ни одна рѣзко не обозначается передъ другой. Черные, слегка вьющіеся волосы, раздѣленные сбоку на проборъ, оттѣняютъ блѣдный выпуклый лобъ съ высоко открытыми висками. Подъ густыми, дугой очерченными бровями большіе, темные, задумчивые глаза, время отъ времени загорающіеся, словно подъ приливомъ вдохновенной мысли, и эти искры опять угасаютъ во вдумчивой глубинѣ. Внутренняя жизнь въ этомъ лицѣ просвѣчиваетъ, какъ свѣтитъ солнце весною сквозь молодую листву, и этотъ свѣтъ создаетъ особое обаяніе и сразу привлекаетъ къ нему сердца.

Онъ дружески кивнулъ головою графу Григорію и нервно протянулъ ему руку.

— Кондратій Рылѣвъ, — сказалъ онъ и въ самомъ звукѣ его красиваго, мягкаго голоса невидимыми струнами задрожала та же внутренняя жизнь. — Я знаю васъ хорошо, именно такимъ я себѣ васъ представлялъ, и я увѣренъ, что и вы скоро узнаете и поймете меня.

Графъ Григорій сразу же почувствовалъ себя легко и свободно со старыми друзьями и съ этимъ новымъ другомъ. Онъ разсказалъ свои впечатлѣнія, плоды своей поѣздки, которая еще и еще разъ краснорѣчиво подтвердила негодность внутренняго строя въ Россіи и какъ нужна для спасенія и процвѣтанія родины полнѣйшая перемѣна правительства. Многое ему пришлось повторить, что было уже давно сказано и, давно извѣстно его друзьямъ, но они слушали его со вниманіемъ, какъ слушаетъ въ сотый разъ дитя любимую сказку.

Никита Муравьевъ прерывалъ его рѣчь тихими вдумчивыми вопросами и замѣчаніями. И Рылѣевъ вступалъ неоднократно въ его рѣчь и всякій разъ темные глаза его вспыхивали тысячами искръ, голосъ вздрагивалъ и прерывался отъ силы внутренней жизни, и каждая жилка его какъ бы двигалась и трепетала, каждая фраза словно обжигала своей пылкостью.

Выслушавъ Ланского, друзья сообщили ему все то новое, что произошло въ его отсутствіи.

— Вѣдь ты знаешь, — между прочимъ сказалъ Оболенскій, — Трубецкой уѣхалъ въ южную армію и на его мѣсто членомъ директоріи мы единогласно выбрали Рылѣева. И такъ насъ три теперь начальника, всѣ на равныхъ правахъ: Никита Муравьевъ, Рылѣевъ и я. Въ число „убѣжденных“ членовъ почти никого не прибавилось, да и мое мнѣніе, пусть они остаются изъ однихъ основателей, исключеніе могутъ составить только такіа полезныя личности какъ Рылѣевъ... да и то, съ согласія всѣхъ убѣжденных. Безъ этого общаго согласія мы рѣшили не принимать ни одной серьезной мѣры для проведенія нашихъ идей въ жизнь. Кромѣ того, мы, „убѣжденные“, избираемъ членовъ „Думы“, которая управляетъ всѣмъ обществомъ. Мы требуемъ отчета отъ этой „Думы“. Мы дозволяемъ принятіе новопоступающихъ. Каждый членъ „Думы“ можетъ принять не болѣе двухъ въ разрядъ „соединенныхъ“ и согласіе на то испрашиваетъ у члена, коимъ самъ былъ принятъ. Вновь рекомендуемаго члена мы испытываемъ, подготавливаемъ и

потомъ постепенно открываемъ ему цѣль тайнаго общества. Но о средствахъ, которыми думаемъ мы воспользоваться для достиженія нашихъ цѣлей, и о времени начала нашихъ дѣйствій, всѣ эти „соединенные“ члены не должны имѣть и понятія. Эти сокровенныя тайны принадлежатъ только намъ „убѣжденнымъ“, „верхнему кругу“. Мы хотимъ, чтобы въ роковую минуту во имя идеи, которая насъ соединяетъ, они явились бы слѣпыми исполнителями нашихъ предначертаній и, во имя свободы Россіи, по первому нашему зову, шли-бы даже на смерть.

XXIII

КОНСТИТУЦІЯ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА

— Все это прекрасно, — сказалъ Рылѣвъ, — мы знаемъ, чего мы хотимъ, мы видимъ нашу конечную цѣль, но средства достиженія ея такъ туманны и расплывчаты, время рѣшительнаго удара такъ неопредѣленно... Наконецъ, если даже это придетъ все само собой, предначертанное судьбою, то у насъ нѣтъ опредѣленнаго, всѣми утвержденнаго проекта о томъ, какъ проведемъ мы въ жизнь наши высокіе идеалы, въ какую реальную форму они отольются.

Медленно шагнулъ впередъ стоявшій въ амбразурѣ окна Никита Муравьевъ. Тонкія черты его красиваго лица оживились, вдохновеніе легкою дымкой окутало высокій лобъ.

— Пусть только судьба и Богъ помогутъ намъ сокрушить темныя силы, медленно, но вѣрно разрушающія Россію! Пусть въ рукахъ нашихъ возлежитъ наша родина, какъ глыба дивнаго мрамора, — ваятели найдутся.

Темные глаза Рылѣва сверкнули и глубокія раннія морщины прорѣзали его чело: на выразительныхъ чертахъ отпечатлѣлась мысль, прежде, чѣмъ онъ выразилъ ее; слова явились только дополненіемъ.

— Слишкомъ по-русски идти „на авось“! Мы долж-

ны быть готовы въ мельчайшихъ подробностяхъ, мы должны обсудить всякій нашъ шагъ впередъ, мы не должны забывать, что на наши плечи сразу возляжетъ почетная отвѣтственность за счастье и жизнь многомилліоннаго народа.

Никита Муравьевъ быстрымъ движеніемъ коснулся высоко поднятой руки Рылѣва.

Рука Рылѣва была горяча, какъ пламя, рука Муравьева холодна, какъ ледъ, но обѣ эти руки дрожали, и отъ соприкосновенія точно электрическій токъ пробѣжалъ по ихъ тѣламъ, и въ глубинѣ мужественныхъ пылкія сердца почему-то болѣзненно сжались.

— Я давно сказалъ себѣ все то, что вы сейчасъ сказали намъ... Я говорилъ уже не разъ и опять повторяю, что всѣ силы своей души и своего ума и всѣ свои знанія я отдаю именно этому: проекту будущей государственной жизни. Уже около двухъ лѣтъ этотъ трудъ захватываетъ всего меня и вскорѣ я предоставлю на судъ своихъ собратій конституцію, написанную моею рукой, подскazanную моею совѣстью.

Рылѣвъ крѣпко, горячо, обѣими руками, пожалуй холодную руку Муравьева.

— И чѣмъ скорѣй ты познакомишь насъ съ своимъ трудомъ, — тихо вставляетъ Оболенскій, — тѣмъ большую пользу ты принесешь нашему дѣлу. Мы вмѣстѣ общими силами обсудимъ его и каждый внесетъ свою долю труда, мысли, опыта и знаній.

— Не скажете ли вы намъ что нибудь о вашемъ трудѣ хоть въ общихъ чертахъ? — съ глубокимъ интересомъ попросилъ Рылѣвъ.

Никита Муравьевъ задумчиво облокотился на высокую спинку кресла. Голосъ его сначала тихій, словно умъ прислушивался къ словамъ, — потомъ окрѣпъ и звучно раздавался, полный убѣжденія и силъ.

— Вотъ главные мои принципы. Прежде всего: русскій народъ — свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства... Второе: источникъ верховной власти есть

народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя... Въ третьихъ: гражданство есть право опредѣленнымъ порядкомъ участвовать въ общественномъ правленіи посредствомъ, то есть, выборомъ чиновниковъ или избирателей; непосредственно, т. е., самому быть избирателемъ въ какое-либо общественное званіе, по законодательной, исполнительной или судебной власти. Всякій въ 21 годъ жизни, обладающій имущественнымъ цензомъ, несущій опредѣленные повинности, не опороченный закономъ и находящійся въ здоровомъ умѣ, признается гражданиномъ. Передъ закономъ всѣ равны, каждый несетъ общественныя повинности, повинуется закону и при первомъ требованіи этого закона является на защиту родины... Печать свободна; она отвѣтственна лишь передъ судомъ. Личность неприкосновенна; виновный наказуется только по суду присяжныхъ. Конечно, крѣпостныя цѣпи сброшены и растоптаны, ибо всѣ люди братья между собою и передъ Богомъ, ибо рождены по Его волѣ для блага и всѣ передъ Нимъ — ничто. Свобода вѣроисповѣданій, свобода обществъ и союзовъ, право жалобъ и петицій.

— Вы повторяете наши идеи, — горячо и рѣзко ворвался въ плавную рѣчь Муравьева взволнованный голосъ Рыльева. — А администрація?

Выразительные глаза Муравьева внутренне, глубоко, словно самому себѣ, улыбнулись.

— Моя конституція дѣлитъ Россію на 14 державъ и двѣ области; каждая изъ нихъ дѣлится на уѣзды, а уѣздъ на волости. Кромѣ того, вся Россія будетъ раздѣлена на судебныя округа. Во главѣ каждой области станетъ выборный ежегодно волостной старшина на основаніи цензоваго выборнаго начала. Во главѣ уѣзда — избранный тысяцкій; его выбираютъ лишь граждане, владѣющіе недвижимымъ имуществомъ въ 500 р. и движимымъ въ десять тысячъ рублей. Самъ тысяцкій долженъ обладать или недвижимымъ имуществомъ въ тридцать тысячъ рублей или движимымъ въ шестьдесятъ тысячъ

руб.; онъ лично и ведетъ цензовые списки. Итакъ, управленіе страной сосредоточивается въ волости, потомъ уѣздѣ и, наконецъ, въ державѣ. Держава управляется палатой выборныхъ — державной думой и начальникомъ державы, избираемымъ центральнымъ представительнымъ собраніемъ. Ему принадлежитъ власть исполнительная и командованіе земскимъ войскомъ. Императорская власть Россіи нужна, но ограниченная. Императоръ можетъ остановить дѣйствіе законодательной власти и принудить ее вторично разсмотрѣть законъ. Императоръ — начальникъ надъ сухопутными и морскими силами. Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами, заключаетъ миръ съ согласія верховной думы, назначаетъ министровъ, посланниковъ, консуловъ и чиновниковъ. Онъ присягаетъ въ вѣрности конституціи и лично не несетъ никакой отвѣтственности, — она падаетъ на министровъ. Вся власть законодательная въ рукахъ народнаго вѣча, оно заключаетъ въ себѣ верховную думу и палату народныхъ представителей, избираемую на три года. Члены верховной думы избираются правительствомъ. Предложенія, принятые обѣими палатами, идутъ на утвержденіе императора. Народное вѣче издаетъ всѣ законы, объявляетъ амнистію, распускаетъ собранія и назначаетъ новыя выборы; объявляетъ войны; устанавливаетъ налоги и займы, повѣряетъ всѣ расходы, покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ, но не можетъ производить перемѣнъ въ конституціи и не имѣетъ права измѣнять основные законы. Для этого оно должно созывать учредительное собраніе.

Никита Муравьевъ умолкъ. Въ кабинетѣ царило гробовое молчаніе; въ мысляхъ каждый изъ присутствующихъ углубился въ переработку, въ обзоръ всего слышаннаго.

— Если Господь поможетъ закончить мой проектъ, а вы, братья, его одобрите, то пусть во множествѣ экземпляровъ онъ разойдется по всей Россіи среди русскихъ людей всѣхъ состояній. И тогда мы произведемъ возмущеніе въ войскѣ, и напечатаемъ нашъ проектъ; во всѣхъ

занятых мѣстахъ, по мѣрѣ успѣха возмущенія, мы будемъ учреждать предположенные начальства и другія присутственныя мѣста. И тогда императорская фамилія должна будетъ согласиться принять конституцію... Вотъ какъ рисуется переворотъ моей душѣ, моему уму.

Снова наступила гробовая тишина и вдругъ ее прорѣзалъ дрожащій взволнованный голосъ Оболенскаго.

— Имѣемъ-ли мы право, мы, едва замѣтныя единицы среди миллионовъ нашего отечества, предпринимать государственныя перевороты и свои воззрѣнія налагать, можетъ быть насильно, на тѣхъ, которые довольствуются настоящимъ и не ищутъ лучшаго, если-же ищутъ, то стремятся къ нему путемъ историческаго развитія?

Гордо выпрямился Рылѣевъ; онъ заговорилъ съ жаромъ и воодушевленіемъ; въ эти мгновенія онъ былъ силенъ и прекрасенъ, — онъ смѣло могъ-бы увлечь за собою всю Россію.

— Идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; онѣ рождаются, свободно развиваются... Великія идеи, когда онѣ клонятся къ общей пользѣ, — онѣ въ одномъ, въ нѣсколькихъ лицахъ выражаютъ то, что чувствуетъ большинство... И вотъ почему я чувствую себя и всѣхъ насъ въ правѣ говорить и дѣйствовать. Намъ сочувствуетъ большинство; я ясно слышу это сочувствіе въ столахъ и слезахъ угнетенныхъ, въ той невинной братской крови, что заливаетъ родную землю... Я вижу это сочувствіе въ безчисленныхъ примѣрахъ неудовольствія, въ жалобахъ на притѣсненія и несправедливости, въ безсильномъ злобномъ негодованіи на высшую власть... Мнѣ стоитъ только закрыть глаза — и я ясно вижу большую русскую степь и по ней медленно идутъ миллионы блѣдныхъ и стонущихъ, изморенныхъ людей, у нихъ отняты всѣ права человѣческія, они погружены во мракъ и невѣжество и вся ихъ жизнь — сплошная мука, сплошной трудъ въ потѣ лица. Сердце мое разрывается, когда воображеніе рисуетъ мнѣ эту картину; я слышу звонъ ржавыхъ цѣпей и онъ говоритъ мнѣ о сочувствіи этихъ миллионовъ моимъ идеямъ... этотъ звонъ говоритъ мнѣ: иди,

иди впередъ, пожалѣй насъ, спаси!.. И я иду!.. Я долженъ спасти ихъ или умереть!..

— Да, — горячо подхватилъ Ланской, — спасти или умереть!

И снова настала тишина, тробовая тишина, но, казалось, будто и она напоена этимъ рѣшеніемъ:

— Спаси... или умереть!..

XXVI

ВЪ НОВОЙ ЖИЗНИ

Былъ ясный день, и солнечные лучи сквозили сквозь занавѣски; они словно старались прорваться черезъ плотную шелковую ткань. Мягкій полусвѣтъ разливался по спальнѣ. Выступала широкая кровать подъ бѣлымъ пологомъ, бѣлѣли подушки и простыни, бѣлѣло кружевное одѣяло и только высоко на подушкахъ чернѣли разметавшіяся кудри цыганки Тани.

Она сладко спала, по-дѣтски подложивъ миниатюрныя ручки подъ разгорѣвшуюся щечку; грудь ея вздымалась и опускалась. Вокругъ царилъ такая тишина, что чуткое ухо могло-бы уловить дыханіе спящей.

Но вотъ за дверью раздался тихій шелестъ крадущихся шаговъ, и высунулась голова старой цыганки. Широкимъ жестомъ она распахнула дверь.

— Вставай, дитятко, заспалась ты сегодня, нехорошо.

Она погладила кудрявую головку своей питомицы и ласково потрепала ея обнаженное плечо, а такъ какъ Таня все не могла проснуться, старая Алена подошла къ окну и отдернула занавѣску.

Снопъ солнечныхъ лучей ворвался въ широкое окно и, задорно блестя, заигралъ на кружевахъ одѣяла, на черныхъ кудряхъ и смугломъ лицѣ цыганки. Она разомъ открыла глаза, и, ослѣпленная, снова ихъ зажмурила.

— Что это? Мамо, мамо!

— Чего ты испугалась, дитятко? Ну, конечно, это я, твоя мамо! Кто бы другой посмѣлъ тревожить твой сонъ, пока я жива. Вставай, ты заспалась сегодня; скоро двѣнадцать, а къ полднику князенька общался придти. Развѣ ты забыла?

Всю сонливость, какъ рукою, сняло и Таня быстро вскочила.

— Одѣваться, мамо. Дѣвушки гдѣ?

Туалетъ цыганки занялъ не мало времени. Появились горничная, парикмахеръ; всѣ величали ее, по приказу хозяина дома, княгиней, и роскошь и поклоненіе не поражали уже молодую цыганку: она привыкла къ нимъ.

Роскошное модное платье и живописная прическа совершенно мѣняли Таню и дѣлали ее похожей на блестящихъ дамъ, украшавшихъ дворцовые балы. Она и ходить и говорить стала иначе; въ манерахъ ея появилась изящная небрежность, въ голосѣ и осанкѣ — барская горделивость.

Закончивъ туалетъ, она отпустила прислужницъ и парикмахера и прошла въ гостиную, превращенную влюбленнымъ княземъ въ цвѣточный садъ.

Въ старинномъ золоченномъ креслѣ, противъ зеркаль, потонула ея стройная фигурка. Хромая Алена подала ей гитару и сѣла у ея ногъ. Она любовалась своей питомицей, ея грубой пылкой фантазіи пѣвунья казалась прекрасной царевной. Да и сама Таня, задумчиво устремивъ взоръ, любовалась собою въ зеркалѣ, машинально наигрывая давно знакомую мелодію.

Но вотъ она вздрогнула и опустила гитару: чуткій слухъ уловилъ звонъ шпоръ. Она сбросила гитару на колѣни Алени и вскочила; яркая краска залила ея щеки, въ глазахъ засверкала радость миллионами искръ.

— Не надо, — сурово покачала головой хромая Алена, — не этимъ мы дороги и любви нашимъ мужьямъ. Садись, бери гитару и пой. Не показывай ему, что такъ любишь его, а то онъ броситъ тебя, какъ отецъ твой бросилъ твою мать.

Таня вздрогнула. Она медленно опустилась въ кресло,

машинально приняла гитару изъ рукъ Алены, пальчики ея пробѣжали по струнамъ и бархатный голосъ мягко и сдержанно затрепеталъ въ старинной пѣснѣ. Теперь лицо ея было блѣдно, глаза потухли и потемнѣли, какъ мрачная ночь.

Князь долго не входилъ; очевидно у дверей заслушался пѣсней, и только, когда замерла послѣдняя нотка, онъ распахнулъ дверь.

— Здравствуй, птичка милая, дорогая!

Съ притворнымъ крикомъ испуга вскочила хромая Алена и, нѣсколько разъ низко поклонившись князю, вышла изъ комнаты. Мѣсто ея у ногъ молодой цыганки занялъ блестящій русскій князь.

Влюбленность Ладова росла; теперь уже онъ искренно забывалъ свою жену въ объятіяхъ Тани. вмѣстѣ съ любовью князя росла и роскошь. На тоненькой смутлой шейкѣ уже играли цвѣтами радуги фамильные Ладовскіе брилліанты; по всему Петербургу ее катали кровные Ладовскіе рысаки, съ упряжью и въ экипажахъ съ княжескими гербами. Скандальная громкая связь Ладова съ цыганкой ни для кого въ Петербургѣ не была тайной, и только всѣ дивились спокойному холодному молчанію молодой княгини Ладовой.

Изрѣдка на блестящихъ балахъ появлялась она, какъ и прежде, объ руку съ мужемъ, попрежнему прекрасная, попрежнему одѣтая со вкусомъ и богато, попрежнему окруженная толпою искреннихъ друзей и почтительныхъ поклонниковъ. Или для нея оставалось тайной новое увлеченіе ея мужа, отъ котораго отдѣляла ее одна только внутренняя стѣна ихъ дворца?

Итакъ, князь Ладовъ опустилсѣ къ ногамъ своей возлюбленной... Забывая предупрежденіе мамо, Таня тонкими обнаженными руками обвила шею своего возлюбленнаго и любовно прижалась головой къ его плечу.

Князь рассказывалъ ей, какъ провелъ онъ утро безъ нея, какъ скучалъ и какъ насилу дождался конца военного ученія и прямо прилетѣлъ къ ней на быстромъ „Вѣтеркѣ“.

Перешли въ столовую, гдѣ былъ сервированъ роскошный полдникъ. Сытыя кушанья и дорогія вина добавили веселья, и молодая парочка щебетала. Но вотъ среди веселой бесѣды личико цыганки вдругъ стало серьезнымъ, брови нахмурились и взглядъ потемнѣлъ, словно вспомнила она что-то тяжелое и тревожное.

— Что съ тобой, моя любя? — заглядывая въ потемнѣвшіе васильки-глаза, спросилъ Ладовъ.

— Ничего, — коротко и рѣзко отвѣтила она.

Но князь настаивалъ, и тогда она медленно, съ удареніемъ, сказала ему:

— Можетъ быть, я думаю о томъ, что не могу сказать именно тебѣ, тебѣ одному. Можетъ быть ты не похвалишь меня за мои мысли, можетъ быть, разсердишься и разлюбишь меня.

— Я не могу разлюбить тебя, я не сумѣю на тебя сердиться, но если ты не скажешь, что тебя тревожитъ, ты огорчишь меня.

— Меня многое тревожитъ, и о многомъ я думаю... Я вспоминаю маленькій домикъ цыганъ на берегу Черной рѣчки и стараго цыгана, который замѣнилъ мнѣ отца, а въ послѣднюю ночь слалъ мнѣ вслѣдъ проклятій... Я боюсь этихъ проклятій... Я вспоминаю своего молодого мужа, котораго я бросила въ первую брачную ночь для тебя... Помнишь, связанный онъ рыдалъ, кусая твердыя веревки... Я боюсь его слезъ... Я вспоминаю всѣхъ тѣхъ, среди которыхъ я росла... Какъ они заботились обо мнѣ... Я стыжусь этихъ заботъ... И потомъ, я думаю, какъ мало я жила на свѣтѣ, а какъ много сдѣлала дурного... и все потому, что я полюбила тебя. И вдругъ мнѣ вздумалось: а что если ты когда-нибудь выбросишь меня на улицу? Куда пойду я тогда? Я бросила всѣхъ и выбрала тебя, я погибну тогда! Вѣдъ такъ часто бываетъ... такъ погибла моя мать...

Князь ласково обнялъ молодую цыганку.

— Я не хочу, чтобы ты такъ думала. Я не могу тебя разлюбить и не могу тебя оставить; у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя.

Рѣзкимъ движеніемъ она отстранила его.

— И знаешь о чемъ я еще думала? Я думала о молодой красавицѣ, что живетъ за этой стѣной, и навѣрно плачетъ и страдаетъ, — я думала о твоей женѣ...

Лицо князя вспыхнуло гнѣвомъ.

— Кто смѣлъ тебѣ сказать о ней? Проклятые холопы! Всѣхъ, чья только нога ступала въ твои комнаты, я отправлю въ деревню, и тамъ подъ поркой они мнѣ выдадутъ ослушника.

Она покачала головой.

— Напрасно ты сердишься на людей: они со мною не разговариваютъ. Мнѣ это сказала моя мамо... она вѣдь все, все знаетъ. А мамо ты вѣдь не тронешь, потому что я жить безъ нея не могу.

Онъ снова обнялъ ее.

— Ну да, это правда; тамъ за стѣной живетъ моя жена, но я не зналъ тебя, когда на ней женился. И ты не должна о ней вспоминать, потому что и я не думаю о ней и никогда къ ней не хожу.

— Она красавица?

— Всѣ говорятъ, что она красавица, и я такъ думалъ раньше, пока тебя не увидалъ.

Эти слова какъ будто успокоили Таню и прежнее веселое настроеніе къ ней вернулось. Только когда закрылась дверь за княземъ, веселье разомъ отлетѣло и мрачное раздумье отпечатлѣлось на лицѣ пѣвуньи.

Да, не разъ капризная мысль возлюбленной князя стремилась заглянуть туда, за эту роковую стѣну, гдѣ тоскуетъ молодая жена. И вотъ теперь она такъ настойчиво и страстно охватила юную душу, что бороться съ нею не было силъ.

Таня порывисто и рѣшительно подошла къ зеркалу, тщательно оглядывая свою миниатюрную фигурку... Улыбка довольства и торжества скользнула по ея алымъ губкамъ... Машинально, дрожавшей рукой оправила она непокорный локонъ и такъ же рѣшительно и быстро пошла къ знакомой амфиладѣ комнатъ...

Вотъ крайняя послѣдняя комната... Вотъ маленькая

потайная дверь... Когда-то она соединяла кабинетъ князя и будуаръ княгини... Теперь она забита... Но это ничего... немного усилія и... она откроется...

XXV

СОПЕРНИЦЫ

Въ свободномъ бѣломъ домашнемъ платьѣ, перехваченномъ въ талии широкой лентой, сидѣла въ своемъ будуарѣ Настенька. Лицо ея было блѣдно и слезы дрожали на рѣсницахъ.

Крупными взволнованными шагами, словно измѣря коверъ, двигался ея старый отецъ, — князь Радомскій; изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей грозно сверкали его глаза.

— Я честно прожилъ жизнь, я шелъ по стопамъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ и ни одно позорное пятно еще не темнило герба Радомскихъ. Я не могу этого вынести! понимаешь, не могу! Дѣлай, что хочешь: плачь, требуй, проси, но добейся, чтобъ эту тварь вышвырнули изъ твоего дворца. Мы скроемъ какъ-нибудь слѣды, мы какъ-нибудь постараемся замаять грязную исторію. Но пока эта тварь здѣсь, я долженъ молчать, я долженъ проглатывать насмѣшки и оскорбленія. Не могу же я вызвать на дуэль весь Петербургъ. Съ каждымъ днемъ твой мужъ ведетъ себя все наглѣе, все непристойнѣе... Слышишь, Настенька, я, твой отецъ, требую, прошу тебя: сдѣлай все, что въ твоихъ силахъ, не позволяй позорить мою старость, не давай отравлять, можетъ быть, послѣдніе дни моей жизни.

— Отецъ! — возразила Настенька тихимъ, убитымъ голосомъ. — Отецъ, что могу я теперь сдѣлать, я, слабая женщина, раба своего мужа? О, честь имени Радомскихъ мнѣ такъ дорого стоила! Ради призрачной славы и блеска этого имени, онъ тебѣ видѣлся въ моемъ замужествѣ съ Ладовымъ, я разбила свою жизнь, я растоптала свою

святую любовь, я, какъ жалкая куртизанка, какъ раба, отдалась нелюбимому. Я все, что у меня было, отдала въ жертву гербу Радомскихъ, у меня ничего теперь не осталось, мнѣ нечѣмъ помочь твоему горю, отецъ...

Гнѣвно сверкая глазами, онъ остановился передъ нею.

— Ты коришь меня! ты не имѣешь права! Я выбралъ тебѣ мужа молодого, красиваго, знатнаго, блестящаго и богатаго. Развѣ моя вина, что ты не сумѣла заслужить его любовь? Моя кровь дала тебѣ красоту, мои деньги — блестящее образованіе. Развѣ я виноватъ, что за твое упорство самъ Господь отступился отъ тебя и не благословить тебя сыномъ? И все это потому, что ты отдала всю душу недостойному подлену.

Молодая женщина вспыхнула, и отвѣтъ ея звучалъ презрѣніемъ и гнѣвомъ.

— Я никому, даже тебѣ, не позволю касаться моего сердца, не позволю оскорблять того, кто лучше и выше васъ всѣхъ, всѣхъ!

Злой и насмѣшливый старческій хохотъ зловѣще разсыпался...

— Ха, ха, ха! Лучше насъ всѣхъ! Да знаешь-ли ты, кто онъ, несчастная?

— Онъ сынъ Алексѣя Ланского, твоего друга, который, умирая, завѣщалъ тебѣ его счастье! — возмущенно и громко отвѣтила она.

— Ты права, къ сожалѣнію, и только потому я оставилъ ему свободу, свободу, которой онъ пользуется такъ отвратительно. Знаешь ли ты, что онъ измѣняетъ своему государю и своей присягѣ? Знаешь ли ты это? Я скрывалъ отъ тебя, я щадилъ тебя. Въ своемъ родовомъ имѣніи онъ бунтовалъ крестьянъ, и власти были вынуждены удалить его оттуда. Ему пришла гнусная мысль выпустить принадлежащую ему рабскую чернь на свободу, и государь воспретилъ ему это. Онъ не успокоился; онъ и здѣсь занялся своими измѣнническими дѣлами. Ну, ничего, за этими болванами хорошо слѣдить, недалеко тотъ часъ, когда безъ моего вмѣшательства расправятся съ ними по

заслугамъ. Но довольно о немъ: не стоитъ терять столько словъ для измѣнника. Ты видишь, я былъ правъ, дитя, и не только не разбилъ твоего счастья, но спасъ тебя отъ ужасной участи. Я сознаюсь, что выборъ мой былъ плохъ; но, дитя мое, всякій изъ насъ несетъ свой крестъ, надо только стараться нести его съ честью. Настенька, дитя мое дорогое, сдѣлай все отъ тебя зависящее, чтобы тихо и безъ скандала удалить эту тварь изъ вашего дома; твой старый отецъ тебя умоляетъ.

Настенька сидѣла молча, закрывъ лицо руками. То, что сказалъ ей отецъ, такъ глубоко ее взволновало, — все остальное отступило, какъ ненужное и чужое. Ему грозитъ бѣда! какая? Не можетъ-ли она спасти, помочь, предотвратить? Такъ давно она его не видѣла! Ахъ, Боже, Боже... Скорѣй-бы ушелъ отецъ. Обѣщать ему все, что онъ проситъ, только скорѣй-бы онъ ушелъ...

— Настенька, почему ты молчишь? Я оскорбилъ тебя, обидѣлъ?

Она вздрогнула, какъ-бы просыпаясь отъ сна.

— Отецъ, я не знаю, я не могу... Научи меня — я сдѣлаю все, что ты хочешь. А теперь я такъ устала, такъ разбита, мнѣ надо отдохнуть, собраться съ силами... Завтра ты придешь, и мы все рѣшимъ.

— Благодарю тебя, благодарю. Сейчасъ ты отдохни, дѣточка. Я все обдумаю, и мы станемъ на защиту нашей чести. А если ничто не поможетъ, то одинъ исходъ, — крутой и нежелательный, — всегда останется.

— Какой исходъ, отецъ?

Старикъ грустно засмѣялся.

— Послѣдній исходъ, Настенька: — дуэль старого князя Радомскаго съ молодымъ зятемъ за оскорбленную дочь.

Настенька вздрогнула.

— Господи, сохрани насъ отъ этого!

Старикъ еще разъ поцѣловалъ дочь и медленной тяжелой походкой направился къ двери.

— До завтра, дитя мое... Отдохни и соберись съ силами.

Онъ распахнулъ дверь, но вмѣсто того, чтобы выйти изъ комнаты, невольно отшатнулся и застылъ въ удивленіи... Легкій крикъ замеръ на устахъ Настеньки.

Что такъ ихъ испугало и удивило обоихъ?

На порогъ — очаровательное видѣніе; оно словно выплыло изъ сѣрыхъ тѣней сосѣдней мрачной комнаты.

На порогъ — стройная миниатюрная дѣвушка, почти ребенокъ. Роскошное платье покрыто волнами кружевъ... дорогіе брилліанты заливаютъ ея грудь и тоненькую шейку, сверкаютъ всѣми цвѣтами радуги на нѣжныхъ рукахъ и маленькихъ пальчикахъ. Черныя кудри капризно и фантастично разсыпаются по плечамъ, по лбу, обрамляютъ смуглое личико... большіе ярко-синіе глаза горятъ страстнымъ вызовомъ... И что-то до боли знакомое въ этихъ глазахъ, въ тонкихъ чертахъ, въ гнѣвныхъ складкахъ лба... до боли знакомое обоимъ — отцу и дочери.

— Кто это? — чуть слышно прошептала Настенька.

Ея взглядъ, словно окованный волшебными чарами, не могъ оторваться отъ необычайнаго явленія, отъ смуглой красавицы съ синими глазами.

И Таня-пѣвунья горящимъ взоромъ вглядывалась въ черты своей соперницы, въ черты своей сестры.

Да, права хромая Алена: трудно подыскать вторую такую лубу, — прекрасную, какъ ангель, гордую, какъ царевна.

А этотъ старикъ? Сердечко цыганки быстро-быстро забилося.

„Отецъ, это твой отецъ!“ — громко выстукивало маленькое сердечко неровными ударами.

И столько чувствъ, самыхъ разнородныхъ, охватившихъ юную душу, смѣшались въ хаосъ. Злоба, ненависть и ревность, оскорбленное самолюбіе... и невольная, почти ликующая радость, что вотъ эти двое, — гордая прекрасная королевна и старый съ блестящимъ соколинымъ взоромъ вельможа — ей близки, ей родные по крови.

Одни чувства толкали ее: броситься къ нимъ съ проклятіями на устахъ, рвать ихъ на части, уничтожить; другія — нѣжно и больно копошились въ сердечкѣ, звали

въ объятія отца и сестры, вызывали со дна души жгучія грезы, вызывали сладкія слезы, невыплаканныя, давившія грудь.

А старый гордый Радомскій? Ни мгновенія не сомнѣвался онъ въ томъ, кто эта женщина. Да, — это та, что отняла у его дочери любовь мужа, это та, что покрыла позоромъ его древнее имя, это та, что своей смертью могла-бы разрубить гордіевъ узелъ.

Такъ почему же онъ стоитъ молча, словно прикованный... Почему нѣтъ проклятій для злодѣйки? Почему старыя, но все еще сильныя руки не сдаютъ тоненькую смуглую шейку, залитую фамильными брилліантами Ладовыхъ? Вѣдь жертва сама, какъ бабочка на огонь, летитъ къ нему. Мгновеніе, и эта тварь бездыханная падетъ къ его ногамъ и онъ еще разъ спасетъ внѣшній блескъ имени Радомскихъ!

Но нѣтъ... Языкъ не повинуется, не поднимается рука... Отъ хрупкой очаровательной фигурки вѣетъ чѣмъ-то далекимъ, прошлымъ и забытымъ, и неповятое волненіе охватываетъ душу.

Настенька опомнилась первая. Ея до сихъ поръ растерянное и изумленное лицо теперь словно застыло, словно покрылось ледяною корой. Въ жестѣ, которымъ она указала на дверь, и въ ея голосѣ было столько глубокаго беспощаднаго презрѣнія... Смертельная блѣдность разлилась по юному лицу цыганки, а въ ея сердце словно вонзились ядовитыя стрѣлы.

— Вы ошиблись дверьми, моя милая... Эта комната княгини Ладовой... а вамъ здѣсь не мѣсто. Уходите немедленно, или я позову людей, и они васъ выведутъ отсюда.

Въ отвѣтъ раздался, дрожавшій негодованіемъ и обидой, нѣжный музыкальный голосъ, при звукѣ котораго вздрогнулъ старый Радомскій.

— Если-бы Богъ и правда царили на землѣ, — то именно здѣсь было-бы мое мѣсто и наши права были-бы равны!

Первыя смѣлыя слова сказаны и Таня-пѣвунья переступила порогъ будуара княгини Ладовой и быстро подошла къ ней, обжигая ее пристальнымъ взглядомъ.

Настенька съ ужасомъ и омерзениемъ закрыла лицо руками.

— Отецъ, — простонала она, — отецъ, избавь меня отъ этой женщины. Зачѣмъ пришла она сюда? Какъ она смѣла? Что ей здѣсь надо?

Растерянная мольба оскорбленной дочери раздавила всѣ колебанія, и старый вельможа грубо схватилъ руку незнакомки и потащилъ ее къ двери.

— Убирайся отсюда немедленно, дерзкая тварь! Еще одно слово, одинъ шагъ, и я задушю тебя своими руками.

Его прикосновеніе словно обожгло Таню-пѣвунью. Ловкимъ движеніемъ вырвалась она изъ его рукъ и, вся дрожа, нервно заговорила:

— Что-жъ, души меня, убивай, какъ убилъ мою мать, а я не уйду отсюда, пока не выскажу тебѣ всего! Что-жъ, убивай меня! Вѣдь вамъ, гордымъ князьямъ, все возможно. Убивай меня, старикъ, убивай свою родную дочь... А ты, гордая княгиня, отталкивай меня съ отвращеніемъ, не прикасайся ко мнѣ, вѣдь я простая цыганка, я наложница твоего супруга, но все-таки я твоя родная, единственная сестра!..

Старикъ Ладовъ, шатаясь, опустился въ кресло и его сѣдая голова безпомощно откинулась... Легкія судороги пробѣгали по его чертамъ... Нѣсколько словъ маленькой женщины, ея голосъ, ея лицо — ярко воскресили въ его памяти далекое прошлое... Оно промелькнуло цѣлыми картинами, оно отозвалось въ сердцѣ острою болью.

Словно разомъ пахнуло загороднымъ свѣжимъ воздухомъ... Обширныя голыя поля... Раскинутые шатры

подъ звѣзднымъ небомъ... Пылающіе костры, ржаніе коней, гулъ голосовъ...

Въ неровномъ трепетномъ освѣщеніи костровъ выступаютъ смуглыя лица, кудрявыя головы, черные блестящіе глаза цыганъ.

Въ ночной тишинѣ вольно разливаются дикія пѣсни, то полныя томленія, страсти и тоски, то полныя необузданнаго веселья...

Цыгане стоятъ широкимъ полукругомъ — красивая, пестрая, дикая толпа...

А передъ ними, высоко поднявъ надъ головою бубень, вся извиваясь въ страстной пляскѣ, несется, еле касаясь земли, босыми, стройными ногами — красавица... Легкія одежды то развѣваются по воздуху, то плотно прилипаютъ къ стройному тѣлу.

И въ его груди — въ груди князя Радомскаго, тогда трепетавшей всѣми чарами юности, — яркимъ пламенемъ разгорается страсть къ этой дикой красавицѣ-цыганкѣ... И не милъ ему роскошный родовой дворецъ — тянетъ его къ обширнымъ голымъ полямъ, гдѣ раскинулись шатры цыганъ...

Короткая эпопея взаимной страстной любви промчалась для него, какъ сладостный вихрь... Согреѣла, обожгла, одарила жгучимъ блаженствомъ и... и снова вернулся онъ въ свой роскошный дворецъ къ женѣ, къ дочери... — покинулъ и забылъ молодую цыганку...

Она, бѣдняжка, съ горя умерла, какъ умираетъ грубо сорванный цвѣтокъ, а дитя, его дитя, которое носила она подъ сердцемъ, исчезло безслѣдно...

Сумѣло ли оно пережить свою мать? Этого гордый вельможа не зналъ и не могъ знать.

Поздніе укоры совѣсти привели его снова за городъ, гдѣ разстилались голыя, обширныя поля, но тамъ уже ничего не было... Словно волшебная рука смела шатры и телѣги. Въмѣсто ржанія коней, гула голосовъ и дикихъ пѣсень — раздавался тоскливый вой осенняго вѣтра... Въмѣсто сладостно плясавшихъ смуглянокъ — кружится

теперь въ вихрь вѣтра песокъ и уныло разлеталась по краямъ дороги сухая пожелтѣлая трава...

Тоскливо сжалось княжеское сердце. На берегу потемнѣвшей сердитой рѣки высился небольшой холмикъ. Какой-то тайный голосъ подсказалъ ему, что это преждевременная могила его возлюбленной... А дитя?.. Пустынные поля, сердитая рѣка и унылый вѣтеръ — молчали, конечно... Въ загадочной неизвѣстной дали исчезъ оживленный таборъ и унесъ съ собою тайну. Шли годы... и прошлое блѣднѣло... Изрѣдка вспоминалось оно въ грустныя, тяжелыя минуты. А потомъ... забылось... И вотъ теперь... теперь оно разомъ воскресло, грозно и властно поднялось, давить страшной тяжестью.

Сомнѣнья нѣтъ — это его дитя. Весь ея обликъ, ея голосъ такъ живо напомнили покинутую возлюбленную. А эти глаза — большіе, синіе, надменные... Развѣ это не тѣ же, что такъ часто встрѣчаются на фамильныхъ портретахъ Радомскихъ?.. Наконецъ, это сходство, это поразительное сходство къ Настенькой?..

И все безпомощнѣе склонялась сѣдая голова вельможи.

Его дочь, княгиня Ладова, такъ и застыла, закрывъ лицо руками, словно не смѣла она взглянуть на Божій свѣтъ.

А другая его дочь, бездомная цыганка, счастливая соперница своей сестры, словно неудовлетворенная отчаяньемъ своихъ недруговъ, нервно, безпощадно бросала:

— Что-жъ, убивай меня! тебѣ не впервые быть убійцей. Правды вѣдь нѣтъ. Ты погубилъ мою мать, вырвалъ у нея сердце изъ груди и пошелъ прочь... Я все вѣдь знаю... Да ты многое позабылъ... Я напомню... Помнишь, какъ ты ѣхалъ въ роскошной коляскѣ, въ блестящемъ мундирѣ, гордый и счастливый, съ женой и дочерью?.. А моя бѣдняжка мать со мною на рукахъ тебѣ попалась навстрѣчу. Развѣ ты не слышалъ, какъ вскрикнула она?.. Вѣдь это былъ предсмертный крикъ, онъ долженъ былъ дойти до твоего сердца. Вѣдь эта встрѣча погубила бѣдняжку. А ты прокатилъ мимо, ты об-

далъ ее пылыр колесъ. Она не пережила... Она убила... Ее зарыли гдѣ-то подъ Питеромъ, теперь и могилы ея не найти... Никто не поплачетъ надъ нею, не поможетъ.

Нѣжный голосъ Тани-пѣвуньи прервался, задрожалъ. Мгновенье длилось молчаніе. Отчетливо слышно было тяжелое дыханіе стараго князя.

Но нѣжный голосокъ снова окрѣпъ, онъ почерпнулъ силу въ оскорбленномъ сердцѣ.

— А я?.. Я росла у цыганъ, какъ жалкій щенокъ, я — твоя дочь!.. Почему-же для этой, законной, ты не жалѣлъ золота, не жалѣлъ ничего?.. Почему ей, ей одной, ты отдавалъ и ласки, и заботы, и попеченія?.. Неужели въ обширномъ дворцѣ не нашлось-бы мѣстечка? Почему этой законной было все, а мнѣ — слезы и одинокое безотрадное дѣтство?..

Волненіе прервало рѣчь Тани-пѣвуньи.

Плечи Настеньки нервно вздрагивали, — она беззвучно рыдала...

Гордость и жалость боролись въ ея душѣ, а въ ушахъ тихо, словно издалека, звучалъ дорогой, любимый голосъ...

„Брось все это ненужное и мишурное — приди ко мнѣ... Брось ложный долгъ, родовую гордость... Свята и чиста — только любовь!.. Всѣ люди равны, всѣ братья, у всѣхъ плоть и кровь — одна, всѣ дѣти — одного Господа. Не проходи мимо несчастныхъ безъ состраданія, а больную душу пожалѣй и уврачуй... О, пусть восторжествоуютъ равенство и свобода, пусть падутъ цѣпи рабства и предразсудковъ, и тогда засіяетъ — счастье!“

И вдругъ Настенька встала, оторвала руки отъ лица, орошеннаго слезами, и, ласковая, подошла къ своей... сестрѣ...

— Не горюй и не проклинай насъ, бѣдняжка... Я подумаю о тебѣ, я постараюсь исправить зло, тебѣ причиненное...

Маленькое личико цыганки покрылось красными пятнами, синіе глаза засверкали, какъ у злого звѣрька, она строптиво оттолкнула ласково протянутую руку...

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь меня... Я буду проклинать тебя... Какая ты мнѣ сестра? Развѣ видала я тебя прежде? Развѣ росли мы вмѣстѣ?.. Я жалкій брошенный щенокъ, — ты — любимая дочь, взрожденная въ золотѣ... А этотъ старый, развѣ отецъ онъ мнѣ? Онъ убійца моей матери, вотъ кто онъ!.. Я буду проклинать, я буду мстить!.. И ты не хитри... Я люблю твоего мужа больше жизни и этого, своего счастья тебѣ не уступлю. Я не отдамъ тебѣ его, слышишь? буду счастлива, слышишь? А вамъ — вамъ обоимъ — проклятье и позоръ! И не жалко мнѣ васъ ни капельки, вѣдь вы меня и мою мать не жалѣли!..

И прежде, чѣмъ Настенька успѣла опомниться, маленькая нарядная женщина скрылась за дверью ея буддара, скрылась такъ же быстро и неожиданно, какъ появилась...

Настенька медленно перевела свой взоръ на отца... Вотъ онъ — ея отецъ... Онъ какъ-то жалко съежился, словно пришибленный тяжелымъ камнемъ... И это тотъ, имя котораго она съ дѣтства повторяла съ благоговѣніемъ, которому всегда вѣрила и безропотно приносила въ жертву свое счастье!..

Да, правъ былъ Гриша, все это: „мишурное и ненужное“... И этотъ человѣкъ, ея отецъ, осмѣливался приносить въ жертву „чести и блеску“ имени ея счастье, а самъ втихомолку пятналъ свою княжескую совѣсть грязнымъ обманомъ, безчеловѣчнымъ безсердечіемъ и нравственнымъ убійствомъ. Кто знаетъ, почему ея мать, эта дивная женщина, которую онъ обманывалъ, сошла въ преждевременную могилу?..

Чѣмъ виновата эта несчастная, эта — „ея сестра“, брошенная со дня рожденія, какъ жалкій щенокъ? Развѣ на нее можно негодовать? Развѣ можно ее ненавидѣть или презирать? Развѣ вся отвѣтственность не падаетъ на вельможнаго князя Радомскаго?..

Взоръ дочери невольно отражалъ презрѣніе, наполнившее все ея существо, и подъ этимъ взоромъ отецъ содрогнулся, какъ подъ ударомъ хлыста.

Но вотъ одна мысль, мелькнувшая въ памяти Настеньки, разомъ оторвала ее отъ тяжелой дѣйствительности, разомъ заставила забыть весь остальной міръ и она порывисто встала... Эта мысль напомнила ей объ опасности, которая ожидаетъ Гришу и что долгъ ея — его предупредить.

— Куда ты, Настенька?..

Не отвѣчая, она одѣвалась дрожащими руками...

— Ты возненавидѣла меня, Настенька, дитя мое?.. — голосъ старика-отца прерывался, въ немъ трепетали жалкія тревожныя нотки, ихъ прежде не бывало...

Словно чѣмъ-то острымъ кольнуло сердце Настеньки...

— Я уйду, потому что такъ надо... Я скоро вернусь... А ты подумай... нельзя-ли хоть отчасти исправить зло, тобою причиненное всѣмъ намъ!..

Она быстро прошла мимо старика, не коснувшись его руки, ни разу не назвавъ его „отцомъ“... И когда скрылась ея высокая, стройная фигура, — обильныя горькія слезы заструились по старческимъ щекамъ, можетъ быть, — первыя слезы въ его жизни...

А Настенька не пла, а летѣла... наемный экипажъ довезъ ее по знакомымъ улицамъ къ знакомому старому дому графовъ Ланскихъ, гдѣ часто она бывала ребенкомъ и юной дѣвушкой...

— Дома графъ Григорій Алексѣвичъ?

— Дома-съ... какъ доложить?..

— По важному дѣлу...

И черезъ минуты двѣ-три тревожнаго ожиданія послѣдовалъ холодный отвѣтъ:

— Пожалуйте...

XXVII

ДОНОСЧИКЪ

Жаркій день. Плавно и спокойно льются прозрачныя воды красиваго Волхова. Вѣтра почти нѣтъ и лодочки съ парусами чуть трепещутъ.

Сильно разсѣкая воду, несется на всѣхъ парахъ, словно торопится куда-то, богатый катеръ.

Почти у самого борта стоятъ двое.

Одинъ — молодой офицеръ въ формѣ поручика фельдъегерскаго корпуса. Другой — высокій худошавый лѣтъ 27 унтеръ-офицеръ, по типу не русскій, съ небольшими свинцовыми глазами, съ крупнымъ горбинкой носомъ, съ небольшими свѣтлыми усиками надъ тонкимъ, плотно сжатымъ ртомъ.

— Вотъ и Грузино, все какъ на ладони, — съ веселой улыбкой обращается поручикъ къ своему сумрачному спутнику... — Перевозъ въ двухъ минутахъ отъ насъ. Вотъ тамъ за соборомъ графскій домъ. Красивая картинка, господинъ Шервудъ, но намъ она уже порядочно прискучила. Скорѣй-бы хандра прошла у графа и мы-бы снова переправились въ нашъ веселый, славный Петербургъ.

Тонкая искусственная улыбка пробѣжала по губамъ Шервуда.

— Да, красивая картинка, господинъ Ланге, — любезно повторилъ онъ.

А Волховъ словно красовался нарочно, точно чувствуя, какъ его экзаменуютъ острые глаза незнакомца... Его зеркальная поверхность, чуть колыхаясь, отражала синее небо съ мелкими серебристыми облачками... Кое-гдѣ по берегу высились ели и березы и ихъ верхушки любовались собою въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Бѣлѣли маленькіе чистенькіе домики крестьянъ, надъ ними высился богатый соборъ, блистая на солнцѣ золотыми куполами, и громадный домъ-дворецъ временщика графа Аракчеева, надъ которымъ медленно развѣвались національные русскіе флаги...

Какой приѣмъ ждалъ Шервуда въ этомъ дворцѣ?

Катеръ, шумя и свистя, остановился у перевоза. Поручикъ Ланге и унтеръ-офицеръ Шервудъ сошли на берегъ и перешли въ ожидавшій ихъ экипажъ съ графскими гербами, и кровные рысаки помчали ихъ ко дворцу временщика...

Ихъ ждали... Ворота были открыты настежь, и ихъ встрѣтилъ невзрачный господинъ въ сѣренькомъ затрепанномъ костюмѣ, одинъ изъ мелкихъ довѣренныхъ Аракчеева. Онъ провелъ вновь прибывшихъ въ комнаты, отведенныя для нихъ въ нижнемъ этажѣ, тамъ встрѣтилъ ихъ богатый комфортабель.

Послѣ сытнаго обѣда онъ предложилъ имъ прогуляться въ саду и осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Грузина.

Какъ мимолетный сонъ пролетѣлъ предъ глазами Шервуда роскошный садъ, зеркальный прудъ, фантастичная бесѣдка Мелисипо, шелковый шатеръ-палатка на берегу пруда, гдѣ завтракалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Александръ, осматривая владѣнія своего любимца.

Тогда торжественно звонили колокола въ соборѣ, а во время обѣда въ садовой аллеѣ гремѣла духовая музыка.

Уже подъ вечеръ, на закатѣ солнца, неутомимый проводникъ предложилъ взобраться на бельведеръ.

Съ высоты, озаренныя послѣдними лучами солнца, раскинулись передъ очарованными взорами тихія картины сельскаго быта; все Грузино и всѣ окрестныя деревни были видны какъ на ладони.

Утомленный поѣздкой и свѣжимъ воздухомъ Шервудъ крѣпко заснулъ на удобной пуховой постели. И всю ночь грезился ему красавецъ Волховъ, бѣлыя, безшумно скользящія лодочки, зеркальный прудъ, роскошный садъ и, озаренныя солнечнымъ закатомъ, полныя поэзіи, съ высоты бельведера — скромныя жилища поселянъ.

Онъ проснулся поздно утромъ, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ, яркіе лучи солнца заливали всю комнату.

Кто-то осторожно стучалъ въ его дверь.

Шервудъ быстро вскочилъ и одѣлся... Черезъ полчаса въ его комнату снова постучали, дверь приоткрылась и показалась невзрачная фигурка его вчерашняго проводника.

— Его сіятельство, графъ Алексѣй Андреевичъ, ждутъ васъ въ своемъ кабинетѣ... Я провожу васъ туда.

Наконецъ-то! Шервудъ видѣлъ все Грузино, уже почти однѣ сутки находится подъ одной кровлей съ грузинскимъ отшельникомъ, а до сихъ поръ не видѣлъ даже его тѣни, не слышалъ его голоса, какъ будто знаменитый временщикъ существовалъ лишь въ его мечтѣ.

Графъ Аракчеевъ встрѣтилъ его на крыльцѣ дома... Грузинскій отшельникъ медленно съ головы до ногъ осмотрѣлъ Шервуда...

Англичанинъ спокойно выдержалъ этотъ взглядъ, онъ по военному отдалъ честь, а потомъ поклонился съ достоинствомъ.

Не говоря ни слова, Аракчеевъ взялъ его подъ руку и повелъ въ садъ, такъ молча они шли, пока не вступили въ густую аллею.

Позднее июльское утро было прекрасно... Легкій вѣтерокъ игралъ изумрудной зеленью на фонѣ блѣдноглубого неба... Таинственно плыли въ воздушной дали серебристыя облака. Цвѣты благоухали и наивно покачивали головками, словно улыбались.

Вся природа, словно по недоразумѣнью, привѣтствовала доносчика, или, можетъ быть, своей мягкой любовной лаской хотѣла пробудить совѣсть въ его душѣ.

Но совѣсть, очевидно, заснула крѣпкимъ сномъ въ душѣ этого обрусѣлаго англичанина, онъ равнодушно отдавался ласкѣ природы, онъ спокойно и твердо шелъ къ намѣченной цѣли.

А графъ Аракчеевъ вдругъ внезапно остановился и снова пытливо заглянулъ въ лицо Шервуда, словно сразу хотѣлъ его разгадать.

— Скажи мнѣ, кто ты такой? — сорвался рѣзкій прямой вопросъ.

— Я унтеръ-офицеръ третьяго украинскаго уланскаго полка, ваше сіятельство... Англичанинъ... Родился въ Кельтѣ, близъ Лондона. Съ двухъ лѣтъ, ваше сіятельство, вмѣстѣ съ родителями переѣхалъ въ Россію, — спокойно и твердо отпарентовалъ Шервудъ.

— Ты говоришь по англійски?

— Я знаю языки: французскій, русскій, нѣмецкій и англійскій.

— Ого, братецъ, да ты умнѣе меня... Языки ты знаешь, а вотъ русской службы не постигъ. Какъ осмѣлился ты, унтеръ-офицеръ, прямо писать государю императору? Ты долженъ былъ передать прямому своему начальнику, тотъ — своему и такъ по ступенькамъ, и, меня не минуя, дошло-бы до императора.

Временщикъ возвысилъ голосъ и глаза его строго, почти жестоко впивались въ лицо Шервуда. Англичанинъ не смутился.

— Съ разрѣшенія вашего сіятельства, я осмѣлюсь сдѣлать одинъ вопросъ.

— Говори, братецъ, — сухо, даже съ нѣкоторой угрозой заявилъ Аракчеевъ, не выпуская рукава Шервуда изъ своихъ рукъ.

Черты доносчика не дрогнули. Онъ понизилъ голосъ, но твердыя увѣренныя ноты въ немъ звучали по-прежнему.

— А если-бы я, ваше сіятельство, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь, даже вы, ваше сіятельство, знали о томъ, что написано въ моемъ письмѣ, какъ тогда я долженъ былъ-бы поступить?

Графъ разомъ выпустилъ рукавъ Шервуда, онъ остановился неподвижно и долго, внимательно, молча всматривался въ Шервуда, и, наконецъ, внезапно проговорилъ:

— Ну, братецъ, ты очень умно поступилъ... А мнѣ все-таки ты скажешь, въ чемъ дѣло...

Шервудъ отрицательно покачалъ головой.

— Клянусь, ваше сіятельство, что дѣло это не касается никого и ничего въ мірѣ, кромѣ особы Императора... Не лишайте меня счастья лично объяснить все Его Величеству.

Графъ медленно отошелъ отъ Шервуда, въ его свинцовыхъ глазахъ пересыпались острые искорки, плотно сжатые губы не предвѣщали ничего хорошаго... Шервудъ внимательно за нимъ наблюдалъ... Подъ низкимъ тупымъ лбомъ временщика мысль, очевидно, напряженно

работала... И вотъ черты его прояснились, и на губахъ заиграло нѣчто похожее на улыбку... Шервудъ понялъ, что побѣдилъ.

— Поѣзжай съ Богомъ. Я тебя и спрашивать не стану.

Тогда Шервудъ кликнулъ съ притворнымъ порывомъ:

— Теперь я долженъ все сказать вашему сѣятельству! Дѣло въ заговорѣ противъ императора.

Шервудъ умолкъ, наслаждаясь эффектомъ своихъ словъ.

Аракчеевъ ждалъ разъясненій, онъ почти вплотную подошелъ къ Шервуду, изъ глазъ его сыпались острые искорки.

Шервудъ заговорилъ:

— Я много вращался по провинціямъ и ознакомился съ дворянами многихъ губерній. Меня поражали всегда неясные толки о какой-то государственной перемѣнѣ. Я присматривался и прислушивался. Однажды незначительная ссора между Новиковымъ и княземъ Барятинскимъ навела меня на подозрѣнія... Въ горячности сорвавшіяся фразы пролили слабый свѣтъ и дали мнѣ поводъ думать, что во дворянствѣ живутъ либеральныя затѣи. Я сталъ присматриваться еще тщательнѣе. Мнѣ приходилось слышать, какъ офицеры вольно говорили о царѣ, о перемѣнахъ, ожидающихъ Россію, о какомъ-то „будущемъ блаженствѣ“. Я наблюдалъ ошущью, впотьмахъ. И вотъ, однажды подслушанный разговоръ между графомъ Булгари и Ватновскимъ открылъ мнѣ глаза. Я узналъ, что готовится конституція, а династію хотятъ свергнуть и въ случаѣ протеста перерѣзать.

Аракчеевъ отшатнулся. Лицо его вспыхнуло и поблѣднѣло.

Шервудъ продолжалъ попрежнему спокойно и обстоятельно:

— Я вкрался въ довѣріе Ватновскаго, — я узналъ, что существуютъ тайныя общества, я проникъ въ члены

этого общества, я узналъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ, я готовъ представить отчетъ его величеству.

Шервудъ замолкъ на мгновенье, какъ бы смакуя страшное впечатлѣніе своего доноса, какъ громомъ поразишаго неуязвимаго временщика, и холодно закончилъ:

— Я наблюдателенъ, и у меня вѣрный взглядъ на вещи: дѣло зашло слишкомъ далеко, и государство, тронъ и жизнь въ опасности.

Наступило долгое глубокое молчаніе, и вдругъ Аракчеевъ порывисто схватилъ Шервуда за руку.

— Не теряй ни одного мгновенья, уѣзжай сейчасъ-же изъ Грузина, братецъ, прямо къ императору, онъ приметъ тебя немедленно. Я, Аракчеевъ — ручаюсь!...

Императоръ принялъ Шервуда въ своемъ дворцѣ на Каменномъ островѣ. Государь позвалъ доносчика въ кабинетъ и лично заперъ двери.

— Я знаю твоего отца... Ты мнѣ писалъ, что ты хочешь мнѣ сказать? — волнуясь, спросилъ императоръ.

Шервудъ подробно донесъ государю, что существуетъ заговоръ противъ спокойствія Россіи и государя, что въ немъ замѣшаны дворянство и армія, и корни этотъ заговоръ глубоко пустилъ по всей Россіи, что заговорщики мечтаютъ о конституціи, о сверженіи династіи, о насильственной смерти императора.

И государь поручилъ Шервуду сдѣлать все для открытія заговора и обѣщалъ лично помогать ему.

Въ тотъ-же день Шервудъ мчался обратно въ Грузино.

XXVIII

ТЯЖЕЛАЯ МИНУТА

Настенька торопливо поднималась по широкимъ отлогимъ ступенямъ лѣстницы за слугой, указывавшимъ ей дорогу. Отъ времени до времени она останавливалась

на нѣсколько мгновеній, потому что сердце ея усиленно билось, и дыханіе перехватывало отъ волненія.

Какъ все здѣсь до боли знакомо! Картины далекихъ счастливыхъ дней вихремъ окружили ее. Онѣ пролетаютъ въ ея памяти такъ быстро-быстро, одна за другой. Ей кажется, что въ самомъ воздухѣ какой-то давно знакомый ароматъ, и этотъ ароматъ ошняняетъ ее.

Вотъ сейчасъ направо, она помнитъ хорошо, длинный и широкій коридоръ... По стѣнамъ его, въ золоченыхъ рамахъ, рядъ портретовъ, старинныхъ портретовъ графовъ Ланскихъ.

Слуга повернулъ въ этотъ коридоръ, Настенька за нимъ. Въ сумракѣ зловѣще поблескиваютъ глаза великолѣпныхъ вельможъ, давно уже превратившихся въ ничто.

Настенька остановилась, ея ноги дрожали, отказывались повиноваться. Она прислонилась къ стѣнкѣ и приникла головой къ холодной золоченной рамѣ. Словно весь міръ въ какой-то дикой пляскѣ кружился передъ нею.

Слуга обернулся съ недоумѣніемъ. Настенька оправилась и снова пошла за нимъ.

У массивныхъ дубовыхъ дверей онъ остановился. За дверью кто-то сказалъ „войдите“.

При звукѣ этого голоса, слезы сверкнули въ глазахъ Настеньки.

„Родной, дорогой, милый“, — шептала ея душа.

Но въ этомъ знакомомъ голосѣ чуткій слухъ уловилъ что-то новое, какую-то усталость, въ немъ звучали разбитыя ноты.

Слуга открылъ дверь, посторонился и пропустилъ ее... Закрывъ глаза, она перестушила порогъ.

Навстрѣчу ей медленно шла высокая, худая мужская фигура, слегка согбенная, какъ бы подъ гнетомъ печали.

— Что вамъ угодно, сударыня? Чѣмъ могу служить? — тѣмъ же усталымъ, разбитымъ голосомъ, медленно, словно нехотя, проговорилъ онъ.

Передъ графомъ Григоріемъ, въ тѣни у дверей, вырисовывался высокій, стройный, женскій силуэтъ.

— Гриша! — тихо, какъ сладкая музыка эоловой арфы, донесся до него любимый голосъ.

— Ты? Ты?

Забывая все на свѣтѣ, онъ бросился къ ней и прижалъ ее къ своей груди.

Нѣсколько мгновений царило глубокое молчаніе. Эти двѣ, изстрадавшіяся въ разлукѣ, души замерли въ блаженномъ отдыхѣ...

Наконецъ Настенька разомъ вспомнила, зачѣмъ она пришла сюда и что, можетъ быть, каждая минута промедленія приближаетъ опасность къ ея милому, — она тихо высвободилась изъ его объятій и заговорила прерывающимся голосомъ:

— Я такъ спѣшила, Гриша! боюсь, не опоздала ли я? Я спѣшила предупредить тебя. Въ чемъ дѣло — я не знаю, но сердце мнѣ подсказало, что тебѣ грозитъ смертельная опасность. Ради Бога, Гриша, скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, въ чемъ замѣшанъ ты?

Она зорко лучистыми глазами старалась заглянуть ему прямо въ душу и вся затрепетала въ предчувствіи недобраго. Онъ не выдержалъ ея чистаго взгляда, онъ поблѣднѣлъ, смутился...

— Ахъ, Гриша, Гриша, — со стономъ вырвалось у нея, — ради меня, ради прошлаго, ради нашего бывшего счастья, не губи себя! Мнѣ ты можешь довѣриться, вѣдь ты меня знаешь, никакая попытка не выветъ у меня твою тайну. На колѣняхъ прошу тебя, Гриша, довѣрься мнѣ, не губи себя.

Графъ Григорій оправился уже отъ неожиданности. Онъ поддержалъ Настеньку, провелъ ее къ окну и усадилъ въ кресло.

Теперь свѣтъ канделябръ прямо ударялъ ей въ лицо... Графъ Григорій благоговѣйно опустилсѣ къ ея ногамъ.

Милая, дорогая, святая... Личико похудѣло, блѣдная, прозрачная; въ глазахъ отражается тяжелая, невыплаканная мука; маленькія ручки, какъ блѣдныя тѣни, безпомощно раскинулись.

— Гриша, Гриша, — повторяетъ она, — довѣрься мнѣ, не губи себя.

Онъ тихо, грустно улыбается въ отвѣтъ.

— Жребій брошенъ, — и возврата нѣтъ, да я и не ищу его. Я счастливъ, что могу отдать свою жизнь великой міровой идеѣ, я счастливъ, Настенька. И пусть берутъ ее скорѣй, скорѣй.

Тихій, заглушенный стонъ задрожалъ на ея устахъ.

— Я ничего не понимаю, Гриша... Отецъ сегодня говорилъ о тебѣ съ такою злою радостью. Онъ объявилъ, что теперь ты занятъ измѣнническими дѣлами, но что за тобой и твоими друзьями хорошо слѣдятъ и недалекъ тотъ часъ, когда расправятся съ вами по заслугамъ. Если это правда, если ты замѣшанъ въ политическомъ заговорѣ, берегись, будь остороженъ, бѣги, предупреди своихъ друзей. Вы открыты, за вами слѣдятъ... можетъ быть, вы еще сумѣете спастись.

Графъ Григорій неподвижно сидѣлъ у ея ногъ, закрывъ лицо руками, но вотъ замеръ ея толосъ и онъ безсильно опустилъ свои руки...

— Мы знаемъ, что за нами слѣдятъ; мы больше знаемъ: въ рукахъ Государя — доносы... Александръ могъ бы насъ раздавить уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но Богъ съ нами и Божественной рукой Своей Онъ удерживаетъ слабую руку земного тирана. Что бы ни случилось, мы дали клятву идти впередъ до конца, мы жизнью не дорожимъ. Пусть уничтожатъ насъ, вѣдь все смертное не вѣчно, а наша могучая идея велика, она бессмертна; наши окровавленные тѣла, нашъ прахъ останутся на вѣки могучей ступеню, она облегчитъ идеѣ взойти на должную ей высоту.

Ахъ, какъ туманны его рѣчи! женское сердце страдаетъ. Оно поняло только одно: обожаемому человѣку грозить опасность, и такъ больно сжалось оно въ груди.

— Ради меня, ради прошлаго, ради нашей любви, — безсвязно повторяла она, — не губи себя, Гриша. Сжался! Вся моя жизнь разбита и сломана, у меня ничего, ничего не осталось. Меня поддерживаетъ только созна-

нѣ, что ты существуешь тутъ, на этой землѣ, что ты дышишь однимъ со мною воздухомъ. Я знаю, я виновна, я поступила безчестно, я смертельно огорчила тебя, я разбила все твое лучшее, но я такъ страдаю... пожалѣй, пожалѣй меня.

Слезы градомъ катились по ея лицу, и онъ нѣжно ихъ вытиралъ, и цѣловалъ ея руки.

— Успокойся, возлюбленная...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу успокоиться. Ты не знаешь всего... что... сегодня случилось. Вся моя жизнь полна униженій и оскорбленій. Ты знаешь, конечно, что въ одномъ домѣ со мной, отдѣленная только одной стѣной, живетъ цыганка, возлюбленная моего мужа. Въ ночной тишинѣ до меня доносятся звуки струнъ и ея пѣсни. Ты знаешь вѣдь это.

Но графъ Григорій, занятый своими идеями и политикой, забылъ общество и былъ чуждъ его сплетнямъ. Слова Настеньки, какъ громомъ, поразили его, онъ вспыхнулъ до корней волосъ, и глаза его заблестали гнѣвомъ.

— Я убью его, какъ собаку! я не позволю издѣваться надъ тобой.

Она ласково, словно успокаивая, обѣими руками обняла его голову.

— Это не самое худшее, Гриша, самое худшее ты еще услышишь. Сегодня разбиты послѣднія иллюзіи. Сегодня я узнала, что мой отецъ, гордый защитникъ великолѣпнаго имени Радомскихъ, — самый низкій негодяй. Теперь я понимаю, почему моя мать всегда была такъ печальна и почему умерла такъ рано. Отецъ всегда обманывалъ ее. Онъ обольстилъ цыганку, почти ребенка, и безжалостно бросилъ ее. Она родила ребенка и умерла, посылая намъ проклятій. И судьба такъ страшно исполнила ея завѣтъ. Покинутый ребенокъ выросъ среди цыганъ, какъ брошенная собаченка. Судьба столкнула ее съ княземъ Ладовымъ, и моя случайная сестра теперь — моя соперница.

— Ужасно, какъ все это ужасно! Увѣрена ли ты, что это правда?

— Я видѣла ее сегодня, въ ея лицѣ такъ много нашего фамильнаго... Какъ она насъ ненавидитъ, съ какимъ презрѣнiемъ отчитывала она сегодня отца! Невольное чувство охватило мою душу къ этому несчастному, брошенному, озлобленному ребенку... И вмѣстѣ выросла глубокая пропасть между мною и моимъ отцомъ. Развѣялась, какъ дымъ, гордая фигура вельможи, съ мукой въ сердцѣ приносящаго въ жертву чести и славы имени счастье свое и своихъ близкихъ. На смѣну ей выросла другая: пошлый сластолюбецъ, измѣнникъ, безсердечный себялюбецъ... Какъ это больно, Гриша, какъ больно...

Настенька рыдала въ глубокомъ отчаянiи.

Все это ужасное, что она сегодня ему сказала, какъ неожиданный жестокий громъ, ударило графа Григорiя. Но жалость къ Настенькѣ торжествовала надъ всѣми чувствами и слова нѣжнаго утѣшенiя слетали съ его устъ. Она такъ долго молчала, такъ долго таила въ себѣ свои муки, что потребность высказаться все заслонила.

— Не знаю, какое безумiе овладѣло мной, какое ослѣпленiе, когда я такъ безразсудно пожертвовала своимъ счастьемъ, своею жизнью. О, какъ ты былъ правъ, Гриша! Все это ненужное, мишурное! У безчестныхъ — честь имени, у негодяевъ — родовая гордость. И тебя, лучшаго изъ людей, я заставила страдать, я покинула. Гриша, простишь ли ты меня?

Долго такъ каялась Настенька, рыдая, ломая руки. Нѣжно, тихо успокаивалъ ее возлюбленный.

А время, капризное время не ждало, оно летѣло впередъ на своихъ неутомимыхъ крыльяхъ.

— Пора, — растерянно проговорила Настенька.

— Да, пора, — печально повторилъ онъ.

— Вотъ и свела насъ судьба еще разъ, вотъ и увидѣлись.

— Придется ли встрѣтиться опять?

— Никто, какъ Богъ, Гриша. А теперь прощай. Еще разъ молю, не губи себя, остерегись! Помни, что день твоей гибели будетъ и моимъ. Прощай. Можетъ быть, тебѣ станетъ легче теперь, когда все между мною

и моимъ мужемъ порвано навѣки, теперь, когда душа моя съ тобой, а тѣло свободно отъ немилыхъ ласкъ... Одинъ поцѣлуй на прощанье... одинъ... чистый, братскій...

Нѣжно потянулись руки Настеньки, но онъ тихо отстранилъ дорогія объятія.

— Я не стою тебя, Настенька... Твой чистый поцѣлуй не для меня теперь, я долженъ заслужить его.

Горькая улыбка искривила губы Григорія, — въ его памяти вставала Эвелина...

XXIX

СХИМНИКЪ

Первое сентября 1825 года... Ночная тишина и мракъ царствуютъ надъ городомъ... Только зловѣще стонетъ вѣтеръ: онъ срываетъ съ деревьевъ пожелтѣвшіе, сухіе листья, и они крутятся въ воздухѣ, таинственно шелестя.

По дорогѣ отъ Каменноостровскаго дворца мчитъ коляска, запряженная тройкой. Усталымъ движеніемъ облокотившись на мягкія подушки, въ глубокой задумчивости сидитъ императоръ Александръ... Фуражка низко надвинута на лобъ, шинель небрежно накинута на плечи, такъ что виднѣются пуговицы сюртука.

Коляска, минуя городъ, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской Лавры.

Стройно звучитъ тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Вся монастырская братія встрѣчаетъ государя во главѣ съ митрополитомъ... Святая вода окропляетъ коронованную голову и блѣдныя царскія уста благоговѣнно касаются золотого креста.

Государь взволнованъ... Этотъ тяжелый мракъ вокрутъ, таинственный длинный рядъ монаховъ, широко раскрытыя соборныя двери и виднѣющаяся вдали ярко

освѣщенная рамка угодника Божія поражаютъ воображеніе императора.

Государь прямо проходитъ въ соборную церковь и на порогѣ останавливается, чтобы отдать три земныхъ поклона Царю Царей.

Во время молебна онъ стоитъ грустный, слезами блистаютъ его очи.

Государь не могъ сосредоточиться въ молитвѣ, въ этой тихой обители все громадное прошлое его царственной жизни блѣдными тѣнями кружилось передъ нимъ. Знакомыя лица сподвижниковъ юныхъ дней, казалось, грустно улыбались и укоризненно качали головами. И почему-то вспоминался розовый павильонъ, въ которомъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ праздновалось съ торжествомъ возвращеніе его изъ Парижа. Тогда былъ чудный день, розы цвѣли и благоухали, нарядная изумрудная зелень кокетливо одѣвала деревья... А вчера, прогуливаясь по тѣмъ же аллеямъ, онъ чувствовалъ холодное, сырое дыханіе осени, онъ видѣлъ пожелтѣвшіе листья деревь, опустошенныя клумбы розъ, словно весь міръ окинутъ былъ зловѣщей грустью, и эта грусть находила откликъ въ его душѣ.

Да, его юность и яркій свѣтъ свободы, ее освѣщавшей, завяли и осыпались, какъ лепестки когда-то роскошныхъ розъ, и въ осени его жизни вставали уже другія идеи, другія лица, другіе сподвижники. Все прежнее словно смысла могущая волна.

И сквозь туманъ воспоминаній ясно выступаетъ блѣдное, тонкое, непроницаемое лицо Шервуда, доносчика, и слышатся его холодныя язвительныя рѣчи, и чувствуется приближеніе грозы.

Душа императора озлобилась противъ всѣхъ этихъ людей, которые въ самомъ сердцѣ его имперіи пылаютъ къ нему ненавистью, рѣшаютъ часть его смерти, назначаютъ переворотъ въ его государствѣ.

Чаша терпѣнія переполнилась, больше молчать онъ

не станеть. Кто знаетъ, на что могутъ рѣшиться эти безумцы, эти либеральныя заговорщики, которыхъ онъ самъ отчасти создалъ заблужденіями своей юности.

Они перешли границу и пусть отвѣчаютъ. Онъ — государь и долженъ охранять свою имперію отъ всѣхъ ненужныхъ потрясеній.

Кажется, на Шервуда можно положиться, и, когда онъ вернется изъ своего путешествія, онъ однимъ движеніемъ властной руки остановить и прекратить всѣ эти подпольныя фантазіи навсегда.

„Спаси, Господи, люди Твоя“, — торжественно грянулъ хоръ монашествующихъ. Государь вздрогнулъ и пробудился отъ грёзъ.

Молебень кончился, и снова высокая фигура государя склонилась въ низкомъ поклонѣ предъ Царемъ Царей.

Государь послѣдовалъ въ келью митрополита, гдѣ пробылъ недолго, — онъ не хотѣлъ отклоняться отъ своего маршрута.

У самого подъѣзда митрополитъ указалъ государю на маленькую дверь.

— За этой дверью, ваше величество, нашъ старецъ-схимникъ.

Государь остановился въ нерѣшимости, но дверь тихо, словно волшебная, открылась предъ нимъ.

Государь отступилъ на одинъ шагъ.

Полъ и стѣны маленькой кельи были обиты чернымъ сукномъ, вмѣсто мебели стояла одна черная деревянная скамья. Въ тускломъ свѣтѣ единственной лампадки поблескивало большое серебряное распятіе, выступали кроткія очи Божьей Матери и святого Іоанна. У подножья распятія, скорчившись, лежала человѣческая фигура, вся въ черномъ, и только бѣлѣла сѣдая голова.

Государь робко переступилъ порогъ, и распростертая фигура медленно поднялась.

На государя глянули большіе голубые выпуклыя глаза, и блѣдное страдальческое лицо предстало передъ нимъ.

— Молись, государь.

Тихій голосъ проникъ въ сердце Александра, и душа его невольно отдалась молитвѣ.

— Какъ здѣсь мрачно и пусто, — сказала императоръ, — гдѣ твоя постель, отче?

Старикъ указалъ на полъ передъ самымъ распятіемъ.

— Вотъ здѣсь, государь.

И, пристально заглянувъ въ глаза Александра, указалъ ему за перегородку въ своей кельѣ.

— И вотъ здѣсь.

Александръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, робко заглянувъ за перегородку, онъ такъ и застылъ передъ странной картиной, развернувшейся передъ нимъ. На черномъ столѣ стоялъ черный гробъ, и въ немъ саванъ и свѣчи для погребенія.

И пока государь молча всматривался, словно пригвожденный къ поразительному зрѣлищу, таинственно шелестѣлъ голосъ схимника, какъ сухіе листья подъ порывомъ вѣтра осенью.

— Вотъ здѣсь лягу я, государь, и всѣ, всѣ мы когда-нибудь ляжемъ и будемъ долго, долго спать. Вѣчный сонъ пробудитъ одинъ только Господь... Я старъ и многое видѣлъ на свѣтѣ, не считай моихъ словъ пустыми... До великой чумы русскій народъ былъ чистый и набожный, а послѣ чумы онъ испортился. Война, твоя война, государь, за свободу народовъ исправила россіянъ, они вспомнили Бога, котораго такъ часто забывали. Но теперь, по окончаніи войны, россіяне стали еще хуже, чѣмъ были послѣ чумы. О государь, Отецъ Неба сдѣлалъ тебя отцомъ земли и хочетъ Онъ, чтобы ты любилъ, охранялъ и прощалъ свой народъ.

Государь низко опустилъ голову и ему вдругъ показалось, что изъ чернаго гроба выглядываетъ блѣдное, холодное лицо Шервуда-доносчика.

— Я не забуду твоихъ словъ, отче, благослови меня.

Государь покинулъ лавру, до самыхъ воротъ онъ ѣхалъ съ открытою головою, а послѣднія слова, которыя слышали изъ державныхъ устъ, были:

— Помолитесь обо мнѣ.

И застоявшіеся кони помчали самодержца прочь изъ Петербурга къ заставѣ.

У заставы государь остановился, привставъ въ коляскѣ, и долго, не отрываясь, глядѣлъ на столицу, которую покидалъ.

Всѣ огни погасли, брежжили суровый разсвѣтъ, холодный туманъ окутывалъ Петербургъ.

Тяжелымъ, больнымъ предчувствіемъ сжалось сердце государя, оно словно почуяло, что больше никогда здѣсь не будетъ биться.

И Александръ уже не вернулся въ Петербургъ. Онъ только наполовину исполнилъ задачу своего маршрута и послѣ непродолжительной болѣзни скончался.

Но народъ не повѣрилъ смерти императора. Народное преданіе говоритъ, что не Александръ умеръ въ Таганрогѣ, а вмѣсто него хоронили подставное лицо. Народное преданіе утверждаетъ, что Александръ постригся въ монахи и долго жилъ въ Сибири подъ именемъ Федора Кузьмича.

Едва только грозная вѣсть о смерти императора коснулась Россіи, всѣ, какъ одинъ человекъ, присягнули императору Константину, старшему брату государя.

Вѣсть о смерти императора какъ громомъ поразила членовъ тайнаго союза и накануне присяги всѣ они собрались у Рылѣва.

— Одинъ могучій врагъ сошелъ съ нашего пути... Насталъ переходный моментъ и мы собрались здѣсь, братья, чтобы рѣшить, какъ намъ поступать. Воспользоваться-ли намъ этой краткой перемѣной, ниспосланной судьбой, или ждать болѣе благоприятнаго мгновенія?

Рылѣвъ былъ блѣденъ и голосъ его дрожалъ.

Долго спорили и, наконецъ, единогласно рѣшили не противиться восшествію на престолъ императора Константина. Развѣ мыслимо было предпринять что-либо

рѣшительное въ эти единственные сутки, оставшіяся до присяги?

Наступило грустное молчаніе, словно всѣ разомъ погрузились въ думы, и среди этой гробовой тишины медленно заговорилъ Оболенскій:

— Не только немыслимо противиться восшествію на престолъ, не только невозможно идти на рѣшительный переворотъ, но даже болѣе того: на первое время, съ появленіемъ новаго Императора, а слѣдовательно и новаго управленія, нужно дѣйствія нашего общества временно приостановить.

Опять раздались слабые протестующіе голоса и опять побѣдила сила разсудка.

Грустно, почти молча, разошлись по своимъ домамъ члены союза благоденствія. Всѣ ихъ мечты и планы, осуществленіе ихъ высокихъ идей теперь отдалились надолго, быть можетъ, навсегда. Но на слѣдующій день снова блеснулъ лучъ надежды: всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ завѣщаніе императора Александра въ пользу великаго князя Николая Павловича.

Константинъ упорно отказывался отъ престола, мысль промѣнять тишину уединеннаго дворца и сладость семейной жизни на бурный блескъ престола, казалась царевичу — дикой и невозможной.

Великій князь Николай напрасно посылалъ за нимъ гонца за гонцомъ, Константинъ — упорствовалъ.

Въ народѣ и въ войскѣ ходили всевозможные слухи, въ разныя стороны уклонявшіеся отъ правды. Николай не зналъ, на что ему рѣшиться, близкіе и совѣтники призывали его на тронъ.

Въ эти смутные дни пришелъ на имя императора большой таинственный пакетъ, на немъ стояла тревожная надпись: экстренно и неотложно.

Дрожащими руками Николай вскрылъ пакетъ и, когда прочелъ исписанные листы, невольный стонъ ужаса вырвался изъ его груди. Это былъ подробный отчетъ Шервуда: картина заговора, разросшагося въ войскѣ,

въ обществѣ и народѣ, развернулась передъ глазами великаго князя.

Онъ понялъ, что больше медлить нельзя, что междуцарствіе болѣе, чѣмъ опасно, и почти со слезами принялъ корону.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

ДЕРЗАЙТЕ!

Темный, туманный, зимний вечеръ... Что-то мокрое сыплется съ хмураго неба, улицы покрыты грязнымъ снѣгомъ... Столица Россіи зловѣще утопаетъ въ вечернемъ сумракѣ.

У большого красиваго дома князей Ланскихъ не свѣтятся даже обычные фонари, не стоитъ, какъ всегда, на стражѣ облаченный въ ливрею старый швейцаръ.

Но вотъ большая дверь главнаго подъѣзда тихо и таинственно открывается и на порогѣ показывается высокая стройная фигура графа Григорія Алексѣевича Ланского. Не всякій могъ бы сразу узнать его: воротникъ шубы высоко поднятъ, фуражка низко опущена на самыя брови.

Онъ нѣсколько разъ невольно оглядывается вправо и влево; никого, тишина; онъ осторожно прикрываетъ дверь и крупными спѣшными шагами идетъ по тротуару, мокрый снѣгъ скользитъ подъ его ногами.

Онъ направляетъ свой путь къ Синему мосту, къ дому американской компаніи, въ которомъ живетъ Кондратій Рылѣевъ. Особенное настроеніе, лихорадочное ожиданіе чего-то необычайнаго и рокового охватываетъ его существо.

Сегодня рѣшается участь ихъ дѣла, дорогаго дѣла, которому отданы всѣ силы души, весь остатокъ жизни. Са-

ма судьба идетъ навстрѣчу тайнымъ членамъ „Союза Благоденствія“, идетъ она имъ навстрѣчу, улыбаясь, держитъ въ прекрасныхъ рукахъ заманчивое счастье, которымъ общается освѣтить всю темную Русь.

Императоръ Александръ скончался, оставивъ тайственное никому доселѣ неизвѣстное завѣщаніе престола въ пользу младшаго брата своего Николая, нарушая этимъ своимъ завѣщаніемъ законъ престолонаслѣдія... А вся могучая Русь уже присягнула законному наслѣднику Константину, но тотъ оставался вдали отъ столицы, въ тиши своего дворца и семьи; его не манилъ блескъ престола, онъ только видѣлъ тернии царскаго вѣнца, съ ужасомъ отстранялъ его отъ себя и съ полной готовностью отрекался въ пользу младшаго брата.

Николай, утраченный междуцарствіемъ и совѣтами близкихъ, послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, нетвердою ногою ступилъ на ступень трона и, со слезами на глазахъ и страхомъ въ душѣ, надѣлъ могучую корону русскихъ царей.

Члены тайнаго союза нашли моментъ подходящимъ для осуществленія своихъ плановъ.

Каждый день происходили бурныя засѣданія и сегодняшнее должно было быть рѣшительнымъ и послѣднимъ. Агитаторы ловко проникали въ войска, восстанавливали солдатъ, обѣщая имъ уменьшеніе срока службы, въ случаѣ ихъ вѣрности законному царю Константину, называя молодого царя Николая самозванцемъ, отнявшимъ престолъ у брата.

Правительство дремало и графъ Милорадовичъ убѣжденно говорилъ, что въ городѣ все благополучно, хотя агенты и докладывали о сборищахъ у Рылѣва.

Не проявилъ себя ничѣмъ и когда-то всесильный Аракчеевъ. Вѣдь въ его вѣдѣніи находились именно войска, а онъ стоялъ какъ бы глухой и слѣпой передъ приближающейся въ этихъ войскахъ грозой... Можетъ быть, смерть императора-благодѣтеля и неизвѣстность собственнаго будущаго сковывали его мозгъ и силы.

Можетъ быть, острая боль сердца, такъ недавно

раненаго ужасной смертью дорогой ему женщины, павшей жертвою черни, затемнила все остальное.

Самъ молодой императоръ находился въ ложномъ убѣжденіи, что всѣ мѣры приняты... А между тѣмъ, даже манифестъ о восшествіи его на престолъ не былъ отпечатанъ въ должномъ количествѣ и не былъ своевременно прочтенъ въ церквахъ народу.

Хотя государь зналъ о заговорѣ, но караулъ не былъ усиленъ, дворцы и учрежденія не были укрѣплены.

Такимъ образомъ все было открыто тайнымъ заговорщикамъ, — имъ оставалось только совладать съ дававшимся имъ въ руки счастьемъ.

Всѣ эти соображенія промелькнули въ головѣ графа Григорія, пока онъ шелъ на послѣднее засѣданіе.

Когда онъ вошелъ въ квартиру Рылѣва, — тамъ уже собрались всѣ главные члены, а также группами офицеры разныхъ полковъ. Рылѣвъ переходилъ отъ одной группы къ другой, онъ былъ боленъ и закутанъ большимъ платкомъ, лихорадочный румянецъ горѣлъ на его щекахъ, въ глазахъ и чертахъ лица сіяло воодушевление.

Все многолюдное собраніе было охвачено лихорадочнымъ повышеннымъ настроеніемъ. Отъ времени до времени вырывались отчаянныя фразы, предложенія, распоряженія... Рѣзко выдѣлялись громкіе возгласы Якубовича.

Графъ Григорій тихо остановился, прислушиваясь, глаза его вспыхивали, дрожь пробѣгала по тѣлу. Рылѣвъ замѣтилъ его и сейчасъ-же къ нему подошелъ.

— Слышите, какой шумъ, гамъ, споры? Многіе бѣснуются, но я больше довѣряю такимъ молчаливымъ, какъ вы. Завтра все рѣшается. Или панъ, или пропаль! Якубовичу поручено поднять артиллеристовъ и измайловскій полкъ. Завтра утромъ мы всѣ соберемся на Сенатской площади и трудую пойдемъ спасать Россію. Ночью дѣйствовать мы не станемъ. Ночь тѣмъ, кто не чувствуетъ легальности... Наше движеніе слишкомъ

чисто и свѣтло, чтобы бояться солнечныхъ лучей. Итакъ, дорогой другъ, — дерзаемъ!

Рылѣевъ отошелъ отъ графа Григорія и его вдохновенный голосъ раздался около другой группы.

Графъ Григорій невольно имъ любовался: неземной свѣтъ лился изъ его черныхъ глазъ. Блѣдное, слабо озаренное луннымъ свѣтомъ лицо.

— Господи, — говорилъ онъ, — завтра мы ставимъ все на карту. Не только нашу карьеру, семью, честь... но счастье и обновленіе Россіи. Дерзайте, впередъ! Пока все за насъ. Это единственный случай, и мы будемъ подлецами, если не воспользуемся имъ для спасенія родины...

Группа молодыхъ офицеровъ окружила „диктатора“, князя Трубецкого.

— Небывалыя обстоятельства теперь въ Россіи, — гордо говорилъ онъ имъ, — надо воспользоваться ими, чтобы доставить Россіи правильное правленіе.

— Мы готовы дѣйствовать подъ вашимъ руководствомъ! — горячо отвѣчали они ему.

Трубецкой продолжалъ:

— Пусть первый полкъ, который откажется отъ присяги, будетъ выведенъ изъ казармъ съ барабаннымъ боемъ къ слѣдующимъ казармамъ. Одни увлекутъ другихъ, искра облетитъ солому, и все воспламенится. Лейбъ-гренадерамъ поручить овладѣть арсеналомъ, а финляндцамъ — Петропавловской крѣпостью.

— Войска вести на Сенатскую площадь, — предложилъ полковникъ Булатовъ, — захватить сенаторовъ въ сенатѣ, и пусть они подписываютъ подъ давленіемъ силы манифестъ.

— Да здравствуетъ Булатовъ! — крикнули офицеры.

Полковника Булатова знали и любили солдаты всѣхъ гвардейскихъ полковъ, и ему поручили начальство надъ войсками, которыя должны были собраться на Сенатской площади.

Слышались отрывистыя, лихорадочныя фразы:

— Собрать выборныхъ людей, пусть рѣшаютъ, за кѣмъ останется престолъ.

— Учредить временное правленіе!..

— Предложить Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова!..

— Уменьшить рядовымъ срокъ военной службы!..

— Освободить крестьянъ!..

— Конституція!..

— Революція!..

— Смерть тиранамъ!..

— Государственный совѣтъ за насъ!..

— По слѣдамъ Европы, господа!..

— Оцѣпить войсками столицу!..

А въ самомъ центрѣ стоялъ Рылѣевъ, и рѣчь его лилась, огненная и плавная, какъ лава.

— Поднимайте войска... и идите съ ними во дворецъ... Надобно нанести первый ударъ, а замѣшательство откроетъ новые пути... Арбузовъ, Сутгофъ... все равно... первый, кто придетъ на площадь, — тому путь во дворецъ... Довольно того, если императоръ Николай и царская семья покинутъ дворецъ и Россію... Противная намъ партія останется безъ головы... Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ и самыя нерѣшительныя пойдутъ за нами... Весь нашъ успѣхъ только въ одномъ: дерзайте!.. И я вамъ говорю отъ глубины моего сердца: дерзайте!.. Если даже у насъ не будетъ успѣха, все-таки необходимое потрясеніе будетъ дано... Если мы погибнемъ, мы своей неудачей и пролитой кровью научимъ другихъ. Мы пойдемъ славно, какъ первые безстрашные борцы за свободу!..

Рѣчью Рылѣева закончилось послѣднее засѣданіе будущихъ декабристовъ тринадцатаго декабря.

— Теперь по домамъ, и каждый за свое дѣло!.. Завтра утромъ мы встрѣтимся всѣ на Сенатской площади, а вечеромъ, — одни изъ насъ польютъ своею кровью мерзлую землю, другіе — или высоко поднимутъ знамя свободы надъ обновленную Россіей, или... скованные цѣпами будутъ брошены въ зловѣщія тюрьмы.

Какъ пьяный, вышелъ графъ Григорій изъ буйныхъ, шумныхъ комнатъ на холодный, сырой воздухъ. Словно таинственная сила влекла его къ дому предковъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ, дверь была открыта, его ждали слуги.

Онъ не раздѣвался всю ночь. Медленно обошелъ онъ всѣ комнаты, словно прощался съ ними, съ этими безмолвными свидѣтелями его дѣтства, юности, радостей и горя.

Невольно вся жизнь промелькнула теперь такъ ясно, можетъ быть, въ этотъ послѣдній свой день.

Онъ написалъ два письма: Настенькѣ и Эвелинѣ.

Это двѣ женщины, сыгравшія роль въ его жизни.

И какъ-бы могъ онъ быть счастливъ, если-бы... А вѣдь Настенька его любитъ... она пришла предупреждать, спасать.

Вотъ ея портретъ... На него глядѣтъ чистые, чудные, лучистые глаза.

— Возлюбленная, — прошепталъ онъ, цѣлуя портретъ, — возлюбленная, прощай.

Потомъ онъ тихо подошелъ къ образу Спасителя, кротко и скорбно глядѣвшаго на него, и горячая, безсвязная молитва охватила его душу.

— Дерзай!.. — говорилъ чей-то голосъ. — Спасай родину своею кровью... Побѣди... или умирай...

А разсвѣтъ близился.

II

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСЯГОЙ

Ночь на четырнадцатое декабря... Покои великаго князя Николая освѣщены. Происходитъ что-то необычайное: въ неурочный ночной часъ съѣзжаются во дворецъ начальники гвардейскихъ полковъ.

Великій князь Николай выходитъ къ нимъ блѣдный, взволнованный; завтра день его восшествія на престолъ

и онъ знаетъ, что этотъ день не обойдется безъ междуусобнаго кровопролитія.

Нѣсколько часовъ тому назадъ въ этой же самой залѣ, гдѣ теперь почтительно вытянувшись стоятъ блестящіе начальники гвардейскихъ полковъ, — въ этой самой залѣ поручикъ Ростовцевъ, одинъ изъ членовъ тайнаго союза, испуганный мыслію о предстоящемъ кровопролитіи, паль къ ногамъ великаго князя и открылъ намѣренія и надежды своихъ сотоварищей. И теперь великій князь Николай знаетъ, что многіе во многомъ будутъ препятствовать его вѣсшествію на престолъ.

Волненіе и трепетъ охватываютъ будущаго самодержца, но рѣшительный, смѣлый умъ его не теряется, напротивъ, широко охватываетъ опасность и повсюду ищетъ выхода.

И вотъ одна изъ первыхъ мѣръ — этотъ созывъ начальниковъ гвардейскихъ полковъ.

Преувеличенно милостиво отвѣчаетъ онъ на поклоны генераловъ и полковниковъ; голосъ его вздрагиваетъ, и сердце колотится въ груди, но могучая осанка полна гордаго достоинства, а голубые прекрасные глаза загораются пламенемъ.

— Нашему престолу и нашей родинѣ грозитъ опасность, смертельная опасность, генералы! Подлая измѣна пустила свои корни по всей Россіи, они ползутъ у самаго трона. Измѣнникамъ пощады не будетъ. Въ войскахъ распространяютъ ложные слухи о насильственномъ, якобы, захватѣ мною предназначенной мнѣ императоромъ Александромъ короны, въ ущербъ брату моему Константину. Эти подлецы распространяютъ слухъ, что жизнь Константина въ опасности. Генералы, я и Россія возлагаемъ надежды на васъ... Я никогда не забуду вашихъ услугъ, и ваши имена будутъ навсегда записаны въ сердца и души императора. Вы будете моими помощниками и сподвижниками всю жизнь, достойныя васъ награды засіяютъ на вашихъ храбрыхъ грудяхъ...

— Рады стараться, ваше величество! — въ одинъ голосъ отвѣчали доблестные предводители гвардіи, и

только одинъ между ними, генераль Шиповъ, стоялъ молча, потупивъ голову, словно сраженный неожиданнымъ ударомъ.

Увы, онъ самъ былъ въ числѣ этихъ „подлыхъ измѣнниковъ“... И генералу Шипову сразу стало ясно, какъ трудна и, по всей вѣроятности, тщетна будетъ борьба проповѣдниковъ свободы съ поборниками рабства. При одномъ взглядѣ на могучую, властную фигуру будущаго императора, на эти желѣзные гордые черты, на эти прекрасные глаза, объятые пламенемъ, — было ясно, какъ быстро и беспомощно увянуть, не дождавшись расцвѣта, молодые побѣги свободы. И сердце генерала болѣзненно сжалось, и черты его не сумѣли скрыть смущенія и безпокойства.

Но будущій императоръ былъ слишкомъ занятъ собственными мыслями и планами, собственною опасностью, онъ не замѣтилъ смущенія Шипова.

— Не теряя ни одного мгновенія, спѣшите, генералы, въ свои полки и до разсвѣта приведите къ присягѣ вашихъ солдатъ... Въ этомъ спасеніе родины и престола... Да будетъ Господь съ вами и да благословитъ Онъ васъ.

Генералы единодушно откликнулись на приказаніе государя и поспѣшили къ своимъ полкамъ. Самымъ послѣднимъ, замедляя шагъ, словно что-то обдумывая, шелъ генераль Шиповъ.

Великій князь Николай остался одинъ. Онъ не спалъ всю ночь, онъ съ трепетомъ ждалъ народженія новаго дня.

И вотъ въ зеркальныхъ широкихъ окнахъ дворца чуть забрезжило сумрачное декабрьское утро съ восемью градусами мороза.

Облачаясь въ мундиръ измайловскаго полка, государь замѣтилъ генераль-адъютанту Бенкендорфу:

— Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ на свѣтѣ, но все-таки мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ.

Въ 7 утра созваны были для присяги сенатъ и синодъ, а всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору „въ Зимній дворецъ“ къ 11 утра для молебствія.

Прибыль съ увѣреніемъ, что въ городѣ спокойно, и всѣ мѣры предосторожности приняты, генераль-губернаторъ, графъ Милорадовичъ.

Вслѣдъ за нимъ генераль Орловъ донесъ объ окончаніи присяги.

Первыя тревожныя вѣсти отъ генерала Сухозапета — объ отказѣ конной артиллеріи присягать императору Николаю.

Нѣсколько минутъ спустя генераль Нейдгардъ, растерянный и взволнованный, докладывалъ о бунтѣ въ московскомъ полку, о пораненіи командировъ и объ отступленіи взволновавшихся войскъ на Сенатскую площадь.

Эти извѣстія поразили императора Николая, какъ громомъ, теперь онъ уже не сомнѣвался въ силѣ и серьезности заговора. Дрожащимъ голосомъ онъ далъ приказаніе преображенцамъ сѣдлатъ коней, онъ разослалъ съ порученіями всѣхъ своихъ генераловъ и остался одинъ.

Голова государя кружилась, передъ нимъ разверзалась пропасть, становившаяся съ каждымъ мгновеніемъ все глубже.

Что дѣлать? Что дѣлать?

На нѣсколько мгновеній онъ совершенно растерялся, но вотъ его взоръ скользнулъ по сѣрому сумрачному небу и вдругъ оживился и заблесталъ. Широкое крестное знаменіе ослѣнило царственную грудь.

— Отдаюсь въ Твои руки, великій Боже, Ты, Царь Царей, Царь земли и неба, вселенной, рѣшай мою участь. Если надо, бери мою жизнь. Подъ благословеніемъ Твоей деницы я пойду навстрѣчу опасности.

Съ этой минуты государь уже болѣе не колебался, смѣлѣя распоряженія такъ и сыпались изъ его устъ, онъ былъ самъ повсюду, гдѣ только собирались тучи, онъ разсѣивалъ ихъ, и жизнь его не разъ подвергалась опасности.

Сѣздъ ко дворцу начинался. Площадь была усеяна моремъ головъ и вереницами экипажей. Государь смѣло вышелъ и съ порога дворца обратился къ народу. Могу-

чье „ура“ несло ему навстрѣчу, и словъ его не было слышно.

Изъ толпы выдѣлилась блестящая фигура графа Милорадовича.

— Ваше Величество, дѣло плохо, измѣнники идутъ къ сенату. Я иду къ нимъ навстрѣчу, я буду съ ними говорить.

И снова въ густой толпѣ потонула блестящая фигура Милорадовича.

Между тѣмъ государь тихимъ, протяжнымъ голосомъ, объясняя каждое слово, читалъ народу свой манифестъ. Ему нужно было вытратить время, чтобы дать войскамъ собраться, и онъ читалъ все медленнѣе и протяжнѣе, а сердце въ груди его замирало и мысленно онъ предавалъ каждое мгновение свою душу единому Богу.

Но вотъ за толпой показались блестящіе преображенцы. Протискиваясь сквозь густую толпу, государь самъ пошелъ имъ навстрѣчу.

Вотъ онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ этимъ баталіономъ, на который рѣшила опереться его державная рука.

— Готовы вы идти за мною, братцы?

— Рады стараться! — раздался молодецкій отвѣтъ, словно раскатъ грома, покрывая шумъ толпы.

— Къ атакѣ, въ колонну!

И баталіонъ, какъ одинъ человекъ, двинулся за своимъ государемъ.

Около дома главнаго штаба государь замѣтилъ блѣдное взволнованное лицо полковника князя Трубецкого.

Почему же „диктаторъ“, единодушно выбранный членами тайнаго союза, стоялъ тутъ одиноко и растерянный? Почему онъ не былъ тамъ, на своемъ мѣстѣ, съ этими двумя тысячами храбрецовъ, которые ставили свою жизнь на карту для спасенія родного народа?

Грянули отдаленные выстрѣлы. Народъ, какъ волны морскія, все прибывалъ и прибывалъ.

Съ Сенатской площади неслись торжественные крики: „Ура, Константинъ!“, и издали видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала.

Государь и преображенцы, зарядивъ ружья, смѣло шли впередъ.

Но вотъ государь вздрогнулъ и отшатнулся. Почти противъ него вдругъ выросла высокая фигура офицера... Голова его была обвязана чернымъ, огромные черные усы обвисали вокругъ блѣдныхъ дрожавшихъ устъ... Круглые, черные, зловѣщіе глаза не отрывались отъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ государя, и что-то было въ этихъ круглыхъ глазахъ таинственное и страшное, что-то стальное, холодное, какая-то недосказанная рѣшительная угроза. Непонятный невольный страхъ и вмѣстѣ гадливое отвращеніе охватили все существо государя. Онъ снова отшатнулся, но черезъ мгновеніе подозвалъ незнакомца къ себѣ.

— Какъ зовутъ тебя?

— Якубовичъ, — холодно и коротко бросилъ незнакомецъ, но высоко поднятая рука его тихо и медленно, какъ подъ гипнозомъ, опустилась.

— Съ какою цѣлью здѣсь ты и чего ты желаешь? — надменно и властно спросилъ государь.

И прозвучалъ дерзкій, вызывающій отвѣтъ:

— Я былъ съ „ними“, съ тѣми, которые идутъ противъ васъ, но когда узналъ, что они за Константина, — я бросилъ ихъ и пришелъ къ вамъ.

Государь снова отшатнулся, но пересилилъ себя и взялъ за руку таинственного и страшнаго незнакомца.

— Спасибо, вы знаете вашъ долгъ.

Холодная усмѣшка искривила блѣдныя губы, а черные глаза мрачно и злобно сверкнули:

— Дѣло совсѣмъ не такъ хорошо, ваше величество. Почти весь московскій полкъ участвуетъ въ бунтѣ, теперь они на Гороховой, но черезъ нѣсколько мгновеній будутъ здѣсь...

Онъ тихо, насмѣшливо засмѣялся и вдругъ круто повернулся и ловкимъ движеніемъ врѣзаясь въ густую толпу народа. Нѣсколько разъ еще мелькнула его черная повязка въ глазахъ государя, и онъ исчезъ.

А юный императоръ отдавалъ приказанія за приказаніями.

— Мои войска, на адмиралтейскую площадь... Кавалергарды — въ резервъ — къ дому Лобанова... Семёновцы — къ манежу конной гвардіи и занимайте мостъ.

— Ваше величество, измайловцы не присягаютъ.

А вотъ и другой гонецъ.

— Ваше величество, лейбъ-гренадеры въ безпорядкѣ со знаменами идутъ безъ офицеровъ, смѣшавшись съ толпой!..

И государь, смѣло сверкая глазами, со своими батальонами идетъ навстрѣчу бунтовщикамъ.

Вотъ показалась нестройная смѣшанная толпа... Знамена колеблются въ безпорядкѣ... Блестятъ пуговицы мундировъ, штыки, ружья... Сѣрѣтъ грязная уличная толпа...

— Стойте! — крикнулъ государь.

— Мы за Константина! — отвѣтили ему...

— Тогда къ сенату!.. грозно крикнулъ Николай...

И вся толпа прошла мимо, черезъ войска и примкнула къ своимъ товарищамъ...

Въ это мгновеніе тронъ и жизнь государя были въ опасности, но онъ понялъ это только потомъ... Непопятная психологія толпы предотвратила кровопролитіе подъ окнами дворца.

III

РЫЛѢВЪ ПЕРЕДЪ ВОЗСТАНІЕМЪ

И Рылѣвъ, душа и вдохновеніе заговора, не спалъ всю ночь.

Въ тѣ самыя ночныя мгновенія, когда государь въ глубокомъ смятеніи передалъ свою жизнь во власть Вседержителя, — Рылѣвъ то мелкими, нервными шагами измѣрялъ свой кабинетъ, то, хватаясь за голову, опускался на первый попавшійся стулъ, и дума его неслась, неслась...

Жребій брошень и возврата нѣтъ... Во всякомъ случаѣ завтрашній день будетъ рѣшительнымъ днемъ: или побѣда, или смерть!

Совѣсть его чиста: — онъ всѣмъ сказалъ, что надежды на успѣхъ мало, онъ звалъ ихъ быть лишь началомъ и примѣромъ для другихъ.

Но эти его предупрежденія не охлаждали, а еще болѣе увлекали молодежь.

Вотъ здѣсь, у этого стола, — они мечтали о смерти и повторяли одинъ за другимъ:

— Умремъ, ахъ, какъ мы славно умремъ!

— Какой хаосъ былъ сегодня вечеромъ въ его квартирѣ... Группа изступленныхъ лицъ... Нѣкоторые кричали:

— Крови! Крови! Нечего смотрѣть — рубить и рѣзать!

А вотъ въ памяти Рылѣва встаетъ блѣдное лицо Каховскаго, съ горящими глазами:

— Цареубійство... — повторилъ онъ словно задавленнымъ змѣинымъ шопотомъ.

И онъ, Рылѣвъ, отвѣчалъ какимъ-то чужимъ голосомъ:

— Ты сирѣ на землѣ, жертвуй собой для другихъ.

А вотъ выступаетъ въ воспоминаніяхъ рѣзко очерченная голова Якубовича съ черной повязкой, и звучитъ его дерзкій голосъ:

— Разбить кабаки, дозволить солдатамъ грабежъ, взять церковныя хоругви и, прикрываясь ими, идти во дворецъ.

И онъ, Рылѣвъ, протестовалъ съ жаромъ, съ негодованіемъ:

— Какъ? Начинать святое дѣло свободы грабежомъ, воздвигнуть святое знамя руками пьяныхъ солдатъ и грабителей? Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ грязно, слишкомъ недостойно!

Но обманъ все-таки былъ необходимъ, безъ него нельзя было начинать, а начинать побуждало все...

Вѣдь Ростовцевъ уже донесъ государю о существованіи заговора и участь заговорщиковъ уже была рѣшена. — Ножны изломаны, — сабель прятать нельзя!

Возстаніе становилось неизбежнымъ... День присяги новому императору быть единственнымъ и необходимымъ днемъ для начала.

Мысли, одна за другой, блуждали, рвались въ головѣ Рылѣева... Что-то сильное, неудержимое клочкотало въ его груди и искало выхода.

Вотъ онъ опустился въ кресло и восторженная улыбка освѣтила его черты.

— Впередъ, впередъ! Онъ первый поборникъ святой свободы... Его призываютъ стоны народа, плачь и скрежетъ милліона рабовъ, его призываютъ всѣ обиженные, оскорбленные; всѣ страдающіе... Чаша горечи переполнилась, она прольется на страхъ виновнымъ... Глубокій мракъ тяготѣетъ надъ русской землей, — пора зажечь свѣточъ... И онъ зажжетъ его!

Догорѣла и погасла единственная восковая свѣча и въ кабинетѣ Рылѣева стало темно.

Онъ вздрогнулъ и свѣтлая улыбка померкла на его лицѣ. Въ груди болѣзненно заныло, и предчувствіе свинцовой тяжестью спустилось на душу.

И въ этой тѣмѣ ему казалось, что бѣгутъ вокругъ него свѣжія кровавыя струйки, онъ даже чувствовалъ ихъ животную теплоту на своихъ ногахъ...

Невольно онъ вскрикнулъ и бросился къ окну, прислоня къ замерзшему, холодному стеклу горячій лобъ.

— Кровь, кровь! — повторяли за спиной его чьи-то жесткіе, насмѣшливые голоса...

— Кровь и смерть, вѣчный покой!...

И вотъ, во всемъ этомъ хаосѣ чувствъ и борьбы выступаетъ милое лицо жены его, Наташи, и звучить ея тихій голосъ, полный укора.

— Ты знаешь душу мою, ты знаешь мои чувства. И я останусь одна въ мірѣ съ невинной сиротой. Вѣдь тебя одного мы имѣли и все счастье наше было лишь въ тебѣ.

А вотъ изъ-за ея плеча выглядываетъ веселенькое.

жустрое личико его маленькой дочурки, Настеньки... По нѣжнымъ дѣтскимъ щечкамъ льются горькія, частыя слезы.

— Меня папа бросилъ, меня папа бросилъ, — тихо повторяетъ она.

Рылѣвъ со стономъ отшатывается отъ окна и невольно поднимаетъ глаза къ небу.

Чуть брезжитъ сѣрый туманный разсвѣтъ.

Можетъ быть, въ это мгновеніе и взоры государя были прикованы къ этому туманному клочку.

И вдругъ сразу забыты всѣ сомнѣнія и муки. Нервное возбужденіе охватываетъ все существо Рылѣва и требуетъ дѣятельности... Гордость пробуждается.

А вотъ ужъ кто-то стучится въ дверь... Порывисто Рылѣвъ идетъ навстрѣчу и открываетъ... Передъ нимъ князь Оболенскій, такой же бодрый, нервный, возбужденный и рѣшительный.

— Часъ насталъ, — говоритъ Рылѣвъ, — впередъ!..

— Впередъ! — повторяетъ Оболенскій. — Московскій полкъ за насъ, баронъ Розенъ ведетъ финляндскій... Всѣ наши стекаются на Сенатскую площадь. Тамъ уже часть московскаго полка, приведенная Михаиломъ Бестужевымъ и княземъ Щепенинымъ-Ростовскимъ, строится въ карѣ.

Рылѣвъ надѣваетъ солдатскую суму и спѣшитъ на Сенатскую площадь.

Увы, одиноко стоитъ московскій полкъ и никто къ нему не присоединяется. Приведенные обманомъ солдаты стоятъ безъ дѣйствія, выкрикивая по временамъ:

— „Да здравствуетъ конституція!“ — подразумевая подъ ней супругу императора Константина.

Гдѣ же морской экипажъ, который поручено привести на площадь Арбузову? Гдѣ лейбъ-гренадеры? Гдѣ другіе полки?

Гдѣ, наконецъ, назначенный „диктаторомъ“, князь Трубецкой? Онъ скрылся, онъ исчезъ безслѣдно, его никто-никто не можетъ разыскать...

И вотъ командованіе передаютъ князю Оболенскому.

Рылѣвъ вѣ себя, земля колеблется подъ нимъ, свѣтъ начинаетъ гаснуть, — еще не успѣвъ зажечься.

— Иди, Рылѣвъ, торопи запоздавшихъ, увлекай тѣхъ, кто раздумываетъ!

И, весь словно объятый пламенемъ, онъ мчится въ казармы лейбъ-гренадерскаго полка.

— Братцы, братцы, впередъ! Что вы дѣлаете? Братцы! Каждая минута дорога, она стоитъ намъ жизни и свободы! Великій князь Николай, захвативъ престоль, уничтожить насъ всѣхъ, вѣрныхъ присягѣ. Впередъ, братцы, спасайте себя, спасайте императора Константина!

И солдаты хватаютъ знамена, въ однихъ мундирахъ выбѣгаютъ на восьмиградусный морозъ, смѣшиваются съ возставшими группами народа и беспорядочной, шумной, трепещущей толпой бѣгутъ къ Сенатской площади.

А Рылѣвъ мечется по улицамъ и тщетно разыскиваетъ „диктатора“ Трубецкаго. Его нигдѣ нѣтъ, онъ испугался, онъ потерялъ голову.

Куда же теперь? И Рылѣвъ мечется изъ казармы въ казарму, повторяетъ горячія слова офицерамъ и солдатамъ, призываетъ народъ и войско къ возстанію. Но онъ чувствуетъ, какъ гаснетъ его краснорѣчіе, какъ восторженное вдохновеніе измѣняетъ ему въ безплодныхъ усиліяхъ, какъ мракъ отчаянія охватываетъ его душу.

Вотъ раздается первый выстрѣлъ, за нимъ второй и третій. Одинъ смертельно ранилъ генераль-губернатора графа Милорадовича.

Новый приливъ энергіи охватываетъ Рылѣва, новая волна вдохновенія подхватываетъ его и онъ снова бѣгаетъ, суется; снова призываетъ къ возстанію, воодушевляетъ офицеровъ.

А лейбъ-гренадеры, возбужденные Рылѣвымъ, подъ предводительствомъ офицера Попова, идутъ ко дворцу, съ намѣреніемъ овладѣть имъ и, въ случаѣ сопротивленія, истребить царское семейство.

Они уже у главныхъ воротъ дворца и комендантъ

идеть имъ навстрѣчу, — онъ принимаетъ ихъ за отрядъ, присланный государемъ.

Но вдругъ Поповъ во дворѣ встрѣчается съ сапернымъ батальономъ, у него вырывается крикъ страха.

— Да это не наши!

Онъ поворачивается обратно на площадь и гренатеры бѣгутъ за нимъ.

Этотъ моментъ тоже былъ роковымъ, опоздай саперы на одно мгновеніе, — дворецъ и царская семья были бы въ рукахъ взбунтовавшихся.

А государь выигрывалъ время и къ нему стягивались все новыя и новыя силы. У Синяго моста государь присутствовалъ измайловскій полкъ въ полномъ порядкѣ... Вскорѣ прибылъ и семеновскій.

Одновременно росла и крѣпла на Сенатской площади толпа бунтовавшихъ. Стоялъ шумъ и гулъ, изрѣдка раздавались выстрѣлы.

Но вотъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, блѣдный, дрожащій вышелъ старый митрополитъ Серафимъ и поспѣшными шагами направился къ мятежникамъ... Пастыря сопровождалъ одинъ только иподьяконъ. Почтенный старецъ возложилъ на сѣдую голову свою святой крестъ и съ молитвой на устахъ подошелъ къ взбунтовавшимся.

Онъ хотѣлъ говорить, но грозные крики толпы покрывали его слабый, дрожащій голосъ, навстрѣчу ему съ угрозой протянулись дула ружей, голоса требовали его удаленія.

Тогда, рискуя головой, великій князь Михаилъ подѣхалъ къ толпѣ и увѣщалъ ее... И его слова покрылись грозными криками, а пистолетъ Кюхельбеккера направился на его грудь... Великій князь Михаилъ и митрополитъ отступили.

Становилось все холоднѣе и холоднѣе; раннія сумерки надвигались, хотя было всего три часа пополудни... Шумъ и крики усиливались, выстрѣлы учащались, кое-гдѣ лежились трупы, кое-гдѣ слышались стоны раненыхъ.

И вотъ изъ толпы возмущившихся раздался грозный

залпъ. Пули свистали надъ головами. Изъ рукъ рабочихъ изъ-за забора вылетали одно за другимъ тяжелыя полѣна.

Атака кавалергардовъ была отбита.

Наступила роковая минута... Возмутившіеся не поддавались увѣщаніямъ и твердо стояли.

Крикъ, шумъ и выстрѣлы росли.

Въ этотъ моментъ Государь скомандовалъ вѣрнымъ ему войскамъ:

— Пли!...

Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе... Въ отвѣтъ послышались неистовые крики и посыпался бѣглый огонь... На землѣ начинался адъ, междоусобное кровопролитіе.

IV

ВОЗСТАНИЕ

Только передъ разсвѣтомъ 14-го декабря графъ Григорій Алексѣевичъ Ланской забылся тяжелымъ сномъ...

Туманны и тревожны были его сновидѣнія. То выступала Настенька, взволнованная, трепещущая, куда-то звала, о чемъ-то предупреждала, отъ чего-то спасала... То наводняли комнату члены тайнаго союза и слышался шумъ, споры, восклицанія.

— Умремъ за правду! — кричали одни.

— Рубить и рѣзать, безъ пощады! — кричали другіе.

Вотъ дерзкое загадочное лицо Якубовича; вотъ тонкое благородное, взволнованное — Оболенскаго, а вотъ темная вдохновенная голова Рылѣва.

— Любезные друзья, — призываетъ его взволнованный голосъ, — жертвуйте собой для родины... Свобода — счастье, умремъ за нее! Все равно умирать, — намъ измѣнили, — дворъ знаетъ многое, но мы еще сильны...

Но вотъ исчезали всѣ эти лица и всплывало смѣю-

щееся лицо Эвелины, и вдруг улыбка внезапно исчезала, и цѣлые потоки свѣтлыхъ слезъ являлись ей на смѣну.

А вотъ и Эвелины ужъ нѣтъ, а тихо раздвигаются старинныя широкія стѣны его дворца и идетъ безконечная толпа, цѣлое море головъ. Всѣ они въ рубищѣ, изнурены трудомъ, болѣзнями и голодомъ, крупныя капли пота блестятъ на изможденныхъ лбахъ, на впалыхъ лицахъ написано страданіе и озлобленіе.

И подступаетъ это море бѣлыхъ рабовъ все ближе и ближе къ графу Григорію. Они молятъ, стонутъ, угрожаютъ и проклинаятъ.

— Спасите насъ — вы обѣщали, вы поклялись передъ Богомъ и людьми!

И графу Григорію страшно становится, и вмѣстѣ съ тѣмъ эти стоны наполняютъ его душу энергіей. Что его жизнь и кровь въ сравненіи съ ихъ неволей?

Онъ безпомощно оглядывается. За нимъ стоятъ Рылѣвъ, Оболенскій и всѣ тѣ, кого онъ видѣлъ сегодня вечеромъ на послѣднемъ рѣшительномъ засѣданіи въ квартирѣ Рылѣва.

— Впередъ, впередъ! — кричатъ они и указываютъ на окна.

А изъ оконъ виднѣется яркое пламя, оно обнимаетъ всю столицу... И вдругъ раздается залпъ, страшный ружейный залпъ.

Графъ Григорій вскрикиваетъ и просыпается... Онъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, одѣтый задремалъ у окна.

Тишина и, очевидно, очень рано... — Блѣдный сумрачный день заглядываетъ въ окно.

Роковой день...

Сразу вспомнилось все... Важность задуманнаго предприятия охватила графа Григорія.

Онъ бодръ и спѣшитъ дѣйствовать.

Прежде всего онъ ѣдетъ въ казармы московскаго полка. Тамъ также не спали всю ночь, и солдаты въ мундирахъ, подъ предводительствомъ офицеровъ, вооруженные стройными рядами, двигаются къ Сенатской площади.

Вотъ и Оболенскій. Онъ взволнованъ и спѣшитъ

ободрять солдатъ завѣдомой ложью, обвиняя великаго князя Николая въ измѣнѣ Константину и насильномъ захватѣ престола.

Графа Григорія передергиваетъ отъ этой лжи, а Оболенскій, наскоро пожавъ ему руку, и, какъ бы читая его мысли, говоритъ:

— Что дѣлать, такова необходимость. Мы слишкомъ слабы, чтобы справиться иначе, а цѣль наша слишкомъ велика, чтобы не принести многого ей въ жертву.

Слова и взглядъ Оболенскаго ободряютъ графа Григорія, и онъ твердо шагаетъ слѣдомъ за стройными рядами московскаго полка на Сенатскую площадь.

Долго стоялъ московскій полкъ въ печальномъ уединеніи и бездѣйствіи, восклицая по временамъ:

— Да здравствуетъ конституція! — и этими восклицаніями привлекая разношерстную толпу народа.

Другіе полки не появлялись, „диктаторъ“, князь Трубецкой, скрылся.

Но вотъ показался взволнованный Рылѣевъ, и одушевленіе вновь закипѣло. Черезъ часъ прибыли лейбъ-гренадеры и войска другихъ частей.

Но и правительство не дремало: самъ государь шелъ навстрѣчу бунтовавшимъ съ вѣрными преображенцами, вскорѣ примкнули къ нему семеновцы и измайловцы.

Число бунтовщиковъ возрасло уже до двухъ тысячъ... Началась стрѣльба... Шумъ и крикъ стояли въ воздухѣ.

Первая кровь пролилась, и озвѣрѣлая толпа пробуждалась...

Со стороны правительства послѣдовала атака кавалеріи... Конная гвардія первая атаковала по-эскадронно, но отступила въ темнотѣ, въ гололедицѣ... Она потеряла многихъ тяжело раненыхъ...

Атака кавалергардовъ также не имѣла успѣха... Вzbунтовавшіеся не дрогнули въ твердой сомкнутой колоннѣ.

Какъ сквозь сонъ видѣлъ графъ Григорій митрополита съ крестомъ на обнаженной головѣ; его увѣщаній не слушали, его оттѣснили угрозами.

Вдали мелькало блѣдное, нахмуренное лицо императора Николая... И вотъ плотно сжатые губы его раздвинулись, и застонало въ воздухѣ одно только слово:

— Пли!

И тогда на Сенатской площади начался адъ, настоящая бранная сѣча... Шумъ и грохотъ выстрѣловъ мѣшались съ ревомъ толпы, съ предсмертными криками, со стонами раненыхъ.

И двухтысячная толпа бунтующихъ дрогнула, стала разсыпаться.

Одни спасались къ Англійской набережной, другіе на Неву... Находились до того растерявшіеся, что бѣжали навстрѣчу выстрѣламъ изъ орудій при семеновскомъ полку, чтобы достичь берега Крюкова канала.

Преображенцы и измайловцы преслѣдовали бѣгущихъ.

Михаиль Бестужевъ на Невѣ строилъ колонну, чтобъ, пробравшись по льду, захватить Петропавловскую крѣпость.

Графъ Григорій бросился къ нему, но не успѣлъ онъ добѣжать до Невы, какъ страшный трескъ орудій слился съ почти нечеловѣческимъ безумнымъ крикомъ!

Ледъ прорвался и люди тонули...

Этой минутой участь дня была рѣшена, и мятежъ во имя свободы былъ подавленъ.

Болѣзненно тоскливо сжалось сердце графа Григорія; погасъ послѣдній свѣтъ въ его жизни, а эта ненужная жизнь все еще оставалась при немъ, тяготила его, удерживала на чуждой, постылой землѣ его больную душу.

Но вотъ жгучая боль пронизала его плечо, брызнула струя горячей крови и, теряя послѣднія силы, онъ упалъ безъ сознанія.

Послѣднимъ сознательнымъ ощущеніемъ его была жгучая боль, какая-то липкая теплота и чей-то мучительный, душераздирающій крикъ. А потомъ надолго настала ночь и отдалила отъ него все тяжелое, больное, роковое...

Между тѣмъ войска преслѣдовали бѣгущихъ.

Надъ Васильевскимъ островомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, а по ту сторону Невы у Сената оставался Васильчиковъ.

Остальныя войска бивуакомъ оцѣпили Зимній дворецъ.

Въ столицѣ разомъ водворилось спокойствіе.

Государь трогательно и мелодраматично благодарилъ вѣрно послужившее ему войско.

Такъ закончились кровавымъ шумнымъ днемъ высокія надежды либераловъ и поборниковъ свободы.

Въ это роковое утро сладко спала Эвелина на своей мягкой атласной постелькѣ.

У ея ногъ дремалъ генералъ, ея обожатель, поздно засидѣвшійся и выпившій много добраго, стараго вина.

А Эвелина сладко спала, потому что, засыпая, она мечтала о томъ, какъ, одѣвшись монашкой и притворившись глухонѣмой, проникнетъ она въ домъ своей соперницы, все тамъ разсмотритъ и узнаетъ и поведетъ тончайшую интригу, которая навѣки разсоритъ Грегуара и его возлюбленную и отдастъ прекраснаго русскаго въ ея маленькія ручки.

Но вотъ тревожный, рѣзкій стукъ въ двери пробудилъ Эвелину раннимъ-раннимъ утромъ. Она вскочила и подбѣжала къ двери.

— Кто тамъ? Что случилось?

— Отворяйте скорѣй... Экстренный курьеръ отъ государя къ генералу.

А генералъ все никакъ не могъ пробудиться отъ сладкой дремоты.

— Хорошо, — сказала Эвелина, — дайте мнѣ пакетъ, я передамъ генералу, а курьера отпустите.

И француженка захлопнула дверь и снова юркнула въ свою постельку.

Она не знала почему, но ей казалось, что этотъ пакетъ имѣетъ что-то общее съ планами ея Грегуара, и

долго сидѣла она такъ въ нерѣшительности, не зная, отдать ли ей пакетъ, разбудить генерала, или подождать его пробужденія.

Она рѣшила „подождать“.

Тихо выскользнула она изъ постельки и прокралась въ свою уборную, гдѣ стала приводить въ порядокъ измятое бурной ночью лицо.

Время, не останавливаясь, летѣло и летѣло, а генераль спалъ...

Вотъ Эвелина уже облачена въ воздушный шелковый халатикъ... Граціозныя букольки кокетливо рассыпались по маленькой головкѣ, искусныя притиранія придали ея личику видъ фарфорового... Она кокетливо извивалась передъ большимъ зеркаломъ, съ помощью маленькаго ручного, оглядывая себя со всѣхъ сторонъ.

И вдругъ гдѣ-то недалеко раздался глухой тревожный выстрѣлъ.

Зеркальце задрожало въ ручкахъ Эвелины и она замерла, широко открывъ глаза и прислушиваясь.

Бумъ, бумъ! выстрѣлы повторялись одинъ за другимъ, иногда дружно сливаясь.

— Mon Dieu! — шептали блѣдныя губы французенки, и теперь она рванулась, чтобъ разбудить генерала, но дверь быстро отворилась, и онъ самъ показался на порогѣ блѣдный и взволнованный... Эвелина сейчасъ же безъ словъ протянула ему пакетъ.

Когда генераль вскрылъ пакетъ и пробѣжалъ глазами строки, не то крикъ, не то стонъ вырвался изъ его груди.

— Позоръ!.. Тамъ бунтъ, возстаніе! Я долженъ былъ вести къ присягѣ!.. Когда принесли пакетъ?.. Отчего ты не будила меня, не отдавала! Проклятая...

И, не прощаясь, какъ безумный, онъ выбѣжалъ на улицу...

Навстрѣчу ему издалека неслись крики и шумъ, гремѣли выстрѣлы.

МНИМАЯ ГЛУХОНѢМАЯ

Растерянными сердитыми глазами посмотрѣла Эвелина генералу вслѣдъ. Вотъ онъ — ея обладатель! Въ первую же тяжелую минуту куда-то улетаетъ и нѣжность, и сладострастіе, и сыпятся проклятія изъ перекосившихся устъ.

Но долго разсуждать о поступкѣ генерала у Эвелины не было ни времени, ни охоты. Изрѣдка доносившіеся глухіе выстрѣлы, наконецъ, слова генерала — „тамъ бунтъ, мятежъ“, — пробуждали въ ея быстромъ женскомъ мозгу невеселыя, роковыя догадки.

А на порогѣ уже стояла преданная ей старушенка съ вопросомъ:

— Тамъ монашка, барыня, Голубица, дожидается, ночевала она у насъ сегодня. Вы съ ней собирались куда-то, барыня, такъ какъ въ городѣ неладно, стрѣльба ай бунтъ, — такъ не знаетъ она, не раздумаете ли?

Быстрая мысль мелькнула въ головкѣ Эвелины.

— Зови ко мнѣ Голубицу, да поскорѣй.

Жирная монашка не заставила себя долго ждать: съ поклонами да причитаньями вплыла она въ миниатюрный будуаръ Эвелины и казалась въ немъ большимъ чернымъ слономъ, попавшимъ въ клѣтку.

— Буде милость, — заголосила она, — царство оловянное приходе... Бумъ, бумъ! Стрѣльбище. Яко псы раздирахоу другъ дружку.

— Довольно, — рѣзко перебила ее Эвелина. — Знаю я тебя... Нацѣпляй одежду на меня, да идемъ куда собирались. Или забыла?

Голубица такъ и осѣла въ страхѣ.

— Ой, матушка, голубенька, — стрѣльбище, говорю, яко псы, говорю, а ты... Али смерти захотѣла?

— Перестань, — оборвала Эвелина, — я ни смерти, ничего не боюсь. И ты пойдешь со мною, Голубица, я

такъ хочу. А то велю тебя отвезти къ самому стрѣльбищу, да и высадить тамъ.

Голубица видѣла, что съ ней не шутятъ. Перепуганная, дрожащими руками помогала она Эвелинѣ надѣвать черный подрясникъ.

Эвелина приказала подать лошадей... Крѣпостная прислуга, блѣдная отъ страха, повиновалась.

Когда Эвелина ѣхала къ дому Ладовыхъ, стрѣльбы не было слышно. Вокругъ нея царила странная жуткая тишина, напоминавшая затишье передъ бурей.

Домъ князей Ладовыхъ стоялъ далеко отъ Сенатской площади и еле доносившіеся выстрѣлы никого не встревожили.

Настенька ничего не подозрѣвала объ ужасѣ, творившемся въ столицѣ, о надвигавшейся грозѣ.

Голубицу и глупонѣмую монахиню прямо провели въ мрачную молельню молодой княгини Ладовой.

Голубица развязно прошла въ середину комнаты, а глухонѣмая монашка въ нерѣшимости остановилась на порогѣ. Ея хорошенькіе глазки быстро окинули всю комнату и упорно, неподвижно остановились на прекрасномъ блѣдномъ лицѣ молодой княгини.

Да, да, это она, незнакомка, рисовавшаяся ея фантазіи, высокая и стройная, съ нѣжнымъ личикомъ, обрамленнымъ золотисто-каштановыми локонами, съ большими лучистыми глазами, въ которыхъ для Грегуара жизнь и смерть, и блаженство, и муки.

А Настенька, ничего не подозрѣвая, спрашивала Голубицу съ нѣжнымъ сочувствіемъ:

— Это она, та бѣдняжка, которая отъ рожденія не слышитъ и не видитъ ничего, молитва которой такъ дорога Господу, что Онъ облегчаетъ намъ, смертнымъ, наши душевные муки, это она?

И, не дождавшись отвѣта, съ глазами, блестящими слезой сожалѣнія, пошла къ порогу навстрѣчу молодой гостьѣ и нѣжно взяла ее за маленькія, безпомощно опущенныя ручки. Онѣ были холодны, какъ ледъ, и дрожа-

ли, а изъ-подъ опущеннаго на брови клобука сверкали, какъ уголья, живые темные глазки.

— Ты не слышишь меня, бѣдняжка. Какая ты холодненькая! Не бойся, пойдемъ за мною. Я тебя согрѣю, напою теплымъ чаемъ. И мы помолимся вмѣстѣ, не правда ли? Я изолюю всю свою душу, а твоя чистая молитва облегчитъ страшную тяжесть, которая давитъ меня.

Глухонѣмая, — тяжело переступая, словно маленькія ножки ея были налиты свинцомъ, — слѣдовала за ласковой и осторожно увлекавшей ее въ глубь комнаты княгиней Ладовой.

И когда напившись чаю и закусивъ, Голубица оставила ихъ наединѣ, Настенька мягкимъ движеніемъ указала мнимой глухонѣмой на ярко блестяшіе въ мрачной полутьмѣ комнаты, украшенные золотомъ и драгоценными каменьями, образа и на свое сердце, тоскливо, одиноко и больно бившееся въ груди.

— Ты не слышишь меня, но поймешь, потому что Господь этого хочетъ, потому что Онъ любитъ тебя. Я страдаю, я великая грѣшница. Помолись за меня ты, чистая, свѣтлая душа.

Настенька тихо опустилась на колѣни и, склонившись блѣдными руками на подножіе креста, погрузилась въ глубокую скорбную молитву. Тихо, вполголоса, каялась она въ грѣхахъ своихъ, просила милосердія Божія, просила, чтобы принялъ Онъ ея грѣшную душу, хотя бы на муки и искупленія, но только подальше отъ этой холодной и чуждой земли.

Мнимая глухонѣмая тихо подошла къ ней сзади и ея маленькія мягкія ручки опустились на голову молящейся и трепетно, порывисто вздрагивали.

— Я люблю другого и съ этой любовью умру, прости меня, Господи. Чтобы предупредить „его“ отъ угрожающей ему опасности, я, покинувъ свой домъ и поправъ святую клятву, данную у алтаря, пошла къ нему, къ любимому, — прости меня. И если бы онъ позвалъ меня и сказалъ бы мнѣ хоть одно слово, я пошла бы за нимъ на

край свѣта, я умерла бы у его ногъ, — прости меня, Господи, не введи во искушеніе и прими мою грѣшную душу.

Тихо каялась Настенька, а маленькія ручки Эвелины вздрагивали, касаясь ея шелковистыхъ волосъ.

Странныя мысли мелькали...

— Вотъ приподнять сейчасъ эти длинные шелковистые локоны... И полная искушенія Эвелина раздвинула локоны.

Передъ нею мелькнула бѣлая тонкая шейка...

Вотъ взять сейчасъ своими тонкими цѣпкими сильными пальцами и сдавить эту нѣжную шейку... Раздастся, можетъ быть, одинъ крикъ, одно хрипѣніе и перестанетъ существовать эта женщина, завладѣвшая сердцемъ ея возлюбленнаго, у нея не будетъ больше соперницы... и Грегуаръ вернется къ ней. Живымъ вѣдь нужно только живое...

Но маленькія ручки не повиновались, онѣ судорожно вздрагивали, путаясь въ локонахъ колѣнопреклоненной соперницы...

А Настенька продолжала:

— Господи, Богъ мой, спаси меня и помилуй, защити меня, я такъ безумно страдаю.

Невольно глаза Эвелины, слѣдомъ за взоромъ Настеньки, встрѣтились съ прекрасными, словно живыми, свѣтящимися глазами Спасителя... Какъ много говорилъ мнимой глухонѣмой этотъ взглядъ, какъ онъ укорялъ, какъ глубоко и незамѣтно проникалъ въ ея душу.

За дверью раздались грубые сильные шаги. Она порывисто распахнулась отъ сильнаго удара.

Показалась встревоженная фizioномія швейцара, за нею блѣдное толстое лицо Голубицы и прозрачное личико Ильи съ ярко свѣтившимися глазами.

Настенька вскочила... Какъ грубо нарушена ея молитва! Кто смѣлъ? Почему?

Но отвѣтъ прозвучалъ немедленно:

— Матушка-княгиня, бунтъ въ Питерѣ... Нашего князя самъ государь вызвалъ на площадь... Сейчасъ коня

ему сѣдлають... На площади мятежъ, стрѣльба и крики... Народъ возсталъ, возстало войско, офицеры, знатные баре! Самъ государь на площади съ преображенцами... Братская война, матушка-княгиня, лется русская кровь!

Настенька со стономъ, растерянная, металась по комнатѣ.

— Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать? Я знаю, онъ тамъ, Гриша тамъ... Это онъ и его друзья. Они разрываютъ цѣпи рабства... Они зажигаютъ яркій свѣтъ свободы... Но тамъ кровь и стоны... его кровь, кровь Гриши!

Безсвязныя фразы такъ и сыпались изъ устъ Настеньки; голосъ ея ослабъ, и на нѣсколько мгновеній она потеряла сознаніе.

Когда она очнулась, — швейцара уже не было, дверь была плотно закрыта. Голубица и двѣ дѣвушки хлопотали, приводя ее въ чувство. На полу, въ суматохѣ никѣмъ незамѣченный, цѣлуя ее безчувственные ножки, рыдалъ блаженненькій Илья.

Въ углу, прижавшись къ стѣнѣ, не отрывая глазъ отъ лица Настеньки, неподвижная, и, видимо, что-то рѣшающая, стояла мнимая глухонѣмая. Клобукъ упалъ съ ея головы на плечи и выглядывала маленькая головка, тщательно завитая въ модныя кудряшки.

Настенька разомъ вспомнила все — и это возвратило ей силы; она быстро вскочила, растерянно оглядываясь вокругъ.

— Боже мой, что дѣлать, что дѣлать? — повторяла она.

А блаженненькій Илья вдругъ порывисто поднялся съ полу и, сіяя глазами, приблизился къ Настенькѣ. Блѣднымъ пальчикомъ онъ указалъ на прекрасный ликъ Спасителя.

— Онъ видитъ и знаетъ твои муки; все пройдетъ... Вонъ бѣлая женщина, она опять пришла за мной... Ты видишь, и монахъ уже тутъ... Они зовутъ меня. Ты помнишь, я это видѣлъ... Большую площадь и народъ... Выстрѣлы и кровь... Я и теперь вижу, я пойду, они про-

ведутъ меня... монахъ и... она. Мы найдемъ его... Онъ скачетъ на лошади... видишь... Онъ никуда, никуда не уйдетъ, твой врагъ...

И, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться въ этой всеобщей суетѣ и страхѣ, блаженненькій Илья выскользнулъ за дверь. Его видѣла старая княгиня, которая, дрожа, направлялась къ невѣсткѣ. Его видѣлъ швейцаръ, когда онъ безъ шапки, какъ угорѣлый, промелькнулъ по лѣстницѣ, черезъ швейцарскую на улицу.

Больше никто его не видѣлъ.

VI

НА ВСТРѢЧУ ОПАСНОСТИ

Мнимая глухонѣмая еще нѣсколько мгновений стояла неподвижно, потомъ она вдругъ, словно сразу рѣшаясь, рванулась со своего мѣста прямо къ Настенькѣ...

И несмотря на весь свой испугъ и отчаяніе, Настенька была глубоко поражена, когда глухонѣмая монашенка заговорила съ ней на чистомъ французскомъ языкѣ:

— Прикажите всѣмъ этимъ бабамъ выйти... Я должна съ вами говорить... Графу Ланскому грозитъ смертельная опасность, я это знаю, и мы должны его спасти... Не теряйте ни одной минуты...

Настенька, не раздумывая, когда дѣло касалось спасенія Гриши, шла на все... Она удалила дѣвушекъ и Голубицу.

Послѣдняя ахала, уходя...

— Прорвалась-таки язва хранцузская, погубила меня хранцузинька. Попрутъ теперь меня оливанную изъ княжьяго дому... Ахъ, сорока, сорока!..

И уходя она уже обдумывала, какъ дѣлу помочь, какъ свалить „хранцузскій“ разговоръ глухонѣмой на Провидѣніе, какъ устроить изъ этого чудо... Или просто самой притвориться ничего не знавшей...

Едва закрылась дверь за Голубицей и дѣвушками, Настенька рѣзко спросила:

— Какая опасность грозитъ моему другу, графу Ланскому, и какъ могу я его спасти?.. Располагайте даже моею жизнью.

— Графъ Грегуаръ начальникъ бунта. Половина войска за него, половина за государя. Онъ сражается сейчасъ съ государемъ на площади сената... Какъ его спасти, — я не знаю, но надо идти туда и тамъ мы это увидимъ.

Настенька не колебалась... Она оглянула себя... На ней было гладкое черное платье, она накинула черный платокъ на голову.

— Идемте... Скорѣй...

Но на порогѣ ихъ задержала старая княгиня Ладова.

— Богъ съ тобой, другъ мой, Настенька, куда ты?

— Не задерживайте меня, я спѣшу...

— Ты съ ума сошла, я не пущу тебя, я крикну людей... Твой мужъ спасаетъ царя, исполняетъ свой долгъ, рискуетъ жизнью... А ты охраняй его домъ и молись за него.

— Пустите меня, я иду на площадь... Надо спасти... Не мѣшайте, — какъ безумная повторяла Настенька, слабыми руками отстраняя княгиню.

Эвелина оказалась находчивѣе. Она выхватила спрятанный за лифомъ маленькій пистолетъ и навела его на княгиню.

— Дорогу, старая вѣдьма, или пройдемъ черезъ твоё тѣло.

Старуха вскрикнула и отступила.

Быстро, почти бѣгомъ, пронеслись мимо нея эти двѣ черныя стройныя фигуры...

Какъ вихрь, промчались онѣ мимо изумленного, оторопѣвшаго швейцара на улицу.

Тамъ уже слышенъ былъ отдаленный шумъ и грохотъ.

Морозъ пронизывалъ бѣглянокъ до костей, но онѣ

неслись, словно подхваченныя какой-то силой. Та сила была — любовь!

Въ роковой день 14-го декабря и Таня-пѣвунья проснулась какъ-то рано. Занавѣски были спущены и въ комнатѣ еще разливался мягкій свѣтъ ночныхъ лампадъ.

Живописно склонившись на руку кудрявой черной головой, крѣпко спалъ князь Ладовъ около возлюбленной.

Таня нѣжно, еле касаясь пурпуровыми губками, поцѣловала его въ бѣлый, гладкій лобъ и выскользнула изъ спальни.

У дверей, какъ вѣрная собака, сидѣла хромая Алена... Она сейчасъ же вскочила...

— Что такъ рано встала, птичка моя, пѣвунья? Отчего не спится? Или постелька не мягка, подушка мало взбита? Или сонъ приснился страшный? Или мысли какія не даютъ душенькѣ покоя?

— Нѣтъ, мамо, — тихо и задумчиво сказала Таня, — ты не тревожься, все хорошо... А не спится мнѣ, сама не знаю почему.... Такъ, гнететъ что-то... Томить тоска какая-то непонятная.

Хромая Алена нахмурилась.

— Все ты тоскуешь, дитятко, какъ повидалась съ сестрицей своей... съ княгиней молодой. Ну ихъ, плюнь... Плюнь, дорогая. Думой да тоской вѣдь не поможешь... Любушка моя... За грѣхи вѣдь Господь караетъ ихъ...

— Его да, мамо, за грѣхи, отца-то... А ее, мамо, сестру мою, за что? Какъ глядѣла-то на меня! — Ласково, ласково... ни разу не нахмурилась... А я рѣжу да рѣжу. Страдалица она, мамо...

Хромая Алена близко подсѣла къ ногамъ Тани и зашептала:

— А я вотъ что тебѣ скажу: ты за нее не кручинься. Твой князь никогда ей не былъ любъ, силой выдали... У нея зазноба есть, да руки коротки, не достать.

Таня нахмурилась.

— Знаю, мамо, все знаю. И жалѣю ее... и все-таки

ненавижу... Князь-то мой любилъ ее, и теперь пожалуй любить, да самъ отъ себя скрываетъ... Я что, я забава, — а она жена.

Хромая Алена даже отплюнулась.

— Полно, что пустяки болтаешь, противно даже... Это все кровь твоя, княжая... Онъ въ тебѣ души не чааетъ... Жену-то и не пускаетъ... къ себѣ, и не видитъ.

Таня не отвѣчала, она глубоко задумалась... Послѣ долгаго раздумья, она подняла свои пытливые васильковые глаза на Алену.

— Ну, а „наши“ какъ? Цыгане? Что слышно?.. Мамо, а...

Старуха вздрогнула... Вопросъ былъ слишкомъ неожиданный, онъ засталъ ее врасплохъ.

— Да что, Таня... Цыгане на Черной рѣчкѣ, попрежнему... въ „Синемъ Ярѣ“ поютъ... А только...

Алена запнулась.

— Что, мамо? — быстро спросила Таня.

— Егоръ-то старый, да Андрей-плясунъ не съ ними уже... Плутають они... То тутъ вокругъ дома, то по трактирамъ... Рваные да страшные... Одна у нихъ жизнь... тебѣ отомстить.

Таня усмѣхнулась.

— Пускай... Коли настанетъ такой часъ, сама на встрѣчу имъ пойду — пусть рѣжутъ, давятъ, что хотятъ, дѣлають... А пока свѣтитъ моя счастливая звѣздочка, не видать имъ меня, не поймать!...

— Таня, Таня! — позвалъ ласковый голосъ князя Ладова.

Маленькая пѣвунья со счастливой улыбкой вспорхнула, какъ птичка.

— Князенька зоветъ, бѣгу...

Вскорѣ, какъ голубки, обѣ руку они вышли въ столовую... Алена уже все имъ приготовила — и чай, и закуску. Посторонней прислуги Таня не любила, „мамо“ замѣняла ей почти все.

— Рано упорхнула сегодня, пѣвунья, проснулся я, — ужъ и слѣдъ простылъ, испугался и скорѣй звать назадъ,

въ клѣточку, — весело посмѣиваясь, говорилъ князь Иванъ Васильевичъ.

Таня ласково опустила головку ему на плечо.

— Отъ тебя никуда не улетишь, соколъ возлюбленный... А только... — Невольный вздохъ вырвался изъ груди Тани.

— О чемъ это?

— А только тѣсно и душно здѣсь мнѣ, душа на волю просится... Тутъ и на улицу-то выйти страшно. Вонъ Алена говорила, что часто вокругъ дома нашего бродятъ старый Егоръ да Андрей... Рваные они, страшные такіе, одна у нихъ мысль — мнѣ отомстить.

Князь нахмурился.

— А вотъ спущу на нихъ своихъ псовъ, такъ увидятъ, какъ шляется вокругъ моего дома.

— Не надо, не надо, — испуганно остановила Таня, — лучше уѣдемъ съ тобой отсюда куда-нибудь, хоть на время.

— Да ужъ я не разъ объ этомъ подумывалъ, — вотъ только служба царская связываетъ.

— Брось ее, миленькій, — на что чины да ордена, не въ нихъ счастье.

Таня не договорила... Въ дверяхъ показалась сѣдая косматая голова и встревоженное лицо хромой Алены.

— Что тебѣ, мамо?

У князя ужъ глаза сверкали и ноздри раздувались отъ гнѣва, что осмѣлились нарушить его покой... Что это, старуха, съ ума сошла, что ли?

А старая Алена низко, земно кланялась у дверей.

— Не прогнѣвись, свѣтлый князь, гонецъ къ тебѣ спѣшный, съ царскимъ указомъ.

— Давай сюда.

— За дверью стоять, ждать, въ однѣ только твои рученьки можетъ отдать.

Князь спѣшно вышелъ изъ комнаты. Таня неслышными шагами пошла за нимъ слѣдомъ и остановилась у дверей, прислушиваясь.

За дверью стоялъ гонецъ; онъ передалъ пакетъ кня-

зю Ладову... Тотъ пробѣжалъ его быстро глазами, вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Ты — лети обратно, я — мигомъ... Стрѣляютъ уже?

— Помаленьку, ваше сіятельство... Бунтовщики растутъ, что мухи къ меду слетаются къ площади.

Князь отпустилъ его движеніемъ руки и вернулся къ Танѣ.

— Алена, зови камердинера, мундиръ мнѣ и боевое оружіе. Да пусть коня сѣдлаютъ... Мигомъ.

И когда за дверью скрылась хромая Алена, князь заключилъ въ свои объятія маленькую цыганку и крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

— Прощай, дитя мое любимое... Коли вернусь, будемъ счастливы, а коли... такъ ужъ пусть Богъ тебя сохрани.

Потомъ онъ быстро подошелъ къ столу и набросалъ наскоро нѣсколько строкъ своей женѣ.

„Если не вернусь, прости мнѣ все, Настенька, дорогая моя... Ты незлобивая, ты вѣруешь въ Бога и молишься, тебѣ я поручаю ни въ чемъ неповинную дѣвушку, которую я увезъ и соблазнилъ. Прощай, Настенька, будь счастлива, я сиѣшу. Иванъ Ладовъ.“

Князь запечаталъ письмо. Камердинеръ уже ждалъ его... Онъ быстро облачился въ мундиръ и вооружился. Запыхавшійся мальчишка доложилъ, что лошадь готова жъ ждать у крыльца.

— Вотъ это письмо, — обратился князь къ камердинеру, сверкая глазами, — передашь княгинѣ, если вѣсть придетъ, что меня нѣтъ въ живыхъ... А то отдашь мнѣ въ руки, когда вернусь. Береги, какъ зѣницу ока, молодую барыню Татьяну... Ну, съ Богомъ, Прощай, дитя!

Онъ еще разъ прижалъ къ сердцу Таню-дѣвунью и поспѣшно направился къ выходу. Молодая цыганка безутѣшно рыдала, дѣпляясь за его ноги, но онъ сильной рукой осторожно отцѣпилъ ее и скрылся за дверью.

— Мамо, мамо, — рыдала Таня, — все погибло, все пропало, погасла моя звѣздочка, настало лютое горе.

И долго, безумно рыдала цыганка, съ болью въ сердцѣ прислушиваясь къ отдаленнымъ глухимъ выстрѣламъ, къ неясному шуму, напоминавшему далекій рокотъ волнъ... И вдругъ внезапно нарушилась тишина, царившая въ княжескомъ домѣ. Всѣ забѣгали, засуетились, закричали.

Съ страшнымъ крикомъ вскочила цыганка... Что это? Неужели? Уже! Убили? Да, убили!..

Она, сломя голову, выбѣжала изъ комнаты навстрѣчу шуму и суетѣ.

VII

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Въ швейцарской толпилась прислуга, дворовые люди... Всѣ смотрѣли на улицу, нѣкоторые безъ шапокъ выбѣжали кого-то догонять.

Въ общемъ гулъ слышались отдѣльные возгласы:

— Молодая княгиня ушла... Съ монашкой ушла... На самую площадь, гдѣ бунтъ... За княземъ побѣжала, сердечная. Уложатъ, какъ пить дать, пристрѣлятъ.

Маленькая цыганка бросилась въ середину толпы.

— Люди, люди, — умоляла она, — скажите мнѣ, гдѣ князь? Куда пошелъ онъ? Куда пошла княгиня? Гдѣ стрѣляютъ? И я пойду туда... Люди, люди, скажите мнѣ...

Дворовые возлюбленную князя побаивались, но не любили, считали ее чародѣйкой, спутавшей ихъ господина. Они отшатнулись отъ нея, испугались.

А маленькая цыганка въ отчаяніи разрывала свои шелковистыя черныя кудри, плакала и умоляла.

Но вотъ сразу дворовые притихли, почтительно склонивъ головы, отчетливо раздавался только тоскующій голосъ цыганки...

Наверху лѣстницы показалась величественная фигура старой княгини Ладовой... За нею, вся съезжившись, явилась толстая Голубица.

— Ну, что, остановили, догнали княгиню Анастасію Александровну? — рѣзкимъ взволнованнымъ голосомъ произнесла княгиня.

Раздались несмѣлыя оправданія.

— Догнать догнали, да не послушали... Не брать же силкомъ. Теперь ужъ не догнать, далече княгиня... Подъ самой площадью, поди...

Голубица попробовала было заголосить, но старая княгиня рѣзко ударила ее по плечу.

— Молчи, комедіантка.

Голубица замолчала и съежилась еще больше.

Но молодую цыганку унять было не такъ легко, какъ Голубицу, — она рванулась къ лѣстницѣ и упала на колѣни на ступеняхъ.

— Княгиня, княгиня, сжальтесь вы надо мной! Гдѣ это стрѣльбище? Гдѣ мое солнце — князь? Я пойду туда, чтобы спасти его или съ нимъ умереть!

Княгиня брезгливо махнула рукой и невольно поднялась на нѣсколько ступенекъ.

— Кто это? — сквозь зубы процѣдила она.

Робкіе голоса одиноко ей отвѣтили:

— Это цыганка Таня, что баринъ привезъ. Князева полюбовница.

Княгиня смѣрила маленькую фигурку цыганки, скорчившуюся на ступенькахъ и вздрагивавшую отъ рыданій, бездушнымъ холоднымъ взоромъ и произнесла медленно, отчетливо, тономъ глубокаго презрѣнія:

— Уберите ее отсюда. Ей отвели вѣдь „свои“ комнаты, какъ-же смѣетъ эта тварь попадаться мнѣ на пути?

Грубые руки робко потянулись къ маленькому, нѣжному, холеному тѣльцу цыганки. При первомъ-же прикосновеніи она вскочила; слезы застыли на ея щекахъ, глаза пылали гнѣвомъ.

— Не трогайте меня, холопы!

И столько было въ этой фигуркѣ барскаго достоинства и спеси, а въ красивыхъ чертахъ такое поразитель-

ное сходство съ ея невѣсткой, что невольно взоръ старой княгини съ любопытствомъ приковался къ цыганкѣ.

Все притихло — и въ этой тишинѣ раздался почти-тельный твердый голосъ старика-камердинера, на рукахъ котораго выросъ князь Иванъ Васильевичъ.

— Ваше сіятельство, матушка-княгиня, эту дѣвушку князь, уѣзжая, довѣрилъ мнѣ, беречь ее велѣлъ, какъ зѣницу ока. Отпустите ее съ миромъ, матушка-княгиня, а меня велите казнить за то, что перечеу вамъ.

Нѣсколько мгновений старая княгиня молчала, словно колеблясь.

— Не больно она мнѣ нужна, старикъ. Объясните ей, гдѣ стрѣльбище, благо она хочетъ, и дайте ей свободу, — пусть дѣлаетъ, что ей вздумается.

Княгиня повернулась, чтобы удалиться въ комнату. Въ это мгновеніе, какъ громъ небесный, раздался далекій сильный ударъ. Это былъ первый жестокій выстрѣлъ, направленный въ толпу мятежниковъ по приказанію императора Николая. Онъ высоко ударилъ въ сенатское зданіе. Затѣмъ раздался второй и третій съ другой стороны.

Старая княгиня задрожала, поблѣднѣла и невольно прислонилась къ стѣнѣ, закрывая глаза. Голубица отъ страха прямо присѣла на полъ.

— Ой, ой, — запричитала она, — судный день насталь... Яко псы другъ на друга идутъ. Ой, ой, смерть наша приходитъ! Батюшки, матушки мои!

Вся дворня испуганно крестилась.

— Съ нами будь Богъ и Его святая сила.

Одна только маленькая цыганка стояла съ высоко поднятой головой и рядомъ съ ней, не сводя съ нея преданныхъ глазъ, переминалась хромая Алена.

— Что ихъ слушать, мамо, что ихъ молить? Не люди они, — лютые звѣри. Пойдемъ, мамо. Самъ Богъ укажетъ намъ дорогу. Слышишь, выстрѣлы грохочутъ, далеко они, а мы къ нимъ поближе придвинемся. Идемъ, мамо!

Она выскользнула на улицу на 8-градусный морозъ,

маленькая, хрупкая, въ легкихъ шелковыхъ одеждахъ, увѣшанная дорогими бусами, браслетами и серьгами.

А за ней въ своемъ пестромъ національномъ костюмѣ съ развѣвающимися сѣдыми косами волосъ, прихрамывая, еле поспѣвая, какъ вѣрная собака, спѣшила хромая Алена.

Ихъ ноги скользили въ мягкомъ снѣгу, ихъ волосы леденѣли, ихъ зубы стучали отъ стужи.

А навстрѣчу имъ все громче и громче грохотали ружейные выстрѣлы, все ближе слышался адскій ревъ толпы.

Вотъ и Сенатская площадь. Насилу пробираются онѣ сквозь густую толпу: ихъ давятъ, толкаютъ, а вокругъ реветъ толпа, какъ безумная, какъ обалдѣлая.

Сумерки спускались. Шелъ четвертый часъ.

Маленькая цыганка и ея спутница смѣшались съ толпой и потонули въ ней.

У подъѣзда своего дома князь Ладовъ быстро вскочилъ на караковаго коня и понесся во весь опоръ къ Сенатской площади. Мысли его разбились и спутались; все личное словно задернулось туманомъ: ѡдна только конечная цѣль, — поскорѣе добраться до мѣста, гдѣ опасность грозила государю, овладѣла всѣмъ его существомъ.

Чѣмъ ближе подвигался онъ къ Сенатской площади, тѣмъ гуще становилась толпа, преграждавшая ему путь. Но добрый конь прорѣзывался сквозь толпу и испуганные пѣшіе шарахались въ разныя стороны. Надъ головой его пролетали, перекрещиваясь и свистя, пули; рѣзкій восточный вѣтеръ пронизывалъ его насквозь.

Вокругъ раздались крики:

— Да здравствуетъ Константинъ и конституція!

Кое-гдѣ вырывались отдѣльные возгласы:

— Да здравствуетъ свобода! Долой рабство!

Какъ сквозь туманъ видитъ князь Ладовъ стройную элегантную фигуру великаго князя Михаила, подъѣхавшаго почти вплотную къ мятежникамъ.

Онъ что-то говорить, но слова его покрываются крикомъ и бранью, ружейныя дула направляются въ его грудь.

Тогда князь Ладовъ, разсѣкая толпу плетью, въ нѣсколько мгновеній уже около великаго князя и вмѣстѣ съ нимъ направляется къ мосту у канала, къ семеновскому полку.

— Скачите къ государю, — говоритъ чей-то властный голосъ, — пускай онъ прикажетъ очистить площадь пушками или откажется отъ престола!..

И начинается пальба, настоящее сраженіе.

Оттуда, со стороны бунтующихъ, раздается громкое „ура“, на встрѣчу выстрѣламъ.

Но вотъ пушки заряжены картечью, раздается команда...

Канониръ кладетъ крестное знаменіе. Капитанъ Бакунинъ беретъ фитиль изъ рукъ солдатъ...

Черезъ мгновеніе въ карѣ бунтующихъ сыплется картечь, въ самое сердце мятежной толпы...

И она не выдержала, эта толпа, она развѣялась, какъ легкое зерно подъ дуновеніемъ вѣтра. Со стонами и криками бѣгутъ люди въ разныя стороны, животный инстинктъ самосохраненія торжествуетъ надъ всѣми другими чувствами и поборники свободы, вмѣстѣ съ приверженцами Константина, ищутъ лишь одного — спасенія жизни.

Погоня несется вслѣдъ, погоня торжествуетъ.

— Бей ихъ, лови!

Князь Ладовъ прищиприваетъ своего караковаго коня, подхваченный всеобщимъ воодушевленіемъ, онъ мчится стрѣлой, его палашъ работаетъ направо и налево, раненые со стономъ опускаются на землю; онъ оставляетъ за собою кровавый слѣдъ.

VIII

НАШЛИ

Довольно, надо оставить ихъ въ покоѣ, надо вернуться къ государю.

Онъ поворачиваетъ коня и легкой рысцой ѣдетъ ко дворцу. Какъ все опустѣло кругомъ, какая тишь наступила въ столицѣ, еще недавно бурлившей и ревѣвшей, какъ бѣшеный океанъ.

Князь опустилъ голову и задумался; усталый конь его ѣдетъ почти шагомъ.

Не видитъ князь, какъ изъ-за угла вдругъ выскальзываетъ, словно тѣнь, невысокая, худая, изможденная фигура въ черномъ подрясникѣ. Неправильное лицо, покрытое веснушками, смертельно блѣдно, но черты его остаются незамѣтными, потому что громадныя свѣтлыя глаза привлекаютъ все вниманіе. Они расширены, сіяютъ безумнымъ блескомъ, какъ будто видятъ что-то другое, никому невидимое.

Рука его спрятана въ черномъ подрясникѣ... Онъ быстро крадется неслышными шагами, скользя по мокрой полумерзлой землѣ, прямо къ статному всаднику...

Вотъ правая рука его выскользнула изъ подрясника. Эта блѣдная, маленькая, тонкая ручка твердо и цѣпко сжимаетъ заряженный пистолетъ.

Сверкая глазами, странный послушникъ направляетъ дуло въ упоръ, въ спину князя.

Раздается выстрѣлъ.

Ни единого крика, ни единого стога. Стройная фигура всадника качнулась нѣсколько разъ и какъ-то мягко, осторожно пригнулась къ сѣдлу.

Юный убійца пристально взглянулъ на удаляющуюся жертву и поспѣшно и неслышно скрылся за угломъ. Прекрасныя расширенныя глаза его сіяли безумной радостью, блѣдныя губы что-то шептали.

Между тѣмъ караковый конь, непонукаемый больше

сѣдокомъ, усталый и взмыленный, остановился, боязливо настороживъ уши и храпя.

На Сенатской площади показалась группа солдатъ. Они сейчасъ-же замѣтили страннаго всадника, безжизненно повисшаго на лошади.

— Братцы, да это свой — измайловецъ!

Они подошли и осторожно освободили ноги изъ стремянъ, сняли всадника съ сѣдла и, постеливъ шинели, уложили его.

— Батюшки, да это князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ! Ахъ, охальники, въ спину пулей прошибли... Живъ-ли сердешный?

Высокій солдатъ, побойчѣе и поразвязнѣе своихъ товарищей, наклонилъ ухо къ сердцу князя. Черезъ нѣсколько мгновений онъ набожно перекрестился.

— Упокой Господи твою душу, ваше сіятельство. Сердце не бьется; холодѣетъ ужъ. Уложили на смерть охальники. Митька, бѣги — носилки, да дежурному офицеру доложи. Ахъ, сердечный.

Молча крестясь, снявъ шапки, опустились на колѣни солдаты на мокрую землю.

А князь Иванъ Васильевичъ лежалъ спокойно, съ задумчивымъ грустнымъ лицомъ. На губахъ его застывала кровавая пѣна. Черныя кудри разметались на солдатской шинели.

Выйдя изъ дому, Настенька и Эвелина почти бѣжали по улицамъ къ Сенатской площади...

Ихъ догоняли дворовые одинъ за другимъ, швейцаръ — съ мольбами вернуться, съ приказаніями старой княгини...

Конечно, эти двѣ женщины, которыхъ увлекала любовь, не слушали ни просьбъ, ни приказаній.

Наконецъ, усталые, истерзанные проникли онѣ къ площади въ самый адъ сѣчи, выстрѣловъ, криковъ и стоновъ...

Густая толпа давила и толкала, онѣ падали и поднимались, но проникнуть къ площади не могли.

Волею судьбы попали эти двѣ женщины къ Невѣ,

куда послѣ рѣшительныхъ дѣйствій правительства спустился съ москвичами Михаилъ Бестужевъ...

Эвелина и Настенька видѣли, какъ Бестужевъ строилъ остатки своего войска въ колонну...

— Смѣлѣе, братцы... По льду! — кричалъ онъ... — Мы займемъ Петропавловскую крѣпость и все будетъ въ нашихъ рукахъ... Смѣлѣе... Съ нами правда и Богъ!..

И стройная колонна смѣло двинулась на ледь...

Градъ картечи сыпался на нее, пробивая ледъ, орошая его людскою кровью...

Вдругъ трескъ, страшный трескъ.

Стонъ и ревъ... Толпа и солдаты спасаются!

Настенька въ ужасѣ закрыла лицо руками.

И вдругъ ея руку порывисто схватила маленькая цѣпкая, холодная ручка Эвелины.

— Грегуаръ! Это онъ!..

И дѣйствительно графъ Григорій бѣжалъ къ Невѣ, стремясь присоединиться къ Бестужеву.

Настенька тихо вскрикнула и вмѣстѣ съ Эвелиной бросилась ему навстрѣчу. Да, это онъ, конечно... Милый, дорогой...

Какъ блѣдно его лицо, какое страданіе въ глазахъ.

И вдругъ черты его перекошились, онъ конвульсивно схватился за плечо, зашатался и упалъ на землю. Алая кровь обогрѣла его одежду.

И это теперь, когда она такъ близко-близко... Безумный крикъ вырвался у Эвелины и обѣ женщины бросились къ раненому.

— Гриша, Гриша!..

— Грегуаръ!..

Настенька порывисто разстегивала платье и стала отрывать свою рубашку, чтобы перевязать рану.

Толпа разбѣгалась, войско преслѣдовало ее.

Берегъ Невы пустѣлъ, адскій шумъ смѣнялся зловѣщей тишиной.

Патруль, объѣзжавшій площадь и смежныя съ ней улицы и подбиравшій раненыхъ и мертвыхъ, подѣхалъ

къ маленькой странной группѣ, гдѣ двѣ женщины, обливаясь слезами, хлопотали возлѣ раненаго.

Настенька повернула голову, не вставая съ колѣнъ.

— Я княгиня Ладова, дочь князя Радомскаго... Раненый — мой родственникъ, я-бы хотѣла отправить его въ домъ своего отца.

Молоденькій офицеръ, не разъ выдавшій Настеньку на придворныхъ балахъ и восхищавшійся ея красотой, не смотря на всю странность ея одежды и обстановки, сейчасъ-же узналъ ее.

— Какимъ образомъ, ваше сіятельство, попали сюда и чѣмъ могу быть полезнымъ? — съ утонченной вѣжливостью спросилъ онъ.

Настенька смутилась.

— Я попала случайно, я шла молиться съ этой монашкой. Ради Бога, скорѣй носилки. Домъ моего отца, князя Радомскаго, недалеко. Онъ истекаетъ кровью, онъ можетъ умереть. Ахъ, Боже мой, Боже мой...

— Успокойтесь, ваше сіятельство, все будетъ сдѣлано немедленно.

Вскорѣ дѣйствительно прибыли носилки, врачъ и маленький отрядъ солдатъ.

Врачъ сдѣлалъ быструю перевязку и съ веселой улыбкой обратился къ Настенькѣ, съ трепетомъ ожидавшей его рѣшенія.

— Рана пустая, ваше сіятельство, царапина. Обморокъ скорѣе на почвѣ нервной, хотя потеря крови для такого организма, — чувствительная. Ну, братцы, на носилки и — съ Богомъ. Вечеромъ, если позволите, ваше сіятельство, навѣщу больного.

— Ради Бога, — взмолилась Настенька, — я буду васъ ждать.

Печальный кортежъ двинулся въ путь, носилки медленно покачивались въ воздухѣ.

Наступила полная тьма и маленькіе фонарики освѣщали дорогу.

И вдругъ въ отдаленіи послышались чьи-то рыданія, чьи-то стоны, чей-то призывъ на помощь.

Настенька вздрогнула и остановилась.

— Надо узнать, что такое? — Какіе-то несчастные молятъ о помощи. Остановитесь на минуту, я посмотрю, въ чемъ дѣло.

Въ сопровожденіи одного изъ солдатъ Настенька безстрашно пошла навстрѣчу стонамъ и мольбамъ.

Теперь уже ясно слышны были протяжныя, словно воющія слова.

— Спасите, спасите, люди добрые! Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

Солдатъ высоко приподнялъ фонарь надъ мѣстомъ, изъ котораго неслись эти жалобныя, отчаянныя мольбы, и странная картина представилась глазамъ Настеньки.

Стонала и звала на помощь полураздѣтая старуха. Пестрые, яркіе клочья прикрывали ея посинѣвшее отъ стужи тѣло. На обезсиленныхъ рукахъ ея лежало чье-то маленькое, старательно обвернутое тѣльце.

IX

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

Увидавъ подоспѣвшихъ на помощь людей, старуха, не выпуская своей ноши, обернулась къ нимъ, полная мольбы.

— Спасите, люди добрые, погибаемъ мы: я и это несчастное дитя. Насъ въ толпѣ затолкали и забили, бѣдное дитя потеряло сознаніе отъ горя, боли и страданій. Она замерзаетъ. Я отдала ей все свои одежды. Я несла ее сколько было силъ, но проклятыя руки больше не поднимаются... Спасите насъ, добрые люди.

— Берите дѣвушку, — приказала Настенька солдату... — На, старуха, вотъ мой платокъ, прикрой имъ свое тѣло и слѣдуй за нами.

Старуха повиновалась со словами благодарности и, прихрамывая, поплелась за своей спасительницей.

Несмотря на почную тьму, слабо нарушаемую блѣд-

нымъ свѣтомъ фонарика, она узнала эту высокую, стройную красавицу, но побоялась сознаться.

А вдругъ, какъ гордая княгиня, узнавъ въ спасаемой дѣвушкѣ свою соперницу, Таню-пѣвунью, оставить ее здѣсь на произволъ судьбы, на вѣрную смерть?

Прошло еще томительныхъ четверть часа и въ отдаленіи показался мрачный, роскошный дворецъ князей Радомскихъ, въ которомъ родилась и выросла Настенька, въ которомъ пролетѣла вся лучшая часть ея жизни.

Здѣсь сладко засыпала она на колѣняхъ любимой матери, здѣсь угасла жизнь этого ангела, здѣсь проливала ея мать горькія слезы обиды и ревности, слезы, скрытыя навѣки отъ цѣлаго міра.

Здѣсь въ первый разъ увидала она своего Гришу, когда онъ вошелъ въ ихъ домъ блѣднымъ и грустнымъ мальчикомъ, въ черненькомъ траурномъ костюмчикѣ; здѣсь завязалась ихъ первая дѣтская дружба и перешла въ любовь, вѣчную и глубокую.

Здѣсь обручились они, проводили долгіе дни и вечера въ сладкомъ блаженствѣ, въ мечтахъ о счастьѣ, и здѣсь разстались они съ обѣтами и клятвами вѣрности на устахъ.

Въ этомъ домѣ провела она долгіе годы разлуки, то страдая и тоскуя, то молясь и надѣясь.

Здѣсь потеряла она навѣки свою свободу и отдала себя на вѣчное темное рабство.

И вотъ теперь опять стоитъ она передъ этими стѣнами и „онъ“ здѣсь, рядомъ съ нею, ея любимый, но раненый, безчувственный и ей уже не принадлежащій.

Рана пустячная, такъ сказалъ врачъ, но что ждетъ его впереди?

Мечты его повергнуты во прахъ, друзья разбиты... Сила восторжествовала надъ правдой, и горе тѣмъ, кто высоко поднялъ ея знамя!

А старый дворецъ Радомскихъ погруженъ въ глубокій мракъ, и сѣрыя каменные стѣны его сливаются съ небомъ — мрачнымъ и свинцовымъ.

Одинъ только тусклый фонарь съ подмороженными стеклами слабо мерцаетъ у широкаго главнаго подъѣзда.

Что-то ждетъ ее и Гришу за этой тяжелой дубовой дверью? Какой приемъ?

Кортежъ уже остановился у подъѣзда и сильно и рѣзко прозвучалъ звонокъ подъ рукой Настеньки.

Дверь скрипнула и отворилась и показалось лицо швейцара.

— Это я, княгиня Ладова, — звонко сказала Настенька. — Отворяй пошире дверь, осторожно поставь носилки въ швейцарской. А самъ иди и доложи отцу, что я немедленно должна его видѣть. Впрочемъ, постой, сначала эту старуху и дѣвушку усади гдѣ-нибудь.

Всѣ приказанія Настеньки были исполнены, но когда она вошла въ швейцарскую, чьи-то цѣпкія руки обхватили ее и къ ногамъ ея бросилась спасенная старуха.

— Княгинюшка-матушка, бей меня, рѣжь меня... И я во всемъ виновата, старая вѣдьма! Не губи ты дитятко невинное, пожалѣй...

Настенька отступила.

— О чемъ ты плачешь, старуха, и чего тебѣ надо? Тебѣ сдѣлаютъ все: накормятъ и одѣнутъ, а твою больную положить въ постель и дадутъ ей лекарства.

— Ты прогонишь ее и убьешь, если узнаешь, кто она... — со стономъ повторяла старуха.

— Но кто же она?

— Не могу сказать, посмотри сама. Ты увидишь, какая она несчастная, ты пожалѣешь ее.

Старуха за руку притянула Настеньку къ неподвижно лежавшей на скамейкѣ дѣвушкѣ. Она отдернула пестрый платокъ, прикрывавшій головку, и Настенька машинально нагнулась и машинально заглянула въ черты лежавшей.

Легкій крикъ сорвался съ ея устъ и нѣсколько мгновеній она, не отрываясь, вглядывалась въ блѣдныя, прекрасныя полудѣтскія черты. Да, она узнала это личико съ гордыми чертами Радомскихъ, въ ореолѣ черныхъ непокорныхъ кудрей! Настенька видѣла ее тогда гнѣвную,

возбужденную, дерзкую, а теперь она лежала какъ обиженный, обездоленный ребенокъ, съ маленькими губками, сжатыми дѣтской обидой.

— Сестра, моя сестра... Бѣдняжка... — беззвучно прошептали губы Настеньки... И вотъ она гордо выпрямилась и твердо произнесла:

— Отнесите эту дѣвушку въ мою бывшую комнату... Врача къ ней скорѣй... Ухаживайте за ней, какъ за мной, пока я не вернусь.

По лѣстницѣ спускался швейцаръ... Съ почтительнымъ поклономъ онъ остановился передъ дочерью своего господина.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, князь васъ ждутъ...

Когда, послѣ тяжелаго объясненія съ Таней-пѣвуньей и Настенькой, отеревъ свои старческія слезы, князь Радомскій вернулся въ родовой дворецъ, — онъ понялъ тогда, что для него настали горькіе дни тоски и раскаянія...

Настенька не отвѣтила на его письмо, полное позднихъ и ненужныхъ оправданій... Неужели онъ навѣки потерялъ любовь и уваженіе единственной дочери?

Единственной?.. А та, другая?.. Красивый, озлобленный звѣрекъ, по ироніи судьбы отмѣченный всѣми характерными чертами Радомскихъ?

При одной мысли о ней, сердце сжималось болью... Какъ родилась она и гдѣ росла?.. И вспомнились ея слова:

„Какъ брошенный щенокъ...”

Да, она права, эта отверженная дочь, она права, что ненавидитъ его, что готова ему мстить...

Нравственныя муки подломили старыя силы князя, и юнъ слегъ, тяжело больной.

Царскій призывъ въ день 14-го декабря засталъ его въ постели безъ силъ, съ безплоднымъ желаніемъ явиться на зовъ своего государя, на посильную ему помощь.

Онъ лежалъ одинъ, съ тоскою прислушиваясь къ выстрѣламъ, доносившимся до него все чаще и чаще, все отчетливѣе и бурнѣе, вмѣстѣ съ остервенѣлымъ ревомъ толпы.

— Мятажъ подавленъ! — радостно доложилъ ему старый дворецкій.

Старый князь широко перекрестился.

Дѣйствительно, умолкли выстрѣлы и крики, и тишина, зловѣщая и безмолвная, спустилась надъ столицей вмѣстѣ съ ночью.

Старый князь задремалъ... Въ тяжелыхъ грезахъ мелькала его прежняя блестящая, веселая жизнь...

Вотъ онъ видитъ себя совсѣмъ юнымъ, наряднымъ офицеромъ. Деньги, почетъ, царская служба, товарищи, прекрасныя женщины — все къ его услугамъ... Кутежи, попойки, веселье... Но пора и остепениться. Вотъ на пути его прелестный ангелъ — молодая княжна, очаровавшая его и очарованная имъ...

Свадьба... Проходитъ годъ безмятежнаго счастья... А потомъ снова потянуло къ прежней жизни... Опять кутежи, женщины, веселье.

Молодая жена тоскуетъ и льетъ слезы надъ колыбелью дѣвочки...

Бабы слезы! — Имъ ли цѣна?.. А теперь онъ знаетъ, что эти слезы свели ее, невинную, въ могилу...

Шумный таборъ... Ночи, пляски, жгучія пѣсни... А вотъ и красавица-цыганка!..

Не остановила ловеласа ея нѣжная молодость, ея сиротство, ея искренне-преданное сердце!.. Разбилъ онъ это сердце безъ сожалѣнія, поигравъ ея любовью, растопталъ ея невинность и бросилъ легко и шутя съ ребенкомъ на произволъ судьбы...

И вотъ этотъ ребенокъ, дитя его грѣха, черезъ много лѣтъ явился передъ нимъ съ дерзкимъ, безпощаднымъ проклятіемъ!..

Х

ВСЕ ПРОПАЛО!

Въ первый разъ въ жизни въ глубокомъ смятеніи и отчаяніи металась старая княгиня Ладова по роскошной

амфиладѣ комнатъ. То она подбѣгала, прислушиваясь, къ окну, но оттуда неслись грохотъ и шумъ. Зажавъ уши руками, она снова отбѣгала въ глубь комнаты. Вся дрожа и причитывая, какъ тѣнь, слѣдовала за ней Голубица.

— Матушка-княгинюшка, дозвожь ставенью спустить, разнесутъ, треклятые! Ой, ой, матушка-княгинюшка, слышь, стрѣляютъ?

По совѣту Голубицы въ маленькой комнаткѣ были наглухо заперты ставни, зажжены лампы передъ образами и тамъ пріютилась старая княгиня, окруженная своими приживалками.

— Ну, что-же, что будетъ теперь, — тоскливо повторяла она, — что-жъ вы не молитесь? Гдѣ ваши чудеса? Молитесь-же, молитесь, верните мнѣ моего сына, спасите мнѣ мою жизнь!

Приживалки крестились, клали земные поклоны, больно стучаясь лбомъ, и хоромъ повторяли:

— Спаси насъ, Господи, сотвори чудо!..

— А та то гдѣ, сумасшедшая? Вотъ оно вольнодуміе къ чему ведетъ, да женская свобода, — бросила домъ и понеслась въ самый адъ. И это женщина! Княгиня!

И вотъ среди всеобщаго смятенія порывисто распахнулась дверь и на порогѣ показался чудесненькій Илья. Лицо его было блѣдно до синевы, раскрытыя губы дрожали, глаза сіяли безумнымъ блескомъ.

— Гдѣ ты, княгиня, ангелъ свѣтлый, гдѣ ты, моя красавица?

Его взглядъ растерянно пробѣжалъ по лицамъ присутствующихъ, но не нашелъ той, которую искать.

Тихій хохотъ, надрывающій душу, вырывался изъ его груди.

— Я найду, найду тебя, ангелъ свѣтлый... Ты свободна теперь, не будетъ мукъ, слезъ, цѣпей. Ты моя теперь, красавица... Кровь лилась рѣкой, черная кровь, онъ закачался и согнулся, будто заснулъ. Тамъ адъ былъ и шумъ, а теперь рай и тишина... Я найду тебя, ангелъ свѣтлый.

И такъ же быстро, какъ вошелъ, чудесненькій Илья

снова скрылся за дверью, нѣсколько мгновений еще отдавался звукъ его шаговъ, слышался безумный надрывающій душу хохотъ. Онъ спустился по лѣстницѣ, пробѣжалъ мимо ошеломленного швейцара и исчезъ, словно канулъ въ ночной тмѣ.

Жуткій страхъ еще сильнѣе охватилъ княгиню и ея приживалокъ.

— Что онъ тутъ говорилъ? Чего онъ смѣялся? Какая-то черная кровь, кто-то согнулся?.. Онъ, кажется, искалъ мою невѣстку?

Голубица подползла къ самымъ ногамъ старой княгини.

— Ума рѣшился онъ, матушка-княгиня, безумный. — И всегда безумный былъ, а теперь совсѣмъ ума рѣшился, отъ страха, поди. Повнесло его туда, гдѣ бой и стрѣльбище, вотъ онъ и рѣшился ума.

Томительно долго тянулось время для старой княгини въ напряженномъ бездѣйствіи, въ ожиданіи.

Швейцаръ доложилъ, что все стихло, что государь мятежниковъ скрутилъ. И дѣйствительно, казалось, тишь да миръ наступили въ столицѣ, слышны были изрѣдка только отдаленный лай собакъ или рѣдкій стукъ колесъ. Но не было вѣстей ни о князѣ Ладовѣ, ни о его супругѣ.

Ну, князь Иванъ Васильевичъ, тотъ могъ при царѣ остаться, а вотъ куда княгиня молодая дѣвалась, живали она, неизвѣстно?

— Ты бы скушала что-нибудь, матушка-княгинюшка, — угодливо вѣется Голубица около старухи, но та отрицательно качаетъ головой, погруженная въ думы.

Время близится къ вечеру.

И вотъ до слуха княгини доносятся чьи-то крики, вопли, какой-то шумъ. Она вскакиваетъ и прислушивается.

— Пойди, Голубица, посмотри, что тамъ? Ужъ не ворвались-ли сюда охальники?

Но Голубица визжитъ и отмахивается руками и ногами.

— Ни, матушка-княгинюшка, ни въ жисть не пойду.

Бей меня, дери меня, не пойду. Бунтовщики меня сейчас на колъ посадятъ! Весь Петербургъ подари, — не пойду.

Она забирается въ самый дальній темный уголъ, усаживается на корточки, крѣпко ухватившись руками за подоконникъ.

Загадка скоро разрѣшается.

Входитъ старый дворецкій съ обнаженной головой, слезы обильно струятся по его морщинистымъ щекамъ, онъ бьетъ себя въ грудь и падаетъ къ ногамъ старой княгини.

— Плачь, матушка-княгиня, плачь, померкъ нашъ свѣтъ, не стало князя Ивана Васильевича!

Сердце старой княгини колотится въ груди, она все не понимаетъ ужасной истины.

— Что, что говоришь ты? Гдѣ князь Иванъ Васильевичъ? Гдѣ мой сынъ?

— Привезли нашего голубчика, — рыдая говоритъ дворецкій, — положили на кровать, не дышитъ и не смотритъ, и сердце не бьется, убить нашъ свѣтъ, князь Иванъ Васильевичъ.

— Убить?!

Съ нечеловѣческимъ крикомъ бросается княгиня въ комнаты сына. Горестно слѣдуетъ за ней дворецкій... На цыпочкахъ, опустивъ головы, тянутся приживалки...

На широкой бѣлоснѣжной постели, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, со сложенными на груди руками и восковымъ лицомъ, лежитъ князь Иванъ Васильевичъ. Носъ заострился, глаза впали, разметавшіяся черныя кудри зловѣще выступаютъ на бѣлой наволочкѣ. Мундиръ разстегнуть и залить кровью.

Княгиня бросается на колѣни и безумными поцѣлуями покрываетъ ноги покойнаго. Никогда еще такое острое страданіе не охватывало ея души, никогда еще эта гордая душа не была повергнута въ такое безнадежное отчаяніе.

Приживалки сначала робко вошли въ комнату, стали

тихо креститься и всхлипывать, но вскорѣ ихъ громкія рыданія огласили княжескій домъ.

Политическій взрывъ вспыхнулъ, прогремѣлъ, унесъ за собой рядъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ и затихъ...

Потревоженная имъ обывательская жизнь всколыхнулась, но затѣмъ снова вошла въ свою колею и потекла обычнымъ путемъ.

Темный вечеръ спустился на землю, онъ укрылъ своимъ покровомъ мрачную одинокую фигуру, медленно, опустивъ голову, плутавшую по улицамъ.

Это былъ Рылѣевъ... Весь этотъ роковой день энергія не оставляла его, онъ воодушевлялъ офицеровъ, призывалъ къ возстанію, но съ каждымъ мгновеніемъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, какъ бесплодны его усилія, какъ гибнетъ ихъ дѣло, какъ жестоко они обманулись. Все то, что въ мечтахъ казалось исполнимымъ и достижимымъ, въ реальности сдѣлалось невозможнымъ.

Почти машинально добрелъ онъ до своего дома... Тамъ его уже ждали нѣкоторые члены союза, ихъ угощала чаемъ его жена...

— Все пропало, друзья, — сказалъ онъ, — одно только знаю я, что послѣднія минуты наши близки... Что дѣлать, мы гибнемъ за свободу, мы дышали ею, и я охотно отдаю за нее свою жизнь.

— Насъ погубилъ Трубецкой, — сурово сказалъ Пушнинъ, — ему мы оказали высшее довѣріе, мы назначили его диктаторомъ, а онъ въ послѣднюю минуту растерялся и скрылся.

— А я его считалъ официальнымъ вождемъ возстанія, — поникнувъ головой, говорилъ Рылѣевъ. — Къ его имени я приковывалъ революціонныя силы. Еще наканунѣ его именемъ я смѣло распоряжался. Онъ измѣнялъ нашему дѣлу въ самомъ его началѣ; вооруженное сопротивленіе осталось безъ руководителя и главы и въ нашемъ распоряженіи очутилась нестройная случайная толпа, шедшая вразбродъ безъ толку и плана...

— Вотъ Бестужевы дѣйствительно привели во время московскій полкъ!

— Зато хвастливый Якубовичъ не исполнилъ даннаго слова, — рѣзко вставилъ Штейнгель, — онъ даже не пробовалъ привлечь артиллерію и измайловцевъ, въ послѣднюю минуту онъ кричалъ, что предпріятіе безумно.

— И прибавьте еще, — второпяхъ забыли захватить приготовленныя въ Арсеналѣ пушки!

Поговорили еще немного разбитые защитники свободы, но не до бесѣды имъ было, и скоро они разошлись. Рылѣевъ остался наединѣ со своей женой... Она тихо подошла къ нему и ласково положила руку на его плечо.

— Кондратій, умоляю тебя, объясни мнѣ все. Я слышала отрывистыя фразы, но я не поняла въ чемъ дѣло.

Изъ подъ нахмуренныхъ бровей какъ-то тускло и безжизненно глянули на нее темные глаза мужа.

— Иди къ себѣ и оставь меня одного. Наше дѣло проиграно, и многихъ уже вѣроятно взяли подъ стражу, скоро настанетъ и моя очередь, я долженъ приготовить.

И больше не говоря ни слова, онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ привѣтливо топился каминъ и трепали сухія вѣтви.

Съ лихорадочной поспѣшностью Рылѣевъ просматривалъ всѣ свои бумаги и одна за другой онѣ летѣли въ огонь и онъ, беспощадный, пожиралъ послѣдніе остатки его идей.

Приближалась полночь. Утомленный и разбитый тревожнымъ днемъ, Рылѣевъ прилегъ на диванъ, и тяжелый сонъ безъ всякихъ видѣній сковалъ его. Но не долго пришлось ему спать, черезъ какой-нибудь часъ его разбудили. Приѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и объявилъ повелѣніе объ его арестѣ.

Рылѣевъ вскочилъ и пошелъ ему навстрѣчу.

— Сейчасъ приведу себя въ порядокъ, прощусь съ женой, и къ вашимъ услугамъ.

Поспѣшно онъ направился въ спальню жены.

Наталья Михайловна Рылѣва не спала, она, одѣтая, стояла на коѣняхъ у постели и молилась, обливаясь слезами, въ отчаяніи ломая руки.

— Прощай, Наташа, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Рылѣвъ, — за мной пришли... Господь да благословить тебя... Береги Настеньку, успокой свою матушку и сестру. А меня, дорогой другъ, прости, прости... Покорись волѣ Всемогущаго и уповай на Его святую благодать.

Страшно рыдая, бросилась Наталья Михайловна къ мужу.

— Я не успокоюсь, пока не увижу тебя свободнымъ! Ты одинъ у меня въ мірѣ и все мое счастье въ тебѣ одномъ. А наша дѣвочка, наша невинная Настенька!

Рылѣвъ, весь дрожа отъ волненія, — подошелъ къ маленькой кроваткѣ, на которой разметалась въ безмятежномъ снѣ малютка Настенька.

— Прощай, моя родная, — прощай, моя маленькая, — одними губами прошепталъ отецъ, въ послѣдній, можетъ быть, разъ крестя свое единственное дѣтище и покрывая поцѣлуями пухлую рученку, шелковистыя кудряшки, свѣтленькое одѣяльце.

Оторвавшись отъ дочери, онъ прижалъ къ сердцу рыдающую жену и вышелъ, не оглядываясь, изъ комнаты.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, — обратился онъ къ оберъ-полицеймейстеру.

Быстро домчала его наглухо-закрытая карета до Петропавловской крѣпости, гдѣ и провелъ онъ эту ночь.

Вскорѣ ждала его личная бесѣда съ государемъ, послѣ которой ему отвели № 17 Алексѣевского рavelина. И жилъ онъ съ тѣхъ поръ въ маленькой комнатѣ, въ которую едва проникалъ свѣтъ изъ единственнаго тусклаго окошечка. Все-таки ему дали кровать, столъ и стулъ. Одиночество и грусть томили его, а тутъ еще равномѣрные шати часового, эти вѣчные шаги за дверью, да глухонѣмая прислуга, отвѣчавшая на жгучіе вопросы безсмысленнымъ взоромъ.

АРЕСТЫ ВЪ МОСКВѢ И НА ЮГѢ

Тревожное настроеніе среди членовъ тайнаго общества въ Петербургѣ и декабрьское возстаніе откликнулись также въ Москвѣ и на югѣ... Члены „сѣвернаго общества“ состояли въ постоянномъ сношеніи съ Петербургомъ и южнымъ обществомъ, и часто московскіе заговорщики собирались на совѣщаніе въ тѣ-же дни, что и петербургскіе. Ихъ также охватывало воодушевленіе и ожиданіе чего-то торжественнаго и рѣшительнаго.

И вотъ, въ короткое междуцарствіе, когда наконецъ Николай рѣшается вступить на престолъ, приходитъ изъ Петербурга постановленіе не присягать и не допускать гвардейскихъ полковъ до присяги... Тогда и москвичи рѣшаютъ поднять вооруженное возстаніе.

Якушкинъ дѣйствуетъ лихорадочно... Фонвизинъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ ѣдетъ въ казармы поднимать войска. Митьковъ съ Якушкинымъ ѣдутъ къ полковнику Гурко, начальнику штаба пятаго корпуса.

Но все это одни лишь фантастичные планы, — заговорщикамъ не приходится сдѣлать ни малѣйшей попытки къ ихъ осуществленію. Еще колеблются они къ какому придти рѣшенію, а уже изъ Петербурга летитъ грозная вѣсть о событіяхъ 14-го декабря.

Выступаетъ Мухановъ, онъ предлагаетъ убить новаго царя и освободить арестованныхъ.

— Сдѣлайте, — говоритъ онъ, — въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, стрѣляйте въ императора!

Присутствующіе слушаютъ его молча, безъ малѣйшаго возраженія, уже слишкомъ безумны и предпріятіе, и способъ привести его въ исполненіе.

Послѣдній разъ собрались у Митькова на совѣщаніе члены московскаго общества, существовавшаго почти десять лѣтъ, всѣ они были поочередно арестованы и перевезены въ Петербургъ.

Грозный беспощадный судъ ожидалъ ихъ наряду съ возставшими 14-го декабря.

Глава южнаго общества Пестель былъ арестованъ уже 13-го декабря по доносу Шервуда и Майбороды. На допросахъ онъ хранилъ молчаніе, пока не узналъ объ арестѣ всѣхъ своихъ сотоварищей.

Оставшись безъ главы, южное общество притихло, заглохло... Оно воспрянуло только послѣ 25-го декабря, когда пришли „Петербургскія Извѣстія“.

Имъ удалось во имя свободы поднять часть войска, во главѣ котораго стали Муравьевъ и Бестужевъ.

Но большая часть войска стала на защиту правительства.

Короткая схватка у Бѣлой Церкви рѣшила участь южнаго возстанія. Съ первыми ударами артиллерійской картечи взбунтовавшіеся дрогнули и отступили.

Главарей схватывали одного за другимъ, заковывали, подвергали допросамъ и доставляли въ Петербургъ.

И такъ потибли одно за другимъ всѣ развѣтвленія „Союза Благоденствія“. Знамя свободы, которое они высоко подняли своими слабыми руками, пало на ихъ же головы и раздавило своею тяжестью этихъ первыхъ борниковъ свободы.

Тревожная ночь летѣла, и Настенька должна была вернуться домой.

Успокоенный ея лаской и сочувствіемъ, графъ Григорій заснулъ. Она тихо встала, перекрестила его и вышла изъ комнаты.

Надо было еще проститься съ отцомъ и... съ сестрой...

Старый князь не спалъ, онъ ждалъ свою дочь...

— Я ухожу, отецъ, дома меня вѣдь ждутъ и тревожатся... Поручаю тебѣ моихъ двухъ пациентовъ, охрани ихъ отъ заботъ и непріятностей, завтра я вернусь.

Настенька нѣжно простилась со старикомъ и направилась въ свою дѣвичью комнату, гдѣ на ея бывшей постели стонала и бредила вся въ жару Таня-пѣвунья, подъ охраной своей вѣрной хромою Алены.

Старуха поднялась навстрѣчу своей спасительницѣ.

— Ой, матушка-княгиня, больна совсѣмъ, мое дитятко... Такъ и горитъ, мечется...

— Что, врачъ былъ?

— Былъ, матушка, плохо, говорить... Снадобій надавалъ...

Настенька подошла къ постели и нѣсколько мгновеній пристально вглядывалась въ больную. Доброе чувство любви и нѣжности, глубокой жалости, росло въ ея душѣ... Она порывисто наклонилась и прикоснулась губами къ маленькому пылавшему лобику.

— Я пришлю доктора, а завтра приѣду сама. Береги бѣдняжку. Прощай, старуха.

Она вышла изъ комнаты, а старая цыганка все смотрѣла ей вслѣдъ блестящими глазами.

— Ангелъ... — прошептала она.

Экипажъ уже ждалъ Настеньку у крыльца. Но въ передней ее остановила Эвелина.

— Умоляю васъ, разрѣшите мнѣ пройти въ комнату графа Грегуара и ухаживать за нимъ. Я умѣю. Тамъ, въ Парижѣ, я выходила его, излѣчила его раны, спасла его жизнь.

Настенька стояла въ нерѣшимости. Съ трудомъ заглушила она какое-то личное непріятное чувство. Ревности, быть можетъ?

— Я ничего не имѣю противъ, но также не могу распоряжаться особой графа. Сейчас онъ спитъ и его беспокоить нельзя. Поѣзжайте лучше домой, хотите, я васъ доведу, а завтра вернитесь сюда, и, если графъ Григорій пожелаетъ васъ видѣть, никто изъ насъ не воспрепятствуетъ.

Глазки Эвелины сердито вспыхнули, но она покорилась необходимости.

Соперницы дружно сидѣли рядомъ въ экипажѣ.

Настенька молчала, но маленькую французенку обуревало дикое желаніе чѣмъ-нибудь уколоть, задѣть эту гордую, прекрасную женщину, этого ангела во человѣческомъ образѣ.

— Вы давно знаете Грегуара, княгиня?

— Это — другъ моего дѣтства, сирота, порученный моему отцу.

— Вы, кажется, были его невѣстой? Онъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорилъ.

Настенька вспыхнула и не отвѣтила.

— Онъ вообще откровененъ со мной. Я была его сестрой милосердія въ моемъ дорогомъ Парижѣ, онъ поправился въ моемъ домѣ и навсегда сохранилъ ко мнѣ дружбу. Я покинула Парижъ и сломала всю свою жизнь ради него.

Княгиня Ладова молчала, но рука ея нервно играла бахромой платка...

— Онъ и теперь посвящалъ меня во всѣ свои планы и я умѣла ему сочувствовать... Онъ долгіе вечера проводилъ со мной... Вы должны понять, что я имѣю право и должна ухаживать за нимъ... Я ему не чужая...

Княгиня повернула свою красивую головку, прямо взглянула на Эвелину... Лицо ея какъ-бы застыло въ официальной холодной вѣжливости.

— Меня все это мало интересуешь... Если графъ Ланской пожелаетъ, — вы будете его сидѣлкой, ему лучше знать ваши права и обязанности, чѣмъ мнѣ... Я не такъ близка къ нему, какъ вы, и не берусь распоряжаться его особой... А вотъ и вашъ домъ... Надѣюсь, доставила васъ въ цѣлости... До свиданья, mademoiselle. И искренно вамъ благодарна за сегодняшнее сопутствіе на Сенатскую площадь.

Эвелина уничтоженная вышла изъ экипажа, рассыпалась въ благодарности и поклонахъ.

Кучеръ стегнулъ лошадей, и карета покатила къ дому князя Ладова...

Оставшись одна, Настенька глубоко и тяжело вздохнула.

Неиспытанное еще чувство жгучей обиды, досады и ревности томило ее...

Когда она подъѣхала къ дому, ей все сразу показалось страннымъ и необычнымъ... Широко распахнутыя двери, ярко освѣщенный подъѣздъ, встревоженные лица швейцара и многочисленной, уныло толпившейся челяди.

— Горе, горе, матушка-княгинюшка! Супругъ-то вашъ, князенька нашъ свѣтлый, убить, со славою, защищая батюшку-царя отъ мятежниковъ!..

Что это? Сонъ? Правда?..

Настенька, шатаясь, смертельно блѣдная, машинально идетъ въ глубь дворца... Вотъ она у дверей комнаты мужа... Оттуда несутся рыданія и причитанія... Слышится равномерное протяжное чтеніе дьячка.

Она входитъ.

Ея мужъ лежитъ на столѣ и красивое лицо его кажется такимъ строгимъ при мерцающемъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей.

Старая княгиня, скорчившись, беззвучно рыдаетъ на полу. Полукругомъ приживалки крестятся, кладутъ земные поклоны и причитаютъ въ голосъ... Съ равнодушіемъ, усталымъ лицомъ протяжно читаетъ дьячокъ.

Такъ, значить, правда?.. Умеръ?.. Свободна?.. Все мѣшается въ головѣ Настеньки и безъ чувствъ она падаетъ рядомъ со своей свекровью.

Настенька проснулась, потому что кто-то осторожно коснулся ея руки.

Въ комнатѣ царила полутьма, одна только лампадка слабо мерцала... Тайнственные фѣны колебались въ темныхъ углахъ комнаты, что-то горячее, порывистое дыханіе слышалось такъ близко.

Настенька широко открыла глаза.

Надъ нею, склонившись и что-то шепча, стояла темная худенькая фигурка... Лицо было блѣдно, какъ у лунатика, а глаза сіяли страшнымъ фосфорическимъ блескомъ.

— Это я, ангелъ свѣтлый, я здѣсь, твой Илья, пришелъ за тобой... Скорѣй, спѣши, скорѣй... Теперь ужь

ты ничего не должна бояться, я его убить, понимаешь?.. Я такъ боялся, что не найду его, время шло, монахъ мнѣ показывалъ дорогу, я видѣлъ его, я бѣжалъ, но догнать его я не могъ. Кругомъ него были люди, такъ много людей. Но я не унывалъ. И вотъ я увидѣлъ его на площади. Онъ ѣхалъ шагомъ, одинокій, онъ думалъ о чемъ-то, навѣрно онъ думалъ о тебѣ. Было такъ холодно, я весь дрожалъ, но я крался за нимъ какъ кошка, какъ тигръ. Пистолетъ былъ въ моей рукѣ, на груди... Я подкрался такъ близко, я касался его лошади... Я выстрѣлилъ, онъ закачался, но молчалъ... Онъ не посмѣлъ закричать... Но кровь хлынула, я видѣлъ ее, это была такая черная, черная кровь... Я спрятался въ уголку и смотрѣлъ... Кровь заливала всю площадь и изъ нея рождались тѣни, образы... „Его“ ужъ нѣтъ, свѣтлый ангелъ, и ты свободна теперь, ты моя...

Къ Настенькѣ потянулись худыя, блѣдныя, длинныя руки... Онъ обвилъ ее вокругъ шеи... Страстное горячее дыханіе жгло ее...

Въ оцѣпенѣніи ужаса она не шевелилась, молчала...

Но вотъ страшный шопотъ смолкъ, объятія ослабѣли и въ жестокомъ нервномъ припадкѣ блаженный Илья бился на полу, у кровати Настеньки...

Она разомъ пришла въ себя... Ужасная истина раскрылась передъ нею. Блаженненькій Илья — убійца ея мужа... Онъ сдѣлалъ это изъ любви къ ней, для нея... Ужасъ леденилъ сердце Настеньки...

• XII

АРЕСТЪ

Съ отъѣздомъ Настеньки воцарилась тишина въ домѣ князя Радомскаго.

Сладко спалъ утомленный и обезсиленный графъ Григорій.

Тяжелымъ сномъ, прерываемымъ стонами, забылась маленькая цыганка. Старая Алена такъ и замерла на кор-

точкахъ у ея кровати, съ затаеннымъ дыханіемъ боязливо прислушиваясь къ стонамъ своей питомицы.

Наверху въ своемъ мрачномъ кабинетѣ крѣпко спалъ старый князь Радомскій.

Утомленная безпокойствами дня и суетой, многочисленная челядь погрузилась въ глубокій сонъ.

Швейцаръ, согнувшись на своемъ стулѣ, усердно клевалъ носомъ.

И среди этой глубокой тишины вдругъ неистово зазвонилъ колокольчикъ и задрожала дубовая дверь отъ сыпавшихся на нее нетерпѣливыхъ, рѣзкихъ ударовъ. Швейцаръ вскочилъ, испуганно озираясь и протирая глаза.

— Кто тамъ?

— Именемъ Государя отворите!

Дрожащими руками швейцаръ распахнулъ дверь... Изъ темноты выступила цѣлая группа полицейскихъ чиновъ... У подъѣзда стояла тяжелая карета, скорѣе напоминающая колымагу.

Изъ группы полицейскихъ выступилъ одинъ, очевидно начальникъ, и рѣзкимъ, властнымъ голосомъ произнесъ:

— Тутъ у васъ скрывается государственный преступникъ, графъ Григорій Алексѣевичъ Ланской... Вотъ приказъ Его Величества объ арестѣ преступника. Доложи, служивый, князю Радомскому и веди насъ въ комнату графа Ланского...

Швейцаръ съ выкатившимися отъ испуга глазами разсматривалъ грознаго представителя полиціи. Въ его памяти навсегда запечатлѣлась коренастая фигура, большая голова, откинутаая назадъ, тусклые свинцовые глаза и рыжіе длинные усы.

Машинально онъ показывалъ имъ дорогу, ноги его дрожали, колѣни гнулись.

Онъ прямо, не докладывая старому князю, довелъ ихъ до дверей графа Григорія и распахнулъ передъ ними эти двери.

Больной сладко спалъ и душа его отдыхала отъ волненій и грустныхъ предположеній.

Рѣзкій, властный голосъ пробудилъ его.

Онъ открылъ глаза и съ удивленіемъ всматривался въ суровыя лица незнакомцевъ.

— Вы графъ Григорій Алексѣевичъ Ланской?

— Да, я графъ Ланской.

— По Высочайшему повелѣнію я васъ арестую, вы обвиняетесь въ государственной измѣнѣ... Я даю вамъ четверть часа для того, чтобъ собраться и въ моемъ присутствіи сдѣлать ваши послѣднія распоряженія.

Графъ Григорій быстро вскочилъ, но сейчасъ же со стономъ опустился на подушки, — онъ разбередилъ рану въ плечѣ и жгучая боль сорвала легкій стонъ съ его устъ.

Но это была только минута слабости, графъ Григорій превозмогъ себя, черезъ пять минутъ онъ былъ уже одѣтъ. Затѣмъ онъ жестомъ подозвалъ къ себѣ швейцара.

— Все, что видѣлъ, расскажешь молодой княгинѣ и передай отъ меня мой послѣдній привѣтъ. Скажи, что до самой послѣдней минуты я буду думать о ней одной. И еще попроси, пусть помолится за меня.

Голосъ графа Григорія дротнулъ и оборвался. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже спокойно обратился къ чинамъ полиціи:

— Я готовъ, и... ведите меня.

И, слегка пошатываясь отъ слабости и боли, окруженный полицейскими, онъ вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ въ швейцарскую. Тамъ онъ остановился, словно сразу что-то вспомнилъ.

— Голубчики, — обратился онъ къ челяди, — князю не говорите, онъ больной вѣдь... Скажите просто, что я самъ уѣхалъ.

Еще минута, и онъ сидѣлъ уже въ каретѣ, рядомъ съ однимъ изъ полицейскихъ. Дверцы кареты громко хлопнулись, окна уже заранѣе плотно были закупорены и графъ Григорій очутился въ полной темнотѣ рядомъ съ человѣкомъ, котораго онъ не видѣлъ, который упорно молчалъ всю долгую дорогу и котораго ровное сонное дыханіе онъ слышалъ.

Въ тяжелыхъ думахъ графъ Григорій незамѣтно доѣхалъ до Петропавловской крѣпости... Онъ вздрогнулъ, когда карета остановилась.

Томительный переходъ, допросы, ржавый звукъ замка и наконецъ онъ одинъ, одинъ...

Въ его темницѣ душно, темно, сыро. Мокрая солома на землѣ служить ложемъ... Какія-то живыя существа шевелятся по угламъ, испуганныя его приходомъ.

Не спится ему, плечо ноетъ, тѣло дрожитъ въ лихорадкѣ, а думы гнетутъ умъ и сердце.

Ужасная черная ночь тянется такъ мучительно долго. она безконечна... Разсвѣта не видно и мракъ царить...

Итакъ, съ ночи 14-го декабря начались аресты... Правительство ожидало сопротивленій и приготовилось къ нимъ. Но обезсиленные члены „Союза Благоденствія“ и не думали о сопротивленіи: безъ возраженій, подъ конвоемъ полиціи оставляли они свои дома для тяжелаго заключенія.

Со всѣхъ концовъ Россіи привозили подозрѣваемыхъ и заключали въ Петропавловскую крѣпость.

Многихъ допрашивалъ во дворцѣ самъ императоръ.

Назначена была тайная слѣдственная коммиссія, она вся была составлена изъ угодливыхъ царедворцевъ и проникнута духомъ инквизиціи: — порабощенные либералы не могли отъ нея ждать пощады.

Несчастные содержались въ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ, подъ страхомъ быть подвергнутыми пыткамъ, въ случаѣ записательства. Ихъ соблазняли обманчивыми надеждами на свободу именемъ государя, въ случаѣ искренняго признанія.

Крѣпость скороѣ наполнилась такъ, что не доставало мѣстъ, пришлось прибавлять номера временные, изъ брусевъ сырого лѣса. Даже секретный Алексѣевскій равелинъ, садикъ котораго былъ могилой княжны Таракановой, — былъ весь переполненъ.

Нѣкоторые номера отличались особенно смраднымъ

зловѣщимъ воздухомъ, въ нихъ кишѣли насѣкомыя. Тонкая перегородка отдѣляла несчастнаго узника отъ запираемыхъ на ночь инвалидовъ и онъ долженъ былъ выслушивать разныя мерзости, въ тѣ мгновенія, когда усталая душа его рвалась къ свѣтлымъ далекимъ воспоминаніямъ, къ молитвѣ Господней.

Одинъ изъ узниковъ, храбрый и любимый солдатами, полковникъ Булатовъ, разбилъ свою голову о стѣны темницы.

Находились несчастные, которые глотали разбитыя стекла, чтобъ скорѣй освободиться отъ пристрастнаго суда земного и предстать на судъ небесъ строгій, но справедливый.

Многіе, можно сказать, почти всѣ, упали духомъ...

Неудивительно, что показаніями, являвшимися плодомъ мукъ душевныхъ и тѣлесныхъ, взводили нелѣпое обвиненіе во вредъ себѣ и товарищамъ.

Цѣлью ведшихъ слѣдствіе было исказить истину, перешлести ее съ ложью и очернить нравственный характеръ тайнаго союза и чистоту его намѣреній.

Членъ тайной комиссіи, князь Чернышевъ, вырастаетъ въ фигуру истаго инквизитора: онъ приходитъ въ яростное изступленіе.

Но находились среди судей и такія рѣдкія исключенія, какъ Голицынъ, Бенкендорфъ, у которыхъ часто вырывалось состраданіе и сочувствіе къ несчастнымъ.

Единственнымъ обвинительнымъ актомъ противъ декабристовъ является докладъ безпощадной комиссіи.

Всякое слово, вырвавшееся сгоряча въ дружеской бесѣдѣ за бокаломъ вина, вмѣнялось узникамъ какъ бы уже въ совершенное преступленіе.

А какъ добросовѣстно умолчала комиссія объ идеяхъ и самоотверженіи декабристовъ! Какъ таинственно скрыты показанія, гдѣ представлена Россія подъ вѣковымъ гнетомъ самовластія! Какъ скрыты всѣ эти вѣрныя изображенія хаоса въ законахъ и администраціи!

Какъ расплылись неизвѣстно куда въ докладѣ комиссіи мечты объ уничтоженіи рабства и винныхъ откуповъ, развращающихъ и разоряющихъ народъ!

Ни одна изъ этихъ идей не коснулась общественнаго мнѣнія, не коснулась ушей государя.

Во всемъ этомъ пристрастіи декабристы не могли, не должны были ждать правосудія.

И вотъ былъ произнесенъ жестокой приговоръ... Кровавыя строки осуждали къ четвертованію пятерыхъ, 27 — къ отсѣченію головы, а 97 — въ каторжныя работы.

Императоръ смягчилъ суровый приговоръ: этихъ пятерыхъ — онъ обрекъ смерти черезъ повѣшеніе, а остальнымъ оставилъ жизнь и поселеніе въ Сибирь.

Но пока прозвучалъ окончательный приговоръ, — долгіе мѣсяцы томились узники. Втихомолку имъ удавалось переписываться, переговариваться. Иногда приходилось встрѣчаться на очной ставкѣ и краснѣть за исторгнутое показаніе.

Все рѣже и рѣже вызывали къ допросамъ, личный вызовъ въ комиссію совсѣмъ прекратился и зловѣщая тишина охватывала души заключенныхъ.

Наступила весна и узникамъ было позволено спускаться въ малый садъ внутри Алексѣевского рavelина и дышать наступающимъ лѣтомъ.

Еще темнѣе и суровѣе казались сырыя стѣны каземата послѣ такой прогулки. Дыханіе тѣснилось въ груди, члены больно ныли.

Но душа, свѣтлая человѣческая душа, пробуждалась отъ оцѣпенѣнія, дорогія воспоминанія новой живой волной захлестывали ее, вставали любимые образы — и горячая молитва, прорываясь сквозь стѣны, не зная никакихъ преградъ, летѣла къ Престолу Царя Царей...

ХІІІ

ГДѢ МЫ?

Прошло нѣсколько дней, а молодой вдовѣ княгинѣ Анастасіи Александровнѣ Ладовой такъ и не пришлось заглянуть въ домъ ея отца князя Радомскаго, чтобъ навѣстить своихъ двухъ пациентовъ.

Она только написала короткое письмо отцу, сообщая о смерти мужа, съ обѣщаніемъ зайти какъ только представится возможность, съ просьбой заботиться о графѣ Григоріи и Танѣ.

Потрясенная событіями послѣднихъ дней, она едва выстаивала утреннія и вечернія панихиды. А тутъ еще приходилось заботиться о старой княгинѣ, совершенно обезумѣвшей отъ горя.

Оставаясь одна въ своей комнатѣ, она или сразу засыпала, сраженная усталостью, или лежала цѣлыми часами, обдумывая или анализируя всю свою жизнь.

Внутренній голосъ подсказывалъ ей, что не совѣмъ она права предъ своимъ покойнымъ мужемъ. Въдѣ онъ любилъ ее искренно и горячо, и если-бы она сумѣла побѣдить свое сердце, — она могла-бы создать ему счастливую жизнь... Но совладать со своимъ сердцемъ иногда невозможно, и это сознаніе облегчаетъ ея вину.

Невольнo вспоминались хорошіе дни, когда князь, мечтавъ завоевать ее, не щадилъ заботъ и ласкъ.

И въ такія минуты становилось глубоко жаль его, пробуждалась къ его памяти грустная нѣжность...

Временно графъ Григорій и Таня отошли на второй планъ. А тутъ еще наступилъ грустный, торжественный день похоронъ...

Послѣдняго представителя старинной княжеской фамиліи, павшаго, какъ полагали, защищая тронъ и Государя, хоронили съ давно невиданной пышностью... Въ дорогой колесницѣ, окруженный товарищами и блестящими придворными, въ полной парадной формѣ, подъ грустные звуки полкового марша, совершалъ свою по-

слѣдную далекую поѣздку князь Иванъ Васильевичъ Ладовъ.

Свинцовыя небеса угрожающе разстилались надъ столицей; утро скорѣе было похоже на вечернія сумерки.

Цѣлыя вереницы экипажей медленно, лѣниво, словно сквозь сонъ, двигались за траурной колесницей.

Цѣлое море головъ любопытныхъ наводняло переулки; медленно они отодвигались по требованію полиціи. Изъ каждаго окна, изъ каждой двери выглядывали цѣлыя группы.

Сейчасъ же за колесницей слѣдовала карета матери. Старая княгиня, рыдая, склонялась на плечо невѣстки. Молодая заботливо поддерживала свекровь обѣими руками; ея лицо было блѣдно, печально, но ни одной слезы не выкатилось изъ ея глазъ. И любопытный, злоязычный свѣтъ, конечно, замѣтилъ такую безчувственность и осыпалъ молодую вдову градомъ укоровъ.

А для Настеньки весь этотъ день прошелъ, какъ туманный кошмаръ. Какъ во снѣ промелькнула лавра съ черными, мрачными фигурами блѣдныхъ монаховъ, торжественная служба, рыдающій стройный хоръ!.. И вся эта блестящая колѣнопреклонная, усердно крестящаяся и кладущая земные поклоны, но равнодушная толпа.

Рѣзко запечатлѣлась въ памяти только безумно рвавшаяся у гроба старуха-мать... А потомъ блѣдное, восковое, словно испуганное лицо мужа, когда, зловѣще взмахнувъ въ воздухъ, опустилась надъ нимъ крышка гроба, чтобы болѣе не подняться, и самый ударъ ея звонкій и безпощадный...

Вернулась домой Настенька, когда уже наступили ранніе сумерки.

Въ княжескомъ домѣ провожавшихъ ждалъ роскошный поминальный обѣдъ, но гости распоряжались сами, такъ какъ обѣ хозяйки не нашли въ себѣ силъ присутствовать на немъ.

И, лежа на кровати, сквозь дремоту, Настенька слышала гулъ голосовъ, звонъ посуды и хрусталя, пока, полная утомленія, не заснула крѣпкимъ сномъ.

И грезилось ей все то, что переживала она за послѣдніе дни въ домѣ своего мужа, и только подъ конецъ приснился ей Гриша.

Онъ проникъ въ ея грезы блѣдный, весь покрытый кровью, о чемъ-то молилъ ее, простирая къ ней руки. И она шла ему навстрѣчу, но со всѣхъ сторонъ тянулись чьи-то враждебныя руки. Эти руки разлучали ихъ, и лицо Гриши становилось все печальнѣе и мучительныя стоны вырывались изъ его груди.

Настенька проснулась дрожащая, покрытая холоднымъ потомъ... Она забыла бѣднаго, больного Гришу, и онъ самъ напомнилъ о себѣ...

Въ комнатѣ царилъ полный мракъ и тишина... Слышалось только равномерное тиканье часовъ...

Очевидно, гости уже разошлись...

Настенька быстро вскочила и зажгла лампадку...

Шель десятый часъ...

Какъ долго она спала!.. Что-то дѣлается теперь тамъ, въ домѣ ея отца?..

Настенька позвала прислугу и стала быстро одѣваться...

— Что княгиня? — спросила она.

— Все плакали, ихъ сіятельство, сердешныя... А теперь врачъ лѣкарствія далъ, и забылись онѣ, заснули...

— Я поѣду къ отцу... Если княгиня проснется и спроситъ меня, скажешь, что я тамъ, отецъ мой боленъ...

Черезъ нѣсколько минутъ молодая вдова уже ѣхала въ каретѣ къ дому князя Радомскаго.

Ее встрѣтили все печальныя, натянутыя, словно сконфуженныя лица.

— Что отецъ? — тревожно спросила она.

— Хворають все, лежать, ваше сіятельство о васъ справлялись не разъ.

— А графъ Григорій Алексѣевичъ?

Старый дворецкій поникъ головой.

— Увезли ихъ, ваше сіятельство, въ ту же ночь забрали... Мы ужъ побоялись, — старому князю и не доложили.

Настенька съ широко раскрытыми глазами опустилась на ступеньку лѣстницы.

— Какъ это увезли? Кто? Куда?

— Полиція, ваше сіятельство, по государеву приказу, за измѣну да тайные заговоры. Будто нашъ графъ Григорій Алексѣевичъ къ бунту декабрьскому причастны. Предводитель-съ.

Настенька со стономъ закрыла лицо руками.

— Что же? Что же дѣлать теперь?

Растерянные мысли ея не находили отвѣта.

Старый дворецкій почтительно помогалъ ей подняться со ступенекъ, а швейцаръ бѣжалъ съ докладомъ, что старый князь ждетъ къ себѣ свою дочь съ нетерпѣніемъ.

Настенькѣ еще разъ пришлось взять себя въ руки, переломить сердечную боль, сдержатъ слезы... а онѣ такъ и жгли ея глаза, такъ и подступали къ горлу.

Успокоивъ и приласкавъ стараго больного, Настенька направилась въ комнаты своей пациентки.

Всю ночь просидѣла хромая Алена надъ постелью своей любимицы, усердно давая прописанныя лѣкарства, мѣняя холодные компрессы.

По модѣ того времени, врачъ не обошелся безъ кровопусканія и приставилъ пиявки къ маленькимъ ножкамъ Тани-пѣвуньи.

Къ утру жаръ спалъ, бредъ затихъ, тяжелый сонъ смѣнилъ лихорадочное состояніе... Молодая, неизбалованная суровымъ дѣтствомъ натура вышла побѣдительницей... и выздоровленіе маленькой цыганки быстрыми шагами шло впередъ.

Но чѣмъ лучше чувствовала она себя физически, тѣмъ безпокойнѣе становилось состояніе ея духа.

— Мамо, — горячилась она, — я вѣдь здорова... За чѣмъ ты держишь меня въ постели?.. Я должна встать и пойти домой, къ князю... Онъ теперь безпокоится безъ меня... Мамо, мамо, я больше не могу тутъ остаться...

Собирая всю силу убѣжденія, на какую была способна, старуха возражала:

— Нелзя, дитятко, врачъ лежать велѣлъ, „если встанетъ“, — говоритъ, „помретъ“... Развѣ лучше будетъ, денькомъ раньше встанешь и загубишь свое счастье... Да врачъ говоритъ, что тебѣ и до князя не дойти, по дорогѣ помрешь...

Таня съ тоскою и нетерпѣніемъ заламывала ручки.

— Это ужасно, мамо... Ну, потерплю еще денекъ.

— Денька мало, дитятко, два-три... еще придется...

— Но гдѣ мы, мамо?.. Чей это домъ? Богатый, видно... А это дѣвичья комната?..

Большими глазами обводила она комнатку Настеньки.

Ни одна вещица тамъ не была сдвинута съ мѣста, все въ чистотѣ и порядкѣ, какъ будто хозяйка не переехала на вѣки ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а только часа два тому назадъ ушла по какому-нибудь дѣлу.

Присутствіе больной вносило беспорядокъ... Компрессы, лѣкарства, чашки съ ледяной водой...

Но свѣтлая невинная чистота успокаивала душу, ласкала больные нервы.

— Гдѣ мы, мамо?

Хромая Алена неловко нагибалась надъ стеклянкой съ лѣкарствомъ, или надъ компрессомъ, и какъ-то путалась въ своемъ отвѣтѣ.

— Не знаю, дѣвочка, и спрашивать не смѣю... Люди добрые, богатые, пригрѣли, спасли, лѣчатъ... Никакъ не спросишь... Боязно... А ну, какъ турнуть...

Таня умолкла... На слѣдующій день она стала еще безпокойнѣе.

— Нѣтъ, какъ хочешь, мамо, а ждать я больше не буду. Лѣкаръ говоритъ, что умру я, — такъ право лучше умереть, чѣмъ тутъ лежать въ тоскѣ и неизвѣстности.

Алена уже заранѣе предвидѣла рѣшеніе своей любимицы, слишкомъ хорошо она знала нетерпѣливую порывистую пѣвунью. Она и отвѣтъ ужъ приготовила.

— Знаешь что, дитятко, лучше я пойду впередъ, пропюхаю въ чемъ дѣло... Князьенку сюда привезу. А ты подожди часокъ — другой, будешь поспокойнѣе, — оно и лучше.

Маленькая цыганка ухватила за предложеніе Алены и стала торопить ее.

Алена накинула сѣрый большой платокъ и побрела, прихрамывая, къ дому Ладовыхъ.

Маленькая цыганка ждала ее съ нетерпѣніемъ, волнуясь и прислушиваясь къ малѣйшему пороху.

Золотая мечта рисовалась ей: вотъ теперь Алена уже у дома Ладовыхъ, вотъ вошла въ подъѣздъ, вотъ говорить съ княземъ... Какъ онъ бросается къ ней навстрѣчу, какъ онъ счастливъ узнать, что его малютка-пѣвунья жива и ждетъ его! Вотъ подають коляску, и садится онъ съ Аленой, и быстро мчатъ ихъ кровные рысаки... Сейчас онъ войдетъ и съ крикомъ радости прижметъ ее къ своей груди, зацѣлуетъ всю!..

Но прошелъ еще часъ, и наконецъ въ комнату робко вошла хромая Алена... Таня, трепещущая, поднялась ей навстрѣчу.

— Что же? Мамо!.. Одна?..

Алена не смотритъ ей въ глаза почему-то, дрожащими руками наливаетъ лѣкарство и говоритъ чуть слышно:

— Была я въ княжьемъ домѣ, дитятко, тихо тамъ и грустно. Старая княгиня больна, а твой князекъ не возвращался еще, при царѣ. Все бунта боятся новаго, — такъ изъ дворца не пускають военныхъ. Камердинеру сказала, гдѣ мы, какъ вернется нашъ соколъ — доложить. А пока терпи, дитятко, противъ Бога не иди же.

Таня покорно опускается на подушки и смотритъ большими грустными глазами куда-то далеко, словно нѣтъ этихъ стѣнъ, скрывающихъ отъ нея просторъ.

Не спится ей.

ПОДЪ ПОКРОВОМЪ ТЬМЫ

Не спится Танѣ-пѣвунѣ.

Старая Алена задремала у ея кровати, сраженная усталостью... Масло въ лампадкѣ догорѣло и она погасла.

Въ комнатѣ царить темнота и зловѣще стучится мокрый снѣгъ въ стекла оконъ.

Маленькое сердечко тоскливо сжимается, на груди тяжесть лежитъ непосильная. Въ усталой, больной головкѣ мысль не плыветъ стройными рядами, а безсвязно разбрасывается.

И вотъ въ дверь кто-то тихо, осторожно стучитъ.

Приливъ радостной надежды охватываетъ маленькую цыганку, она быстро вскакиваетъ и трепетный вопросъ срывается съ ея устъ:

— Кто тамъ? Что такое?

Въ отвѣтъ раздается голосъ, мягкій, гармоничный, знакомый, — голосъ молодой княгини Ладовой, и онъ кажется Танѣ грустнымъ, словно надорваннымъ.

— Это я... Могу я войти, Алена?

Не сонъ ли? Какимъ образомъ могла попасть сюда супруга ея возлюбленнаго? Или, можетъ быть, она принесла какую-нибудь вѣсть? Печальную или... радостную?

Алена уже вскочила и металась впросонкахъ. Она поспѣшила зажечь лампадку и распахнула дверь передъ неожиданной гостьей.

Настенька не подозрѣвала тѣхъ таинственныхъ объясненій, которыя давала старая цыганка своей воспитанницѣ. Она просто вошла въ комнату и спросила съ грустною нѣжностью:

— Ну, что наша маленькая больная?

Опомнившись, Алена ей стала дѣлать знаки руками, но Настенька ихъ или не замѣтила, или не поняла, легкими шагами приблизилась къ кровати и нагнулась надъ своей маленькой пациенткой.

Она увидѣла блѣдное исхудалое личико и большіе враждебные глаза...

— Зачѣмъ вы пришли сюда и что вамъ надо? — раздался нервный, сердитый голосокъ.

— Я пришла провѣдать тебя, милое дитя, ты была такъ больна и безъ памяти, когда тебя принесли въ домъ нашего отца... — послѣдовалъ мягкій, ласковый отвѣтъ.

Таня уже сидѣла на кровати, прижимая руки къ груди...

— Въ домъ... нашего... отца?

— Ну, да, милая сестренка... Не смотри на меня сердитыми удивленными глазками. Прѣво, я ничѣмъ не виновата передъ тобой... Я вѣдь не знала раньше, кто ты... и скорѣе... я была бы въ правѣ... сердиться на тебя... А теперь, — я знаю, какъ много и несправедливо ты страдала, брошенная ребенкомъ-сироткой на произволъ судьбы... Я понимаю, что ты могла насъ ненавидѣть и проклипать, тебя вѣдь никто не училъ любить и прощать... И потомъ... твоя бѣдная мама... за нее... ты тоже могла ненавидѣть... Но Господь былъ противъ вражды и неправды... Онъ столкнулъ насъ и мы узнали другъ друга... Онъ пробудилъ въ моей душѣ къ тебѣ и ласку, и любовь... И когда ты погибала на площади въ день мятежа, никого другого, меня послалъ къ тебѣ Господь для твоего спасенія... Развѣ не ясно указалъ Онъ свою волю?.. И ты не должна отталкивать меня, сестренка, какъ врага... Протяни мнѣ ручку... отъ всего сердца...

Долго говорила Настенька, и, внимательно вперивъ взоръ куда-то вдаль, слушала ее Таня-пѣвунья, и каждое ласковое слово западало въ маленькое сердечко, и таяла постепенно ледяная кора, его оковывавшая.

Большіе голубые глаза Тани словно какою-то силой медленно приковывались къ прозрачнымъ, проникнутымъ свѣтомъ, очамъ Настеньки.

Какъ ангелъ прощенія и печали, склонилась молодая княгиня Ладова надъ кроватью незаконной своей сестры... Траурное платьѣ облегалo ея стройную фигуру, оттѣняло блѣдное, благородное лицо.

— Ну, что, милая сестренка, дашь мнѣ ручку? — съ материнской нѣжностью повторила свою просьбу Настенька...

Дикій звѣрекъ былъ покоренъ... Слезы жгли ея глаза уже давно; теперь двѣ крупныя слезинки показались въ уголкахъ глазъ, за ними другія... и свѣтлыя, соленыя струйки побѣжали по исхудалымъ щечкамъ... Маленькая смуглая ручка потянулась къ Настенькѣ...

Настенька нѣжно привлекла къ себѣ хрупкую фигурку; кудрявая головка упала на ея грудь и вздрагивала отъ громкихъ судорожныхъ всхлипываній...

И вотъ, первый вопросъ Тани-пѣвуни, когда она успокоилась немного:

— А князь? Почему о немъ вы не говорите ни слова?.. Я обещаю, что больше не увижусь съ нимъ никогда, но скажите мнѣ, я васъ умоляю, гдѣ онъ, что съ нимъ?.. Я такъ люблю его, и мнѣ такъ больно... ничего о немъ... не знать.

Настенька вздрогнула и закрыла лицо руками...

— О, не сердитесь на меня, — робко продолжала Таня, — я обещаю, я никогда не увижу его... Вы своей лаской меня побѣдили, я предана вамъ, какъ раба, какъ собака... Я готова забыть и разбить свое счастье... Я какъ милости прошу — скажите мнѣ только, гдѣ онъ, что съ нимъ? — совсѣмъ тихо, со слезами добавила бѣдняжка.

— Ахъ, Боже мой, — простонала Настенька, — вѣдь правды, ужасной правды не скроешь...

Хромая Алена, съ напряженіемъ слѣдившая за сестрами, теперь подползла къ ногамъ Настеньки.

— Не говорите, не говорите...

Отъ вниманія Тани не укрылось ни одно слово, ни одно движеніе.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?.. Оставь, мамо, не мѣшайся. Я хочу, я должна знать правду. Княгиня — ангелъ, она лгать не умѣетъ, она скажетъ правду. Гдѣ князь? Что съ нимъ? Здоровъ? Живъ?

Настенька собрала все свои силы, она снова прилекла черную, кудрявую головку на свою грудь.

— Бѣдная, милая сестренка! Сколько горя тебѣ одной, тебѣ, маленькой, ни въ чемъ неповинной!

Но Таня высвободилась изъ нѣжныхъ объятій. Холодными руками она сжимала руку Настеньки.

— Правду, одну только правду. Пожалѣйте меня. Гдѣ князь?

— Его убили, — беззвучно произнесла Настенька, со страхомъ слѣдя за впечатлѣніемъ своихъ словъ.

Какъ странно!.. Ни одного крика, ни одной слезы... только судорога пробѣжала по миниатюрнымъ чертамъ Тани-пѣвуньи. Она медленно, словно постепенно теряя силы, опустилась на подушки и лежала молча, неподвижно, съ широко раскрытыми, словно удивленными глазами.

И обѣ женщины, Настенька и Алена, тоже молчали, словно боясь нарушить торжественность этого глубокого горя.

Первая заговорила Таня-пѣвунья звенящимъ, холоднымъ, неживымъ голосомъ.

— Убили?.. Кто? Зачѣмъ? Не все ли равно, — разъ „убили“ и больше его нѣтъ на землѣ? Какъ ты говорила, мамо?.. Теперь душа его перейдетъ въ другое тѣло и будетъ блуждать, пока не очистится отъ грѣховъ и не найдетъ вѣчнаго успокоенія. Правда ли это?.. А мы еще говорили, что душа улетаетъ на небо и тамъ, какъ царь, сидитъ Богъ на золотомъ престолѣ и судитъ эту душу. А потомъ она будетъ тосковать и ждать другую, ту, которую любила... и, если „та“ придетъ къ ней вѣрная и любящая, — тогда они опять будутъ счастливы уже навѣки и никогда не разстанутся. — Я этого больше хочу. Этому вѣрю. Да, мамо?.. И я скоро-скоро пойду къ нему, онъ и такъ уже заждался меня. Милый!

Нѣжная улыбка заиграла на блѣдныхъ сухихъ губъ Тани.

Настенька ласково легко положила руку на блѣдный лобикъ, украшенный взбившимися кудряшками.

— Не надо отчаиваться, не надо такъ говорить, дитя. Придетъ твой часъ и Господь призоветъ тебя къ Себѣ и, если Онъ захочетъ, вы снова встрѣтитесь. Я понимаю, какъ тебѣ больно и тяжело, сестренка, но у всѣхъ насъ горе. У меня его не мало, — я терплю. Теперь ты не одна, у тебя есть родные. Твоя старая, вѣрная Алена... Я, твоя сестра, и, наконецъ, нашъ бѣдный, старый отецъ. Его ты должна простить и пожалѣть. Не хмурься, дитя, ты должна. Онъ боленъ и душой и тѣломъ, онъ страдаетъ. Онъ наканунѣ смерти, можетъ быть. Ты должна его простить и снять свое проклятіе. Проклятому родною дочерью — умирать тяжело. Не намъ его судить, — Господь — судья надъ всѣми нами.

Въ отвѣтъ Таня-пѣвунья взяла руку Настеньки и прижала ее къ губамъ.

— А теперь постарайся заснуть, отдохни. Мы посидимъ возлѣ тебя.

Не отвѣтивъ ни слова, Таня покорно повернулась къ стѣнѣ и скоро ея ровное дыханіе раздалось въ тишинѣ комнаты.

Просидѣвъ болѣе часу, Настенька вышла изъ комнаты, перекрестивъ спавшую. Она поѣхала домой, ей такъ же много надо было обдумывать, — переживать и рѣшать. Удары судьбы были безпощадны и мысль о судьбѣ возлюбленнаго томила ея мозгъ. Что ждетъ его?.. Неужели?.. И она содрогалась отъ страшной мысли.

Послѣ ухода Настеньки хромая Алена сторожила сонъ Тани...

— Какъ крѣпко спитъ, бѣдняжка... Больная совсѣмъ и столько горя... Переживетъ ли?..

Но мысли старой цыганки стали путаться, она вѣдь тоже человѣкъ, и къ ней когда-нибудь усталость должна предъявить свои права...

Вскорѣ храпъ Алены достигъ чуткихъ ушей Тани...

Маленькая пѣвунья поднялась медленно, осторожно... Скорчившись на полу, уронивъ голову на руки, крѣпко спала хромая Алена...

Таня встала и быстро одѣлась... Уходя, она сняла

крестикъ съ своей шеи, маленькій крестикъ, надѣтый рукою ея матери, и положила около старой цыганки...

— Прощай, мамо, прощай, Алена, — съ нѣжностью прикоснувшись губами къ одеждѣ своей воспитательницы, прошептала Таня-гвѣвунья.

На порогѣ она бросила еще одинъ любящій прощальный взглядъ и... вышла изъ комнаты.

Въ одномъ изъ длинныхъ коридоровъ ей попался старый камердинеръ князя...

— Князь звалъ меня, какъ пройти къ нему? — смѣло спросила Таня.

Ее довели до дверей комнаты стараго князя.

Она постучала.

— Войдите, — отвѣтилъ слабый старческій голосъ...

Она вздрогнула и вошла...

На кровати лежалъ ея отецъ. Высоко на подушкѣ покоилась его сѣдая, гордая голова... Острый взглядъ безпокойно устремился ей навстрѣчу...

— Это я, отецъ, Таня, твоя дочь — цыганка... Я пришла тебѣ сказать, что и я, и мать моя прощаемъ тебѣ все... Я проклинала тебя въ злобѣ и не понимая, пусть Господь обратитъ на мою голову эти злыя слова... Обо мнѣ ты не безпокойся... Я буду у твоей дочери, своей сестры... Она ждетъ меня и послала проститься съ тобой... Не сердись на меня, и ты тоже прости мою злобу... я дикая, не вини меня...

Таня порывисто подошла къ растеряншемуся отъ неожиданности старику и поцѣловала руку, лежавшую на одеялѣ... Потомъ она опустилась на колѣни...

— Благослови меня... Папа... Папа... Какъ это хорошо...

Дрожащая жесткая рука легла на ея головку, и капало что-то горячее, мокрое... отцовскія слезы...

— Господь благословитъ тебя, родная...

Какъ въ туманѣ поднялась она съ колѣнъ, глотая слезы, и быстро вышла изъ комнаты.

— Швейцаръ, отвори дверь, меня ждетъ княгиня Ладова.

Таню пропустили на улицу.

Темная, холодная, сырая ночь... ни зги не видно....

Маленькая Таня-пѣвунья безстрашно пошла навстрѣчу тмѣ, и тма укрыла ее своими черными крыльями.

ХУ

ПОБѢДА ДУХА

Слѣдственная комиссія закончилась. Верховный уголовный судъ, основываясь на одномъ только ея докладѣ, даже нашелъ лишнимъ призвать подсудимыхъ для дополнительныхъ показаній, на которыя по русскимъ законамъ они имѣли право. Обвиненные видѣли своихъ судей только одинъ разъ, въ день произнесенія суроваго приговора...

Зловѣщая тишина царила въ смрадныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Казалось, тяжелый воздухъ былъ насыщенъ грозой и всѣ были полны ожиданія, что вотъ-вотъ блеснетъ первая молнія, прогремитъ первый громъ.

Въ своей узкой мрачной комнаткѣ Рылѣевъ томился въ одиночествѣ, въ борьбѣ со своимъ внутреннимъ міромъ. Единственною вѣстью изъ внѣшняго міра были письма жены, прилетавшія, какъ бѣлыя голубки.

Особенно остро охватывало душу религиозное чувство и часто, уронивъ свою темную голову, молился Рылѣевъ со слезами.

О, какая это была молитва!

Она рвалась широкая, словно желала обнять весь міръ. Въ ней были и горячія желанія, и тоскливыя сокрушенія, запоздалые обѣты.

Дорогіе образы выступали изъ мрачныхъ стѣнъ.

Вотъ всѣ они, дорогіе друзья, сподвижники высокихъ и свѣтлыхъ идей... Оболенскій, Бестужевъ, Муравьевы...

А вотъ словно яркій свѣтъ слѣпитъ очи и въ этомъ свѣтѣ вырисовывается блестящая красивая фигура Государя. Голубые глаза Самодержца горятъ пламеннымъ гнѣвомъ.

— Ты, жалкій, ничтожный, ты посягнулъ на мою власть, ты дерзкой, грязной рукой осмѣлился потрясти мой тронъ, ты, въ защиту какихъ-то жалкихъ рабовъ, хотѣлъ пролить мою священную кровь!

Слабое тѣло Рылѣева склоняется къ царственнымъ ногамъ, а свободная пламенная душа его рвется навстрѣчу царскому гнѣву, на защиту благородныхъ идей, на спасеніе народа отъ рабства... Но уста горько сжаты и слово молчитъ.

Да, уничтоженный грубой силой, раздавленный, брошенный въ темницу, онъ у ногъ своего державнаго врага... Но тамъ, тамъ у престола Царя Царей не встанетъ ли онъ, защитникъ „малыхъ“, на ступеньку вѣчнаго престола, и теперь, торжествующій, врагъ не будетъ ли лежать во прахѣ, во мракѣ, утопая въ крови и слезахъ своихъ рабовъ, оглушенный стопами своихъ жертвъ?

Звонъ стараго замка отрезвляетъ отъ безумныхъ мечтаній.

Какую еще горькую вѣсть несетъ суровый посолъ? Новый допросъ? Очную ставку?

Хмурый сторожъ входитъ... Но почему на суровомъ лицѣ его играетъ веселая, словно радостная улыбка? Неужели простое сердце его умѣетъ радоваться несчастью?

— Пожалуйте въ пріемную, на свиданіе. Супруга съ дѣвочкой ожидаютъ.

Рылѣевъ не можетъ удержать радостнаго стопа... Какое счастье!

Не разсуждая, ничего не помня, бросается онъ въ пріемную.

Навстрѣчу ему съ простертыми руками шла Наталья Михайловна. По лицу ея струились слезы, но сквозь печаль это дорогое лицо освѣщалось радостью сви-

данья, какъ свѣтитъ иногда солнце сквозь дождь и непогоду...

— Наташа! — только и могъ произнести Рылѣвъ... Онъ прижалъ ее къ груди, свою родную, ихъ слезы и поцѣлуи смѣшались...

Но вотъ онъ почувствовалъ, что кто-то обвиваетъ его ноги. Кондратій Федоровичъ невольно взглянулъ внизъ.

— Папа!

Маленькая Настенька, также обливаясь слезами, маленькими рученками крѣпко обхватывала ноги отца и покрывала ихъ несчетными поцѣлуями.

Рылѣвъ ослабѣвшими руками едва поднялъ ее и прижалъ къ сердцу... Наталья Михайловна не отрывала отъ нихъ глазъ.

— Что это, сонъ... или мечта?.. Или вправду вижу я тебя, мой дорогой?.. Такъ много хотѣла сказать тебѣ, — и нѣтъ словъ теперь... Столько думъ было и совѣтовъ и все это улетѣло куда-то... Вотъ смотрю и не вѣрю... Ты ли это со мной, тебя ли я цѣлую?.. Не сонъ ли это? Не мечта ли?.. — растерянно говорила Наталья Михайловна.

И снова смѣшались слезы, объятія, прерывистыя рѣчи... А время летѣло, безпощадное время...

— Пора!..

Въ послѣдній разъ, весь дрожа, съ бьющимся сердцемъ обнимаетъ Рылѣвъ своихъ любимыхъ...

Жена судорожно рыдаетъ. Настенька впилась руками въ его шею.

— Не пушу, нѣтъ, папа, не пушу!..

Дѣтское сердечко чувствуетъ недоброе.

— Дастъ Богъ скоро увидимся...

Рылѣвъ вырывается изъ дорогихъ объятій, какъ въ туманѣ.

Наталья Михайловна взяла плачущую Настеньку за руку и поспѣшными шагами вышла изъ каземата... Въ

палисадникъ она остановилась, повернулась лицомъ къ роковому зданію и подняла голову.

Вотъ оно, то окошечко, за которымъ томится ея любимый!..

— Что это? Или снова мечта?

За желѣзной рѣшеткой вырисовывается его фигура, вся въ бѣломъ... Лицо блѣдно, дрожащія руки воздѣты къ небу...

Наталию Михайловну почти насильно усадили въ коляску... И все не отрывался ея взглядъ, полный слезъ, отъ рокового окошечка...

Кучеръ снялъ шляпу и взмахнулъ кнutomъ... Лошади тронулись... Громкія рыданія кучера присоединились къ тихимъ вздохамъ Натальи Михайловны и всхлипываніямъ Настеньки.

Еще одинъ поворотъ... и казематъ скрылся... какъ сонъ... какъ мечта...

Рылѣвъ пошатываясь вернулся въ свою темницу. Опять полутьма и одиночество...

Минутное счастье охватило душу — и опять мракъ.

— Увижу ли когда-нибудь васъ снова, мои дорогія? Велика вина, взведенная на меня, и велика будетъ расплата... Можетъ быть, долгую жизнь придется провести въ цѣпяхъ и одиночествѣ, вдали отъ васъ — нѣтъ, — лучше смерть!... Великій Боже, сжался надо мною, пошли мнѣ смерть... Въ моей душѣ нѣтъ больше силъ... Тяжелый подвигъ взялъ я на себя, онъ давитъ меня, — я изнемогаю...

— Смерти, смерти, великій Боже!..

Тусклый взглядъ Рылѣва невольно скользнулъ по столу... Тамъ лежала бумага и перо... Что-то забытое дрогнуло въ душѣ Рылѣва, проснулась его грустная муза! Онъ порывисто подошелъ къ столу и взялся за перо...

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!

Когда я сброшу жизнь мою?

Кто дастъ мнѣ крылья голубицы?

Да полечу и... почію.

Весь міръ, — какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты далъ прибѣжище и силу,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!..
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ дари грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши...

Изъ самой души лились гармоничные звуки тоски и печали... А въ узкое рѣшетчатое окно привѣтливо глядѣло лѣтнее яркое солнце...

Снова загремѣлъ замокъ и показался сторожъ... Что еще?..

— На прогулку пожалуйста, разрѣшено... — Добродушное лицо Никиты Нефедьева ласково улыбалось...

Подъ надзоромъ сторожа вышелъ Рылѣевъ на небольшую площадку около Алексѣевского рavelина... Чудный день!.. Невольно закрылись слабые глаза, встрѣтившись съ яснымъ солнцемъ!.. Какъ хорошо!.. Какъ свѣжъ и легко въ воздухѣ!.. Какъ красивы эти кленовые деревья, разсыпанные по площадкѣ...

Рылѣевъ сорвалъ нѣсколько листьевъ, онъ нюхалъ ихъ, подносилъ къ губамъ, любовался ими... И вотъ ему пришла идея: булавкой онъ накололъ свои стихи на листьяхъ.

— Никита, будь другомъ, тутъ стихи я накололъ булавкой... Можешь прочесть, они только про тоску мою и къ милосердію Божію.

— Ну?..

— Будь другомъ, Никита, Господь тебѣ воздастъ, передай эти листки Оболенскому... — Въ темныхъ глазахъ Рылѣева было столько мольбы, столько тоски, что дрогнуло грубое сердце.

Никита почесалъ свой затылокъ.

— Ладно ужъ, давайте, будетъ отдано...

Искры радости такъ и посыпались изъ глазъ узника... — Теперь найдетъ онъ сочувственный откликъ своимъ страданіямъ!..

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, спасибо!.. — волнуясь говоритъ онъ сторожу.

И два кленовыхъ листа со стихами Рылѣева въ тотъ же день были въ рукахъ Оболенскаго... Скорбь и уныніе этихъ строкъ проникли въ душу другого узника, настроеніе поэта охватило и друга... Въ горячей молитвѣ простерся Оболенскій передъ великимъ Судьей... Эта молитва возвратила ему бодрость, вдохнула въ него вѣру и жизнь....

А на другой день сторожъ Никита, подавая скудную ѣду Рылѣеву, положилъ около него кленовые листки съ отвѣтомъ Оболенскаго:

„Я молился и молитва спасла меня, просвѣтила мою душу... Я не думаю о себѣ, я думаю о мукахъ Христа и въ нихъ черпаю силы... Я думаю о Его безконечной любви и всепрощеніи, о той вѣчной жизни, въ которой мы соединимся съ Нимъ... И душа моя забыла все земное, преходящее, безцѣнное, — она идетъ по пути иному, къ жизни вѣчной, къ безпредѣльному счастью“...

Короткія строки, написанныя Оболенскимъ, потрясли Рылѣева. Онъ бросился на колѣни и отдался молитвѣ... Это была чудная молитва перерожденія и просвѣтленія души!.. Духовный міръ одержалъ побѣду надъ міромъ физическимъ!..

„Господь мой, пошли мнѣ муки и страданія, чтобы онѣ приблизили меня къ Тебѣ... Благодарю Тебя, Господь мой, за каждую слезу мою, за каждый вздохъ, за каждую муку, онѣ призываютъ меня къ Тебѣ — болѣе достойнымъ... Облегчи страданія друзьямъ моимъ. Ты знаешь, какія свѣтлыя мысли вели ихъ по пути, который привелъ ихъ къ гибели... Они страдаютъ за „малыхъ“ братьевъ, за которыхъ и Ты страдалъ, мой Богъ...“

Вразуми враговъ человѣческихъ, пусть не даромъ погибнутъ наши жизни, да спадутъ цѣпи рабства, да будутъ равны всѣ Твои люди на Твоей землѣ, Господи!.. Не

надо „малыхъ“, не надо „большихъ“!.. Господи, Господи, и мою душу прими къ Себѣ, ей больше нѣтъ мѣста на землѣ... И спаси и утѣши дорогихъ моихъ: — мою жену, ни въ чемъ неповиннаго ангела, и маленькую мою, дитя мое бѣдное, — возьми подъ свою защиту.“

Не разъ съ этого дня кленовые листья переносили мысли и чувства двухъ узниковъ... Не разъ еще писалъ Рылѣевъ своей женѣ все то же и о томъ же...

И въ послѣднихъ строкахъ, которыя пришлось создать Рылѣеву, — какъ гармоничные аккорды звучали: — всепрощеніе, любовь и кроткая, свѣтлая вѣра... Не было больше сомнѣній, не было воплей отчаянья... Онъ смерти желалъ, какъ искупленія...

Утромъ 12-го іюля за Рылѣевымъ пришли. Сторожъ Никита сумрачный стоялъ, опустивъ голову, и искоса поглядывалъ, какъ стража уводила его питомца. Миновавъ коридоръ и комнаты, стража остановилась у дверей и, когда онѣ распахнулись, торжественное зрѣлище открылось передъ Рылѣевымъ...

Въ громадномъ залѣ стоялъ длинный устланный краснымъ сукномъ столъ; онъ занималъ всю залу. Передъ нимъ стояли зеркало и налой. Всѣ многочисленные члены суда въ мундирахъ и регаліяхъ, холодные и равнодушные возсѣдали вокругъ...

Когда Рылѣева ввели, поднялся оберъ-прокуроръ сената Журавлевъ. Онъ сталъ у налой и громко прочиталъ:

— Кондратій Федоровъ Рылѣевъ обвиняется въ томъ, что умышлялъ на цареубійство, на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской фамиліи... Обвиняется какъ управитель и глава тайнаго сѣвернаго общества, зачинщикъ бунта, составитель манифеста о разрушеніи правительства, начальникъ мятежа, возбуждавшій ложными обѣщаніями и клеветой солдатъ противъ начальства... Кондратій Рылѣевъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе...

СВИДАНІЕ ВЪ КАЗЕМАТѢ

Косой солнечный лучъ, словно украдкой, проскальзываетъ въ узкое, задѣланное желѣзной рѣшеткой окошечко... Бросаетъ этотъ единственный лучъ свою вѣчно ласковую улыбку на узкую жесткую кровать.

Кровать покрыта кускомъ сѣраго сукна, изъ-подъ него выбиваются клочья сухого сѣна... На этомъ ложѣ, свернувшись и прикрываясь арестантскимъ халатомъ, спитъ графъ Григорій Алексѣевичъ Ланской.

Его тонкія, до прозрачности исхудалыя руки какъ-то по-дѣтски подложены подъ правую щеку. Тихіе стоны и отдѣльные хриплые слова слетаютъ съ его устъ... Сквозь блѣдную, пожелтѣлую кожу свѣтится цѣлая сеть голубоватыхъ жилокъ... Длинные опущенныя рѣсницы вздрагиваютъ и бросаютъ тѣнь тревоги на заострившіяся черты. Чуть замѣтная ласковая улыбка шевелится въ углахъ его губъ.

И снится ему...

Теплая уютная комната... Ярко пылаютъ дрова въ каминѣ, потрескивая и разсыпаясь угольками. Зеркальные стекла оконъ покрыты причудливыми узорами дѣдушки-мороза, а на дворѣ холодный снѣгъ валитъ крупными хлопьями съ неба.

Но что ему до холода, до снѣга, до этихъ причудливыхъ морозныхъ узоровъ?

Ему тепло и хорошо.

Въ большомъ старинномъ креслѣ уютно сидитъ стройная фигурка дѣвочки-подростка, а у маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ бѣлые граціозные башмачки, стоитъ мягкая пружинная скамеечка, вышитая рукою бабушки, и на этой скамеечкѣ онъ примостился. Его свѣтлая кудрявая головка такъ удобно пріютилась на ручкѣ кресла, такъ хорошо, и вся она, эта дорогая дѣвочка, видна ему. Онъ любитъ ея оживленнымъ личикомъ, ея прозрачными

и словно свѣтящимися глазками, шелковистыми кудрями, что такъ граціозно спускаются съ обѣихъ сторонъ, и иногда, когда она тряхнетъ головкой, касаются его лица.

Щебечущимъ голоскомъ она что-то рассказываетъ ему; что именно, онъ не слышитъ, онъ только упивается сладостнымъ голоскомъ, и такъ хорошо ему, такъ спокойно, такъ онъ счастливъ...

Гремитъ замокъ, падаетъ тяжелая цѣпь и грубая рука сторожа открываетъ дверь темницы.

Узникъ вскакиваетъ. Спросонья онъ еще улыбается дорогому исчезнувшему видѣнію. Но вотъ суровая дѣйствительность смѣняетъ грезы. Казематъ, рѣшетчатое окно, оковы, тюремный сторожъ...

— Допросъ?..

— Какіе допросы! Съ допросами ужъ кончили. Тапера судъ идетъ.

— Прогулка?..

Сторожъ таинственно ухмыляется.

— Свиданіе-съ. Важная барыня тамъ.

И вдругъ невольное радостное предчувствіе охватываетъ узника.

— Княгиня Ладова?!

— Онѣ-съ. Пожалуйте.

Графъ Григорій вскакиваетъ съ кровати и снова опускается безъ силы. Ноги дрожать, не повинуются. Голова кружится. Кашель потрясаетъ грудь.

Досадно и больно до слезъ. Какія минуты онъ теряетъ золотыя!..

Но сторожъ уже спѣшитъ ему на помощь... Весь дрожа, потрясая оковами, въ своемъ арестантскомъ халатѣ, словно въ туманномъ снѣ идетъ онъ въ пріемную...

Раскрылась дверь и послѣ темноты коридоровъ и каземата, отъ яркаго свѣта онъ закрываетъ глаза и, шатаясь, прислоняется къ стѣнѣ.

До ушей его достигаетъ чей-то подавленный стонущій возгласъ... и вотъ мягкія руки коснулись его рукъ, такъ

нѣжно ихъ гладятъ, что забыты оковы, а горячія слезы льются на нихъ, какъ цѣлительный бальзамъ...

— Гриша, Гриша, мой бѣдный, мой дорогой!

Настенька вглядывается, нѣтъ, пожираетъ глазами — эту блѣдную исхудалую фигуру страдальца.

— Гриша, Гриша, что они съ тобой сдѣлали?

Нѣжно поддерживая его подъ руку, Настенька усаживаетъ его на большую, широкую желтую скамью съ высокой спинкой и сама садится рядомъ, не выпуская его рукъ изъ своихъ.

— Я давно бы уже тебя навѣстила, Гриша, да не хотѣли пускать меня, несмотря, что обивала вездѣ пороги. И вотъ государь, самъ государь сжалился, когда я упала къ его ногамъ... Судъ идетъ теперь надъ тобой, Гриша, послѣдній судъ, но ты крѣпись... Крѣпись, мой возлюбленный. Если смерть, — вмѣстѣ умремъ; если каторга, — и я за тобой.

Графъ Григорій уже немного пришелъ въ себя, онъ прислушивается къ словамъ Настеньки, какъ къ небесной музыкѣ... Его глаза, какъ-бы не вѣря самимъ себѣ, — съ больной радостью созерцаютъ свою грезу наяву.

Видно и она, бѣдняжка, много страдала... Милое личико заострилось и поблѣднѣло, а чудные глазки стали еще прозрачнѣе, еще больше... Онъ вглядывается въ нее и вдругъ замѣчаетъ, въ какой глубокой трауръ облечена она... Дрожащей рукой касается онъ чернаго крепа.

— Что это? Зачѣмъ, Настенька?

Глаза ея наполняются слезами, а густой румянецъ покрываетъ все лицо.

— Это... Гриша... Это — смерть... Смерть и свобода, — горькимъ шопотомъ добавляетъ она.

— Я не понимаю, Настенька, какая смерть, какая свобода? — весь дрожа, спрашиваетъ онъ.

— Ахъ, Гриша, тогда, 14-го декабря, когда адъ былъ на землѣ и братья враждовали, когда ты шелъ на смерть, — „его“ убили тогда, — моего мужа убили...

Графъ Григорій тихо вскрикнулъ и закрылъ лицо руками... Сколько разнородныхъ чувствъ въ одинъ мигъ на-

родилось въ его душѣ и какую борьбу затѣяли они между собой... Да, смерть и свобода!

Но долго обдумывать и бороться съ собой не дала Настенька, — она такъ дорожила каждой минутой свиданія, безчеловѣчно короткаго.

— Гриша, я свободна теперь и вся, — безъ колебаній и сомнѣній, — принадлежу тебѣ. Куда бы ни повела тебя судьба, — я иду за тобой: на жизнь и смерть, на муки и радости, на неволю и свободу... Я вся твоя... И потому, — береги себя, — береги для меня... Безъ тебя и въ раю я буду только страдать, а съ тобою могила, темница, самый адъ — будутъ счастьемъ для меня... Какъ живетъ тебѣ здѣсь? Очень плохо? Вижу и такъ, безъ словъ... Никто, какъ Богъ, Гриша... Ему будемъ молиться оба!.. Ну, расскажи мнѣ что-нибудь о себѣ...

— Да что рассказывать, Настенька?... Живу, — какъ кротъ, въ полутемномъ казематѣ. Хорошо еще, кровать дали и столъ, у другихъ бѣдныхъ моихъ товарищей и этого нѣтъ... Сыро, темно, гуляютъ крысы. Маленькое окошечко закрыто желѣзной рѣшеткой и рѣдко-рѣдко доброе солнышко заглядываетъ искоса, украдкой... Иногда гуляемъ... по очереди. Много насъ и очередь рѣдкая... Тогда вдыхаешь немного грудью воздухъ, радуешься каждой травкѣ, каждому листочку, букашкѣ, птичкѣ... боготворишь клочочекъ неба, что разстилается надъ равелиномъ... А потомъ опять во тьму каземата, въ одиночество... И тогда всецѣло отдаешься горестнымъ думамъ... о близкихъ, о своихъ разбитыхъ идеяхъ, о погубленной жизни, о неудавшемся переворотѣ... о столахъ многомилліоннаго рабскаго народа... Переживаешь все прошлое... Слышишь словно наяву горячія вдохновенныя рѣчи, снова охватываешься лихорадкой возстанія, борьбы и горечью пораженія... А иногда уснешь, усталый и разбитый, и сжалится Господь, и посылаетъ дорогіе, успокаивающіе, чарующіе сны... И въ такія минуты переживаю я наше дорогое прошлое, нашу юную любовь и полудѣтскія мечты... Ты всегда передо мною, Настенька, но не какъ знатная княгиня Ладова, а какъ юный подростокъ,

моя дорогая, возлюбленная. Вотъ и все, вся моя жизнь, Настенька. Сегодня, — какъ завтра, завтра, — какъ вчера...

— А молишься ты... Гриша?..

— Я молюсь, Настенька, такъ горячо, какъ никогда не молился... И нѣтъ въ моей душѣ ни малѣйшей злобы или вражды... Теперь нѣтъ.

— А прежде?

— Прежде, Настенька, я ненавидѣлъ своихъ враговъ... Всѣхъ тѣхъ, которые бросили меня въ темницу, покрыли позоромъ и клеветой. Я ненавидѣлъ даже своихъ друзей, когда прочитывалъ ихъ ложныя показанія, исторгнутыя отчаяньемъ, страхомъ, муками. Ненависть душила меня, когда на очныхъ ставкахъ я встрѣчался съ ложью изъ страха, изъ желанія избѣгнуть наказанія. Какою грязью обливали эти обезумѣвшіе люди свои свѣтлыя идеи, какъ унижались они передъ тиранами... Я даже тебя ненавидѣлъ за твою измѣну, толкнувшую меня на этотъ великій, но страшный путь. А теперь, теперь все прошло, моя возлюбленная... Душа тоскуетъ, но любить и прощаетъ...

— Пора! — дверь скрипнула и показалась фізіономія дежурнаго. — Еще остается пять минутъ.

Настенька порывисто схватываетъ руки графа Григорія.

— Мой бѣдный, дорогой, до свиданья. Я люблю тебя и дышу тобой...

— Что твой отецъ, Настенька?

— Боленъ... Говорить, что доживаетъ послѣдніе дни... Сестра моя незаконная, помнишь, маленькая цыганка, украденная княземъ, ушла изъ дому и исчезла, слѣдовъ по себѣ не оставила... Это особенно потрясло отца... Я до сихъ поръ разыскиваю бѣдняжку, но найти не могу... Ну, Христосъ съ тобой...

Настенька встала. Всталъ и графъ Григорій.

Нѣжно обнялись они и, прижавшись другъ къ другу, замерли.

— Пора!

Дежурный вошелъ.

Настенька торопливо перекрестила графа Григорія.
— До свиданія.

Она провожала глазами его хрупкую, слетка согнутую фигуру и, когда онъ скрылся за дверью, дала волю душившимъ ее слезамъ.

Графъ Григорій еле доплелся до своей темницы...

Почти безъ силъ онъ упалъ на жесткую кровать...

Свободна! Теперь свободна!.. Ну не насмѣшка, не издѣвательство-ли судьбы?.. Она свободна, любить, готова отдать ему свою жизнь... А онъ — узникъ, преступникъ, или... — падеть на плахѣ, или — кончить дни въ Сибири!..

— Боже, Боже, спаси меня, ради этой бѣдной, этой дорогой!..

Наступило 12-го іюля, день прочтенія окончательнаго приговора, уже смягченнаго волею государя, всѣмъ членамъ тайнаго общества и даже косвенно къ нему причастнымъ.

Всѣ члены верховнаго уголовного суда собрались въ сенатѣ, чтобы подписать протоколъ объ опредѣленіи наказаній; затѣмъ судъ отправился въ крѣпость для прочтенія приговора осужденнымъ, признавъ невозможнымъ объявленіе сентенціи въ сенатѣ.

И въ Петропавловскую крѣпость направились длинныя вереницы каретъ, окруженныхъ двумя жандармскими эскадронами... Верховныхъ судей уже ждали; въ большомъ залѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, зеркало и налой.

Прежде всего прочли приговоръ пятерымъ осужденнымъ на смерть. Напрасно искали судьи въ ихъ лицахъ хотя-бы признаковъ смущенія: осужденные были блѣды, но спокойны.

Затѣмъ вводили остальныхъ государственныхъ преступниковъ и читали имъ приговоры.

— Какъ, развѣ насъ судили? — раздавались недоумѣвающіе голоса:

— Уже осудили, — прозвучалъ короткій, безповоротный отвѣтъ.

И Графъ Григорій Ланской выслушалъ въ этотъ день свой приговоръ: онъ былъ осужденъ на поселеніе въ Сибирь, судьба сравнительно завидная и не тягостная... Можетъ быть, слезы и мольба Настеньки ослабили карающій ударъ, направленный на его судьбу?

ХІІІ

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ

Еще одну только ночь осталось жить Рылѣву.

Ему предложили послѣднее свиданіе съ супругой, но, послѣ тягостнаго колебанія, онъ отказался отъ этого свиданія и рѣшилъ письмомъ проститься съ дорогими сердцу.

Ночь была свѣтлая, бѣлая.

Рылѣвъ долго стоялъ у желѣзной рѣшетки и вглядывался въ виднѣвшійся клочокъ неба. Какъ далека теперь его душа отсюда, а завтра, можетъ быть, въ этотъ самый часъ она будетъ безсмертными очами грустно обозрѣвать свою земную темницу, съ тоскою разыскивать покинутыхъ близкихъ.

И тихо, самъ того не замѣчая, приговоренный къ смерти опустился на колѣни, все не отрывая взора отъ далекихъ небесъ.

„Господь мой, услыши мою молитву, прими мою душу. Роптать грѣшно и безразсудно, и я спокойно покорюсь своей участи. Благодарю Тебя, Ты просвѣтилъ меня и я умираю во Христѣ. Не оставь, Господи, сиротъ моихъ Наталію и Анастасію, пошли мнѣ прощеніе ихъ и ихъ молитвы. Передай имъ мое благословеніе и сохрани ихъ души чистыми и непорочными. Избави меня отъ страха и колебаній, сохрани во мнѣ спокойствіе и пошли мнѣ благодать Твою. Я умираю, Господи, и умираю по-

зорной смертью, пусть кровь моя прольется хотя бы на малое благо меньшимъ моимъ братьямъ, дорогому моему народу. Пусть кровь наша удобритъ русскую землю и да взойдутъ на ней когда-нибудь дивные ростки свободы и равенства. Прими, Господи, мою душу.“

И вдругъ сразу, вспомнивъ какъ мало остается ему времени, Рыльевъ оторвался отъ своей молитвы и бросился къ столу писать послѣднее прощальное письмо женѣ.

Быстро летѣло по бумагѣ его перо и лились темныя строчки, полныя любви, нѣжности, христіанскаго смиренія, полныя заботъ о близкихъ и моленій простить его.

Не успѣлъ онъ дописать письма, какъ громко зазвенѣли цѣпи и отворилась дверь.

На порогѣ появилась высокая фигура плацъ-маіора, его сопровождали два солдата съ заряженными ружьями.

Легкій трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Рыльева, онъ медленно приподнялся, судорожно сжимая перо въ рукѣ.

— Кондратій Рыльевъ, вамъ остается жить полчаса, приготовьтесь къ казни!

— Вы, можетъ быть, позвольте докончить письмо къ моей женѣ, мнѣ остается дописать всего нѣсколько строкъ.

— Доканчивайте, — разрѣшилъ плацъ-маіоръ.

Рыльевъ быстро закончилъ письмо нѣсколькими строками.

„Прощай, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, ты мое восьмилѣтнее счастье... Гдѣ найдутся слова, чтобы благодарить тебя? Нѣтъ, они не сумѣютъ выразить моихъ чувствъ. Богъ тебя наградитъ за все. Прощай! Велятъ одѣваться и идти на смерть. Да будетъ святая воля Господня надо мной! Еще и еще прощай.“

Рыльевъ сложилъ письмо.

Передъ нимъ на столѣ стоялъ скудный нетронутый обѣдъ: кусокъ хлѣба и стаканъ воды. Почти машинально Рыльевъ отломилъ кусочекъ хлѣба, проглотилъ его, потомъ отпилъ немного воды... Еще разъ перевелъ онъ

свои глаза на клочокъ неба, видѣвшійся черезъ рѣшетку...

Бѣлая ночь смѣнялась раннимъ разсвѣтомъ...

Да, пора!

И вдругъ какое-то ясное спокойствіе озарило его душу...

Онъ твердо всталъ и голосъ его прозвучалъ внятно, ясно, спокойно.

— Я готовъ.

Сторожъ его, Никита Нефедьевъ, взглянулъ на него съ глубокимъ удивленіемъ, откуда, молъ, берется такая твердость духа?

Въ дверь постучали тихо и осторожно, словно боялись нарушить уединеніе души узника.

Плацъ-маіоръ распахнулъ ее.

На порогѣ показался протоіерей Мысловскій, со святою чашей даровъ, съ послѣдними напутствіями на жизнь вѣчную.

И исполнители воли земныхъ судей робко, почти пугливо, вышли въ коридоръ.

— Во имя Отца, Сына и Святаго Духа... — торжественнымъ дрожащимъ голосомъ произнесъ священникъ.

Рылѣевъ тихо опустилсѣ къ его ногамъ.

— Я уже повѣдалъ тебѣ, отче, свою душу и больше мнѣ нечего сказать. Прошу Господа принять мою душу... Прошу враговъ моихъ простить меня, я зла не чувствую ни къ кому въ часъ смерти. Когда я шелъ противъ царя, я хотѣлъ спасти свою родину и свой народъ... Моя душа болѣла за всѣхъ этихъ бѣдныхъ братьевъ-рабовъ... Высокія свѣтлыя идеи руководили мной. Я любилъ свободу для себя и для всѣхъ, ради нея я жилъ и работалъ, мыслилъ и вдохновлялся, ради нея — я готовъ умереть... Это единственная гордость, которая осталась во мнѣ. Благослови меня, отче, я смерти не боюсь, я боюсь суда Господня... Благослови меня, отче, я ни разу не возопталъ во все время моего заключенія и зато Святой Духъ дивно утѣшалъ меня... Отче, какъ спасительно быть христіаниномъ!..

— Да будетъ благость Господня съ тобою, сынъ мой, святымъ именемъ Его отпускаю грѣхи твои... Съ миромъ душевнымъ прими Святыя Тайны тѣла и крови Его.

Протоіерей прочелъ молитвы и причастилъ Рылѣва Святыхъ Тайнъ... Затѣмъ онъ поднялъ осужденнаго съ колѣнъ и прижалъ его къ своей груди.

— Надѣйся, — прошепталъ священникъ, — я вѣрю въ милосердіе государя, я вѣрю въ твое прощеніе.

Грустная свѣтлая улыбка пробѣжала по губамъ Рылѣва.

— А я чувствую смерть свою такъ близко, отче. Душа моя уже готова оставить это тѣло, уже наполовину сроднилась съ инымъ безсмертнымъ міромъ и все земное хотя остается дорогимъ, хотя задѣваетъ за сердце, но кажется такимъ далекимъ, далекимъ.

Снова на нѣсколько мгновеній Рылѣвъ перевелъ свой взоръ къ небесамъ.

— Ахъ, отче, я умираю, но все-таки говорю: я не могъ поступить иначе... Я слышалъ стоны, я видѣлъ, какъ невинная братская кровь заливала родную землю. Я былъ свидѣтелемъ притѣсненій и несправедливостей, безсильнаго злобнаго негодованія на высшую власть. По цѣлымъ ночамъ я не спалъ и воображеніе рисовало мнѣ всѣ эти милліоны стонущихъ, изморенныхъ людей, въ потѣ лица добывающихъ свой черствый хлѣбъ. Вѣдь у нихъ отняты всѣ права человѣческія, вѣдь они погружены во мракъ невѣжества, вся ихъ жизнь — сплошная мука. И сердце мое разрывалось на части, мнѣ слышался звонъ ржавыхъ рабскихъ цѣпей, мнѣ слышались стоны ихъ и мольбы: „иди впередъ, пожалѣй насъ, спаси. Покажи примѣръ другимъ своею жизнью, своею кровью“. И я шелъ, отче, впередъ, не оглядываясь, сознавая всю опасность, а, можетъ быть, бесплодность моей борьбы. Я шелъ, — какъ примѣръ, — какъ первая жертва искупленія. И Господь, справедливый Богъ, Онъ видитъ мою душу, и Онъ не отвергнетъ ее, — когда она смиренная, оставивъ это бременное тѣло, склонится во прахъ къ Его безсмертнымъ ногамъ...

Рылѣевъ не договорилъ: громко загремѣли цѣпи, дверь отворилась.

Часъ насталъ...

Въ коридорѣ уже стояли остальные четверо осужденныхъ на смерть... Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ съ блѣднымъ благороднымъ лицомъ и глазами, сіяющими неземнымъ свѣтомъ... Каховскій и Бестужевъ-Рюминъ... Высокая, видная, но согнувшаяся подъ ударами судьбы, фигура Пестеля... Лицо его казалось совершенно больнымъ, онъ еле волочилъ ноги.

— Съ нами Богъ, братья! — задушевно привѣтствовалъ ихъ Рылѣевъ.

Они ему ласково закивали головами, а нѣжный голосъ Сергѣя Муравьева повторилъ тихо, какъ далекое эхо:

— Съ нами Богъ, братья!

Рылѣевъ сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ твердыхъ шаговъ и оглянулся вокругъ. За этими тонкими стѣнами сидѣли другіе братья, осужденные не на смерть, а на вѣчную каторгу.

И онъ собралъ всѣ свои силы и крикнулъ громко, какъ только могъ:

— Простите, простите, братья!

И остальные осужденные услышали прощальный голосъ, и онъ проникъ въ ихъ сердца и остался въ этихъ сердцахъ до послѣдняго часа.

Когда осужденные вышли изъ каземата, ихъ оцѣпилъ взводъ павловскихъ гренадеръ сомкнутыми штыками и такъ они достигли до крѣпостной церкви.

Мрачная это была церковка, тускло освѣщали ее немногочисленные восковые свѣчи. Кротко и грустно выглядывали изъ золоченныхъ ризъ большіе, прозрачные глаза святыхъ.

Священникъ и дьячокъ наскоро отслужили предсмертную обѣдню.

Осужденные не слышали словъ обѣдни, произнесенныхъ скороговоркой, они молились горячо и души ихъ старались слиться съ небесами, съ этими загадочными небесами, которыя черезъ нѣсколько часовъ, можетъ быть,

откроютъ имъ свои тайны, такъ тщательно скрытыя отъ смертныхъ, недоступныя никому.

И вотъ ихъ повели на мѣсто казни.

Государь приказалъ, чтобы къ четыремъ часамъ все было кончено, но всѣ случайности сдѣлялись, какъ бы желая задержать казнь.

Одна изъ телѣгъ, на которой везли висѣличныя столбы, почему-то сбилась съ дороги и замедлила. Самая висѣлица еще не была готова.

И пришлось осужденныхъ, пока ее додѣлаютъ, отвести въ сосѣднее зданіе.

Едва только вошли они въ это зданіе, какъ имъ пришлось невольно отпрянуть; нѣкоторые закрыли лицо руками. Передъ ними стояли пять новенькихъ, сбитыхъ изъ простыхъ досокъ, гробовъ, уже для нихъ приготовленныхъ.

И эти люди, которые не дрожали передъ насильственной смертью и ея ужасами, дрогнули передъ пустой обрядностью.

Таково воображеніе человѣческое, оно часто устоитъ передъ грандіознымъ и пугливо теряется передъ крикливою мелочью.

А висѣлицы готовили... Столбы не были достаточно глубоко вкопаны въ землю и потому петли оказались слишкомъ высокими... Тогда покрыли досками выкопанную яму и на нихъ поставили скамейки для осужденныхъ...

Въ 4 часа утра оказалось возможнымъ приступить къ казни...

ХУІІІ

КАЗНЬ

Послѣдняя ночь улыбалась декабристамъ. Чудная июльская ночь... Тихо такъ, свѣтло, воздухъ такой чудный, — такъ и льется самъ въ грудь, наполняетъ легкія.

Въ полночь стали съѣзжаться въ крѣпость начальствующія лица. Началась суета неимоверная. Всплывали затрудненія, не находилось лица, которое построило бы висѣлицу. Потомъ съ привозомъ ея запоздали. По каземату разносился грозный крикъ генераль-губернатора Кутузова.

Наконецъ, къ четыремъ часамъ всѣ недоразумѣнія были улажены. Осужденные были готовы; они вышли въ коридоръ.

Осужденные протягивали другъ другу руки и крѣпко ихъ пожимали. Уста нѣкоторыхъ соединились въ братскихъ поцѣлуяхъ. Блестящіе вдохновенные глаза Рылѣва указывали на небо.

Всѣ они удивительно были спокойны; одинъ только Каховскій казался блѣднѣе другихъ. Можетъ быть, ему было тяжело умирать, потому что душа его не нашла примиренія съ Господомъ, а святое причастіе онъ принялъ, не какъ другіе — отъ сердца, а по приказанію.

Процессія тронулась. Впереди шелъ офицеръ павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ. За нимъ пятеро солдатъ въ рядъ съ обнаженными шпагами. Въ самомъ центрѣ, такъ-же въ рядъ, шли осужденные, а за ними еще 12 солдатъ съ обнаженными шпагами и два палача.

И свободные вооруженные солдаты казались блѣднѣе преступниковъ; ихъ охватывала нервная дрожь.

Медленно двигалась процессія; скорѣе плыла она, какъ страшное ночное видѣніе.

Прекрасная іюльская ночь смѣнялась мрачнымъ туманнымъ утромъ.

На валу кронверка Петропавловской крѣпости устроенъ былъ помостъ съ висѣлицею. Къ тремъ часамъ ночи на крѣпостной эспланадѣ выстроились части войскъ отъ каждаго полка гвардіи; не забыта была и артиллерія съ заряженными орудіями.

На мѣстѣ казни уже находились генераль-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генераль-адъютанты Чернышевъ и Бенкендорфъ.

Кое-гдѣ ярко пылали большіе костры. Музыка играла...

Осужденные на смерть были отведены въ сторону; ихъ усадили въ траву; ихъ очередь еще не настала; они должны были выслушать приговоръ надъ остальными своими братьями, осужденными въ Сибирь.

И вотъ каждого осужденнаго офицера выводили передъ отрядъ своего полка и, стоя на колѣняхъ, онъ выслушивалъ свои вины и свой приговоръ въ полной парадной формѣ.

Но вотъ приговоръ произнесенъ и передъ лицомъ бывшихъ своихъ товарищей и подчиненныхъ осужденный долженъ былъ выносить жестокія оскорбленія. Загрязненныя человѣческою кровью руки палача выхватывали шпагу осужденнаго и, поднявъ высоко надъ его головой, ломали ее пополамъ. Эти-же загрязненныя окровавленныя руки срывали съ офицера эполеты, мундиръ и всѣ знаки отличія. И все это летѣло въ огонь костра, сгорало и расплавлялось. Въмѣсто элегантнаго блестящаго мундира на несчастнаго одѣвали обыкновенный ссыльный халатъ и лишеннаго дворянства и чести сейчасъ же уводили въ крѣпость и сажали въ казематъ. А въ какую-нибудь злосчастную ночь гремѣли замки, появлялась стража и несчастнаго отправляли въ ссылку на вѣчную каторгу.

Среди этой толпы ссыльныхъ странно выдѣлялся одинъ, до конца оставшійся въ мундирѣ и орденахъ. Это былъ полковникъ Муравьевъ, помилованный Государемъ.

Но вотъ въ толпѣ осужденныхъ раздался хохотъ.

Что же это? Безчувственность, ожесточеніе? Нѣтъ, просто Якубовичъ, прозный, хвастливый Якубовичъ, выступившій съ комическою важностью въ высокой офицерской шляпѣ и въ корогенькомъ до комизма халатѣ...

Но вотъ наступилъ и зловѣщій часъ смертной казни... Осужденные сидѣли на травѣ и тихо между собою разговаривали.

Къ нимъ, весь дрожа, подошелъ Мысловскій съ кре-

стомъ въ рукѣ, — онъ напутствовалъ словами къ отходу, онъ далъ имъ приложиться ко святому кресту.

Осужденные опустили на колѣни; они молча молились, не отрывая глазъ отъ небесъ.

Потомъ они встали и направились къ висѣлицѣ.

Впереди шелъ Каховскій, за нимъ Бестужевъ и Муравьевъ, а позади Рылѣвъ, который поддерживалъ больного, еле двигавшагося Пестеля.

Вотъ передъ ними два столба съ перекладинами, — это висѣлица.

— Господа, надо отдать послѣдній долгъ, — быстро, словно запыхавшись, проговорилъ Рылѣвъ.

Осужденные снова упали на колѣни и снова тихо молились, смотря на небо.

Они встали.

Имъ на головы надѣли мѣшки, которые закрыли ихъ отъ головы до пояса. На шею имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и ихъ виной.

Палачи ремнями крѣпко стянули имъ руки такъ, чтобы они ихъ поднять не могли.

Медленно двигалась процессія по мосту. Какъ-то тоскливо и торжественно звучалъ маршъ павловскаго полка. Потихоньку подвигались они впередъ по деревянному откосу и, наконецъ, стали на мѣсто подъ перекладину.

На шею преступниковъ накинули петли, а помость тихо закачался и опустился изъ-подъ ихъ ногъ.

Осужденные повисли... Невольно конвульсивно забили и заметались они.

На трехъ среднихъ перекладинахъ лопнули веревки и тѣла грузно упали внизъ, въ яму.

Только по краямъ висѣли двое — Пестель и Каховскій.

Какъ будто Господь миловалъ тѣхъ троихъ; Рылѣва, Бестужева и Муравьева, какъ будто не хотѣлъ Всевышній ихъ смерти.

Несчастные разбились. Сквозь зловѣщіе мѣшки просачивалась кровь. Мѣшокъ съ Рылѣва свалился, вид-

нѣлась окровавленная бровь и кровь струйкой текла за правымъ ухомъ. Онъ сидѣлъ, скорчившись въ ямѣ.

— Итакъ, скажутъ, что мнѣ ничто не удавалось, даже и умереть... — глухимъ голосомъ сказалъ Рыгѣевъ, и темные, налившіеся кровью глаза его ярко блестѣли.

Генераль-губернаторъ Кутузовъ пришелъ въ полужительное бѣшенство; онъ кричалъ и ругался.

— Что это такое? Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣй!

Опять подняли помость и приготовили петли.

И вотъ выступилъ впередъ, дрожа негодованіемъ и жалостью, протоіерей Мысловскій.

— Самъ Богъ не хочетъ ихъ смерти, доложите Государю. Это перстъ Божій... Государь простить...

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе! — съ бѣшенствомъ кричалъ Кутузовъ.

И вновь накинули петли...

Въ то время, когда помость былъ поднятъ, — Пестель и Каховскій достали до него ногами... Пестель былъ еще живъ; его ноги конвульсивно двигались, словно собирались рыть землю.

Слышались стоны; должно быть, несчастные страдали.

И вотъ опять опустился помость, и тѣла несчастныхъ снова повисли въ воздухѣ, снова конвульсивно забились и заматались.

День казни тщательно скрывали... Было еще очень рано и потому народу собралось мало. Но и эти немногіе зашумѣли, запротестовали противъ вторичнаго повѣшенія.

— Самъ Богъ не хочетъ! Перстъ Божій, Господнее велѣніе!

— Молчите, вы, олухи! — закричалъ Кутузовъ и приказалъ музыкѣ играть еще громче.

То не былъ похоронный маршъ, нѣтъ, — то были простые марши, даже разныя пѣсни — и эти веселые звуки заглушали послѣдніе стоны, послѣднее хрипѣніе декабристовъ.

Долго играла веселая музыка, болѣе получаса.

Но вотъ и музыка умолкла.

На простую телѣгу сложили холодныя тѣла казенныхъ.

Похороны были назначены ночью и цѣлый день простояла телѣга въ сараѣ съ тѣлами.

Висѣлицу живо разобрали и все опустѣло кругомъ, какъ будто ничего тутъ и не было.

А настала ночь, снова прекрасная, свѣтлая. И вывезли телѣгу съ мертвыми тѣлами, покрытыми холстомъ, подъ конвоемъ.

Проѣхали мимо Смоленскаго, Нѣмецкаго и Армянскаго кладбищъ, свернули въ переулочекъ налѣво, къ взморью...

Вырыли яму, сложили и засыпали тѣла.

Четыре мѣсяца караулъ стоялъ у этой братской могилы...

XIX

СЕРГѢЙ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ

Вернемся обратно...

Опять она, эта свѣтлая бѣлая ночь на 14-ое іюля.

Въ 12 номерѣ Кронверской куртины было такъ тихо, какъ будто два новыхъ обитателя уже покинули печальный казематъ.

Одинъ изъ нихъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, крѣпко спалъ на жесткой койкѣ. Это былъ совершенный еще юноша, почти мальчикъ. Свѣтлый пушокъ еле пробирався на верхней его губѣ и въ полумракѣ каземата даже не былъ замѣтенъ. Лицо казалось истомленнымъ, мертвенно блѣднымъ въ освѣщеніи бѣлой ночи; длинныя рѣсницы бросали сумрачную тѣнь; красивый, съ полудѣтскими еще очертаніями, ротъ былъ слегка полуоткрытъ и сообщалъ юному лицу обиженное выраженіе.

Онъ крѣпко спалъ, разметавшись; дыханіе съ хри-

помъ вырывалось изъ его груди. Халатъ преступника прикрывалъ его плечи.

Другой обитатель мрачнаго каземата, въ такомъ же халатѣ преступника, сложивъ руки, задумчиво стоялъ у узкаго рѣшетчатаго окна. Его громадныя свѣтло-сѣрые глаза, съ выраженіемъ боли и сожалѣнія, вглядывались въ черты спящаго юноши.

— Зачѣмъ я вовлекъ его во все это, зачѣмъ я сгубилъ молодую жизнь? Я не имѣлъ никакого права, и послѣдняя моя молитва будетъ отравлена этимъ сознаніемъ.

Этотъ высокій стройный арестантъ, съ благородными чертами лица и прекрасными свѣтлыми глазами, былъ никто иной, — какъ одинъ изъ пяти осужденныхъ на смерть, предводитель южнаго возстанія у Бѣлой Церкви, тяжкій государственный преступникъ, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Вотъ тихій тоскливый стонъ вырвался изъ устъ Бестужева... Муравьевъ вздрогнулъ и подошелъ къ нему.

Юноша крѣпко спалъ и стонъ этотъ исторгся какимъ-нибудь страшнымъ сномъ или предчувствіемъ близкаго ужаснаго конца.

Муравьевъ провелъ рукою по его лбу; голова юноши была горяча, какъ пламя, но руки холодны и все тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Муравьевъ безпомощно оглянулся вокругъ; въ комнатѣ ничего не было, никакой мебели, ни малѣйшей одежды. Тогда Муравьевъ снялъ свой халатъ и бережно, какъ любящая заботливая мать, укрылъ спящаго.

Дыханіе Бестужева стало ровнѣе, сонъ спокойнѣе... И тогда Муравьевъ снова занялъ свой постъ у рѣшетчатаго окна.

Послѣдняя ночь, чудная ночь. По свѣтлomu ровному небу тихо плыветъ маленькое облачко. Куда плыветъ оно и зачѣмъ? Можетъ, завтра его душа будетъ тамъ, возлѣ этого облачка!

И тихо въ эти послѣдніе часы улетаетъ мысль осужденнаго къ далекому прошлому, къ инымъ странамъ, къ инымъ людямъ. И какъ-то особенно ясно и сочно рису-

етъ напряженная фантазія былое. Въ быстрыхъ рельефныхъ картинахъ, какъ панорама, пролетаетъ прошедшее.

Золотое дѣтство: сперва въ Гамбургѣ, а потомъ въ Парижѣ. Какая-то безсознательная беззаботность, веселія игры, ласки матери.

А потомъ жизнь въ пансіонѣ Них'а въ Парижѣ: товарищи, блестящіе успѣхи въ ученіи, вѣдь его латинскіе стихи обратили вниманіе всего училищнаго совѣта. Всеобщая любовь къ нему воспитанниковъ пансіона... А вотъ и возвращеніе на родину, въ Россію. Съ какимъ благоговѣніемъ рвалось туда его юное сердце, какъ горячо и беззавѣтно любилъ онъ свою Русь! Когда на границѣ Пруссіи съ Россіей онъ и братъ его завидѣли перваго казака на часахъ, со страстнымъ порывомъ выскочили они изъ кареты и бросились его обнимать.

И вотъ тогда впервые произнесла его мать передъ своими дѣтьми ужасную фразу, которая осталась навѣки въ памяти.

— Я очень рада, что вы любите такъ свою родину, но въ ней есть ужасъ, котораго вы не знаете: въ Россіи вы найдете крестьянъ-рабовъ!

Да, только въ 15 лѣтъ узналъ Муравьевъ о позорѣ, тяготѣющемъ надъ его страной, о безчеловѣчно закованномъ въ рабскія цѣпи многомилліонномъ народѣ; его дорогая мать во дни нѣжнаго дѣтскаго возраста тщательно скрывала эту истину отъ своихъ дѣтей, она боялась растлѣвающего вліянія этого сознанія.

А вотъ и грустный 1810 годъ, когда онъ потерялъ и оплакивалъ свою мать: какъ много терялъ онъ въ ней, не только подарившей ему жизнь, но и создавшей нравственныя силы и устои души... Въ это время онъ съ братомъ находился уже въ институтѣ путей сообщенія.

Потомъ — выпускъ въ прапорщики...

А вотъ и 1812 годъ, когда онъ попалъ на войну офицеромъ генеральнаго штаба... Боевая жизнь — полная лишений, трудностей, риску.

А вотъ и дорогія награды: Владиміръ 4-й степени и золотая шпага за храбрость.

Ему пришлось участвовать почти во всѣхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ подъ командой полковника князя Оболенскаго. Довольно вспомнить, что изъ тысячи челоѣкъ батальона домой возвратилось всего четыреста. И онъ вернулся съ чиномъ штабъ-капитана, съ Анной на шеѣ, а въ 1816 году былъ переведенъ въ семеновскій полкъ.

Какъ много нашелъ онъ и всѣ молодые его товарищи ужаснаго въ Россіи, возвратившись изъ-за границы: экономическія силы въ упадкѣ, угнетенные голодные рабы, кражи, взятки, пристрастные суды.

Ему ли, воспитанному за границей на чтеніи Монтескье и Руссо, на свободѣ Запада, — ему ли было не возмущаться?.. О, какъ тяжело давило безправіе родины его юную душу!..

А вотъ и первыя встрѣчи въ 1816 г. съ членами „Союза Благоденствія“ съ Якушкинымъ и Трубецкимъ... Какъ близки были идеи и планы тайнаго союза его душѣ!.. Какъ скоро слился онъ съ нимъ во единую кровь и плоть!

И „Союзъ Благоденствія“ росъ на его глазахъ, росли его идеи, пускалъ онъ свои могучіе, благородные ростки, расплзшіеся по всей Россіи. Казалось, они были такъ правы и должны были побѣдить!

Промелькнула въ памяти и семеновская исторія, въ которой Муравьевъ игралъ не малую роль.

А вотъ и начало конца... Доносы Шервуда и Майборода и аресты въ Тульчинѣ.

Уже тогда въ чуткой душѣ Муравьева пробудилось предчувствіе этого конца и, когда князь Трубецкой ѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, какъ онъ просилъ его воспрепятствовать всякимъ попыткамъ къ возстанію.

И вотъ тогда на бѣду свою пріѣхалъ къ нему молодой Бестужевъ-Рюминъ. Другой видъ былъ въ то время у этого юноши: воспитанный въ нѣжности и холѣ, пышущій здоровьемъ, съ красными, какъ у дѣвушки, щека-

ми. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ привилъ онъ свои идеи этой полудѣтской душѣ? Зачѣмъ, зачѣмъ втравилъ бѣдняжку въ этотъ ужасъ?

Только 22-го декабря узналъ Муравьевъ о петербургскомъ происшествіи 14-го декабря.

И тутъ онъ началъ дѣйствовать.

Ахъ, развѣ онъ, участвовавшій въ столькихъ бояхъ, не понималъ, что побѣдить не можетъ со своею горсточкой людей? Но все, словно нарочно, такъ сложилось, что иначе поступить было невозможно.

Памятенъ ему день 25-го декабря... Былъ полковой праздникъ черниговцевъ, и вечеръ у командира полка былъ въ разгарѣ. Весело гремѣла духовая музыка, въ вихрѣ танцевъ носились нарядныя пары по залу, разубранному цвѣтами.

И вотъ въ самый разгаръ веселья, при звукахъ упоительнаго вальса, — появляются два жандармскіе офицера, прискакавшіе изъ Петербурга.

И Муравьевъ бросается къ себѣ вмѣстѣ съ Бестужевымъ и сжигаетъ нѣкоторыя бумаги.

Бердичевъ оцѣпленъ войсками и жандармы ждутъ Муравьева въ Васильковѣ, чтобы арестовать...

И вотъ онъ съ братомъ арестованъ въ своей квартирѣ...

Но у него такъ много было друзей среди солдатъ и офицеровъ.

Наконецъ вся 5-я рота, его дорогая образцовая рота, не потерпѣла ареста своего начальника.

Ахъ, онъ помнить, какъ сейчасъ, оглушительное „ура“, съ которымъ солдаты и друзья его офицеры освобождали его изъ-подъ ареста!! И вотъ они въ одинъ голосъ клялись идти за нимъ, куда онъ имъ прикажетъ, на самую смерть.

А вотъ и гонецъ отъ 8-й артиллерійской бригады, — тамъ всѣ и все готовы къ возстанію.

Отступленія нѣтъ: свои увлекаютъ, союзники ждутъ, и, можетъ быть, возстаніе на югѣ отвлечетъ вниманіе правительства отъ несчастныхъ попавшихся това-

рищей-сѣверянъ, облегчить тяжесть ихъ кары? Можетъ быть?

И, наконецъ, доносы сдѣланы, приказы объ арестахъ подписаны... Пощады, вѣдь, никому не будетъ, — мрачный казематъ, что безмолвная могила, — не все ли равно?

Да, возврата нѣтъ, настало время искупительной жертвы, впередъ!

И Муравьевъ двинулся со своими войсками.

Въ Васильковѣ союзники встрѣтились. Съ крикомъ „ура!“ освободили они арестованныхъ на гауптвахтѣ.

По приказу Муравьева въ 11 час. утра возмущившіяся роты собрались на площади. Священникъ дрожащимъ голосомъ читаетъ „муравьевскій катехизисъ“, въ немъ — обязанности воиновъ къ Богу и отечеству.

Муравьевъ прислушивался къ голосу священника. Нѣтъ, не такъ онъ читаетъ. Не зажечь ему эти души, закаленные въ бояхъ! И Бестужевъ словно угадывалъ мысли Муравьева, онъ беретъ изъ рукъ священника „катехизисъ“ и громко его дочитываетъ до конца.

Какая-то электрическая искра западаетъ въ душу Муравьева, она разростается, воспаляетъ его энергію, его волю, всю его кровь! Онъ выступаетъ впередъ и рѣчь его льется огненнымъ потокомъ.

— Вы, люди и братья, защищайте свою свободу, защищайте свободу несчастныхъ рабовъ-крестьянъ! Завоюйте свободу, — и мы уменьшимъ вамъ срокъ службы, мы облегчимъ тягости крестьянъ. Всѣ будутъ равны и свободны и всѣмъ дышаться будетъ легко. Кто хочетъ защищать свои права, тотъ пусть идетъ за мною, а кто не хочетъ — оставайся! Я никого не веду по принужденію!

— Ура! — какъ одинъ человекъ крикнули солдаты и пошли за нимъ, куда онъ ихъ повелъ.

А вотъ и бой, кровавый бой у Бѣлой Церкви... Сколько раненыхъ, убитыхъ! Какъ неравна борьба этой горсти защитниковъ свободы съ цѣлымъ сонмищемъ ея враговъ!

Громкимъ голосомъ приказываетъ онъ разсыпать

стрѣлковъ и, подъ выстрѣлами ихъ, атаковать орудія... Но поздно! Уже раздается пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій... Сыплется цѣлый дождь картечи. Такъ и валятся раненые и убитые.

Съ тоскою видитъ Муравьевъ, какъ бесполезенъ неравный бой.

— Солдатики, братцы, простите меня! Я повелъ васъ, я общалъ вамъ такъ много и я. обманулъ васъ... Простите меня, братцы, и — довольно крови, довольно смерти!

Внѣ себя отъ отчаянія и волненія, онъ становится на самое видное мѣсто и оттуда машетъ бѣлымъ платкомъ артиллеристамъ, но въ это мгновеніе рѣзкій ударъ поражаетъ его прямо въ голову... Острая, мучительная боль; все внезапно обволакивается туманомъ, невольно рѣзкій крикъ вылетаетъ изъ груди и... наступаетъ для него темная ночь — онъ теряетъ сознаніе.

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на кровати въ какой-то корчмѣ. Кровь тихо капала изъ головы, рану нечѣмъ было перевязать. Братъ его, Матвѣй, на колѣняхъ передъ кроватью поддерживалъ его голову.

— Посади меня, — тихо попросилъ раненый.

Съ нѣжной заботой и предосторожностью исполнили его просьбу. Но не успѣлъ онъ осмотрѣться вокругъ, какъ тутъ, гдѣ-то рядомъ, совсѣмъ близко отъ него — раздался громкій выстрѣлъ и онъ, снова теряя сознаніе, опустился на постель...

Это — одинъ изъ раненыхъ офицеровъ, принимавшій участіе въ возстаніи у Бѣлой Церкви, Кузьминъ, — лишилъ себя жизни.

XX

ВѢЧНОСТЬ

Медленно ползла бѣлая іюльская ночь и словно таяли въ ней думы и воспоминанія Муравьева.

Теперь проносится передъ нимъ утро 4-го января...

Въ окна корчмы видѣется снѣгъ, а у воротъ стоятъ сани, которыя должны везти его и брата Матвѣя въ Петербургъ... И конвой уже наготовѣ.

Но прежде, чѣмъ уѣхать отсюда навѣки, во власть безсердечныхъ судей и жестокаго самодержца, онъ хочетъ проститься со своимъ младшимъ братомъ, Ипполитомъ, котораго убили во время возстанія.

И среди этихъ тѣлъ съ содроганіемъ видитъ онъ свою нату; на полу лежатъ голыя тѣла убитыхъ.

И среди тихъ тѣлъ съ содроганіемъ видитъ онъ своего младшаго брата. Съ помощью Матвѣя, раненый тихо опускается на колѣни передъ мертвымъ Ипполитомъ.

Бѣдняжка, мертвое лицо его застыло въ какомъ-то гордомъ спокойствіи, словно не умеръ онъ, а спитъ волшебнымъ сномъ. Только подъ лѣвымъ глазомъ замѣтна небольшая черноватая опухоль.

А сколько надеждъ возлагала семья на юношу! Онъ только-что блестяще выдержалъ экзаменъ и былъ назначенъ офицеромъ генеральнаго штаба, какъ будто нарочно, во вторую армію, въ Тульчинъ.

Горячо молится осужденный на смерть надъ мертвымъ, съ чувствомъ безмѣрной скорби вглядывается онъ въ дорогія черты. Прощальный поцѣлуй, — и онъ встаетъ и идетъ, слегка пошатываясь, чтобы подъ конвоемъ отправиться въ Бѣлую Церковь.

Уже потомъ узналъ Муравьевъ, какъ погибъ его братъ Ипполитъ: во время возстанія, въ минуту жаркаго боя, юноша увидѣлъ, что братъ Сергѣй упалъ, пораженный въ голову, и тогда онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ въ ротъ покончилъ свою девятнадцатилѣтнюю жизнь.

Потянулись допросы, а потомъ и далекая дорога въ Петербургъ, въ крѣпость.

И вотъ однажды старому отцу удалось проникнуть въ темницу сына. Слезы брызнули изъ глазъ старика-дипломата, когда онъ увидѣлъ своего любимца въ разо-

рванномъ, залитомъ кровью мундирѣ, съ разбитой головой.

— Я пришлю тебѣ другое платье, — сказалъ отецъ. Сергѣй Муравьевъ отрицательно покачалъ головой.

— Эта кровь священна, она пролита за отечество, она послужитъ первымъ фундаментомъ для благороднаго зданія свободы русскаго народа. Я хотѣлъ бы умереть съ пятнами этой крови.

Петербургскіе допросы были торжественнѣе, мучительнѣе и сложнѣе, чѣмъ южные, но и они промелькнули, какъ туманный и докучный сонъ.

А вотъ и знаменательный день прочтенія приговора. Онъ входитъ въ большой залъ и видитъ своихъ грозныхъ неумолимыхъ судей, облаченныхъ торжественно въ мундиры со всѣми орденами и знаками отличія. Они сидятъ вокругъ громаднаго, на весь залъ, стола, покрытаго краснымъ сукномъ, краснымъ, какъ кровь, которая проливалась во имя русской свободы.

Вотъ торжественно и громко прочитали цѣлый рядъ его ужасныхъ винъ и опредѣленіе суда: смерть ему черезъ повѣшеніе.

И за это онъ долженъ быть еще благодаренъ, потому что грозные судьи хотѣли его мучительно четвертовать и только милосердіе государя смягчило кару.

Какіе они сидѣли важные, неприступные, холодные, въ сознаніи своего превосходства и силы! Не сказать ли имъ всю правду, ради которой онъ не пожалѣлъ своей жизни и жизни своихъ близкихъ?

Горькая улыбка зазмѣилась въ уголкахъ его губъ.

Не поймутъ они, слишкомъ тверда и непроницаема кора, которой окованы ихъ души; сквозь этотъ панцирь не прорвется голосъ правды, не проникнетъ никогда!

И онъ, безмолвно опустивъ голову, въ сопровожденіи конвоя, возвратился въ свою темницу.

— Завтра тебя не будетъ... — тихо повторяли надъ нимъ какіе-то невидимые голоса.

Но вотъ его зовутъ, опять зовутъ куда-то, кажется, въ приемную, на какое-то свиданіе.

Шатаясь, еле различая предметы вокругъ, идетъ онъ за своимъ сторожемъ.

И вотъ кто-то съ крикомъ бросается ему навстрѣчу, сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ, покрываетъ поцѣлуями, обливаетъ горькими слезами.

— Сестра, милая, дорогая!

— Это ужасно, ты долженъ умереть, Сергѣй! И нѣтъ возврата, и нѣтъ спасенія!

— Успокойся, Катя, милая. Я долженъ умереть и смерть меня не страшитъ, я умираю за свои идеи, которыя составляютъ одно съ моею душою. И я вѣрю, дорогая моя, что кончина моя не безплодна. Теперь насъ называютъ злодѣями и позоромъ страны, а когда-нибудь наши имена будутъ повторяться съ сочувствіемъ, съ благодарностью, съ любовью. Съ этимъ сознаніемъ умирать не трудно. Гораздо тяжелѣе судьба тѣхъ, которые многіе годы будутъ влечить горькое существованіе въ рудникахъ Сибири. О нихъ ты подумай, Катя, и брата Матвѣя не забывай!

Наканунъ казни его перевели въ эту новую темницу, вмѣстѣ съ этимъ бѣдняжкой, съ этимъ ребенкомъ, осужденнымъ на смерть..

И словно мысль Муравьева коснулась спящаго и разбудила его. Юноша быстро вскочилъ и большими испуганными глазами обвелъ всю комнату.

— Пришли? Пора? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще не скоро, отдохни и соберись съ силами, — съ отеческой нѣжностью проговорилъ Муравьевъ. Онъ подошелъ къ юношѣ, усадилъ его на кровать и самъ сѣлъ рядомъ.

— Я больше не засну, — почти шопотомъ проговорилъ Бестужевъ.

Муравьевъ обнялъ его и съ любовью заглянулъ ему въ глаза.

— Это не страшно. Какихъ-нибудь нѣсколько минутъ мученій, а потомъ — вѣчное блаженство. Наши души оставляютъ эту ненужную брѣнную оболочку и плав-

но вознесутся на судъ иной, вѣчный, но справедливый. Тамъ — только Богъ, единый Богъ, и тирановъ — нѣтъ. Тамъ нѣтъ рабовъ, тамъ нѣтъ царей, тамъ всѣ равны, всѣ братья. Ты знаешь, какъ страдалъ Христосъ, но Онъ съ улыбкой шелъ на муки; Онъ зналъ, что спасаетъ многихъ, а Его послѣ муки ждетъ прежнее вѣчное блаженство. Не думай о земномъ, молись, не забудь ни одного своего грѣха, самаго малѣйшаго, не отягчай своей душѣ переходъ въ вѣчность.

За дверью раздалися шаги и въ куртину вошелъ Андреевъ.

— Это вы пѣли пѣсню такъ превосходно? — самымъ обыденнымъ тономъ обратился онъ къ Муравьеву.

— Да, это я...

— Не споете ли вы мнѣ ее еще разокъ?

Невыразимая улыбка зайграла на лицѣ Муравьева.

Вмѣсто отвѣта онъ только кивнулъ головой и запѣлъ.

Пѣсня его сначала тихая, неувѣренная, разрасталась и крѣпла. Такъ много было чувства и силы въ этой пѣснѣ, какъ будто душа въ звукахъ прощалась съ тѣломъ.

Пѣсня замолкла.

Нѣсколько мгновений стоялъ Андреевъ молча, опустивъ голову, охваченный страннымъ чарующимъ впечатлѣніемъ. Но вотъ онъ тряхнулъ головой, словно сбрасывалъ съ себя минутное очарованіе.

— Вашъ приговоръ? — прозвучалъ дѣловитый вопросъ.

— Повѣсить! — последовалъ спокойный отвѣтъ.

Андреевъ замаялся, на лицѣ его ясно выразилось смущеніе.

— Извините, что я васъ побеспокоилъ.

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ, если могъ доставить вамъ удовольствіе.

Андреевъ неловко поклонился и вышелъ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія и вотъ гдѣ-то далеко прозвучали глухіе удары тюремныхъ часовъ.

Осужденные напряженно прислушивались... Полночь.

Замокъ тихо заскрипѣлъ и дверь осторожно открылась. На порогѣ стоялъ протоіерей Мысловскій съ дарами.

— Уже? — невольнымъ стономъ сорвалось съ устъ Бестужева.

— Батюшка пришелъ насъ исповѣдать и причастить — громко покрылъ вопросъ юноши голосъ Муравьева.

Святой обрядъ былъ скоро оконченъ, и священникъ пошелъ дальше исполнять свою горькую обязанность, а Муравьевъ снова подсѣлъ къ Бестужеву и снова отечески обнялъ его.

Долго бесѣдовалъ онъ съ юношей, укрѣплялъ и ободрялъ его.

Два часа... Уже занялся день, когда за осужденными пришли.

— Приготовьтесь...

Какъ сонъ промелькнула обѣдня въ крѣпостной церкви и вотъ они идутъ, окруженные павловскими гренадерами, на мѣсто казни.

Твердою рукой поддерживаетъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ своего юнаго растерявагося спутника Бестужева.

— На муку ведутъ тебя, на раннюю смерть, и я въ томъ виною. Прости меня, милый юноша, знаетъ Богъ, какъ горько мнѣ за тебя. Зачѣмъ, зачѣмъ я погубилъ твою жизнь?!

И это горькое раскаяніе сильнѣе подѣйствовало на Бестужева, оно возвратило ему тѣ силы, которыя не могли возвратить никакія увѣщанія.

Вотъ они у эшафота, связанные по рукамъ и ногамъ ремнями, съ покрытыми головами.

Бестужевъ содрогается... Мысловскій быстро подходитъ къ нему и поддерживаетъ его подъ руку.

— Крѣпись, дитя мое, — говоритъ Муравьевъ, — еще нѣсколько мгновеній и кончатся наши муки и Господь насъ приметъ подъ свою защиту. Ахъ, батюшка, жаль мнѣ васъ, приходится вамъ вести насъ, какъ разбойниковъ.

Мысловскій набожно перекрестился.

— И ждеть васъ тамъ царствіе небесное...

Прошло еще нѣсколько мгновений... Свершилось...
Не стало пяти главныхъ декабристовъ.

Казнь свершилась 13-го іюля въ 5 час. утра.

Немедленно по исполненіи казни генераль-адъютантъ
Дибичъ донесъ государю:

— Свершилось... Войско держало себя съ достоинствомъ, — а злодѣи со свойственною имъ низостью.

Побѣдитель-самодержецъ отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, что все кончилось благополучно.
Я вполне былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ и тутъ болѣе храбрости, чѣмъ нужно.

14-го іюля по приказу императора отслужено было на Сенатской площади благодарственное молебствіе, какъ бы „въ очищеніе этого мѣста отъ осрамленія его злодѣями и вмѣстѣ поминовеніе павшихъ 14-го декабря жертвами чести и долга“.

Но тотъ, который принималъ послѣднюю исповѣдь казенныхъ и напутствованныхъ въ минуту смерти, протоіерей Мысловскій рѣшительно отказался принять участіе въ „очистительномъ“ молебствіи, отслуженномъ митрополитомъ всѣмъ духовенствомъ...

Въ эти самые часы въ черномъ облаченіи служилъ онъ панихиду въ Казанскомъ соборѣ.

Мало было народу въ церкви, только случайные богомольцы присутствовали въ храмѣ...

И они видѣли, какъ горячо молился священникъ, какъ наполнились слезами его грустные глаза и какъ подергивавшіяся судорогой губы его набожно шептали:

— Упокой, Господи, души новопреставленныхъ рабовъ Твоихъ Сергія, Павла, Михаила, Кондратія и Петра.

XXI

ПЕРВЫЙ ЛУЧЪ СЧАСТЬЯ

Томительно проходили дни и ночи въ душной, мрачной темницѣ и для графа Григорія Ланского... Тянулся

цѣлый рядъ длинныхъ допросовъ, очныхъ ставокъ. Передъ судьями графъ Григорій Алексѣевичъ стоялъ спокойно, отвѣчалъ коротко, и задумчивый, печальный взоръ его часто имъ подсказывалъ, какъ далека душа преступника отъ этихъ мрачныхъ стѣнъ, отъ этихъ грозныхъ словъ.

Свой приговоръ онъ выслушалъ спокойно и даже разился сравнительно легкой карѣ.

Но когда ему приходилось мысленно останавливаться на участи пяти декабристовъ, онъ содрогался... Онъ до самой послѣдней минуты хотѣлъ вѣрить, что этотъ приговоръ лишь для страха, а въ минуту казни будетъ замѣненъ каторгой.

Но вотъ приблизилась роковая ночь, — она была такъ прекрасна. Природа словно хотѣла въ послѣдній разъ обласкать несчастныхъ.

Графъ Григорій не могъ сомкнуть глазъ... Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ своимъ рѣшетчатымъ окошечкомъ, судорожно сжимая въ рукахъ маленькій золотой крестикъ, и страстная молюба его неслась, минуя всѣ преграды, къ Престолу Творца.

Онъ молился за осужденныхъ на смерть, да минуетъ ихъ чаша сія! Онъ молился за государя, чтобы Господь просвѣтилъ его душу и влилъ въ эту державную душу частицу Своего безконечнаго милосердія.

— Господи, Господи, просвѣти раба твоего Николая, смягчи и умилосерди его душу. Онъ такъ молодъ еще и едва сталъ у власти, неужели эта молодость не содрогнется? Пресѣчь жизнь, которую Ты вдохнулъ отъ Своего безсмертія, пресѣчь жалкой человѣческой рукой! А страхъ передъ Тобою, Господи? А Твой вѣчный судъ? А совѣсть? Вѣдь она должна проснуться, должна измучить... Не теперь такъ когда-нибудь, можетъ быть въ самый послѣдній часъ жизни. И за что, за что должны они погибнуть такъ позорно?.. Вся жизнь ихъ была самоотверженіемъ, любовью къ „меньшимъ братьямъ“, горячимъ сочувствіемъ къ ихъ бѣдамъ!.. Вѣдь ихъ благород-

ныя идеи уже давно воспитало лучшее человечество, лучшие умы, лучшие сердца!..

Но вотъ какой-то отдаленный глухой ударъ превралъ горячую молитву, за нимъ другой, третій... Полночь...

Въ крѣпости начался шумъ, движеніе, слышались голоса. Заскрипѣлъ замокъ и у дверей графа Григорія показалось блѣдное, необычное лицо сторожа.

— Одѣваться велѣно... — наскоро говоркомъ бросилъ онъ и снова скрылся за дверь.

А въ крѣпости шорохъ и шумъ росли, слышался лязгъ цѣпей.

И вотъ раздался голосъ протяжный, за душу хватающій.

— Простите, простите, братья!

Это былъ голосъ Рылѣва.

Шумъ, шаги и лязгъ цѣпей все удалялись и на время настала тишина.

Свѣтало... графъ Григорій стоялъ, весь дрожа, прижимаясь къ сырой стѣнѣ, молиться онъ больше не могъ, странное нервное волненіе его охватывало.

И вотъ пришли и за нимъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтился со многими членами союза, осужденными какъ и онъ. Но Оболенскаго уже не было, онъ, признанный болѣе тяжкимъ преступникомъ, съ Волконскимъ, Трубецкимъ и другими уже былъ на мѣстѣ казни.

Павловскіе гренадеры провели графа Григорія и его товарищей на эспланаду передъ крѣпостью.

Что это была за картина: блестяли мундиры разныхъ гвардейскихъ полковъ, всѣ лица казались таинственными въ двойномъ освѣщеніи зарождающагося дня и пылающихъ костровъ.

Графъ Григорій ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Вся душа его, зрѣніе, все вниманіе — были прикованы къ пяти висѣлицамъ, къ пятерымъ избранникамъ, медленно приближавшимся къ роковому мѣсту.

Но вотъ громко прозвучало его имя... Кто-то толк-

нулъ его впередъ... и онъ очутился передъ блестящимъ отрядомъ своего родного полка.

Знакомыя лица... Графъ Григорій не можетъ уловить въ нихъ ни состраданія, ни презрѣнія; они мрачны и важны, словно застыли, обледенѣли... И вотъ чья-то грубая рука тяжело опускается на его плечо, ноги его подгибаются, онъ на колѣняхъ передъ своими солдатами.

Чей-то жесткій голосъ скороговоркой, дѣловито читаетъ вины графа Григорія, признанныя верховнымъ судомъ, и приговоръ этого суда, смягченный милостью Государя.

Голосъ смолкъ. Надъ головою раздается жалобный трескъ: это палачъ ломаетъ его шпагу... А вотъ руки палача срываютъ съ него эполеты, мундиръ и всѣ тѣ ордена, которыми онъ когда-то такъ гордился, которые даны ему были за пролитую кровь на войнѣ.

А вотъ надѣваютъ на него халатъ, обыкновенный халатъ для ссыльныхъ и ведутъ обратно въ крѣпость.

Глаза его снова приковываются къ роковымъ висѣлицамъ... Жертвы уже взошли на мѣсто казни.

Графъ Григорій теперь проходитъ мимо, совсѣмъ близко...

До него доносится слабый ласковый голосъ священника, но словъ онъ не слышитъ... И только одна фраза, произнесенная Рылѣвымъ, огненными буквами выжигается въ его памяти:

— Слышишь, отецъ, сердце мое не бьется сильнѣе прежняго.

Казнь совершилась на глазахъ графа Григорія... Слезы струились по его лицу, ноги подкашивались, отказывались идти. Солдаты почти донесли его до дверей темницы, втолкнули туда и замокъ заскрипѣлъ...

У графа Григорія не было силъ добраться до койки, онъ упалъ у дверей на холодный, сырой полъ безъ сознанія.

Вѣроятно, долго лежалъ онъ такъ, потому что, когда открылъ глаза, уже сгущались сумерки... Разбитый нрав-

ственно и физически, онъ еле доползъ до койки и легъ на нее.

Первая мысль, которая прорѣзала его сознание, была мысль о казни. Итакъ, пали пять жертвъ за общій грѣхъ!.. Тѣла ихъ упали на землю, на ту землю, что ихъ отвергла, а принялъ ихъ въ свою небесную обитель великій Богъ... Они отошли въ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ юдолей и печали... Они приняли смерть и эта смерть дала имъ славный мученичeskій вѣнецъ и никто никогда не отниметъ отъ нихъ сіянiя этого вѣнца...

Долгіе дни и ночи не могъ графъ Григорій избавиться отъ страшнаго впечатлѣнiя. То онъ лежалъ безъ движенiя цѣлыми часами, не прикасаясь къ пищѣ; то подолгу молился, а слезы невольно свѣтлыми струйками текли по исхудалымъ щекамъ.

Однажды ему объявили, чтобы онъ приготовился въ путь. До отправки въ Сибирь ему была назначена для пребыванiя крѣпость въ Финляндіи.

Въ день отъѣзда, который былъ назначенъ ночью, его вызвали въ пріемную для прощальнаго свиданiя.

И странно, онъ нисколько не взволновался, съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ последовалъ за сторожемъ.

Въ дверяхъ пріемной его встрѣтилъ комендантъ, который долженъ былъ присутствовать при свиданiи. Комендантъ пропустилъ осужденнаго въ пріемную, а самъ подошелъ къ окну, остановился въ полуоборотѣ, искоса наблюдая и съ показнымъ равнодушіемъ барабани пальцами по стеклу.

Легкими, воздушными шагами быстро подошла Настенька къ своему возлюбленному и безъ словъ съ нѣжнымъ благоговѣніемъ покрыла поцѣлуями его исхудалыя прозрачныя руки.

И опять съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ отнесся онъ къ этимъ поцѣлуямъ и къ стройной красавицѣ въ глубокомъ траурѣ.

Настенька тихо повлекла его и усадила на ту же желтую скамью съ высокой спинкой, на которой онъ си-

дѣлъ въ свое первое тюремное свиданіе. Ея любящее чуткое сердце угадывало апатію, сковавшую душу графа Григорія, и всѣ ея тонкія причины. Она знала, что лучшее лѣкарство — время, забота и ея ласка.

— Я пришла проститься съ тобой, милый Гриша, тебя сегодня увозятъ въ Финляндію, тамъ будешь ты въ крѣпости, пока не поѣдешь къ мѣсту своего назначенія. Все-таки надо благодарить Господа, Онъ услышалъ мои молитвы и участь твоя не такъ тяжела, какъ могла бы быть. Дастъ Богъ, сибирскій климатъ окажется здоровымъ и мы отлично заживемъ съ тобой.

При этихъ словахъ онъ вздрогнулъ, вышелъ изъ своего равнодушія и глаза его заблестѣли.

— Что ты говоришь, Настенька? Кто „мы“?

Она ласково улыбулась, и эта улыбка, какъ святое сіяніе, озарила ея прекрасныя черты.

— Ну, да, мы, Гриша, я и ты. И ты думалъ, что я пушу тебя одного? Что я повторю свою страшную ошибку и спокойно откажусь отъ счастья?! И ты увидишь, какъ мы заживемъ тамъ, славно, гораздо лучше, чѣмъ здѣсь, вдали отъ всѣхъ этихъ людей и воспоминаній.

Графъ Григорій въ волненіи прислонился къ спинкѣ скамейки и прижалъ руки къ груди.

— Ахъ, Настенька, подумала ли ты, что ты дѣлаешь? Вѣдь это Сибирь, Настенька, вѣдь я — осужденный преступникъ, Настенька, сосланный я, опозоренный, оплеванный, выброшенный изъ общества. Знаешь ли ты, что золотое оружіе, которое я получилъ за храбрость, сломано руками палача надъ моей головой? что эти же самыя позорныя руки сорвали мои эполеты, мой мундиръ, всѣ мои ордена, добытые кровью? Знаешь ли ты, что я стоялъ на колѣняхъ предъ своими солдатами и при нихъ облачилъ меня палачъ въ этотъ каторжный халатъ?

— Я знаю это, я знаю еще многое, каждую твою мысль, каждую муку твоей души угадываю сердцемъ. И каждое твое страданіе дѣлаетъ тебя еще дороже.

— Ахъ, Настенька, Настенька, — могъ только прошептать графъ Григорій и вдругъ онъ вздрогнулъ и взглянулъ на нее со страхомъ.

— А развѣ государь... разрѣшилъ нашу свадьбу?

Она, вся лучезарная, вся улыбающаяся, склонилась къ нему.

— Уже разрѣшилъ, Гриша, я вымолила, выплакала, выстояла на колѣняхъ это разрѣшеніе.

Невыразимое чувство охватило все существо графа Григорія, голова его кружилась и онъ, закрывъ глаза, прислонился къ плечу Настеньки.

— А теперь успокойся, мой возлюбленный, еще одна разлука, маленькая, послѣдняя, а тамъ — мы будемъ связаны цѣпями такъ крѣпко передъ Богомъ и людьми, и никто, никто тогда насъ не разлучитъ, я буду твоею собственностью, твоею рабой...

— Ты будешь моей святыней, — со слабой улыбкой возразилъ онъ.

Комендантъ уже нѣсколько разъ оглядывался, многозначительно посматривая на часы... Настенька встала.

— Пора, мой возлюбленный... — Она перекрестила своего жениха и нѣжно поцѣловала его въ лобъ.

— А твой отецъ, Настенька? Что сказалъ онъ?

— Мой отецъ, Гриша?.. О, ты его не узнаешь теперь! Онъ сталъ другой... Больной, добрый, тихій... Онъ умирающій, Гриша, и мнѣ больно его оставлять, но что же дѣлать? Ты для меня — все... и за тобой я иду...

Въ ту же ночь графа Григорія увезли въ Финляндію, въ крѣпость...

XXII

БѢЖИМЪ!

Финляндія... Сѣро-голубое небо, мѣстами покрытое свинцовыми тучами, разстидается надъ крѣпостью... Это небо отражается въ водахъ моря и воды кажутся мѣ-

стами словно вылитыми изъ сѣрой стали, а мѣстами изъ голубоватой... Волны тихо набѣгаютъ къ валу одна за другой — и непроницаемо стальное море.

Крѣпость гордо высится на высокихъ скалистыхъ берегахъ; много слезъ и стоновъ скрываетъ она за своими холодными каменными стѣнами. Таинственно, какъ мрачныя черныя очи, выглядываютъ маленькія частыя окошечки. И вотъ у рѣшетки покажется блѣдное изможденное лицо съ всклокоченными волосами, и безпкойные тусклые глаза или тоскливо всматриваются внизъ, на землю, или съ мольбой, полные слезъ, поднимаются къ небесамъ.

Одно изъ этихъ оконъ, вмѣстѣ съ крошечной конуркой, принадлежитъ графу Григорію Ланскому. Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ томится узникъ въ полномъ одиночествѣ въ заточеніи болѣе строгомъ, чѣмъ въ Петербургѣ.

Быстро промелькнулъ остатокъ лѣта, подкралась тоскливая осень и теперь она вошла въ свои права, — глубокая, поздняя.

За все это время графа Григорія ни разу не выпустили на воздухъ, даже ни разу въ баню не повели. Ни одна вѣсточка изъ внѣшняго міра, ни одно письмо, ни одно ободряющее слово не долетѣло до него...

Глубокое отчаяніе овладѣвало душою узника,.. Забыть и покинуть, можетъ быть, какъ тогда, когда лежалъ во Франціи больной, истекающій кровью.

Думъ больше на было: все прошлое было пережито, пересмотрѣно въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ по нѣсколько тысячъ разъ.

Сторожа, суровые, не улыбнутся, глазомъ не моргнутъ, да все не русскіе, — финляндцы.

Одно только развлеченіе: вотъ подойти къ этому узкому окошечку, прислушиваться къ неустанному прибою волнъ и разсматривать этотъ клочокъ неба, почти каждое мгновеніе причудливо мѣняющійся. То — оно ровно голубое, то задернется прозрачною бѣловатою дымкой, то смѣшается съ серебристыми причудливыми облачка-

ми, то сѣрое, хмурое, унылое, то грозное, свинцовое, почти черное.

А устануть ноги стоять у окна, и тоскливо поплетется узникъ къ своему жесткому ложу и лежитъ, внимательно вглядываясь въ унылыя сѣрыя стѣны, въ сумрачный потолокъ. Вонъ тамъ царашина, буква, вотъ цѣлое забытое слово, слово муки, тоски, призыва... Нервная фантазія дополняетъ маленькую черточку широкими штрихами и разрисовываетъ цѣлыя картины душевныхъ драмъ, когда-то разыгравшихся въ этихъ стѣнахъ, у этого узкаго окошка, на этомъ твердомъ непривѣтливомъ ложѣ.

А то уловить чуткое ухо за толстой стѣной какой-нибудь шорохъ — и опять работаетъ воображеніе. Свойли тутъ, одинъ изъ членовъ угасшаго „Союза Благоденствія“, осужденный на каторгу или вѣчное изгнаніе? Или, можетъ, преступникъ, убившій свою жертву и ограбившій ее окровавленными руками? Или какой-нибудь несчастный, увлеченный человѣческими страстями на путь неправды?..

И тянутся томительно дни за днями въ уныломъ однообразіи. Каждый разъ, когда приходитъ сторожъ, просьшается въ душѣ надежда: не пришли-ли за нимъ? Не зовутъ-ли его?

Но тотъ, молча, равнодушно ставитъ скудную пищу и такъ же молча, равнодушно удаляется.

— Забытъ, забытъ! — стонуть чьи-то рыдающіе голоса — и графъ Григорій съ ужасомъ вскакиваетъ.

А если? А если его оставятъ здѣсь навсегда, на всю жизнь, на долгіе томительные, безчестные дни и ночи!

Онъ мечется въ своей душной клѣткѣ; волосы какъ живые шевелятся на его головѣ и сквозь сжатые до боли зубы вырываются мучительные стоны.

Но вотъ однажды заскрипѣлъ замокъ и показалось не холодное лицо сторожа-финляндца, а важное, строгое — коменданта.

— Пожалуйте въ пріемную, вамъ свиданіе съ разрѣшенія его величества. Дама васъ ожидаетъ.

Сердце графа Григорія забилося съ такою силой, что, кажется, вотъ-вотъ выскочить изъ груди.

— Настенька! — проговорилъ онъ вслухъ и все время, пока онъ слѣдовалъ за комендантомъ въ пріемную въ сопровожденіи стражи, мысленно повторялъ дорогое имя.

Стража остановилась у дверей пріемной, а комендантъ, пропуская его въ двери, сказалъ:

— Черезъ полчаса я приду за вами.

Отъ волненія и радости все кружилось въ головѣ графа Григорія, когда онъ переступилъ порогъ пріемной.

Маленькая граціозная фигурка юркнула ему навстрѣчу, бросилась прямо къ его ногамъ; горячія губы покрывали поцѣлуями его руки, а женскій голосъ, полный любви и жалости, шепталъ:

— Грегуаръ, бѣдный, дорогой Грегуаръ, что они сдѣлали съ тобой?

Графъ Григорій понялъ злую истину: это была не его дорогая Настенька, это — влюбленная Эвелина сумѣла проникнуть даже въ его темницу. Онъ съ трудомъ освободилъ свои руки и шатаясь отодвинулся отъ колѣнопреклоненной женщины.

— Эвелина! зачѣмъ? Какъ вы... — голосъ его оборвался.

Она уже вскочила съ колѣнъ и энергично выпрямилась во весь свой миниатюрный ростъ. Небольшіе темные глаза ея горѣли, какъ раскаленные уголья.

— Да, это я, Грегуаръ, я, Эвелина! Я нашла тебя, а если-бъ ты зналъ, чего мнѣ это стоило... Но все дурное прошло, мои страданія и твои муки окончились и я пришла тебя спасти.

— Спаси, — машинально, какъ эхо произнесъ онъ.

— Да, спасти, — энергично повторила она. — Слушай меня внимательно, времени мало, а терять его нельзя. Всѣ, кто только намъ нуженъ, — подкуплены... Этой ночью корабль будетъ ждать тебя. Тебѣ ничего не надо соображать, тебя возьмутъ, освободятъ, посадятъ на ко-

рабль... Не колебайся и не обдумывай; эта ночь — твоя послѣдняя въ этой крѣпости... завтра ночью тебя увезутъ отсюда въ Сибирь. Ты понялъ, что я сказала тебѣ, Грегуаръ? Отчего ты такъ странно смотришь на меня?

Дѣйствительно, странными, затуманенными, разстроенными глазами впивался графъ Григорій въ Эвелину.

Она снова бросилась къ нему, схватывая его за руки.

— Ты удивленъ, ты радъ, ты не вѣришь своему счастью? Еще бы, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, послѣ того, какъ ты стоялъ на одинъ волосокъ отъ позорной смерти, — и теперь, когда впереди цѣлая жизнь рабскихъ униженій, — и вдругъ спасеніе!

Графъ Григорій осторожно высвободилъ свои руки изъ рукъ Эвелины...

— Вы не поняли, Эвелина, бѣдная, дорогая сестренка! Я не могу, не долженъ и не хочу воспользоваться вашимъ предложеніемъ. Я — Ланской, я могъ идти противъ цѣлаго міра въ защиту свободы моего родного страдающаго народа, но бѣжать изъ темницы, подкупивъ сторожей и стражу, бѣжать отъ наказанія, тогда какъ всѣ мои собратья будутъ страдать! А тѣ пять, которые уже положили жизнь за наше дѣло? Нѣтъ, никогда, Эвелина! Не жизнь, полная страданій, а это бѣгство опозорило бы меня. Люди будущаго вспоминали бы обо мнѣ съ презрѣніемъ; тяжка была бы моя земная жизнь; ужасенъ часъ смерти, а бѣдная душа была-бы обречена на вѣчныя мученія. Господь не принялъ бы ея... Не старайтесь убѣдить меня, ничто не поколеблетъ моего рѣшенія, не теряйте напрасно силъ и денегъ, не подвергайте себя опасности...

За дверью уже слышались отдаленные приближающіеся шаги коменданта.

— Я не принимаю вашего отказа, Грегуаръ; я буду васъ ждать; вы одумаетесь. Эта бумажка объяснитъ вамъ всѣ подробности.

Быстрымъ движеніемъ она засунула какой-то сло-

женный конвертикъ за полу арестантскаго халата и отскочила отъ графа.

И было время... Комендантъ широко распахнулъ дверь и вошелъ, внимательно оглядывая присутствующихъ.

Эвелина спокойно протянула руку графу Григорію.

— Нашему свиданію насталь конецъ, Грегуаръ. Прощайте, крѣпитесь и не забывайте свою маленькую сестренку.

Графъ Григорій крѣпко пожалъ протянутую ручку и это пожатіе будто ей говорило:

— Прощайте, Эвелина, навсегда.

Не оглядываясь, поплелся онъ снова въ свою темницу и унылая тоска смѣнилась отчаяніемъ, но ни на одно мгновеніе не блеснула мысль воспользоваться предложеніемъ Эвелины.

День угасаль. Сгущались сумерки, наступила ночь, послѣдняя, какъ сказала ему Эвелина, въ этой финляндской крѣпости.

Крѣпостные часы пробили десять... И замокъ осторожно закрипѣлъ за дверью.

Вошелъ стражникъ; онъ быстро, не говоря ни слова, скинулъ съ себя одежду и протянулъ ее графу Григорію.

Подъ этой военной одеждой на немъ была другая — одежда тюремнаго сторожа.

— Я останусь здѣсь, — сказалъ онъ ласково и спокойно. — Не подвергайте себя опасности, надѣньте скорѣй эту одежду и дайте мнѣ карандашъ и бумагу. Я напишу нѣсколько словъ, которыя удостовѣрятъ пославшихъ васъ, что вы — исполнили свою обязанность.

— Ваше благородіе, — весь дрожа и какъ бы не понимая словъ графа Григорія, быстро заговорилъ посланецъ, — не мѣшчайте, ваше благородіе: каждая минута можетъ стоить жизни и вамъ, и мнѣ; корабль готовъ къ отплытію и вы пройдете къ нему безъ малѣйшей задержки.

Графъ Григорій подошелъ къ сторожу и тихо положилъ руку ему на плечо.

— Посмотри мнѣ въ глаза, голубчикъ, я не умѣю скрывать свои мысли, ты сейчасъ-же поймешь, что я не шучу, что никакая сила въ мірѣ не заставитъ меня уйти отсюда. Ты не мѣшкай, дай скорѣй карандашъ и бумагу и спиши на корабль съ моимъ письмомъ.

Въ нѣсколько мгновеній письмо было написано, и посланецъ Эвелины удалился... Долго стоялъ графъ Григорій, не шевелясь, глядя ему вслѣдъ... Онъ вздрогнулъ только тогда, когда послышался рѣзкій свистокъ уходящаго корабля.

А между тѣмъ Эвелина съ трепетомъ ждала его.

Въ сумеркахъ подплылъ ея корабль осторожно къ скаламъ и спрятался подъ сѣрыми нависающими громадами... Темный цвѣтъ корабля слился съ цвѣтомъ скалъ и сумерекъ.

Томительно было ожиданіе... Но вотъ, наконецъ, отдаленный плескъ волны... Это шлюпка, везущая графа Григорія, разсѣкаетъ волны!

Увы, посланный вернулся одинъ. Угрюмо передалъ онъ Эвелинѣ записку графа... Она, прочтя ее, разорвала на мелкіе клочки и бросила ихъ въ море... Въ эти мгновенія разорвала она свое сердце... Шатаясь, добрела Эвелина до каюты и, безутѣшно рыдая, билась головой о стѣны.

Раздался тревожный рѣзкій свистокъ и корабль поплылъ, разсѣкая волны.

Богатая, но одинокая, съ разбитой душой, съ больнымъ сердцемъ, возвращалась Эвелина въ свою родную Францію.

XXIII

МЕСТЬ

Быстро, насколько позволяли силы и маленькія ножки, бѣжала Таня-пѣвунья прочь отъ дома своего отца.

Куда бѣжала она?.. На этотъ вопросъ она сама не сумѣла бы отвѣтить, — просто, куда глаза глядятъ.

А маленькія ножки машинально сворачиваютъ на знакомую дорогу, на Черную рѣчку.

Долго бѣжала цыганка. Мокрый холодъ проникалъ ее насквозь, ноги ныли отъ усталости, но душевная боль такъ мучительно жгла, что забывалось, не замѣчалось все остальное.

Совершенно растерянная, запыхавшись, она свалилась на доротѣ въ полуверстѣ отъ жилища цыганъ.

Она очутилась какъ разъ на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то послѣ ночи, проведенной въ „Синемъ Ярѣ“, послѣ первыхъ словъ любви, сказанныхъ ей красавцемъ-княземъ, — она мечтала въ уединеніи.

Невольно ее потянуло туда, къ этому мѣсту. Вотъ и обледенѣлый камень, на которомъ сидѣла она, плотно кутаясь въ свою большую шаль. И теперь машинально она опустила на него.

Опять здѣсь тихо, какъ тогда, опять уединеніе... И сквозь туманъ мокрой ночи выплываютъ передъ ней прежніе воздушные замки, прежнія грезы. И разсыпаютъ вокругъ нея эти грезы, сады и цвѣты, аккорды неземной музыки, чарующія трели сладостныхъ голосовъ...

Вѣдь сбился ея сонъ наяву. Но какъ коротокъ, какъ мимолетенъ былъ онъ!

Объ руку съ любимымъ красавцемъ, нарядная, какъ воздушныя облака, какъ солнечные лучи, царила она въ роскошномъ дворцѣ, царила и была счастлива... Какъ сладкая золотая греза, — вошелъ „онъ“ въ ея жизнь, словно влетѣлъ на крыльяхъ ангела съ небесъ и такъ же незамѣтно ускользнулъ, оставляя, какъ послѣднее воспоминаніе, свою чарующую ласку.

И вспомнился ей душнѣй, дымный залъ „Синяго Яра“... Съ шумной толпой цыганъ вошла она, перебирая струны гитары; мишурное золото украшало ея пестрый нарядъ, ея тоненькую шейку; тянулось въ ея черныхъ волосахъ и на красномъ атласѣ шапочки.

А „онъ“ сидѣлъ напротивъ, нарядный и прекрасный;

мундиръ его былъ залитъ настоящимъ золотомъ и оно щедро сыпалось изъ его рукъ. Жгучій орлиный взоръ обволакивалъ ее сладкимъ трепетомъ; сердце билось такъ сильно; мысли путались, какъ въ дурманѣ. И пѣла она... Что пѣла? Ахъ, да!

*Слышишь ли, мой сердечный другъ,
Слышишь ли, какъ я рыдаю, любя...*

Въ ночной тишинѣ раздался низкій дрожащій голосъ Тани-пѣвуньи; нота оборвалась, и съ рыданіемъ приникла ея головка къ обледенѣлому камню.

А вотъ и день свадьбы... Какъ она тосковала!

Вмѣсто горячихъ ласкъ любимаго гордаго красавца, — ждали ее немилыя объятія грязнаго плясуна. Вмѣсто чуднаго дворца, залитаго золотомъ, напоеннаго волшебными ароматами, — грязная лачуга и пьяный наглый „Синій Яръ“.

Но судьба беспощадна — и брачный кувшинъ разбить подъ ея ногами; все кончено: она погибла, она должна умереть, она не переживаетъ низкаго насилія.

А вокругъ пѣсни, пляски, хохотъ, вино льется рѣкой... И вотъ она хватается за гитару и поетъ пѣсню, что недавно пѣвала ему, свободная и полная розовыхъ грезъ, поетъ всей душой, какъ бы прощаясь съ нимъ, какъ бы посылая ему послѣдній любовный привѣтъ.

Но, чу! Стукъ и шумъ; ломаются въ двери... И она поняла, сразу поняла, „кто“ это можетъ быть; она бросилась къ дверямъ и громкимъ голосомъ призываетъ милаго къ себѣ на помощь.

И начинается настоящій адъ: свалка, крики, шумъ, проклятія...

Цыгане связаны, немилый супругъ съ бѣшенствомъ тщетно старается разорвать веревки; скрутили крылья и старому коршуну, остервенѣвшему Егору.

И Таня навѣки уходитъ изъ родимаго дома, крѣпко сжимаетъ ее въ объятіяхъ красавецъ-князь.

— Будь проклята! — повторяетъ старый коршунъ. Живи, какъ блудница, умри, какъ собака!

И пали, пали эти проклятья на ея голову... Жила, какъ блудница, отнимая мужа у сестры, и умереть, какъ собака, какъ собака...

А все-таки сбылся сладкій сонъ наяву, а все-таки прилетѣла золотая греза и окутала ее своими прозрачными блестящими крыльями!

А теперь, — къ чему жизнь? „Его“ вѣдь нѣтъ, „его“ убили... Кто убилъ? За что? Зачѣмъ?

— О, будьте прокляты, вы, злые люди!

Маленькая цыганка медленно поднялась и высоко къ суровому зимнему небу протянула свои маленькія ручки.

— Ты тамъ теперь, тамъ, возлюбленный! Тебѣ хорошо! Прекрасные ангелы поютъ тебѣ пѣсни и одѣваютъ тебя серебристыми облаками, золотыми звѣздочками. Но тебѣ скучно безъ маленькой Тани-пѣвуньи и ты ждешь ее, зовешь... И я приду къ тебѣ. Мы будемъ вмѣстѣ летать на крылышкахъ высоко надъ землею и солнышко золотыми лучами будетъ насъ укрывать, и мы будемъ смотрѣть на злыхъ людей, которые насъ разлучили, и будемъ смѣяться надъ ними. Не тоскуй, князечекъ мой возлюбленный, скоро, скоро я приду къ тебѣ!

Рѣшительными, смѣлыми шагами направилась цыганка къ знакомому домику на Черной рѣчкѣ. Вотъ она у дверей... Какъ прежде, постучалась она въ эту дверь... Ей отворила Дуня-цыганка и, увидѣвъ ее, убѣжала съ крикомъ испуга.

Но Таня храбро прошла черезъ знакомыя сѣни въ большую комнату, — обычное сборище цыганъ. Они сидѣли тутъ, какъ прежде, на стульяхъ, столахъ, на полу; валялись жирные объѣдки, недокуренные трубки, трюнканы гитары, въ разныхъ углахъ слышались разные пѣсни. Это было настоящее, знакомое ей царство цыганъ, царство хаоса и грязи...

При появленіи Тани-пѣвуньи на нѣсколько мгновеній наступило растерянное молчаніе... Она явилась какъ призракъ, въ шелковыхъ разорванныхъ одеждахъ, съ мокры-

ми растрепанными кудрями, съ блѣднымъ прозрачнымъ, исхудалымъ лицомъ и широко открытыми глазами, еще красными отъ недавнихъ рыданій.

Но она смѣло пошла имъ навстрѣчу, здоровалась, говорила прерывисто съ горькой улыбкой:

— Не обознали, други, не та ужъ пѣвунья... Ну, а вы какъ живете? Попрежнему, вижу: въ беззаботномъ весельи, съ музыкой, съ пѣснями, да за чаркой. Ну, а гдѣ супругъ мой, Андрей-плясунъ?.. Къ нему вѣдь я пожаловала, соскучилась въ золотомъ княжьемъ дворцѣ, проклятіемъ своимъ приманилъ онъ меня. А тестюшка гдѣ, старый коршунъ Егоръ, его что не видно?

Очнулись цыгане, загалдѣли, послышались разспросы, укоры, удивленія... Но Таня рѣзко стояла на своемъ, гдѣ, молъ, супругъ мой и тестюшка? И вотъ подошла къ Танѣ-пѣвунѣ старая незлобивая цыганка Матрена.

— Помолчите вы, воронье!.. Давно уже не живутъ съ нами Андрей-плясунъ и старый Егоръ. Съ той самой ночи, какъ ты ихъ покинула, скитаются они по трактирамъ и недоброе замышляютъ, а на ночлегъ къ Василию Зеленому хаживаютъ, что въ Косой улицѣ живетъ, за нами тутъ съ версту будетъ, сама знаешь. Только не ходи ты туда, сердечная, на бѣду пойдешь.. Иди-ка лучше домой, въ княжій домъ.

Таня-пѣвунья, какъ бывало, молодецки тряхнула кудрями.

— Не боюсь я бѣды, ничего не боюсь, бабушка Матрена. Спасибо тебѣ на словѣ добромъ. Прощайте, други, лихомъ не поминайте! Счастья вамъ, веселитесь, пойте, деньгу загребайте и чарочку не забывайте!

Она ухарски повела плечами и скрылась такъ же быстро, какъ пришла. Опять подъ покровомъ черныхъ крыльевъ ночи, навстрѣчу бѣдѣ, быстро перебирая ножками, неслась ея маленькая безстрашная фигурка. Вотъ и послѣдній поворотъ, и стоитъ она передъ низенькимъ покрывшимся на бокъ домишкой Василия Зеленаго.

Рѣшительно и твердо постучался маленькій кулачокъ въ досчатую дверь.

— Эй, кто тамъ? — раздался грубый голосъ.

— Свои, отворяй, это я — Таня-пѣвунья. Андрей да старый Егоръ хорошо меня знаютъ, не чужая имъ...

Раздался хриплый кашель и стукъ отворяемой двери... Таня смѣло вошла... Но въ хатѣ было темно, ни зги не видно, и кто-то шарилъ, — очевидно огня искалъ... Вотъ слабо вспыхнула лучинка и зажглась сальная свѣчка. Передъ Таней-пѣвуньей стояла мощная звѣроподобная фигура Василя; его хитрые рысьи глазки внимательно осматривали ее. Подъ этимъ взглядомъ жутко стало Танѣ и она невольно оглянулась.

На широкой бѣленой печи, поджавъ ноги и скорчившись, сидѣла знакомая, хорошо знакомая фигура старика Егора. Онъ какъ будто больше еще обросъ сѣдыми космами волосъ, щеки его впали, носъ вытянулся и заострился, изъ-подъ нависшихъ бровей горѣли, какъ уголья, злые ястребиные глаза.

— Пришла, касатушка, приворожилъ! Наша цыганская ворожба крѣпкая... Сама бы не пришла, — вѣтеръ бы принесъ, — съ какимъ то радостнымъ зловѣщимъ смѣшкомъ приговаривалъ старый Егоръ. — А ты выйди, Васенька, выйди, милъ другъ, Василій, у насъ съ невестушкой свои счеты, — негоже тебѣ ихъ слушать.

Раздались тяжелые шаги, хлопнула дверь, и Таня осталась наединѣ съ Егоромъ. Съ тѣмъ же зловѣщимъ смѣшкомъ медленно сползалъ онъ съ печи... Таня уже оправилась отъ перваго жуткаго впечатлѣнія, она стояла спокойно, почти съ улыбкой, забывая хижину и страшнаго старика, отдаваясь своимъ золотымъ грезамъ, своимъ волшебнымъ утѣшительницамъ... Опять мелькали передъ ней дворцы, сады, возлюбленный...

— Не убить тебя, а истерзать надо на мелкіе клочья и слушать, какъ музыку, твои стоны. Проклятая, проклятая!..

Съ ругательствами старый Егоръ подползалъ къ Танѣ; маленькій гнутый ножикъ поблескивалъ въ его рукѣ... Раздался крикъ и жертва въ полной власти жестокаго убійцы извивалась на полу... Не щадилъ ее ста-

рый Егоръ. Припомнилъ онъ ей свою опозоренную старость, разбитую жизнь возлюбленного сына, всѣ ругательства враговъ и ту ночь, когда онъ ее проклялъ, когда поклялся мстить!

Тише и тише раздавались стоны и замолкли, а лужа крови расширялась, струйки разбѣгались по грязному полу къ блѣннымъ стѣнамъ...

Уже давно стучали въ дверь... а старый Егоръ въ упоеніи кровавой мести — не слышалъ ничего.

Ничтожная досчатая дверь съ трескомъ разломилась пополамъ и на порогъ, весь дрожа, блѣдный, запыхавшійся стоялъ Андрей... За нимъ виднѣлась рослая фигура Василія.

— Опоздали маленько, — соннымъ голосомъ проговорилъ Василій, — скорехонько онъ ее уничтожилъ.

А Андрей безумными глазами смотрѣлъ на клочья тѣла, кудрей, на кровавыя струйки...

Старикъ его обнялъ.

— Отомстили, — обѣщалъ я тебѣ, и отомстили!..

Но сынъ вырвался съ омерзениемъ изъ отцовскихъ объятій и, рыдая, опустился на колѣни передъ останками Тани-пѣвуньи.

XXIV

СВАДЬБА ВЪ КРѢПОСТИ

Раздался рѣзкій свистокъ уходящаго парохода и графъ Григорій вздрогнулъ и вышелъ изъ своего оцѣпенія.

Опять думы, молчаливое одиночество, сомнѣнія и муки....

Въ обычный часъ пришелъ сторожъ-финляндецъ со скудной пищей и, почти не глядя на узника, поставилъ пищу и молча вышелъ.

А вечеръ близился. Маленькій клочокъ неба, виднѣвшійся въ окно, становился все темнѣе и темнѣе.

Графъ Григорій уже пересталъ прислушиваться, пе-

ресталь ждать. Онъ бросился на свое жесткое ложе, положилъ руки за голову и лежалъ такъ безъ движенія, ни о чемъ больше не думая, ни на что не надѣясь.

Но вотъ усталыя вѣки его нервно дрогнули и закрылись. Спасительный сонъ тихо вѣялъ надъ нимъ своими воздушными крыльями. Въ сладкихъ грезѣхъ и въ чистыхъ, какъ горный хрусталь, видѣнїяхъ отдыхала больная душа узника.

Его не могли разбудить ни тяжелые шаги, раздавшіеся въ коридорѣ, ни ржавый скрипъ замка.

Тяжелая дверь распахнулась и на порогѣ въ необычное время показался комендантъ въ сопровожденіи сторожа.

— Проснитесь, совсѣмъ не время спать!

Графъ Григорій вскакиваетъ, протираетъ глаза; онъ еще не очнулся отъ своего сна и не можетъ уловить дѣйствительности.

— Проснитесь, — повторяетъ комендантъ, — вамъ надо приготовиться: сегодня ночью вы покидаете эту крѣпость и отправляетесь въ дальнїй путь — къ мѣсту вашей ссылки. А сейчасъ пожалуйста въ прїемную, — тамъ ждетъ васъ княгиня Ладова.

Графъ Григорій задрожалъ; могучая волна счастья прихлынула къ его сердцу... Уста его словно сомкнулись; онъ не могъ проронить ни одного звука... Шатаясь, какъ пьяный, спѣша и задыхаясь, пошелъ онъ за комендантомъ въ прїемную... Теперь ужъ не можетъ быть роковой ошибки: возлюбленная Настенька ждетъ его, какое счастье!

Вмѣстѣ съ комендантомъ графъ Григорій вошелъ въ прїемную.

Настенька бросилась ему навстрѣчу и крѣпко сжала его руки.

Комендантъ обратился къ ней почтительно и вѣжливо:

— Черезъ полчаса, княгиня, все, что вы просили, будетъ къ вашимъ услугамъ.

Комендантъ вышелъ. И вотъ послѣ томительной

разлуки они снова вмѣстѣ, Гриша и Настенька, снова на-единѣ!.. Опять отдыхаетъ душа графа Григорія, опять нѣжно, любовно ласкаютъ его дорогія ручки.

— Ты знаешь, зачѣмъ я пріѣхала? — склоняясь къ нему на плечо головой, говоритъ Настенька. — Я пріѣхала, чтобъ совсѣмъ забрать тебя, чтобы ты уже никогда не вырвался изъ моихъ рукъ. Я пріѣхала, чтобы сковать тебя брачными узами.

— Настенька... — только и можетъ сказать графъ Григорій, а волны счастья такъ и приливаютъ къ его сердцу; онъ захлебывается этимъ могучимъ счастьемъ.

А Настенька говоритъ и голосокъ ея звучитъ такъ нѣжно, такъ чудесно.

— Сейчасъ приготовятъ намъ все въ церкви и призвуть священника. Грустно немножко вѣнчаться въ крѣпости, но зато вѣдь потомъ никто насъ не разлучитъ. Гриша, посмотри на меня: развѣ ты не замѣчаешь, что я сняла свой трауръ и явилась къ тебѣ такая нарядная, вся въ бѣломъ. Ахъ, какъ долго тянутся эти минуты, не правда-ли, Гриша, когда мы такъ близко къ цѣли нашей жизни, нашего колоссальнаго терпѣнія уже не хватаетъ. Я, по крайней мѣрѣ, вся дрожу отъ нетерпѣнія...

Она заглянула ему въ глаза, и веселыя и милыя слова замерли на ея устахъ...

— Что съ тобой? — прошептала она со страхомъ.

Голова графа Григорія лежала на плечѣ невѣсты. Улыбка погасла на его устахъ и онъ судорожно трепетали. Двѣ круглыя слезы выкатились изъ глазъ и застыли на лицѣ. Словно въ глубокомъ отчаяніи онъ ломалъ свои худыя, блѣдныя руки.

— Гриша, Гриша, что съ тобой? — со страхомъ повторяла Настенька. — Возлюбленный мой, скажи мнѣ хоть одно слово.

Онъ вырвался изъ ея объятій и нервно заходилъ по пріемной.

— Ахъ, Настенька, Настенька, еще есть время одуматься, черезъ часъ уже будетъ поздно. Имѣю-ли я право воспользоваться твоимъ самоотверженіемъ? Смѣю-ли

тащить тебя за собою, тебя — великую и прекрасную, тебя — лучшую женщину въ мірѣ, на этотъ ужасъ, позоръ, на эту долгую жизнь лишений и мукъ? Теперь, подъ вліяніемъ самоотверженія, ты идешь на все это, а если „тамъ“ у тебя не хватитъ силъ, если ты расквѣешься? О, Настенька, возлюбленная моя, легче мнѣ вырвать свои глаза, чѣмъ отъ тебя отказаться, но я самъ тебя умоляю одуматься, пока не поздно!

Она слушала его молча, пристально глядя ему въ глаза; она дала ему высказаться. И когда онъ умолкъ, растерянный, дрожащій отъ волненія, съ невольными слезами на глазахъ, она подошла къ нему и, медленно опускаясь на колѣни, обвила руками его ноги.

— Ты ошибаешься, если видишь въ моемъ поступкѣ самоотверженіе, въ немъ — только роизмъ... Если-бъ я не была эгоисткой, я не поѣхала бы за тобой, а осталась бы здѣсь, у постели умирающаго отца, до послѣдней его минуты. Наконецъ, я посвятила бы свою жизнь, чтобы разыскать сестру, пропавшую безслѣдно. Но, Гриша, вся моя жизнь до сихъ поръ была самоотверженіемъ; теперь мнѣ счастья хочется, счастья для себя, того счастья, о которомъ мы мечтали всю нашу золотую юность... Ахъ, Гриша, не отталкивай меня и не заблуждайся, не представляй себѣ меня лучше, чѣмъ я есть. Я люблю тебя, все существо мое полно этой любовью, каждая капля моей крови проникнута ею...

Графъ Григорій стоялъ молча съ закрытыми глазами. Каждое слово ея запечатлѣвалось въ его мозгу, съ каждой фразой таяли сомнѣнія: сладкая нѣга словно окутывала все его существо и юность, золотая юность пробуждалась въ этомъ такъ мало жившемъ для себя сердцѣ...

Когда она умолкла, вся трепещущая, все еще прильнувъ къ его ногамъ, онъ тихо, осторожно, словно боясь рѣзкимъ движеніемъ нарушить очарованіе минуты, притянулъ ее къ себѣ на изстрадавшуюся грудь... прильнули другъ къ другу...

Этимъ объятіемъ они отдавались другъ другу передъ

лицомъ Господа, который Одинъ, Всевидящій, созерцалъ ихъ счастье... Въ этомъ объятіи забылось все прошлое, всѣ муки, невзгоды страданія и открывалась новая жизнь: тернистый путь, но кровавые уколы терніевъ покроетъ любовь своею могучей силой.

Полчаса пролетѣли и комендантъ возвратился.

— Все готово, княгиня, все какъ вы желали.

Комендантъ взглянулъ на нихъ и слова замерли на его устахъ, — такимъ неземнымъ, необычнымъ свѣтомъ проникнуты были ихъ взоры, счастье свѣтилось въ каждой черточкѣ ихъ лицъ.

Невѣста въ бѣломъ платьѣ объ руку съ блѣднымъ арестантомъ, легкой поступью, вся лучезарная, направилась за комендантомъ по длиннымъ сумрачнымъ тюремнымъ коридорамъ, черезъ маленькій дворикъ, въ крѣпостную церковь.

На порогѣ церкви ее встрѣтила жена коменданта съ бѣлыми цвѣтами въ рукахъ.

Дьячокъ протянулъ брачующимся нарядныя вѣнчальныя свѣчи.

Старый священникъ, въ бѣлой ризѣ, распахнулъ Царскія Врата и обрядъ вѣнчанія начался.

На вѣнчаніи присутствовала семья коменданта, стражники и сторожа.

И Настенька невольно вспомнила другую свадьбу...

Роскошная, родовая церковь князей Ладовыхъ, торжественный и блестящій съѣздъ именитыхъ гостей, стройный могучій хоръ пѣвчихъ, красавецъ-женихъ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ — и блѣдная, холодная невѣста, осыпанная цвѣтами и брилліантами. Все было тогда, все, кромѣ счастья. Какъ мертвы были ея уста, когда къ нимъ прикоснулись другія, горячія, съ первымъ поцѣлуемъ!.. Какимъ чужимъ, надтреснутымъ казался ея голосъ, — когда она произносила рѣшительное „да“!

А теперь... Тюремная церковь, любопытныя лица тюремной прислуги, блѣдный женихъ въ арестантскомъ ха-

латѣ, она сама въ простомъ бѣломъ туалетѣ безъ единого украшенія, и только нѣжный букетикъ бѣлыхъ цвѣтовъ на груди какъ будто ей ласково улыбается.

Нѣтъ пѣвчихъ, но старческій голосъ священника проникаетъ въ душу; ни одно его слово не забудется до самой смерти.

Какъ увѣренно и радостно прозвучало ихъ „да“, какъ благоговѣйно и свято соединились ихъ уста...

А впереди — жизнь, въ вѣчномъ изгнаніи, на чужбинѣ, среди лишеній, холода и неравной борьбы... И, несмотря на все это, — благодать Всевышняго надъ ними разсыпается вокругъ утѣшительные цвѣты счастья...

Обрядъ оконченъ... Комендантъ и немногочисленные свидѣтели поздравляютъ мужа и жену...

— А кто первый ступилъ ногой на коверъ? — съ шутилой лаской спрашиваетъ жена коменданта, — кто будетъ властвовать?..

Молодые переглядываются, растерянно улыбаясь: они и не замѣтили, кто ступилъ первый; не все-ли равно кто будетъ властвовать; они знаютъ, что будутъ счастливы.

Снова рука объ руку они возвращаются въ пріемную... Жена коменданта приготовила закуску и добрый старый медъ...

Но время летитъ... Близится полночь, близится часъ отправки ссыльнаго...

Его усаживаютъ въ тарантасъ, окруженный стражей...

Всѣ кругомъ желаютъ счастливаго пути, а молодая жена со слезами на глазахъ долго смотритъ ему вслѣдъ, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ и горячо молясь...

Пора ей отправляться слѣдомъ за возлюбленнымъ супругомъ.

Анастасія Ланская, вѣдь она уже потеряла всѣ титулы и привилегіи дворянства, съ трогательной благодарностью прощается съ семьей коменданта, со всѣми крѣпостными слугами и твердою поступью идетъ собираться въ далекій трудный путь...

ПОСЛѢДНЯЯ

Отправленіе въ Сибирь осужденныхъ декабристовъ началось въ самый день казни 13-го іюля.

Въ первомъ транспортѣ было отправлено 8 человекъ, приговоренныхъ въ каторжныя работы. Ихъ имена: Трубецкой, Оболенскій, А. Муравьевъ, Давыдовъ, Якубовичъ, Волконскій и двое Борисовыхъ.

Отправляли ихъ, закованныхъ въ желѣзныя цѣпи жандармами и фельдъегерями, — въ Иркутскъ, къ губернатору Цейдлеру.

И строгій царскій наказъ передали гонимы государевы губернатору: „въ работѣ съ преступниками не стѣсняться и ни въ чемъ не отличать ихъ отъ прочихъ каторжниковъ, — убійцъ и грабителей; чтобъ надзоръ надъ ними былъ строгій и неослабный; чтобъ ежемесячно отчетъ объ ихъ поведеніи и жизни посылался въ собственныя руки Его Величества“.

Въ Иркутскѣ несчастнымъ жилось сравнительно недурно: они помѣщались въ своихъ квартирахъ и ходили на свою тяжелую работу когда вздумается.

Но вотъ ихъ препроводили въ Нерчинскъ и настали плохія времена. Пожалуй вспомнили бѣдныя съ сожалѣніемъ о казематахъ въ Петропавловской крѣпости. Теперь они были посажены въ клѣтки въ два аршина длины и полтора ширины.

Ихъ выпускали изъ этихъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу и їду и снова запирали, тогда какъ обыкновенныхъ каторжниковъ послѣ работъ оставляли на свободѣ.

А работа была ужасная, подъ землей, вглубь болѣе чѣмъ на семьдесятъ саженой.

И послѣ тяжкихъ трудовъ они шли отдыхать въ грязныя душныя клѣтки, гдѣ едва можно было повернуться, гдѣ миллионы разныхъ насѣкомыхъ осыпали ихъ съ ногъ до головы и не давали покоя.

А тутъ еще грубая, грязная брань и даже удары начальства!

И въ эти тяжелые, мрачные дни, какъ яркій солнечный лучъ среди покрытаго свинцовыми тучами неба, засіяли безсмертнымъ сіяющимъ блескомъ русскія женщины.

Оставляя родныхъ, дѣтей, всѣ блага жизни, послѣдовали жены осужденныхъ за своими мужьями.

Императоръ Николай былъ сильно противъ такого самопожертвованія. Чтобы охладить высокій порывъ русскихъ женъ, онъ оказывалъ всѣ знаки вниманія и милости тѣмъ, которыя оставались, и лишалъ наравнѣ съ мужьями всѣхъ правъ и преимуществъ тѣхъ, которыя послѣдовали въ Сибирь. Особенно тяжело отзывалось запрещеніе брать съ собою даже малолѣтнихъ дѣтей, и несчастныя матери разрывали свое сердце пополамъ, проливая мучительныя кровавыя слезы, прощаясь съ дорогими малютками, но все-таки шли за громкимъ голосомъ высокаго долга.

И мало, очень мало было такихъ, которыя остались наслаждаться жизнью и всѣми ея благами, тогда какъ ихъ мужья изнемогали въ изгнаніи среди непосильнаго труда и лишеній.

Первыми ласточками, залетѣвшими въ суровыя сибирскія земли, были княгиня Трубецкая и Волконская.

Ихъ примѣру послѣдовали и многія другія жены ссыльныхъ декабристовъ.

Розенъ, Нарышкина, Давыдова, Анненкова, Ивашева, Фонвизина и многія еще раздѣляютъ славу Волконской и Трубецкой.

Эти самоотверженные жены могли видѣть своихъ мужей не иначе, какъ въ арестантскомъ платьѣ, въ присутствіи офицера и унтеръ-офицера и только два раза въ недѣлю; онѣ не смѣли отлучаться изъ деревни безъ разрѣшенія завѣдующаго тюрьмой... А между тѣмъ простымъ каторжникамъ, убійцамъ и грабителямъ, —

семейная жизнь не была запретнымъ плодомъ: по окончаніи работъ, они выходили изъ тюрьмы, навѣщали свои семьи и занимались своими собственными дѣлами.

Дѣти, рожденныя въ Сибири, осужденны были на всѣ лишенія и немилости, которымъ подверглись ихъ родные.

Давно уже всѣ эти самоотверженныя женщины сошли въ могилу, но подвигъ ихъ не забывается и не забудется никогда... Всѣхъ женщинъ своей націи, великой русской націи, онѣ одарили гордымъ сіяющимъ ореоломъ. И не забудется ихъ жизнь въ далекой Сибири, полная мужества, твердости, самоотверженія и безграничной любви.

И не забудется русскими трогательная, великая по сюжету, поэма Некрасова, воспѣвшая подвигъ русскихъ женщинъ.

Государственный преступникъ Григорій Ланской, принадлежавшій къ „Сѣверному обществу“, осужденъ былъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ принадлежности къ тайному обществу, въ знаніи цѣли объ ограниченіи самодержавной власти и въ знаніи приготовленій къ мятежу въ 1825 г. — приговоромъ верховнаго уголовного суда былъ отнесенъ къ 8-му разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ позорному лишенію чиновъ и дворянства исылкѣ на вѣчное поселеніе.

Указомъ, объявленнымъ правительствующему сенату, онъ оставленъ на поселеніи на 20 лѣтъ.

Первоначально Ланской былъ сосланъ въ Иркутскъ, но оставался тамъ недолго, слишкомъ вліятельны были его родственники и сумѣли добиться Высочайшаго разрѣшенія на переѣздъ его на поселеніе въ Минусинскъ.

Долгіе годы пробылъ графъ Григорій и Минусинскѣ и уже подъ конецъ своей ссылки былъ переведенъ въ Тобольскъ.

Неизмѣнно повсюду слѣдовала за нимъ его супруга, раздѣляя съ нимъ нужду и лишеніе... Дѣтьми Господь ихъ не благословилъ.

Медленно тянулись тяжелые годы, но наконец на сумрачном небѣ блеснулъ лучъ свѣта: могущественная тетка сумѣла выхлопотать своему племяннику полное прощенье и Григорію Ланскому съ супругой были возвращены права дворянства и разрѣшено было жить до конца дней въ родовомъ имѣніи.

Много перемѣнъ нашли они, возвратясь... Старикъ Радомскій уже давно былъ въ могилѣ... Попыталась Настенька узнать что-нибудь о своей сестрѣ-цыганкѣ, но та пропала безслѣдно и никто изъ княжей челяди не видѣлъ ее и не зналъ о ней ничего.

Умерла и старая княгиня Ладова, а всѣ ея приживалки разсыпались по бѣлу свѣту.

Тихо и одиноко доживали свою жизнь супруги Ланскіе, вдали отъ шума столицы, среди могучихъ русскихъ степей.

Постепенно возвращались изъ ссылки и другіе декабристы, — но многіе нашли свою могилу въ далекой и холодной Сибири.

Въ суровыя „Николаевскія“ времена притихли и заглохли либеральныя идеи о равенствѣ, братствѣ и свободѣ. И затлѣла искра, зажженная „Союзомъ Благоденствія“.

Происшествія 14 декабря и страшная развязка ихъ, — бросили невѣрную мрачную окраску на тайныя общества и до сихъ поръ еще безпристрастная исторія не коснулась ихъ своей рукой... Общественное движеніе, созрѣвшее подъ крыломъ „Союза Благоденствія“, несмотря ни на что, сыграло свою роль: оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаниіи.

Они исчезли съ лица земли, — декабристы.

Пять изъ нихъ погибли позорной смертію на висѣлицахъ, смертію достойною убійцъ и грабителей.

Грубая сила вытерла изъ общества цѣлую группу одухотворенныхъ высшими цѣлями людей, но идеалы

ихъ остались, они проникли въ кровь и мозгъ мыслящей Россіи, и они продолжали развиваться и расти.

Съ наружной стороны общественная жизнь пошла къ реакціи. Строгая опека наложила руку на историческое движеніе — но не остановила внутренней работы мысли, не уничтожила тайное сочувствіе. Идеалы далекаго былого сохранили свою жизнь, тлѣвшую подъ пепломъ. Многимъ возвратившимся изъ далекой Сибири декабристамъ пришлось увидѣть воочию, что исполнились отчасти тѣ желанія, которыя питали ихъ молодые души, ради которыхъ погубили они свою жизнь... Въдѣ пи рабства разсыпались во прахъ и не было уже бѣлыхъ рабовъ на Великой Руси...

Тихими шагами и судъ шелъ къ улучшенію, къ правдѣ. Скромно проглянули ростки свободы печатнаго слова. Началось возникновеніе и земской самодѣтельности... И если декабристы ввиду своей немногочисленности, недостатка опыта, нѣкоторой фантастичности идей, залетавшихъ слишкомъ высоко за облака, и забывавшихъ историческую постепенность — не сумѣли практически осуществить свои стремленія, — но зато они подготовили будущее.

Между ними были люди все сытые, довольные, съ устроенной судьбой, кажется — живи и наслаждайся, — а между тѣмъ ихъ свѣтлые глаза обратились къ нуждамъ народа, ихъ тонкій слухъ уловилъ глухіе стоны многомилліонныхъ рабовъ и не могли они жить спокойно и наслаждаться благами, брошенными имъ случайностью рожденія въ высшихъ сферахъ. Они искали средствъ къ общественному преобразованію, они старались бороться тихими мѣрами съ утнетеніями правительства и, когда поняли всю бесплодность такой медленной борьбы, то храброй горсточкой ринулись на бой, неравный бой, ранѣе осужденный на пораженіе...

И немного было среди нихъ мечтателей, ожидавшихъ практической побѣды, большинство понимало, что своимъ мужествомъ и тяжелыми испытаніями, своими будущими муками, — дадутъ примѣръ искренняго убѣжденія.

Рылѣвъ говорилъ передъ роковымъ возстаніемъ 14 декабря:

„Да, надежды на успѣхъ мало, а начинать все-таки — надо. Начало и примѣръ не замедлятъ принести результаты... Мы обречены на гибель, но умирать за идею свободы, во имя спасенія многомилліоннаго народа отъ тираніи и рабства, во имя братскаго равенства, — да, такъ умирать не трудно, это высшее счастье, это лучшая смерть!..“

*Не говорите намъ, что молодость мы губимъ,
Что невозможно добиться мы хотимъ, —
Сильнѣ васъ народъ родной свой любимъ,
Хотя и до сихъ поръ непоняты мы имъ;
А, не понявъ, зоветъ онъ насъ врагами
Отъизны дорогой и, удивясь, смѣется,
Что мы не сдѣлались холодными рабами,
И что у насъ свободно сердце бьется! —
Убьете только тѣло, — духъ-же не убить!
Прольется много крови съ виною и невинной, —
Но дѣло всякое безъ жертвъ не можетъ быть;
Потерпимъ, если срокъ страданій будетъ длинный!
И на землѣ Христосъ изъ Духа воплотился,
Свободу проповѣдывалъ и равенству угилъ,
Терпѣлъ, страдалъ и за враговъ молился,
И за кого страдалъ, то тѣмъ распятъ былъ!
А тѣхъ, кто исповѣдывалъ ученіе Его,
Какъ страшно мучили, терзали!
Страдальцы-же держали знамя высоко,
А ихъ страданьями мы христіане стали!..*

Конецъ.

По примѣру предыдущихъ лѣтъ постояннымъ нашимъ читателямъ цѣнная премія.

Несмотря на крайнюю дешевизну нашихъ изданій, постояннымъ нашимъ читателямъ и подписчикамъ и въ этомъ году будетъ выдана бесплатная премія, роскошно изданный и содержательный трудъ извѣстныхъ сексуаль-патологовъ:

**Куртъ Морекъ, Отто Сойна
и докторъ Альфредъ Киндъ**

ТЕХНИКА СЛАДОСТРАСТІЯ

Книга эта, изданная въ Германіи, а нынѣ переведенная на рядъ языковъ, является единственнымъ въ своемъ родѣ по полнотѣ трудомъ, превосходя по научной обоснованности и доступности изложенія труды *Ванъ де Вельде*.

Означенный трудъ несомнѣнно явится настольной книгой для всякаго, живущаго сексуальной жизнью и пытающагося познать ее въ самыхъ сокровенныхъ формахъ и проявленіяхъ.

Изданіе наше явится единственнымъ въ своемъ родѣ и будетъ содержать множество иллюстрацій въ текстѣ, а также многокрасочныхъ приложений, отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ лучшаго качества, и явится однотипнымъ съ нѣмецкимъ роскошнымъ изданіемъ.

Цѣна этой книги устанавливается примѣрно въ
6 — 8 латъ

Каждый читатель, предъявившій всѣ купоны отъ

№ 1 по № 24

напечатанные въ нашей серіи „Библиотека новѣйшей литературы“

ОТЪ № 97 по 120

получаетъ эту книгу *бесплатно*.

Собирайте наши купоны для полученія премій. Въ каждой книгѣ одинъ купонъ.

Цѣль нашихъ премій возбудить интересъ къ хорошей книгѣ.

Преміи выдаются въ конторѣ нашего издательства, а также и у нашихъ иногороднихъ и иностранныхъ представителей.

Ежемесячно выходятъ 2 книги — 5-го и 20-го числа.

КУПОНЪ

для полученія преміи за 1931
абонементный годъ

№ 11

Къ роману кн. О Бебутовой
„Борьба двухъ міровъ“, кн. II.

См. наши преміи на предыдущей страницѣ